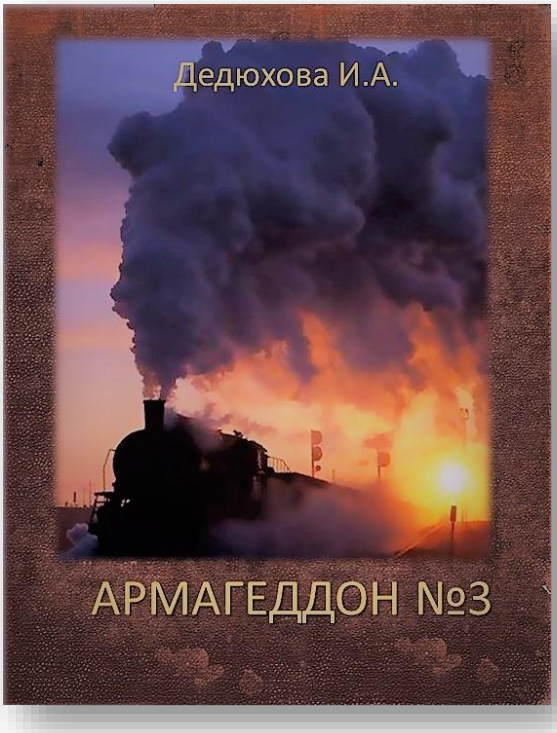
©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Ирина Анатольевна Дедюхова

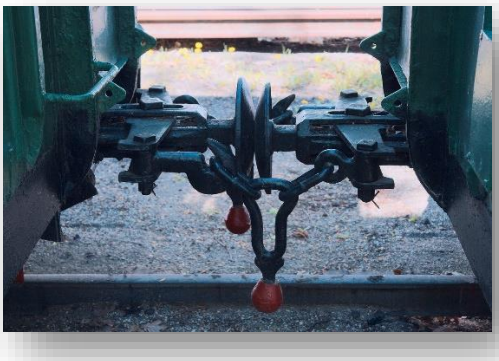
АРМАГЕДДОН N 3

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ *Стр. 3*
2. В ДОРОГУ! *Стр. 8*
3. ФЛИК *Стр. 13*
4. ВСТРЕЧА *Стр. 17*
5. ПИСЬМО *Стр. 22*
6. КИРЮША *Стр. 26*
7. ОТХОДНЯК *Стр. 33*
8. БЕГИ, ВАСЬКА, БЕГИ!.. *Стр. 37*
9. ПОСАДКА *Стр. 45*
10. В ГЛУХОМ КРАЮ ЧУЖБИНЫ ДАЛЬНЕЙ *Стр. 51*
11 МОГИЛЬЩИК *Стр. 61*
12. ФАКЕЛЬЩИК *Стр. 69*
13. ОГОНЬ, ВОДА И МЕДНЫЕ ТРУБЫ *Стр. 77*
14. СОРАТНИКИ *Стр. 88*
15. БОЕЦ *Стр. 98*

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

16. РЕВИЗИЯ *Стр. 118*
17. ПОЭТИЧЕСКИЙ НАКАЛ *Стр. 131*
18. НА КОМ РОССИЯ ДЕРЖИТСЯ *Стр. 147*
19. ПОЕЗДА — ХОРОШО! *Стр. 159*
20. О ДРАГУНАХ И ПРАЧКАХ *Стр. 170*
21. БАРСЕТКА *Стр. 181*
22. ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАРКА *Стр. 193*
23. МЫ ПРОСТИМСЯ НА МОСТУ… *Стр. 201*
24. РОДИМЫЕ ПЯТНА СОЦИАЛИЗМА *Стр. 220*
25. ПРО КОБЫЛУ РОЗОЧКУ *Стр. 236*
26. Я СВОЮ НАТАЛИЮ УЗНАЮ ПО ТАЛИИ *Стр. 244*
27. НА КОЙ ПРОКУРОРШАМ МУЖИКИ *Стр. 257*
28. БЫЛ БОЕЦ И НЕТ БОЙЦА *Стр. 266*
29. В СОМКНУТОМ СТРОЮ *Стр. 272*
30. ЧУДО *Стр. 285*
31. КИРЮШИН ВЫБОР *Стр. 290*
32. ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА *Стр. 299*
33. В ОБЪЯТИЯХ ТЬМЫ *Стр. 305*
34. КАМЛАНИЕ *Стр. 313*
35. В КОМ ЕЩЕ ЖИВА ДУША *Стр. 320*
36. НОСКИ *Стр. 329*
37. РАЗГОВОРЧИКИ В СТРОЮ *Стр. 336*
38. УДЕРЖИСЬ В СЕДЛЕ! *Стр. 342*
39. СЛЕЗИНКА *Стр. 351*
40. СЮРПРИЗ *Стр. 366*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

ВЫПИСКА
из П Р И К А З А N 0039 от 29/V-43 года.

1. *С целью освоения месторождения полиметаллических руд обязать начлага Циферблатова в недельный срок наметить конкретный пункт создания ОЛП N 45 для строительства железнодорожной ветки к Подтелкинскому месторождению.*

2. *Обеспечить в кратчайший срок жилстроительство и прочие хозяйственные мероприятия, связанные с устройством ОЛП N45, как то: постройка хлебопекарнь, бараков, бань, вошебоек и прачешных.*

3. *Обязать к 5 июня закончить вывозку со строительства вторых путей Забайкальской железной дороги 247 человек; со строительства Горно-Шорской железной дороги 251 человек; со строительства Чуйского и Усинского трактов 61 человек заключенных, намеченных к пересылке. Со строительства железной дороги Волочаевка-Комсомольск, добычи угля на рудниках «Артем» и «Райчиха» вторым этапом расселить в намеченной точке всех заключенных, намеченных к пересылке, согласно списков лагерных комендатур.*

4. *Силами местного населения обеспечить выпечку хлеба для полного снабжения продпайком заключенных ОЛП N45 вплоть до строительства лагерной пекарни, организовать выпечку хлеба в с. Подтелкино.*

5. *Начлагу т. Циферблатову в недельный срок дать Сиблагу срочную заявку о немедленной отгрузке до станции Подтелкино потребного количества стройинструментов, материалов и кухонного инвентаря.*

6. *Начлагу т. Циферблатову в десятидневный срок сформировать комендатуру Отдельного лагерного пункта N 45 (ОЛП N) из штрафников ВОХРа и принять самые решительные мерык установлению строжайшей дисциплины среди военизированной охраны, пресекая грубое обращение и нанесение побоев со стороны охраны заключенным. Одновременно с этим провести работу с руководящим составом о недопустимости панибратских взаимоотношений охраны с заключенными.*

* * *

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— «Бюро Васютинского РК ВКП(б)… Заявление старшины ВОХРа товарища Поройкова о грубом отношении начлага товарища Циферблатова, капитана внутренней службы… и тэдэ… к заключенным и тэпэ», — глумливо прочел начлаг оглавление заявления, которое Поройков писал всю ночь. Мельком глянув на сидевшего напротив него мрачного Поройкова, капитан Циферблатов процедил сквозь зубы:

— Ну чо, Поройков? Чо молчишь-то? На партсобраниях так он соловушкой разливается! «На комара» я, видите ли, поставил кого-то… не того. Он ведь лучше меня знает, кого мне «на комара» ставить, а кого за ноги подвешивать. Откуда только ты взялся на мою голову? Такой весь из себя… партийный!

Старшина Поройков продолжал молча изучать выцветший плакат с предвоенными показателями лагеря. Плакат третий год висел под портретом Сталина прямо за сгорбленной спиной начлага и осточертел Поройкову еще до войны. По состоянию на 1-е января 1941 года для контингента в лагере располагалось 16 жилых бараков для размещения заключенных, вместимостью 300 человек; пищеблоком на 2500 человек; баней с пропускной способностью 25 человек в час; больницей на 50 коек; домами для размещения административно-технического персонала из числа вольнонаемных и рядом административных учреждений, в одном из которых Поройкову второй час полоскал мозги товарищ по партии Циферблатов.

Возле чернильницы-непроливашки, нежно обнимаемой здоровым деревянным медведем, резко зазвонил телефон. С явным недовольством Циферблатов перевел взгляд с Поройкова на портрет трех источников, трех составных частей, висевший в простенке между распахнутыми за спиной старшины окнами. Тяжело вздохнув, комендант поднес эбонитовую трубку к уху.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Поройков тоже вздохнул. Справедливо полагая, что на Циферблатова кто-то опять наорет по телефону в свете его партийного выступления, он с тоской подумал, что может прокантоваться здесь до самого вечера. А Пальма так и будет сидеть в сарайке, не кормленная с утра. И от чужого Пальма ни за что жрачку не возьмет. Так и будет сидеть, сидеть. Потом ляжет и будет ждать его… Ждать. Воды в поилке у нее было мало, вода с утра уже была теплая, со слюнями и крошками перловой каши. Дерьмо, а не вода. А он будет сидеть у коменданта, и слушать эту херню. До ночи. А может и вообще всю ночь…

— Питали мы их по нормам, товарищ Восьмичастный! Так им скажите! — раздраженно крикнул в трубку Циферблатов, с нескрываемой ненавистью взглянув на Поройкова поверх очков. — Хлеб, рыба, вода и крупа. Все по нормам! А у этой публики вообще такая практика. Когда их спрашивают, что они получали в дороге, так они ведь всегда врут, будто им в дороге ничего не давали. Мы их как принимали по количеству из вагонов, так и сдали в Александро-Ваховскую, потому что у каждого 20 фамилий. Делаем перекличку по этапным спискам, а такой фамилии нет. Составляем другие списки, так они приходят в комендатуру уже с новыми фамилиями. Им в вагонах делать не хер, они в карты режутся и фамилии себе придумывают. Ленинградские партии всегда имеют дела-формуляры, с питерцами всегда полный порядок. А с Московскими говнюками — ни одной фамилии правильной никогда не было. Даже акта при побеге составить нельзя, фамилия-то бегунца неизвестна. Вот и отдал приказ по законам военного времени — стрелять эту бесфамильную заразу, как в фортку сунутся. Мы эту срань в Александро-Вахово принимали не по фамилиям, а по головам, по количеству. Так и сдали. А уж кого — пускай тамошняя комендатура разбирается. Чего они к нам-то цепляются? Сейчас всех собак на нас повесят!

Трубка что-то пробубнила на гневную речь Циферблатова, продолжавшего буровить Поройкова взглядом, не предвещавшим ничего хорошего. От резкого солнечного света, бившего в распахнутые окна комендатуры, глаза Циферблатова казались совершенно желтыми. Поройков зябко повел плечами и в который раз принялся сосредоточенно изучать показатели удобств для размещаемого контингента.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Получил я уже выписку из приказа, товарищ Восьмичастный! Вопрос о подготовке ОЛП N45 поставлен в приказе во всей широте. Так что не волнуйтесь, к зиме все будет готово, — упокоил трубку Циферблатов. — Да-да! Поройков его фамилия! Здесь он, у меня сидит. Я тоже так думаю, товарищ Восьмичастный. Пускай проявит организаторские способности, раз такой смышленый. Землянки и утепленные шалаши к сентябрю будут готовы. Инженеров отконвоируем с Сорского молибденового комбината со статьями 54-1а, 10 и 11 украинского УК, дополнительно всю нашу статью 58-10 выберем… У меня еще эстонцев и немцев много, мне столько не надо. Вот пускай и развиваются националистически на свежем воздухе, правда? Конечно, товарищ Восьмичастный! Вам так же!

Циферблатов аккуратно положил трубку на аппарат и вытер вспотевшую лысину большим носовиком, вышитым гладью арестантками БУРа — барака усиленного режима. С тяжелыми мыслями Поройков ждал решения своей участи. Дернуло же его о систематическом избиении контингента вопрос на партактиве поднять… Из-за мамки ведь поднял. Мать-то шибко верующая всю дорогу была, хотя саму столько жизнь била, что давно можно было во всем разувериться. Все за бога цепляется, глупая баба, а чем он ей помог? В каждом письме просит никого не бить, пожалеть судьбою обиженных… Дура.

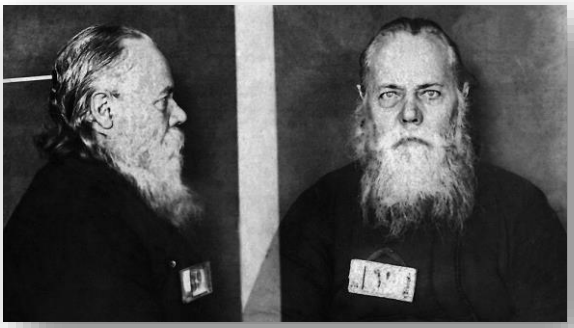
— Дернуло же тебя, Поройков, об этих зэках вопрос на партактиве поднять! — зло откликнулся на его мысли Циферблатов. — Чуть ведь не испортил мне все! А если бы я выложил загашники, которые на тебя собрал? Чистеньким решил в ВОХРе служить? Да я давно бы тебя в штрафбат отправил, но у нас некомплект стрелкового состава 34 человека. Только потому и терплю все твои родимые пятна капитализма. Со скрипом терплю! А если бы я на партактиве вот этим козырнул? Что вылупился? Не ожидал?

Поройков действительно не ожидал увидеть в руках Циферблатова это письмо. Письмо пожелтело, края измахрились. Чувствуется, Циферблатов давно таскал его в кармане гимнастерки. «Что же ты, Мария Спиридоновна? — тоскливо подумал Поройков о почтальонше, всегда казавшейся ему такой

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

порядочной. — Что же ты продала-то меня, как падла? Как же теперь эти попы будут письма своим попёнкам слать?»

— Тебя не почтальонка продала, не боись, — со смешком перебил его невеселые размышления комендант. — В Мариинске на сортировке вашу цидулку выудили. Все знают, что наш контингент лишен переписки на три года! Кому здесь в Москву-то писать, сам подумай башкой. Чукчам или корякам? Они, поди, и писать-то не умеют. От штрафбата твою поганую шкуру, дорогой партийный товарищ Поройков, спасло только то обстоятельство, что все, кто поповское письмо читал, с хохоту животики надорвали. Насмешили вы всех с этим исусиком до колик!

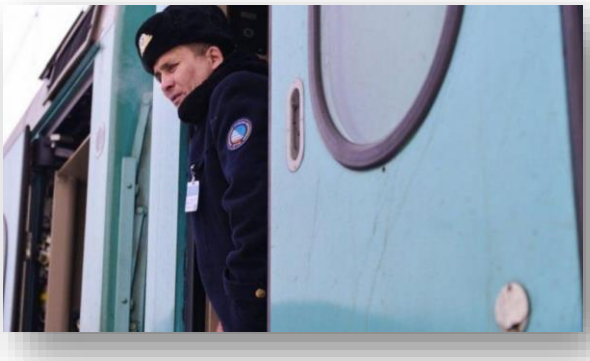

«Дорогие мои, любимые Таня и крошки мои Боренька, Ляленька, Танюша и Алик! Истерзался душевной болью, не имея от вас никаких известий. Измучился и утомился тревогой о вас. Сейчас работаю физически, тяну копер среди удивительно красивого леса. Свистят красногрудые птички, щелкают соловьи, много замечательно красивых цветов. Тоска моя растет о вас, любимые, очень тоскую и без дорогого для меня дела. Не знаю, увижу ли тебя, Таня, будет ли это счастье. Сменяется здесь погода часто: то жаркий весенний день, то снежная буря. Третьего дня целый день шел снег, разводили костер, а птички грелись вместе с нами у него и садились к нам на руки. Сегодня я видел черного, похожего на ласку зверька, появились большие желтые бабочки и махаоны. Еще хочу тебя, Таня, успокоить. Кормят здесь на удивление вкусно и питательно. Каши замечательные, супы и даже макароны с тушенкой. Родимые, дорогие мои, многое бы я дал, чтобы хоть один раз взглянуть на вас. Живу надеждой свидеться с вами. Всем передавайте мой привет и мою любовь. Горячую благодарность мою передай Марье Христиановне. Храни вас Господь. Твой С. С. Привет твоей маме».

— Из-за этого письма, Поройков, надо мною даже в Новосибирске теперь смеются, — почти добродушно заметил Циферблатов, растирая виски. — На совещаниях комендантов так и спрашивают: «Вы тот самый Циферблатов, который попов макаронами кормит? Ну, и дальновидный же ты хмырь, Циферблатов!» Все ржут. Весело всем… Знали бы, с какими идиотами в ВОХРе здесь веселиться приходится… Короче, вали-ка ты, поповский обожатель, в Подтелкино! Сам ведь, вроде, из тех мест будешь? Вот и вали в ОЛП N45 с подконвойными… Нам здесь вдвоем не ужиться, Поройков. Суку свою забирай и вали. Давай-давай! На сборы — два часа! В дорогу!

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

В ДОРОГУ!

— Товарищ Циферблатов! Не могу я… И вообще не положено… без напарника… До Владивостока еще, — ныл мужик неопределенного возраста и ничем не примечательной наружности в форме проводника Российских железных дорог. Ныл он, похоже, уже давно, поэтому сидевший напротив него плотный жизнерадостный начальник смены начинал терять терпение.

— И кто туды поедет-то — из Калининграда во Владивосток? На кой хрен туды ехать кому-то, да еще в прицепном вагоне? После начала отопительного сезона, а? В этом Приморье ведь опять, поди, нет ни тепла, ни электричества… Нет, не могу я, товарищ Циферблатов! Опять без премии в пустом вагоне тащиться, — бубнил проводник, тиская фуражку.

— А вот здесь ты не прав, Петрович. Одно купе уже продано. Два пассажира едут, но взяли целое купе, просили никого не подсаживать.

— Опять двадцать пять! Они же точно педики! И зачем им только билеты продают! — взвыл Петрович.

— Тебе чего, Петрович, завидно? Может, люди культурно ездить любят! Без всяких рож, вроде твоей!

— Кто культурно любит, тот «Аэрофлотом» летает, а не пилит в прицепном вагоне через всю страну!

— А мне вообще фиолетово… эти твои рассуждения! Поедешь — и все дела! Привык он, понимаешь, через Мамоново по всей Польше кататься! Не все коту масленица. Слышал такую поговорку? Одно купе у тебя уже есть, и сколько еще у нас купе в вагоне, мы с тобой, Петрович, хорошо знаем. Вагон будем цеплять к маршрутам, пользующимся спросом у нашего с тобой, Петрович, населения. Бригадиры тебя, зараза, проверять будут, я по линии передам. Прикинь, какую денежку за один рейс нагребешь, чудак-человек! Потом на польской железке королем прокатишься! Не забудь — сорок процентов! На Горьковской дороге давно уже пятьдесят пять и два бригадиру! С тобой как с человеком говорю, гамадрил! Собирай манатки и брысь в вагон! Я еще разберусь, почему это ты вдруг «не можешь»!

— А чо сразу орать-то?

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Сразу? Я время засекал! Ты мне тридцать семь минут мозги компостируешь! Если мне все так начнут, у меня от мозгов хрен сушеный останется! — заорал Циферблатов.

Проводник, продолжая вертеть в руках фуражку, безучастно изучал глянцевый рекламный плакат Калининградской железки, висевший за спиной начальника смены, наискосок от портрета гаранта Конституции. Все эти областные дырки и полустанки были изъезжены Петровичем до кровавых мозолей. Черняховск, до 1946 года Инстербург… С остатками двух замков XIV века… И никто ведь не спросит, что у него, может, дома Кирюша сидит второй день не кормленный. Ничего не меняется, всем с прибором на личные проблемы поездного состава. Светлогорск, до 1946 года Раушен… Климатический и бальнеогрязевой курорт федерального значения… Уникальная дендрариумная коллекция… Зимой-то, конечно, повсюду хреново, даже в бывшей Европе. Но тащиться отсюда во Владивосток… Может, сразу в Ладушкин рвануть, до 1946 года Людвигсорт, с крупнейшей психиатрической лечебницей бывшей Восточной Пруссии? Или у него уже шиза на роже нарисована, что его так послать можно? Главное, легко! Катись-ка, Петрович, отсель… хоть во Владивосток!

— Петрович, мне с начальником службы управления персоналом Вербицким срочно на курсы ехать надо, менеджмент по кадрам изучать, — на тон ниже, почти просительно сказал проводнику Циферблатов. — Опять последние мозги засрут «психологической мотивацией»… Слухи ходят, что начальника службы перевозок Чернышова на повышение двинут, а меня на его место прочат. Так что, Петрович, выручишь, я тебя тоже не забуду. Хотя с такими кадрами, как ты… Пистолеты выдавать надо! Тогда у вас хоть какая-то мотивация будет, хоть какой-то начнется менеджмент…

Циферблатов резко прервал свою программную речь прямо на полуслове и уставился в окно. На перроне возле вагонов разгоралась толкучка и суета. Все было, как обычно, приподниматься зад и пристально рассматривать было абсолютно нечего. Со второго пути отходил состав «Калининград—Киев». Ну, припозднилась бригада чуток, подала вагончики к перрончику за семь минут до отправления. Не нарочно это и сделали, но насколько же смешно было наблюдать, как бешено, распихивая друг друга локтями, от вагона к вагону

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

носились вспаренные хохлы. Вообще, хохлы всегда такие — горластые, наглые, развязные, им хоть за двадцать минут состав подай — такое перед отправлением устроят, что таких и в самом деле только с пистолетом надо по местам рассаживать. Возле восьмого вагона с флажком вальяжно нарисовался давний приятель Петровича — Ленька Тельнов. Вот кому везло, так это Леньке! Третий год он катался с самыми отвязными бабами участка в одной бригаде. Понятно, что Ленькина морда заранее лучилась радостью встречи с новыми людьми. Взмыленные пассажиры, глядя на него, глупо радовались чему-то, наверно полагая, что Леньке начальство приказало им теперь так улыбаться в рамках менеджмента по кадрам. Человеку всегда верится в лучшее. И Петрович с ехидцей представил себе, как Ленька еще в санитарной зоне по старой привычке закозлит титан, туалеты так и не отопрет, а сам засядет играть в карты на раздевание с напарницей Наташкой Плотниковой. Добро пожаловать в ОАО РЖД!

Сколько Петрович не просил по старой дружбе Циферблатова послать его в нормальный рейс, в смысле, с нормальными бабами — так от него дождешься, как же! Так пошлет, как сейчас послал. А много ли он хотел в жизни? Сущие пустяки! Сделать петельку по Балтийской Косе от Рябиновки до Чкаловска с нормальной веселой бабой без предрассудков и комплексов… Вона, как самого-то начальничка какую-то на пассажирку растащило! Мог бы хоть раз войти в положение.

Циферблатов даже привстал с места, вылупившись на молодую бабу, слонявшуюся по перрону. Странно, но она шла навстречу толпе от головы состава. Лицо Циферблатова покрылось багровыми пятнами, заострившийся нос стал похож на клюв, а глаза засветились желтоватым светом. Такую мощную стойку товарищ Циферблатов не делал даже на Стеллу Леопольдовну из второй кассы дальнего следования, с которой, по слухам, у него было много чего из общего.

Перрон бурлил последней, судорожной волной посадки. Людской поток вертел и швырял женщину из стороны в сторону, и на ее лице уже было написано отчаяние, будто она собиралась заплакать. Никаких вещей при себе у нее не было. На женщине была надета расстегнутая короткая дубленка с откинутым капюшоном. Из остальной одежки Петрович с интересом отметил на гражданке черные брюки и такой же черный, немаркий свитерок. Она растерянно осматривалась, оглядывалась вокруг, и взгляд ее испуганно скользил по лицам людей, по тележкам носильщиков… Она будто никак не могла ни на чем остановиться этим своим потерянным взглядом.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Перед большим окном начальника смены Циферблатова пассажирка остановилась так неожиданно, что тот в испуге отпрянул от окна. С печалью осеннего увядания Петрович отметил, что у стройного когда-то Циферблатова уже начинает расти горб. Как говорится, все там будем, а вот, подишь ты, все еще на молоденьких тянет.

С недоумением гражданка вглядывалась в свое собственное отражение в тонированном стекле окна, прикоснулась к светлым, до белизны протравленным кудряшкам, левой рукой осторожно потрогала грудь, обтянутую свитером, а правой вдруг вытащила из кармана паспорт.

Такого изумления, с каким гражданка вглядывалась в собственный паспорт ни Циферблатов, ни Петрович не видели, даже когда снимали с рейсов из Прибалтики вусмерть пьяных латышей. Почему-то, как латыши напьются, так им обязательно ехать куда-то надо, но как только проспятся и обнаружат себя в Калининграде, так права качать начинают! Матерятся, главное, поголовно все по-русски! Руками машут, слюной брызгают! Опять их мигранты-оккупанты зверски напоили и разлучили с Отчизной! Ага, воронку им вставляли! Насильно в литовскую железку впихивали… Вот литовцы — те просто молодцы! И пьют на свои, и еще дома сидят при этом!

В раздумьях о странностях психологической мотивации поведения на железнодорожном транспорте народов Прибалтики Петрович машинально наблюдал, как белобрысая девица скрупулезно сравнивает свое отражение с фоткой. Для пущей уверенности она ущипнула себя за пухлую розовую щечку и тут же сморщилась от боли. С типичной бабской мотивацией, не поддающейся никакому разумному менеджменту, девушка в отчаянии всхлипнула и, безвольно понурившись, медленно побрела к главному входу в здание вокзала. Петрович мысленно представил, что там за фотку могли налепить в паспорт этой дурочке завистливые суки из паспортного стола.

В нахлынувших воспоминаниях о различных суках, встреченных по долгу службы в поездах дальнего следования, проводник не сразу заметил еще более странную психологическую мотивацию начальника смены. Цифербатов пристально глядел гражданке вслед, что дня него было не характерно. Балагур и матерщинник, он обязательно должен был хоть что-нибудь сказать о ней, хотя

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

бы о ногах или фигуре вообще. Петрович-то смотрел просто так, за компанию. А ведь Циферблатов даже привстал со стула и к окну подскочил, чтобы лучше ее рассмотреть. И, что удивительно, промолчал.

Гражданка за окном все брела и брела, шаркая ногами, цепляя каблуками швы между тротуарными плитами. Абсолютно в ней нечего было рассматривать, особенно сзади. И Петрович удивился про себя тому, как внезапно помрачнел товарищ Циферблатов, а на его всегда самодовольной и безмятежной физиономии впервые появилась глубокая озабоченность. Он быстро отыскал на столе среди бумаг телефонную книжку и, не поднимая глаз, сказал усталым осевшим голосом подчиненному:

— Давай, Петрович, не выё…ся, принимай вагон и вали туда, куда пошлет партия! Появится напарник — пришлю хоть на вертолете! Не будет — так перетопчешься, не впервой! Чо ты целку-то из себя корчишь?

Проводник только вздохнул. Он встал, надел фуражку и без слов направился к выходу. Когда товарищ Циферблатов, под чутким руководством которого он работал уже восемнадцатый год, вспоминал про целок, полемика с ним представлялась бессмысленной. Тем более что Циферблатов уже просил соединить его по телефону с каким-то господином Восьмичастным.

Ну, так. На Владивосток составы всегда через Москву идут. В принципе можно Кирюшу будет московским перекупщикам толкнуть. Четверть цены сразу придется скинуть. А что теперь делать? Ох, Кирюша, милый Кирюшенька… Никакого выхода товарищ Циферблатов не оставил. Нету у него такой психологической мотивации с развитого социализма. В принципе, мыши для Кирюши на одну ночь до Москвы у Петровича были в наличии, хотя в рейс можно было бы взять еще.

Выйдя в коридор, Петрович сунулся было к телефону в диспетчерской: не козел же он с родного телефона по межгороду перекупщикам звонить. Он поднял трубку, но телефон был запараллелен на товарища Циферблатова, и Петрович по старой привычке внимательно дослушал фразу, сказанную начальником, которая ему пока была совершенно без надобности: *«Ладно, прямо там и встретимся, один уже здесь, тот, молодой, Флик, точно он, я не мог ошибиться! Хотя он сейчас почему-то… неважно. Да тот самый Флик, которому никогда не везло!..»*

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

ФЛИК

Адриан Ван Остаде

…А Флику никогда не везло. Таким уж он на свет народился. Ровно за три недели до его ожидаемого появления на свет брюхатая им матушка, урожденная Берта Вейде, отправилась с лукошком яиц на рынок за несколько миль от дома. Его отец, рыбак Иоахим Лерк, накануне свел последнюю овечку с родовой мызы папаши Вейде, доставшейся жене в наследство, и продолжал гулять, пропивая вырученные деньги в придорожной таверне с местными шлюхами.

Продав яйца, матушка Лерк почувствовала себя плохо, ровно на половине пути до дома она поняла, что ей уже не дойти. Растирая поясницу, она опустилась на смерзшиеся опавшие листья, сбитые ветром в ворох возле креста на развилке, и, спрятав ледяные ладони с зажатыми монетками за пазуху, стала засыпать, предав свою душу Заступнице Небесной. Последние мысли ее были, конечно, об отчаянно пинавшемся в ее чреве младенчике. Проваливаясь в сон, Берта клятвенно пообещала Спасителю, что, если все обойдется, она воспитает ребенка в страхе божьем и заповедует служить Приврату Господнему по примеру родного дяди Ганса Вейде.

Ее подобрали мызники, возвращавшиеся поздно ночью с рынка, поскольку ночевка даже в пригороде стоила немало. В чужом доме, когда ее стали оттирать в холодных сенях, у нее отошли воды, и крошечный, синий Флик родился прямо на земляном полу возле чердачной лестницы и деревянных ларей с мукой.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Ян Стен

А в ту же ночь насмерть замерз папаша Лерк, выйдя под самое утро отлить. То ли с ним случился удар с перепою, то ли он просто заснул, с натугой ожидая облегчения. Его нашли только утром со спущенными штанами на заднем дворе кабака.

Так Флик потерял отца, не успев появиться на свет.

Адриан Ван Остаде

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Рембрандт

Мать и сын жили скромно и скудно, неприметной жизнью приходских нищих.

Ничем особым с раннего детства Флик не выделялся, кроме тихого послушного нрава и какой-то странной тяги к огню.

Вместо того чтобы бегать с соседскими ребятишками по прибрежной косе с самодельными вертушками в руках, он мог часами сидеть у чугунной вьюшки и заглядывать в щели старой каменки с облупившимися изразцами, где плясали и пели свою дикую песню радостные языки пламени.

Впрочем, матушка не обращала внимания на странную привязанность сына к огню. Ей самой нравилось сидеть рядом с Фликом у печки с неизменным вязанием в руках. Застудив ноги при его рождении, она не могла самостоятельно дойти даже до церкви ранней весной и поздней осенью.

Бенджамин Вотье

И с семи лет Флик, усадив матушку в тележку на трех колесах, таскал ее на себе к воскресной службе и праздничным бдениям.

Долгие годы все мызы прибрежной косы встречали весну и провожали лето, глядя, как маленький Флик тянет тележку с богобоязненной матушкой Лерк к обедне.

Зимой Флик появлялся в церкви один — худой и изможденный. Поэтому и во время Великого поста добрые соседки совали ему тонкие ломти солонины, куски вареной трески, завернутые в пресные лепешки.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

А весной мужчины снимали матушку с тележки и заносили ее на первую скамью, усаживая рядом с семейством богатого бакалейщика и бургомистра, чьи жены тихонько передавали ей несколько монет в подаяние.

Матушка кланялась соседям головой в накрахмаленном чепце, пытаясь отблагодарить их двумя фигурками делфтского голубого фарфора, которые торопливо начинала распутывать из узелка. Бакалейщица и бурмистерша с удовольствием их разглядывали, восхищались тонкой работой, но каждый раз возвращали игрушки назад бережно подхватывающей свое сокровище матушке.

Священник сам выносил матушке молитвенник и говорил прихожанам, собравшимся к службе: «Ну что ж, дети мои! Весна пришла — семейство Лерк вновь с нами! Возблагодарим Господа нашего за то, что опять дал из милостей своих пережить трудную зиму! Двенадцатый псалом, дети мои!..»

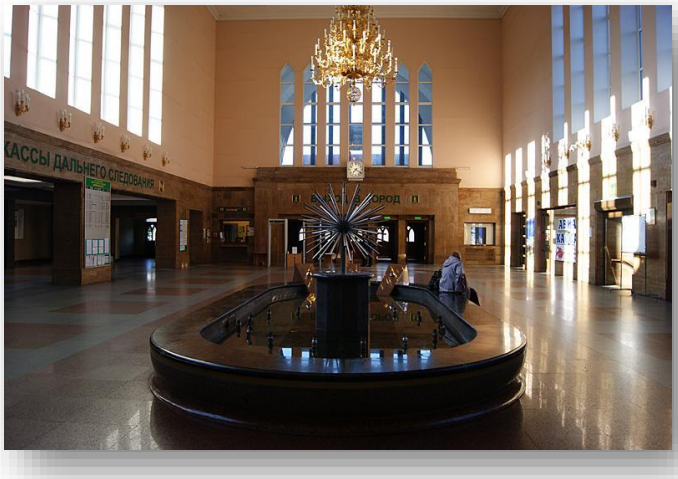
Ян Абрахам Берстратен

Из церкви матушку приходилось тащить в гору. На обратном пути Флик старался устроить из хозяйственных соображений над осями тележки куски выброшенного морем топляка, поэтому церковный староста заранее договаривался с мужчинами покрепче, чтобы те помогли маленькому Флику дотащить груженую тележку и матушку, растроганно певшую псалмы всю дорогу до их домика с продавленной ветрами и временем черепицей.

А у Флика долго стояли перед глазами огни церковного аналоя. В надтреснутом голосе матушки он продолжал слышать стройный церковный хор, зачарованно глядя на мерцающие свечные огоньки…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

ВСТРЕЧА

…Зачарованно глядя на мерцающие огоньки неоновых вывесок бутиков и закусочных огромного фойе вокзала, странная пассажирка неожиданно столкнулась с высоким плотным мужиком в кожаной косухе. Она прижалась к колонне, пытаясь дать ему проход, но мужик схватил ее за откинутый капюшон и поволок за собой в зал ожидания.

На ходу он что-то зло ей выговаривал, а женщина растерянно семенила за ним, стараясь не отставать от его стремительного продвижения к пустому углу зала с пластиковыми креслами. У окружающих складывалось впечатление, что гражданка явно в чем-то провинилась перед мужчиной, поскольку не отпиралась от его ругани, только терла глаза с предательски покрасневшими веками. На ходу она пыталась ухватить его, как родного, за рукав и, давясь слезами, в чем-то оправдывалась. Вид у обоих был крайне обескураженный.

— Флик! Как ты мог? Как ты мог такое с нами учудить? Все время от тебя одни пакости! — в сердцах шипел мужик, с силой перехватывая ее с капюшона под руку так, что белокурые кудряшки взвивались невесомым облаком.

Женщина, глотая слезы, срывающимся голосом громко шептала, размахивая свободной рукой:

— Я не знаю, как это вышло! Не знаю! И по паспорту, главное, все точно получается! Ты же дольше здесь, так объясни, почему так?..

Последнее слово она произнесла почти с мукой, по-женски вложив в крошечную частицу «так» столько горького подтекста, что у мужчины резко опустились плечи. Но как только он глянул на ее хорошенькое личико в пепельных кудряшках, его обуяло необъяснимое негодование.

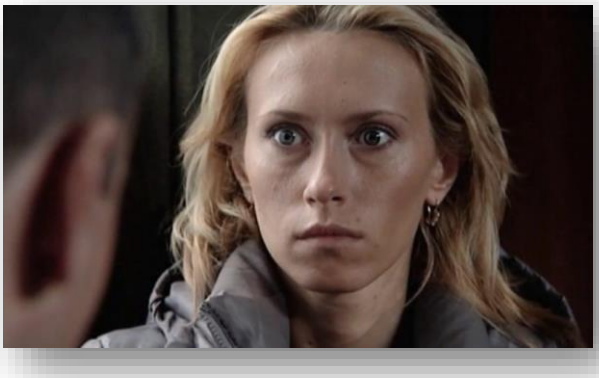
— «Та-ак!», — издевательски передразнил он ее. — А чо тут объяснять-то? Дерьмо оно всегда дерьмом и плавает! Ты вспомни, куда мы заплыли из-за тебя в прошлый раз, сволочь! И еще, главное, перед этим самым венцом всему делу, помнишь, как ты рыбу на берегу жрал и чо говорил при этом? Ну-ка, вспомни! «Люблю я, — говорит, — рыбок сам кушать, а не когда они меня едят!» Не мотай головой, я все помню! Вот тебе за все это и вышло… Что теперь Седой скажет?

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Погоди, ты разве не с ним, разве он не с тобой? — встревожено вскрикнула женщина, резко выдернув из лапы мужчины свой локоток. — Ты что, до сих пор его не нашел? Чем ты тут вообще занимался?

— Ну, я… Мы ни разу с ним не встречались, — оправдываясь, ответил мужчина. — В принципе это правильно. Субординация там… Конспирация… Но как ты… Куда вот теперь с тобой, а? Ведь знал же, куда шел и на что!

— Не кричи на меня!

— Не кричи на него… на нее… Тьфу!

— Умоляю, Грег! — сквозь слезы простонала женщина, типичным бабьим жестом прижимая руки к груди.

— Умоляет он, блин, она умоляет! — окончательно расстроился мужчина. Растирая виски, он машинально пробормотал: — Я теперь не Грег, а Григорий Павлович Ямщиков.

— Фликовенко Марина Викторовна, — понуро представилась женщина.

— Погоди-погоди, с этим потом разберемся… У тебя должна быть последняя мысль, послание, с каким тебя направили. Давай скорее, соображай, иначе сейчас все забудешь! — зашипел на нее мужик. Ухватив женщину за плечи, он вновь хорошенько встряхнул ее, стараясь направить ее мыслительный процесс в нужное русло.

— Сейчас… Да! Нет… А! — зашебутилась в его лапах растрепанная гражданка. Под колючим взглядом Григория Павловича она все-таки внутренне собралась и продолжила уже более осмысленно, почти по-военному: — Я перерождаюсь на земле, где последний раз было *это*, потом встречаюсь с вами и иду

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

к *восьмой части*. В леса, место мне показали… Там еще гора, елки большие кругом… Огромные елки!

— Елки-палки! А координаты? Место-то хоть как называется? — перебил ее Ямщиков, дополнительно встряхивая для верности.

— Не знаю… Идти надо вот туда, — неопределенно махнула всклокоченной головой женщина куда-то на восток.

— Ты чо? Это ведь тебе не Герцогство Миланское, которое «вот туда» поперек за три дня пешим порядком пройти можно!

— А что это? Разве это не Пруссия? И я тоже удивляюсь, что это у меня немецкий не включается…

— Была Пруссия, да сплыла. А машешь ты башкой в сторону матушки-России… Она там вся, как раз в той стороне.

— Ой! Грег, у них там назначено время! Я вспомнила! Через двадцать три дня! В этот момент что-то там такое будет на небе… Мне показали такое большое и непонятное… И неразлучникам тоже надо там быть с каким-то странным мужиком, чтобы встретить и реинкарнировать своего Хозяина из… из глаза… Такой глаз на ножке… в голове!

— Бред какой-то. Нет, почему это тебе, главное, что-то показали, отлично зная… ведь ты же… Прости меня, Флик, но с умищем-то ты никогда не дружил. Как теперь туда добираться? — в полном недоумении оборвал ее Ямщиков.

— Сам-то уже, конечно, забыл, но там ведь не говорят нашим малоинформативным языком, я изо всех сил пытаюсь перевести в наш формат, но часть информации безвозвратно утрачивается, — намеренно безразличным тоном сказала Марина Викторовна, вытирая рукавом катившиеся по щекам слезы.

— Ага, как чукча: что вижу, то пою, — зло подколол ее Ямщиков, намеренно не глядя на залитое слезами лицо попутчицы.

— Ты про чукчу просто так сказал? — с надеждой встрепенулась женщина, растирая глаза. — В первые часы случайного никто не говорит…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Так… — раздраженно присвистнул мужик, играя молнией на косухе. — Значит, *они* в своем стиле чешут. Про чукчу сказал, не подумав. Хрен с ним, с чукчей. Ну, ладно, Флик, успокойся, не реви. О нас что-нибудь сообщали? Когда они нас отпустят?

— А разве тебе ничего не говорили?

— А я помню? Пойдем, сядем. А то стоим посреди зала, как идиоты.

— Знаешь, когда того хитрого мужичка показывали, — присаживаясь на красное пластиковое кресло рядом с Ямщиковым, сказала Марина, — мне показалось, что у него вся рожа… какие-то чукотские… вроде.

— Час от часу не легче. Понятно. Это у *них* юмор такой. Везде надо искать тонкие ассоциативные связи, как говорил Седой, — почти без злости ответил мужчина. — Ты не сможешь точнее вспомнить, что они сказали о нас?

— Сказали, что если справимся и сможем остаться все трое в живых, то доживем до конца.

— До какого конца? Я с нашими друзьями привык к каждому слову цепляться! — начал закипать Ямщиков.

— Не знаю… — сказала Марина. — Сказали, если выживем, должны все забыть. А как забыть, если я в этой жизни и так ничего не помню? Значит, ты теперь — Гриша…

— Вот только давай без этих бабских штучек, Флик! Ты прямо до жути на бабу становишься похожим! — опять сорвался Ямщиков, брезгливо глядя на уборщицу, разгонявшую по полу шваброй грязную талую воду и тащившую за собой красное ведро на колесиках. — Ключи, мел, четки, ладанки, гвозди у тебя с собой? Что-нибудь новенькое еще дали?

— Ага, еще какую-то карту-схему дали… с красной звездой… У меня тут потайные кармашки, — сказала женщина, неловко пытаясь через узкий ворот свитера засунуть руку себе в бюстгальтер.

— Дай-ка я сам попробую… — нетерпеливо произнес Ямщиков, решительно засовывая в ворот женщины огромную волосатую лапу.

— Гриша, Гришенька, не надо! Ой! — пыталась возразить женщина, отталкивая его ослабевшими руками.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Флик! Ну, ты даешь! Ты же баба! — сказал оторопевший Ямщиков, нащупав что-то за пазухой у враз сомлевшей Марины Викторовны.

— Совсем совести у народа не стало! Среди белого дня сексом на вокзале занимаются! Другого места найти не могли? — рявкнула вдруг над самым ухом Ямщикова уборщица, с грохотом устанавливая рядом огромное ведро, больше напоминавшее молочную флягу. — Освободите территорию! Немедленно!

— Та що ты цепляешься, мать? Що ты гавкаешь? Бачишь, чоловик к жинке гроши ховает! — пропел присевший напротив жизнерадостный хохол.

С грохотом ведра на колесах, сигналами составов и визгом уборщицы над самым ухом — звуки окружавшей действительно медленно возвращались к Ямщикову. От этого голова не становилась легче, в ней продолжала толчками бить кровь. Он молча поднялся с женщиной, закрывшей ладонями красное от стыда лицо, и, обхватив ее за плечи, повел подальше от гремевшей ведром уборщицы. Бог мой! Флик действительно баба! И с этой бабой надо тащиться через всю страну куда-то в гору… Что скажет Седой, когда их найдет? Так, стоп! Хорош психовать… Раз они на вокзале, значит, добираться надо поездом… На восток! Поезд идет на восток! Точно! На самый Дальний Восток!

— Не реви, Флик! С кем не бывает? Не повезло, конечно. Опять. На платок, вытрись! И с чукчами не грузись пока. Только чукчей нам здесь не хватало. Пошли отсюда, билеты надо брать! — решительно сказал Ямщиков и повел в кассовый зал зарыдавшую в голос женщину.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

ПИСЬМО

Только чукчи здесь Поройкову не хватало. Выследил, видно, их с Пальмой у поворота на Верхний Поселок. Щурясь на солнце, Поройков из-за штакетника наблюдал, как чукча подошел к Пальме, караулившей почтальоншу посреди дороги на Нижний Поселок, и что-то спросил у нее на своей тарабарщине. На удивление Пальма не окрысилась, а вполне внятно для узкоглазого гаденыша повернула голову в сторону заброшенной бани, где у поваленного штакетника прятался от ветра Поройков. Чертыхнувшись, старшина вышел из своего укрытия на дорогу.

— Чо тебе надо? — издалека заорал он привязчивому узкоглазому человеку. — Чо ты тащишься за нами?

— Здрастуй! — искренне обрадовался ему чукча. — От развилки на Анкалын по вашему следу иду! Тебя мне надо, парень!

Поройков молча рассматривал молодого, стриженного в кружок паренька в глухом ирыне, подпоясанном ремнем. На ремне у чукчи, кроме короткого ножа, висел полный кисет.

— Закурить дашь? — жадно спросил Поройков.

— Кури, парень! Я сам пока не курю, для хороших людей ношу, — радушно ответил паренек, подавая кисет.

Со стороны Верхнего Поселка послышался звук громкоговорителя, вывешенного на столбе перед сельсоветом: «От советского Информбюро… В последний час».

Поройков непроизвольно напрягся, прислушиваясь к обрывкам фраз. Хорошо, что хоть диктор внутри «лягушки» не был чукчей. Над сопками, покрытым

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

заснеженным лесом, разносился сильный мужской баритон. Внятно, с отличной дикцией, не шепелявя, не проглатывая на местный манер слова, диктор торжественно зачитал: «Сегодня, 9 октября 1943 года, войска 56-й армии выбили врага с северо-западной части Таманского полуострова, завершив тем самым освобождение Северного Кавказа. Новороссийская наступательная операция успешно завершилась!»

Поройков в последний раз глубоко затянулся и с раздражением бросил самокрутку в снег. Отсыпав немного табаку в свой кисет, он вернул кожаный мешочек, благодарно кивнув чукче, внимательно слушавшему радио.

Повторного заявления на фронт писать смысла не было. Люди воюют, а он, хуже пса цепного. Доносы на начальство пишет… Если почтальонка так и не выйдет к сельсовету, надо срочно возвращаться назад, иначе до темноты в лагерь не успеть. Возвращаться в потемках Поройков не решался даже с Пальмой. Каждый раз, проходя лесом мимо сопки, к которой зэки ОЛП N45 тянули ветку по насыпи, Поройков испытывал необъяснимый ужас. Будь он собакой, он бы, как Пальма, вздыбил от страха шерсть на загривке и, прижавшись к ноге, плотно поджал хвост под брюхо.

— Ты в газете читал про чукчу-летчика? — простодушно спросил паренек отвернувшегося в сторону Поройкова. — Елков Тимофей Андреевич, а по-нашему — Таграй. Он из поселка Улэн. Служит в 566-м штурмовом авиационном полку 13-й Воздушной Армии. Я все запомнил! В Красной Яранге про него висит вырезка из газеты — «Воздушный каюр»!

Поройков только сплюнул в сторону, с тающей надеждой взглянув в сторону Нижнего Поселка.

— Напрасно ты туда смотришь, парень, письма от вас никто не носит, хе-хе, — догадливо заметил узкоглазый паренек. — И район весь оцеплен, я через Елоховскую Падь к вам добирался. Ты почтальонку не жди, ты мне свое письмо давай!

— Какое письмо, чего ты лепишь? — вскинулся на него Поройков. Губы замерзли после самокрутки, и голос звучал особенно фальшиво. Чукча серьезно смотрел прямо ему в глаза, и Поройкову отчего-то стало нестерпимо стыдно. Он молча полез за пазуху и протянул чукче сложенное треугольником письмо.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Я отнесу, парень, не переживай! — успокоил его чукча. — Я на пристани его отдам, у нас там матросами чукчи ходят. Ты все написал?

— Все, что видел, написал, — неохотно признался Поройков.

— Место здесь шибко плохое, — заметил паренек, пряча письмо за пазуху. — Старые чукчи, лыгъо равэтлъан, говорили, что здесь в земле страшный дух живет. Вырвется — будет всем баальшой бум! Люди моего варата много поколений приносили жертвы, чтобы его удержать. А вы все делаете, будто нарочно хотите принести совсем другую жертву… Зачем? Сами не знаете, кого пытаетесь пробудить! Валтаканы-землянки свои построили так, будто собираетесь в снах его вызывать. А путь куда строите? Зачем?

— Не знаю, парень, — откровенно признался Поройков. — Думаешь, мне здесь нравится? Люди на фронте воюют, а я… Вроде и дом мой рядом, вон за той сопкой… А что толку? Еще тяжелее на душе. Будто приволок с собой… не только зэков и Пальму. Ноги домой не несут. И в лагерном пункте сплошной бардак … Головой сообразить не могу, что же там не то? Тебе не понять…

— Где уж мне понять, раз ты не понимаешь, хе-хе! — посмеиваясь, парень снял со спины камусные лыжи. Встав на лыжи, чукча затянул ремешок и сказал, глядя на Пальму: — Собака у тебя шибко хорошая! Умная, хитрая! Она, парень, куда больше тебя в этом понимает. Возвращаться вам надо до ночи. Туда и днем ходить страшно! Я сейчас быстро побегу! Отсюда очень легко убегать, хе-хе.

— Стой! А тебя как зовут? — спохватился Поройков, сообразив, что даже не знает имени паренька, почти мальчишки, которому отдал письмо, текст которого вынашивал в голове больше трех месяцев.

— Васька меня зовут! — ответил чукча, подпрыгивая на лыжах. — Вообще-то я — Идельгет… Но им еще стать надо. Хотя тебя уже при камлании видел! Как ты стоишь, почтальонку ждешь… А она все не идет. Значит, думаю, этот человек написал письмо! Этому человеку есть ход туда, куда Ваську не пускают. Военный человек, поди, лучше Васьки знает, куда письма писать.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Поройкову не хотелось огорчать явно гордого собой, на глазах повеселевшего Ваську, беззаботно острившего лыжи в сторону Еловой Пади. Хотя, если уж этот чукотский шаманенок немного понимал в камлании, мог бы и сам догадаться, что ни хера он толком не знает, кому и куда писать о том, что чувствует кожей. На Поройкова опять нахлынули тяжкие пустые сомнения о правильности своего поступка. Но письмо уже было надежно спрятано у Васьки за пазухой, и Поройков только без слов махнул рукой. Чукча кивнул стриженой головой в ответ и споро покатился в сторону Верхнего поселка. Внезапно, вспомнив что-то очень важное, Поройков заорал ему: «Стой! Стой!» Лыжник остановился, дожидаясь, пока Поройков с Пальмой подбегут ближе к нему.

— А еще?.. — задыхаясь от бега, спросил Поройков. — Что ты еще… про меня видел?

Чукча молчал. И по его затянувшемуся молчанию Поройков сразу понял, что он ответит. Но, слишком долго не подпуская эту мысль близко к сознанию, он еще продолжал надеяться, пока чукча не сказал севшим голосом то, чего больше всего боялся услышать Поройков: «Смерть!»

С посеревшим лицом старшина отвернулся от чукчи и, не прощаясь, зашагал к лесу. Пальма, сидевшая поодаль, подошла к чукче, осторожно обнюхала рукав кухлянки. Уклонившись от руки Васьки, потянувшегося потрепать ее за ухом, Пальма, вильнув хвостом, побежала догонять хозяина.

Будто старательно прогоняя какую-то тревожную, испугавшую его мысль, чукча мотнул головой и прошептал себе под нос: «Ну, теперь, Васька, беги! Шибко теперь убегать надо!»

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

КИРЮША

…Будто старательно прогоняя какую-то тревожную, испугавшую его мысль, Петрович прибавил ходу к мерцавшим невдалеке огонькам железнодорожного переезда. Там, у самой кромки вздымавшихся сквозь редкие сосны дюн, стояли несколько серых кирпичных пятиэтажек железнодорожников. В крайней пятиэтажке Петрович имел приличную двухкомнатную квартиру со всеми удобствами и некоторыми неудобствами в виде гулящих соседок — проводниц, смолоду истрепавшихся на молдавских рейсах. Сдаваться пенсии без боя соседки Петровича не собирались. Слухи об их славных битвах с увяданием осени и метелью зимы, с непременным участием поездных электриков, путевых проходчиков, бригадиров состав и нарядов милиции — доходили даже до заместителя начальника дороги по безопасности и режиму Полковникова. Поэтому пятиэтажка Петровича носила на железке собственное громкое имя — «Молдаванка».

Понимая в глубине души стремление соседок к вечной молодости и активной жизненной позиции, на бытовые условия Петрович, в принципе, не жаловался. Куда больше бабского разгула его доставали приметы рыночных преобразований общества, просачивавшиеся и в их обособленный железнодорожный микрорайон. Единственный продовольственный магазин в районе приватизировал бессовестный армянин с темным прошлым. Разумеется, появился он не один, а с черной тучей родственников и земляков, доставлявших куда больше беспокойства, чем все проводницы, побывавшие в Молдавии. Цены армянин заворачивал отнюдь не божеские, хотя, практически не смолкая, орал на продавщиц из подсобки: «Рая, богом клянусь, уволю к чертовой матери!»

Быстро поднявшись по лестнице, отпихнув ногой соседскую кошку, нагло обосновавшуюся на его коврике, Петрович с тревогой открыл дверь, мучимый дурными предчувствиями. В квартире было тихо. Тикал будильник, ровно гудели два холодильника, попискивали в большой клетке пухлые белые мыши. Не разуваясь, Петрович заглянул в гостиную и тут же успокоился. Кирюша

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

спал у теплой батареи на пуховой подстилке, засунув по своей милой привычке кончик хвоста в приоткрытую пасть с желтой окантовкой. Петрович в умилении присел у дверного косяка, Кирюша поднял на него головку, посмотрел своими проникновенными желтыми глазками, и в голове Петровича тут же появилась многоплановая мысль: «Напрасно перессался, приятель. Все о`кей! Хочу жрать — неси пискунов!»

— Сейчас-сейчас, Кирюшенька! — радостно заверещал Петрович, скидывая ботинки. — Сейчас, родной, все мигом устроим — и постельку, и чаек! Минутку обождать придется!..

Нельзя сейчас было уезжать Петровичу, никак нельзя. Рейс этот в прицепном вагоне и сам по себе был не карамелькой в сиропе. Если хотя бы недели на три раньше, черт с ним, с Новым годом. А тут только встретили Новый год, Рождество с Кирюшей отметили по-домашнему, в узком кругу. Сволочи! И кому такая подлая мысль в голову стукнула? Ну, ладно бы перед Новым годом пустили бы этот вагон, пока народ к празднику торопился! В мертвый железнодорожный сезон Петрович расценил прицепку вагона исключительно в качестве персонального издевательства в русле нынешних экономических реформ и бандитской перестройки всего общества.

Глянув, как наивно и доверчиво Кирюша трется о сумку с пищавшими в истерике мышами, Петрович почувствовал, что ненавидит товарища Циферблатова лютой ненавистью. Нет, строить из себя целку Петрович вовсе не собирался. Он собирался устроить товарищу Циферблатову полную структурную перестройку и персональную административную реформу. Он намеревался устроить начальнику смены такой менеджмент по кадрам, чтобы его потом в локомотивное хозяйство буксы чистить не взяли. За армянина, за Кирюшу, за молдавских прошмандовок — за все сразу!

Кирюша появился у Петровича почти случайно. Но теперь Петрович понимал, что подобных случайностей не бывает, во всем усматривая приметы неизбежного и счастливого пересечения их судеб.

Со знакомым матросом сухогруза «Композитор Чайковский», Анатолием Торсуковым, они втихушку делали небольшой бизнес. Анатолий приносил в уединенное жилище Петровича разную экзотическую живность, которую они потом выгодно продавали зажравшимся соотечественникам. К себе домой Торсуков тащить эту пакость никак не мог, проживая на одной жилплощади с тещей, имевшей склочный и придир-

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

чивый характер. Вполне возможно, что этот бизнес он навязал Петровичу вовсе не из здорового стремления к наживе, а из мелочной зависти к личной свободе приятеля.

Сколько всякой мрази за два года не обреталось временно у Петровича на Молдаванке!.. Одни обезьяны чего стоили! Макаки-сраки дико орали с наступлением сумерек и от каждого паровозного гудка, доносившегося с переезда. Слава богу, все соседи думали при этом не на Петровича, а на пьющих соседок, весело отмечавших каждый рейс. Дружный мат и визг их пьяных компаний тут же подхватывали попугаи. Поэтому пернатый товар приходилось реализовывать через посредников, значительно теряя в деньгах. Иметь дело с покупателями напрямую — компаньоны опасались. Анатолию пришлось не только вернуть деньги, но и оплатить солидный моральный ущерб знакомой, нанесенный ей роскошным белым какаду, в первый же день обложившим хозяйку трехэтажным матом при посторонних свидетелях.

Упрятать себя за решетку попугаи не давали: целыми днями они летали по квартире и орали голосами молдавских проводниц всякие гадости, прицельно засирая сверху всю мебель, вплоть до плафонов люстры. При попугаях Петрович жил как в музее, застилая все целлофаном и старыми простынями. Наскучавшись без впечатлений, эти пернатые говорилки подслушивали телефонные разговоры Петровича. Звонили ему в основном с работы, и от скабрезностей летающих сквернословов Петровичу приходилось зажимать трубку ладонью. Ни одной минуты при этих тварях он не чувствовал домашнего покоя и уюта. С ними приходилось быть все время настороже. Попугаи легко перенимали и начальственную манеру общения товарища Циферблатова. Даже в туалете Петрович вздрагивал от бесцеремонного стука клювом и до боли родного голоса: «Слышь, Петрович! Ты из себя целку-то не строй!»

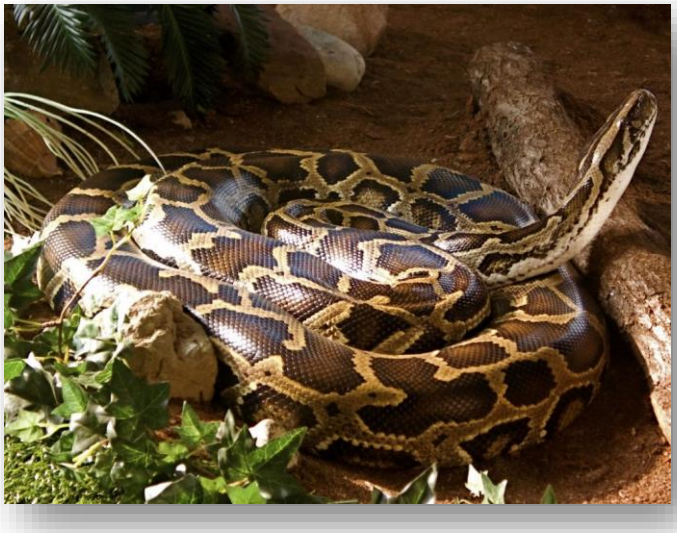
После двух крокодильчиков и какой-то бегающей кусачей гадины, постоянно менявшей цвет, Петрович окончательно понял, что к любителям живой природы он не относится. Однако разорвать партнерские отношения с Торсуковым оказалось не так-то просто, Анатолию надо было срочно уходить в рейс.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

И протиснувшись все-таки в квартиру, когда Петрович упорно не хотел открывать ему дверь, он с некоторой неохотой снял с шеи огромного пятнистого удава.

— От сердца отрываю, Петрович! — с искренней болью в голосе сказал Петровичу Анатолий. — Не могу его продать, а держать мне его негде. Теща, сука старая, его на днях чуть не ошпарила. Выручи, будь другом!

Петрович вспомнил любимую присказку поездного электрика Миши Поленюка: «Будь другом! Посри кругом!» Вот так и надо было раз и навсегда послать тогда Анатолия за все перенесенные из-за попугаев страдания. Да любой на месте Петровича ответил бы Анатолию, притащившемуся, на ночь глядя, с огромным пятнистым удавом — с житейской мудростью Миши Поленюка. Понятно, почему Анатолий приперся с удавом не к Поленюку, а к Петровичу.

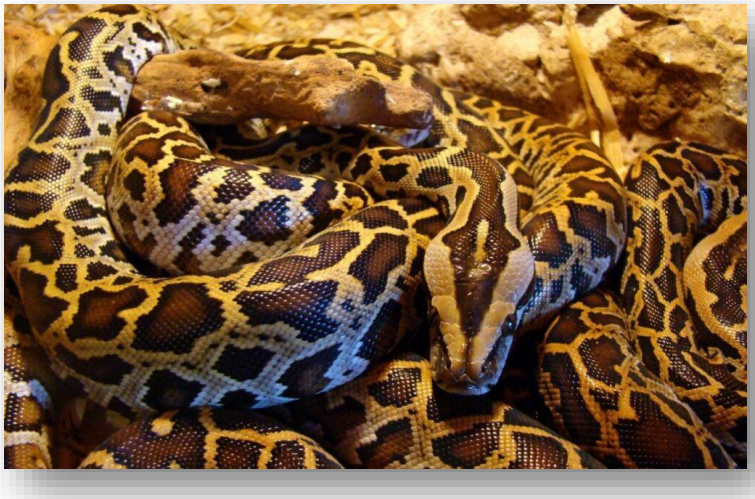
Удав оказался на редкость спокойным и задумчивым. Наверно переживал разлуку с родиной. Из общего знакомства с фауной планеты, Петрович твердо знал, что удавы не кричат голосом Циферблатова, не визжат без конца одну и ту же песню «Виновата ли я» и не стучат клювом в стенку соседям. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы Петрович, пересилив себя, согласился взять удава на неопределенное время.

Удава Торсуков назвал Кирюшей, и Петрович с ним вполне согласился, до такой степени умильной зверушкой он показался после попугаев и макак. Кирюша быстро привык к Петровичу. Он встречал его у дверей, ласково обвивая ноги, тычась плоской головой в сумку с мышами. А с виду никак не подумаешь, что такая тварь что-то может соображать! Втайне Петрович ни за что не хотел теперь с ним разлучаться.

Кирюша целыми днями спал на подстилке у батареи и как-то особенно деликатно кушал хомячков и морских свинок, которых Петрович приносил ему из зоомагазина. Покупать у детей на рынке эту живность Петрович побаивался. Базарные дети были до ужаса наглыми. Издалека узнавая Петровича, они не давали ему проходу, набрасываясь с фамильярными попугайскими криками: «Купи дядя хомячка!». Цены базарные племянники заворачивали чище армянских. При этом они точно кормили своих хомяков какой-то химической гадостью, поскольку хомяки у них плодились как тараканы.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Хотя Анатолий кричал через дверь, что после макак Петровичу будет с Кирюшей рай земной, но кто же такому поверит, не попробовав? А теперь проводник радостно мчался домой после каждого короткого рейса по Балтийской Косе, желая только одного — увидеть милого Кирюшу, который будет тереться о его ноги плоской пятнистой головкой. Ночью Кирюша сворачивался в ногах у Петровича под одеялом. Кто бы мог подумать, что пятнистая кожа холоднокровного удавчика такая мягкая на ощупь! И как приятно касаться ее голыми пятками под теплым ватным одеялом! Петрович знал, что Кирюше тоже было неплохо у него, ему даже иногда казалось, что если бы тот только мог, он бы непременно мурлыкал ему, Петровичу, под его ватным одеялом.

Как же теперь он будет спать без Кирюши, трясясь куда-то через всю страну в сраном прицепном вагоне? И какие теперь он будет видеть сны?..

Петрович никому не мог бы признаться, но он точно знал, что Кирюша умеет посылать ему в голову телепатические сигналы, из-за которых его сны в последнее время стали красочными и разнообразными.

Ах, эти дивные, сказочные сны! В них Кирюша объяснял Петровичу, что он категорически не согласен с бытующей европейской традицией — считать змею главным воплощением космического зла. И вовсе он не собирался играть основную роль в предстоящей гибели мира. Пусть это и звучало несколько цинично, но он считал, что если миру суждено погибнуть, то он вполне погибнет и без них с Петровичем.

Кирюша рассказывал Петровичу о жарких странах, где он жил раньше. Вот там отношение к нему когда-то было абсолютно верным. Кирилла там полагали началом всякой мудрости, зверем земли, даже самой жизнью земли и ее Хранителем… А некоторые с житейской простотой считали его олицетворением плодовитости женщин и мужской силы мужчин. Для особо продвинутых в мифологии желтопузиков он служил почитаемым божеством водных источников.

Но после того как приезжие миссионеры рассказали желтопузикам, будто бы именно Кирюша лишил их жилплощади в раю, они там, если честно, устроили Кириллу на редкость веселую житуху.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

После миссионеров, подкупавших вновь обращенных пепси-колой, майками и дешевой косметикой, ни одна желтая образина уже и не вспоминала о нормальных партнерских отношениях, существовавших между ними раньше. По указке противных миссионеров они принялись бегать за ним с факелами, с барабанами, с пронзительным воем и дикими визгами…

Последней каплей Кирюшиной терпелки стала съемка фильма ужасов бледнолицыми людьми в коротких штанишках и белых касках. В фильме рассказывалось, как Кирюша будто бы столетиями наводил ужас на всех в округе и жрал младенцев желтопузиков по ночам. Сами желтопузики за пару баксов такое про него несли перед камерой с настоящими соплями и слезами, с демонстрацией каких-то порезов, царапин и ссадин, что он даже от расстройства сожрал парочку наиболее брехливых. Потому что ложь, прежде всего, в искусстве, Кирилл принципиально не одобрял и не принимал душою. Хотя и отдавал должное творческим способностям двуногих.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

От всего пережитого Кирилл затосковал. Да и посмотреть окружающий мир Кирюше хотелось давно. Поэтому он сам, нарочно попался в силки одному знакомому шкуродеру, внушив этому подонку мысль продать себя матросне живым весом… Кирилл испытывал искреннюю благодарность Петровичу, взявшему его в дом в качестве культового животного или, по-простому, священного змея.

До утра они с Петровичем ползали по бесконечным лианам в темном влажном лесу, слушали крики противных макак и какаду, кушали фрукты всякие, орехи… И Кирюше ни разу даже в голову не пришло скушать Петровича.

Петрович привычно упаковывал вещи, собираясь в рейс. Кирюша с тревогой следил за его спешными сборами. Потом он совершенно по-человечески вздохнул, забрался Петровичу на плечи, слегка сдавив грудь, и доверчиво положил ему голову на ключицу. Так они и стояли в обнимку, погруженные в тяжкие раздумья…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

ОТХОДНЯК

…Так они и стояли в обнимку, погруженные в тяжкие раздумья, ожидая своей очереди у билетной кассы. Ямщиков старался сообразить, сколько же билетов, собственно, им брать? Два или все-таки три? Интересно, как их нынче найдет Седой? Свалится к ногам со взмыленной лошади? Или появится рядом в засаленной телогрейке с выбитыми передними зубами? Охо-хо…

Подошла их очередь, и все его сомнения развеял стоявший рядом расстроенный Флик: «На Седого тоже бери, он подойдет позже».

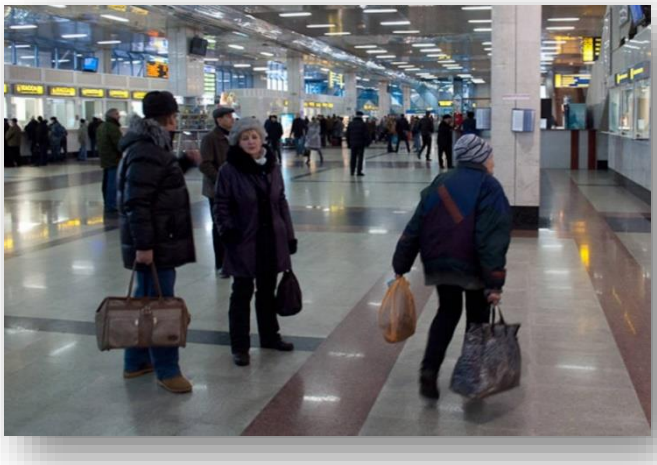
Видно и это вставили в его симпатичную головку-одуванчик. Бедный, бедный Флик! Не везло ему, чего уж там! Никогда не везло. А теперь… Жаль парня, хороший был когда-то драгун. Хотя и придурок, конечно. Кобылка у него еще была с каким-то смешным именем… И вроде бы всю дорогу две какие-то бабы возле него крутились. Может, он от них и набрался такого дикого бабства? Нет, взять и обабиться до такой степени! Такое дело надо запивать, причем, не литрами, а цистернами.

— Слушай, Грег! А где твои вещи? — женским голосом прервал Флик тяжкие раздумья Ямщикова. Отметив про себя, что Флик уже совершенно по-бабьи интересуется его вещичками, Ямщиков понял, что до встречи с Седым всухую ему не продержаться.

— Тебе чо-то конкретно надо? Солонину, как в прежние времена, жрать не будем! Нам все теперь на блюдце принесут! — с удовлетворением похлопал себя по карману Ямщиков. — Вот, где у меня все вещи! Накануне мне вдруг премию подкинули, содержание за три года, за выслугу все до копейки отдали, наградные, за звания… Все вдруг разом! Я даже удивился… Потом решил зачем-то на вокзал прокатиться. Думаю, дай загляну. Прямо мистика какая-то, Флик! И как раз сегодня собран для нас с тобой прицепной вагончик. Пойдем,

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

по пиву выпьем, а? У нас еще с тобою почти три часа до отправления. Целую цистерну можно осушить.

— Может, не надо? — нерешительно протянула женщина.

— Надо, Федя, надо! Мне надо это дело как-то душою принять, выпить за встречу. Ты же должен понимать все-таки! Не всегда ведь бабой был. Когда-то ты был вполне нормальным мужиком, хоть и подставил нас по полной программе… Как ты мог все проспать, Флик? Ведь из-за тебя всем во сне руки скрутили… И вода такая холодная была… Ну, тебя-то они, наверно, для себя оставили? — сквозь смешок спросил Ямщиков, пихая попутчицу в сторону ближайшего экспресс-кафе.

— Ты чо, Грег? Шуточки, блин! Да меня раньше всех вас за борт проводили! Сам-то как визжал! Думаешь, не помню? — возмущенно ответила Марина Викторовна.

— Да ладно, я же пошутил! Пошли-пошли, выпьем! — примирительно сказал Ямщиков, продолжая пихаться.

Марина, вздохнув, направилась занимать столик за витой металлической решеткой, увитой искусственной лианой, но вдруг остановилась посреди кассового зала, внимательно вглядываясь в мужчину, проверявшего билеты в полутемном углу за кассами дальнего следования. Ямщиков настойчиво тянул ее за рукав к буфетной стойке, заставленной пивными бутыками. Марина резко повернулась к нему и прошептала:

— Один уже здесь, точно он! Я не мог… не могла ошибиться!

В облике Ямщикова появилось что-то хищное, но, поддавшись всем корпусом к темному углу, на который ему показала Марина, он обмяк и разочарованно протянул:

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Никого там нет! Когда кажется, креститься надо! Сейчас они тебе всюду будут мерещиться… Ты же баба! Тьфу на тебя! Пошли пиво пить! Я люблю пиво «Пит» и водку жрат!

Женщина бросила тоскливый взгляд на пустой затененный закуток с опрокинутой урной, где только что стоял плотный мужчина с билетами и, покорно втянув голову в плечи, поспешила за спутником.

К буфетной стойке Ямщиков подходил несколько раз. Посудомойка попросила его не отдавать пустые пивные бутылки снующим возле столиков бомжам. Пока он менял нехитрую сервировку, переходя от салатов в пластиковой расфасовке к подогретой курице гриль, Марина в расстроенных чувствах пила пиво, как воду. До Ямщикова начало доходить, что, если он не прекратит это свинство, на посадку попутчицу придется нести на себе. Он с сожалением сгреб непочатые бутылки со стола в огромный пластиковый пакет и сходил за кофе.

— Ничего не понимаю, Грег, ничего! — в пьяном отчаянии шептала Марина, притянув лицо жующего Ямщикова к себе за лацканы воротника косухи. — И помню все… несколько смутно. Вот если бы ты вдруг раз! И стал бабой! Чтобы ты вообще предпринял, а?

— Я бы, Мариночка, застрелился, — честно ответил Ямщиков, почти касаясь мягкой девичьей кожи губами. От розовых щечек девушки пахло молоком и выпитым пивом.

Марина тянула его все ближе к себе, и на них уже начинали обращать внимание прочие мирно жующие пассажиры. Будучи более искушенным в межполовом общении, Ямщиков отдавал себе отчет, что его вдумчивые поиски карты в бюстгальтере попутчицы, ее общий нервный срыв и два литра пива — не могли не сказаться самым роковым образом на гормональном фоне организма Марины, настойчиво льнувшей к нему через столик. Пользоваться такими подарками судьбы и в мирное время Ямщиков считал для себя недостойным. Мягко сняв цепкие пальчики с куртки, он пододвинул свой стул ближе.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

По-товарищески обняв неудачно реинкарнированного соратника, он, в качестве старшего по званию, постарался перевести разговор в более позитивное русло. Головка Марины тут же безвольно поникла ему на грудь.

— Смотри, Мариш, сколько баб вокруг! — начал издалека Ямщиков. — Одни бабы! И все куда-то прутся, все им дома не сидится… А в визовой службе сколько баб в очередях давится. И, заметь, никто из них не стреляется, все довольны своем бабским положением… Значит, есть в этом какой-то положительный смысл!

— А куда они едут? — с женской непосредственностью спросила Марина.

— А кто куда, Мариша, кто куда! — оптимистически заметил Ямщиков. — В основном, челночат по всей Польше, суки драные, а потом по всей России поганые шмотки тащат.

— Нет, куда они сейчас-то едут? — с пьяной настойчивостью повторила вопрос Марина, прижимаясь к нему всем телом. — И почему именно сейчас? Почему?

— По кочану, — закончил прения Ямщиков, с тоской подумав, что из-за глупых бабских вопросов он, если Седой не появится немедленно, сорвется с катушек, не дожидаясь главной заварушки. Мягкие пепельные кудряшки, пахнувшие сеном, лезли в нос. В них нестерпимо захотелось зарыться губами. И чтобы без всяких вопросов.

Проанализировав всю сложность ситуации, отчасти созданной им самим, Ямщиков решил, что надо срочно сменить обстановку. Мягко потрепав девушку за хрупкие плечики, он нежно прошептал ей на ушко: «Вставай, Мариша! Вставай! Посадку через двадцать минут объявят… Мы поедем с тобой далеко-далеко… К большой горе, к елкам-палкам… Там нам задницу надерут, за уши наизнанку вывернут, во все отверстия вставят по шпенделю — и шуры-муры разводить нам с тобой некогда будет. Думаю, дорогая, нам с тобой всю хотелку конкретно отобьют!»

Нагруженный пакетами Ямщиков сумел подхватить под руку и захмелевшую попутчицу. Внезапно остановившись, она с непонятной тоской посмотрела на покрытые изморосью огромные витражи вокзала. Но спутник уже нетерпеливо подталкивал ее к выходу на перрон.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

БЕГИ, ВАСЬКА, БЕГИ!..

…Внезапно остановившись, с непонятной тоской старик посмотрел на покрытые изморосью огромные окна веранды, но его спутник уже нетерпеливо проталкивал его к входу в темноватую, теплую горницу. Старик был одет торжественно — в серый заношенный пиджак с орденской планкой и пузырившиеся на острых коленках ватные штаны. Присев бочком на черный лаковый табурет, он настороженно следил узкими глазами за вышагивающим по избе статным мужчиной в черном шелковом балахоне.

— Ты ведь можешь, можешь! Ты — настоящий чукча, я знаю! — резко обернувшись, выдохнул мужчина в лицо старику с таким свистящим нажимом, что у него сразу набухла багровая жила на переносице.

— И-их, Колька, — грустно покачал пегой головой старик. — Зачем?.. Мне на другое стойбище скоро перекидываться, зачем я такое делать стану?

Мужчина, не сводя с него горящих черных глаз, вынул из-за пазухи старую засаленную карту. Старик, только взглянув на нее, тут же отвернулся, уставился в угол и насупился. Какая-то тень прошла по его лицу. Взяв себя в руки, он все же внимательно вгляделся в карту, где в углу стояла удивительно яркая, нисколько не утратившая цвета треугольная печать с красной звездой и таким же до сих пор не выцветшим номером лагеря, будто они были написаны кровью.

— Ты нашел ее… — прошептал старик, — Или они тебя нашли? Зачем, Колька?

Он поднял сморщенное, коричневое лицо, чтобы взглянуть в глаза мужчине. Тот ответил ему странной улыбкой, будто знал гораздо больше наивного старика. Опустив голову, рассматривая скрюченные пальцы, старик растерянно бормотал:

— Колька… Ой, Колька! Тебя со стойбища в город учиться на врача для важенок послали… Ты же последний из древнего шаманского рода… У тебя отец звал Альбэ перед камланием, дед звал Альбэ, мать и бабки танцевали против

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Хоседэм… А сейчас ты предлагаешь мне камлать против Доха и Альбэ, искать внутренним оком подземный чум Хоседэм, вызвать ее… Колька-Колька!

Мужчина вдруг тихо рассмеялся:

— Ты глупый, старик, какой же ты глупый! Наши боги давно умерли. В той земле нет больше Хоседэм.

Заложив руки за спину, он выпрямился, медленно отвернулся от старика и подошел к окну. Глядя на темневший в сумерках лес за дорогой, он с горечью, через силу выговорил:

— Если бы наши боги были живы! Если бы!

Покачиваясь с носка на пятку, он достал небольшую коробочку из нагрудного кармана шелкового халата, раскрыл ее, осторожно подцепил на кончик ногтя большого пальца горку белого порошка и с наслаждением принюхался. Старик с изумлением смотрел, как он прячет круглую коробочку желтого металла обратно в карман. Коробочка провалилась глубже, звякнув о какой-то предмет. Услышав этот звук, старик тут же насторожился, еще больше сузив без того узкие щелки глаз, будто сквозь плотный китайский шелк кармана пытался разглядеть в глубоком кармане собеседника что-то еще, кроме коробочки с кокаином.

— Ты говоришь, что меня найдут? — обернулся Николай к старику помолодевшим, размягченным лицом. — Говоришь, что в чане с вареной олениной увидел мою смерть? Нет! Ты не знаешь всего, ты ничего не знаешь, Идельгет! Меня выбрали! Я был никому не нужен! Никому! Ты увидел мое перерождение, Идельгет! Я, Николай Шадынгеев, ветеринар из забытого богами глухого района, стану властителем всего, что ты видел и никогда уже не увидишь! Настоящим Шадыгеем! И ты это знаешь! Ты сам явился ко мне, я тебя не звал, но ведь я…

— Колька! Ты… — ужаснулся старик, неотрывно глядя на его пульсирующую багровую жилу на переносице. Почти рыдая, тыча пальцем в его лицо, старик умоляюще произнес: — Коля, вместе с ушедшими на небесные пастбища предками, заклинаю тебя!..

— Молчи! Я просил тебя объяснить древние чукотские легенды до конца, просил камлать вместе со мной! Ты молчал? Молчал! И теперь молчи! Я сам

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

помню про семь мыслей, соответствующих семи кругам верхнего мира и семи силам в душе хорошего человека против сил зла нижних миров. Лучше скажи, зачем же таким как мы дана восьмая сила?.. Зачем рядом с нами вымощен зэками путь в восьмую часть? Молчишь? Ты ведь видишь, что творится вокруг! Вся прибрежная тундра скоро превратится в Боксейдесю — место костра великого Ея… А тайга… Ты узнаешь тайгу, старик? Север умирает… Сюда идут большие деньги, а люди здесь больше не нужны…

— Колька! Так спасать надо, однако, а не клювом щелкать!

— Спасать!.. — Николай засмеялся, и старик с оторопью увидел, что нарост на переносице заколыхался отдельно, будто уже жил собственной, обособленной жизнью и смеялся сам по себе своим потаенным мыслям.

— Так кого ты собрался спасать, старик? Меня или… этих? — отсмеявшись, вытирая слюну в уголках рта, почти весело спросил поникшего старика Николай. — Подлых, убогих людишек, которые только на жизнь жаловаться могут? Вон их тут сколько собралось! И каждый надеется в новом мире только расквитаться с обидчиками. Недавно новая сестра обряд проходила, приличная с виду женщина из Нижневартовска, с высшим образованием… После напитка правды призналась, что ей надо убить свояченицу, отравившую ей жизнь, родную тетку и любимого, который ее бросил. И так — у каждого, кого чуть глубже не копни!

— Зачем ты здесь этих глупых баб собрал? Они ведь жить хотят, однако! И свояченицы хотят убить понарошку, — с жаром возразил ему старик. — Мужиков к ним не допускаешь, а от мужика баба добрее становится. В селе народишко травить удумал, больших начальников на поклон зовешь. Злой ты, Колька! Злой! Семь кругов было в нашем мире… — сказал старик в лицо глядящему поверх него мужчине, но вдруг осекся. — Вижу, не туда ты свое Око повернул, Колька! Большую силу не туда ты направил…

— Вот что, Идельгет. Старый ты стал, глупый. Нет больше великого Идельгета. Ты — просто Васька Идельгетов, ничтожество. Ничего ты не знаешь, ничего не помнишь, — усмехнулся чему-то поверх головы старика Николай. — Ты умрешь скоро, Идельгет. А перед самой смертью ты поймешь, что Доотет больше не прячет за щеками нашу северную землю зимой, что сам человек принес зла тайге и тундре гораздо больше, чем когда Доотет достал каменный столб Ея… Я хочу, чтобы ты умер сам, один! Чтобы ни один из внуков не подошел затянуть синий шнур на твоей шее!

— Нет, Колька! Я старый и глупый! Я так и буду верить, что хозяин западного неба Делеся важенкой спасется с люлькой в рогах! Бабы ведь такие ловкие! Ух, какие ловкие эти бабы! Как ты их от мужиков не прячь, а они предсказания отцов наших выполнят. Им такое предсказание выполнить просто, Колька! — собравшись с силами, улыбнулся Николаю старик. — Думаешь, я не понял,

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

да? Ты решил служить тем, двоим, которые даже не боги! Боги в этой драчке ни при чем! Они создали мир и оставили его нам, дуракам, на сохранение. Они пошлют троих, и тебе большой писдес будет, Колька!

— Ты говоришь о привратниках, да? Никаких привратников больше не будет, Васька, — улыбаясь одним ртом, выставив крупные, пожелтевшие от чая зубы, презрительно ответил ему Николай. — Я понял, что они обязательно появятся здесь… Ждал! Старый зэк из Пихтовки рассказывал о белом пламени у подножья горы, он единственный выжил тогда, когда лагерь у узкоколейки на Лихачку взорвался. Так вот перед взрывом он видел у самой сопки необычное пламя, у него после бельмо появилось на левом глазу, даже я ничем не мог его снять. Мы все через неделю пойдем туда, на вершину Черной сопки, хотят наши мертвые боги того или нет, но именно там — ворота в другой мир. Приоткрытые ворота.

— Зачем? Ой, Колька, зачем? Нельзя туда, Колька! Помнишь, что было, когда геологи туда ходили ископаемые искать?.. — замахал на него сухими ладошками Идельгет.

— Правильно! Все ты верно, старый, соображаешь! Я тоже понял, что раз так это место стерегут, значит, непременно кто-то приставлен следить за ним. Так вот этот кто-то сидит сейчас у меня в холодных сенях! — давясь редким истерическим смешком, шепотом сказал Колька старику, кося карими узкими глазами в сторону неокрашенной двери из потемневшей лиственницы. — Там он у меня, там! Хочешь посмотреть? А, Вась?..

— Нет, Колька! Боюсь я, старый ведь уже! Ой-ёй! Не хочу! Не надо, Колька-а! — старик принялся суетливо отпихивать наклонившегося к нему Кольку руками с коричневой пергаментной кожей, закрывая глаза, будто пытаясь защититься от Колькиного пронзительного взгляда. Кольку только раззадорили тычки и поскуливание явно струсившего старика, которого он некогда знал как могущественного шамана. Николай обернулся со смехом на дверь, подхватил барахтающегося дедка под микитки и поволок к холодным сеням с мстительной улыбкой,

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

не замечая скользнувшей в его нагрудный карман руки с тонкими птичьими пальчиками.

В холодных, темных сенях сразу же бросался в глаза жуткий вид плешивой вершины Черной сопки, освещаемой быстро катившимся за горизонт багровым солнцем. Этот вид был обрамлен толстыми переплетами небольшого окна, почти затянутого голубоватой изморосью. В углу зашевелился связанный человек. Ловко перекатываясь с боку на бок, связанный капроновым шнуром мужчина все-таки сумел опереться головой о рубленую стену так, чтобы разглядеть вошедших. Старик впился взглядом в почерневшее от побоев лицо человека, на лбу и щеках которого темнели характерные эвенкийские татуировки, отгонявшие злых духов.

Резко обернувшись к державшему его за шиворот пиджака Николаю, старик высоко, по-бабьи заголосил:

— Ты чо, Колька! Совсем дурак, да? Это же Лекса Ивлев, продавец из Красной Яранги! Он из эвенков, которые испокон веку здесь шастали! Совсем уже сдвинулся, да?

Растерянно крутя пальцем у виска, он резко отпихнул от себя ухмылявшегося Кольку, что-то быстро пряча за пазуху пиджака, будто поправляя расползавшуюся подкладку.

— Хы! Ивлев это, как же! Это и есть твой привратник, старик! Полюбуйся! Я у него бирку с шеи снял с сомкнутой змеей, — Колька безуспешно пытался нашарить что-то в глубоком нагрудном кармане, — здесь лежала, выронил, видно… Бирку он носил, сволочь! «К вам, братья, с открытым сердцем пришел!» — зло передразнил он скривившегося в усмешке Ивлева. — Клялся еще перед всеми братьями и сестрами! Мало тебя били, гад, мало?

— Да какие вольному эвенку все, которых ты здесь собрал, «братья и сестры»? Мы сколько с ним пили, но до братьев не якшались! — строго сказал старик, подавая незаметные знаки Ивлеву. Чукча, неестественно вытаращив узкие глаза, скосил их на свою правую ногу, обутую в унт с отворотом, и ответно кивнул. — Отпусти человека, не мучай понапрасну! А били-то его зачем?

— Правильно! Не надо было его бить! Сжечь его надо было сразу! — неистовствовал Колька. — Но не в поселке же его жечь, гада… Ничего! Завтра снаряжение подвезут, на Черную сопку двинем, а его намертво заморозим, подлеца!

— Дык, какой он привратник, Колька? Подумаешь, бирка! Нефтяники на Тихую речку приезжали летом с Большой земли, так у них кольца были с крестами и черепами, но ведь не дьяволами же они были! Кто сейчас змеек не носит, Колька? У нас бабы в район ездили, в лавке промтоварной себе бляшек с глазами накупили, сверху титек навесили, но ведь ни одна баба про Око Бога не слыхала. Что ты из-за змейки к человеку привязался? Сейчас всякий своим

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

богам молится. Надо хоша в чо-то верить, Колька, когда такая херня вокруг деется! Вот человек к змейкам прислон держит!

— Ты за кого меня принимаешь, старик? Лучший, мать твою, оленевод района! Великий белый шаман, мля! Его ближайший дружок и собутыльник Лекса ни с того, ни с сего в сомкнутых змеек верить стал, а он его защищает! «Пей, Лекса, жри и дальше всем змейкам в рот хвосты заворачивай!» Не народ, а сволочь. Мало вас при советской власти учили.

Старик вопросительно взглянул на Ивлева, но тот отрицательно качнул головой.

— Их, Лекса! — проговорил старик вслух, осматривая крепко сложенные сени, будто пытаясь усмотреть лазейку или порок в мощных цилиндрованных бревнах. — Чо же ты спьяну змейку-то на шею натянул? Видишь, как Колька расстроился! Заморозить тебя хочет теперь… Ты бы еще малицу моей старухи на себя надел, он бы вообще на фиг сжег тебя прямо в поселке, у сельсовета. Колька сердитый нынче, да-а… Колька к большим людям прислон держит. Он губернаторам шаманит, он рыжих людей в тундру привел, богатства нашей земли им кажет за воровские деньги, за снаряжение на Черную сопку. Колька дьяволам надземным и подземным хочет жопу лизать! Хочет двери между мирами распахнуть, стать карающим Оком подземного бога… А ты тут со змейкой своей, дурак, сунулся!

— Заткнись, старик! Чо ты болтаешь с этим!.. Смотри, как бы самого тебя не заморозил! Или ты будешь шаманить со мной, или я тебя удавлю, но живым не выпущу! — зло оборвал его Николай и слегка толкнул в тщедушную грудь.

Колькиного толчка было довольно, чтобы старик неожиданно легко отлетел к самым ногам Ивлева. Пытаясь подняться, он неуклюже ухватился за голенища стриженных рыжих унт Лексы, зачем-то подсовывая гибкие пальцы под кожаные накладные отвороты. Сжав в крепкий кулачок небольшую цидулку, он откатился на полкорпуса от Ивлева, тут же попав под прямой удар ноги озверевшего Кольки, принявшегося зло лупцевать связанного лазутчика. От Колькиного удара у старика на глазах вспухала губа, а на пиджак закапала кровь с небольшого курносого носа. Чукча быстро заложил цидулку за щеку, а затем, повозив двумя пальцами во рту, вынул треснувшую верхнюю пластинку зубного протеза. Разочарованно взглянув на разломившийся протез, старик встал на ноги, потирая поясницу.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Че ты делаес, Колька? Чо ты делешься, сволось? Кто мне сисяс субы посинит, а? Последняя власиха в плослую путину на Больсую семлю свалила, — заныл он, размахивая руками в сторону разошедшегося Николая. — Не пливлатник Ивлев, дулак! Пелестань длаться! Пливлатников всегда тлое бывает! У-у! Чему тебя саманка, бабка твоя усила?

— Есть много, друг Горацио, на свете, — прошептал с язвительной усмешкой разбитыми губами Ивлев.

— Ах, он культурный, гад! Он киношку с видюшником по стойбищам возит, говно! Цивилизацию среди таких же говнюков распространяет! Поговори еще мне! Пообзывайся! — заорал на него запыхавшийся Колька, в последний раз поддавая ногой. — Вот и отлично, что их бывает трое! Красота просто, что они втроем ходят! Теперь они вдвоем, вот без этого выродка, ни черта против меня не сделают.

— А мы сейчас как раз втроем находимся, — ехидно пропел Ивлев, отплевываясь кровью. — А Васька-чукча, как лунь, седой. Может мы все и есть привратники, Колька?

— Тосьно! Мы сяс пливлатники, да! — весело подхватил его шуточку старик. — Плавда, в пледании никто не болтал, что седой пливлатник есё и без зубов долзен быть, однако, хи-хи…

— Я вам покажу, какие вы привратники! — с ненавистью и угрозой пропыхтел Колька, потом, вдруг резко побагровев, выпрямился во весь рост, бородавка на переносице начала на глазах набухать, словно хотела отделиться от лица Кольки. В его лице мелькнула растерянность, и на минуту проступили чьи-то настолько чужие, нездешние черты, что старый чукча от неожиданности присел на пол, раскрыв беззубый рот. От его ног, под уклон неокрашенных, смолянистых половиц побежала тонкая парная струйка.

— Старик, беги! Слышь, Васька, беги, поздно будет! — прохрипел Ивлев, подгоняя попятившегося к выходу на четвереньках старика. — Он нас щас убьет! Беги, пока он ничего не слышит! И найди их, предупреди!.. Уй, беги, блядь, беги!..

Наскоро натянув малицу и подхватив охотничьи скороходы в сенях, старик выдернул из-под ватной штанины, подвернутой в потертый унт, огромный квадратный маузер и ударом ноги распахнул дверь на крыльцо. Внезапно сзади него что-то громыхнуло, и сразу же раздался короткий заячий визг того, кто еще минуту назад был продавцом передвижной лавки автобазы N 18 Алексеем Ивлевым. Втянув голову в плечи, старик выскочил на крыльцо, у которого плотной белой толпой собрались хмурые мужики и бабы с бессмысленными злыми лицами.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Всех застилилю, суки! — звонко выкрикнул чукча, потрясая маузером, и, не целясь, тут же выполнил угрозу, бабахнув по шарахнувшейся в сторону толпе. Бросив лыжи перед собой, по-молодецки вскочив в них сходу, он пулей понесся к поселковой околице. За его спиной раздался вначале один изумленный бабий визг, а потом все сгрудившиеся у крыльца бабы в белых халатах разом завопили, вцепившись в истерике в мужиков, когда кто-то страшный выскочил следом за Васькой на крыльцо…

Возле твердой лыжной колеи на Верхний Поселок старик аккуратно притормозил, воровато оглянулся и, попружинив на широких охотничьих снегоходах, перемахнул через придорожную кочку, сразу провалившись по пояс, пробив некрепкий снежный наст. Рывком вытянув обе ноги, он встал, увязая в снегу почти по колено. С каждым шагом поднимаясь все выше, он ускорял ход, выбрав направление к железнодорожной станции, откуда слабый ветер доносил запах гари и нагретого железа. Большой дом у самого выезда из Подтелково, где он только что был, виднелся слева острой крышей, покрытой тесом, но чукча только сплюнул в его сторону, прошептав: *«Харги идет по твоему следу, Колька! Эвенкийский Харги, а не большой Бог якутов! Гонит без устали своего учага, Колька! И дух твой в его власти! Камлать я буду против тебя, Колька, хоть ты и был когда-то великим шаманом среди всех якутов…»*

Подвязав прочнее свой заплечный мешок, заткнув за пояс большой нож — пальму с костяной ручкой, чукча бережно вынул из-за пазухи металлическую бляху амулета Ивлева с чеканкой в виде большой змеи и повесил поверх малицы.

Согнувшись вдвое, он дал к станции такого ходу, петляя среди недавних порубок, что уже через минуту поселок окончательно скрылся из вида, и лишь огромные лиственницы окружили его в сгущавшихся сумерках. Чукча аккуратно объехал тупик старой узкоколейки, над которой через просеки и редколесье возвышалась очерченная красным заревом заката голова Черной сопки. Пробормотав себе под нос странные слова «Восьмая часть, однако! Уй, блядь!», старик помотал головой и прибавил ходу к мерцавшим невдалеке огонькам железнодорожного переезда. Перед самой станцией он на минуту остановился, будто прислушиваясь к чему-то, с шумом втягивая ноздрями колючий морозный воздух…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

ПОСАДКА

С шумом втянув ноздрями колючий морозный воздух, Ямщиков почувствовал, как к нему возвращается уверенность. Они стояли в сгущавшихся сумерках у запертого прицепного вагона. Нахохлившаяся Марина молча качалась рядом, зябко кутаясь в дубленку. Но обнять ее, защитив от пронизывавшего ветра, Ямщиков до прихода Седого больше не решался.

Два раза подходил бригадир состава, стучал в двери вагона и матерился. Возле них так же мерзли на противном влажном ветру с мелким снегом еще человек семь. Потом подошли еще двое каких-то странных командировочных. Они ни на кого не смотрели, они глядели друг на друга, ссутулившись на ветру до такой степени, что, казалось, будто под темными длинными пальто у них скрыты уродливые горбы.

Запыхавшийся проводник подбежал за пять минут до отправления. На шее у него висела какая-то шина, обмотанная несколькими шарфами и полотенцами. Шина, как живая, вертелась на шее, норовя спуститься на талию, но поправить ее он не мог, руки у него были заняты двумя большими корзинами, обвязанными марлей. Он с трудом отпер дверь и, не проверяя билеты, загнал пассажиров в нетопленый, стылый вагон. Ямщиков и Марина все осматривались на платформе, ожидая Седого. Он появился неожиданно, будто вырос сзади них из-под земли.

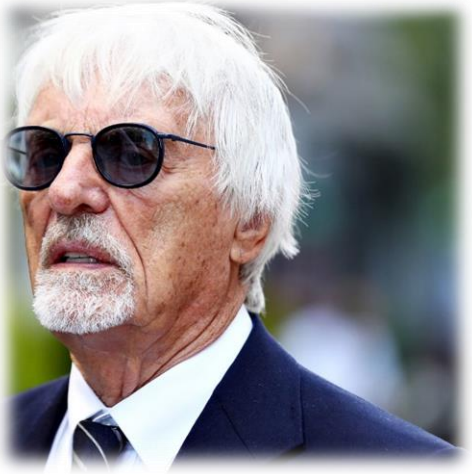
— Первое купе, — сказал он тихо. И Марина вздрогнула, услышав знакомый голос.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Седой теперь почему-то был в узких темных очках. В руках он держал огромный кожаный баул. Зайдя в купе, Седой бесцеремонно принялся изучать содержимое целлофановых пакетов, которые, вслед за ним, затащили Ямщиков с Мариной. Кроме оставшихся от застолья шести бутылок темного пива, Седой извлек два уцененных журнала «Плейбой», несколько вакуумных упаковок ветчины «Застольной», колоду карт, бритвенные принадлежности, пачку гитарных струн и по набору складных ножей и отверток.

Ловко вывалив все это из пакетов на стол, Седой сразу отложил в сторону лишь эти наборы, бритву и гитарные струны, как вещи, представляющие интерес. Марина и Ямщиков сидели в полутьме напротив него.

— Ну, с чем собрались на очередной Армагеддон, дорогие товарищи? Фотки, пиво, солонина, карты! — не повышая голоса, простонал Седой. — Вы хоть закусывали, соратнички? Вас ведь даже сидя — качает! Вы что, цистерну вылакали? Грег, немедленно отнеси это пиво проводнику! Похоже, некоторые от радости позабыли, куда мы, собственно, собрались… Меня тоже, знаете ли, переполняет счастье от очередной встречи с такими махровыми идиотами… Флик, прошу, унеси ты эти… журналы. По-хорошему прошу: выкини это распространение порнографии в мусорный бак у туалета! Тебе, как… женщине теперь… стыдно должно быть!

Как только покрасневшая и пристыженная Марина, покачиваясь, вышла из купе с пачкой журналов, Седой, жестом остановив Ямщикова, склонился к самому его лицу и с жаром выдохнул:

— Ты, совсем, Грег, с катушек съехал? Окончательно?

— Да я-то здесь при чем? Сам до сих пор пребываю в шоке и смятении! Представляешь, стою на вокзале, соображаю, с какого бодуна меня на вокзал принесло, а тут прямо на меня выкатывает Флик… в таком виде, — с кривой ухмылкой во всю рожу начал оправдываться Ямщиков. — Может, Седой, так для нашего удобства специально продумано? Все-таки ехать долго… скучно… То да сё.

— Что же ты за идиот, Грег? Зачем ты ее так пивом напоил? Ее же шатает! А блевать начнет? Хоть капля совести в тебе осталась?

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Осталась, осталась, командир! А как же! Много капель! Сортир откроют, даже отлить придется, — откровенно заржал Ямщиков, уже переживший элемент неожиданности под привокзальную выпивку. Похоже, он откровенно наслаждался растерянностью Седого. — Чо теперь — вешаться что ли? Ну, будет нам очередной писец. Не впервой. Даже забавно, что Флик теперь баба. Я так считаю, что это в наказание ему сделали за тот раз, когда нас утопили. В сущности, из-за него утопли, так теперь ему и надо. Ну и что, что руки были связаны, верно?

Обрывочные воспоминания и пьяный угар сделали свое дело, окончательно расстроив Ямщикова. Качаясь возле столика, он пытался показать какую-то фигуру толстыми короткими пальцами у самого лица Седого. Потные пальцы соскальзывали, Ямщиков упорно раздвигал их опять, пытаясь не попасть пятерней в черные очки Седого, сморщившегося от перегара, наполнившего купе.

— Если ты — Факельщик, твою мать, то мог бы ведь хотя бы пальцами возле задницы чиркнуть! Вот так… Нет, так… Как-то так… Сволочь, одно слово, — наконец угомонился Ямщиков, свалившись на полку.

— Да как бы он там… у задницы… чиркал? Зачем же с человека лишнего требовать? — попытался быть объективным Седой, но возражения его прозвучали несколько неуверенно. — Сейчас, наверно, поздно рассуждать, кто чего там мог, да не смог… У меня к тебе огромная просьба, Грег… Не пей ты больше до… этого самого. Скажи, как работать в такой обстановке? Раз уж у нас такой доверительный разговор, то скажу тебе откровенно, что меня меньше всего волнует сейчас, где чего Флик не чиркнул. Пошел он в задницу, особенно после такого! Прошлого не воротишь! Понимаешь, у меня в этом железном ящике совершенно чутье отключилось! Только Флику не говори!

— Да ты чо, Нюхач? А как же мы теперь? Ты совсем, что ли? Почему это? — внезапно трезвея, выпалил Ямщиков.

— Не знаю почему, Грег, не знаю! Возможно, нюхалка у меня к магнитному полю как-то была подсоединена… Может обшивка вагона экранирует… Сам не понимаю! Сюда шел, какие-то тени вокруг чуял… Как в вагон поднялся, в тамбуре еще понял, что ничего не чувствую! — в полном расстройстве схватился за голову Седой, сев напротив Ямщикова. — А как дошло, что Флик-то теперь бабой

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

стал, так вообще ноги подкосились… Вы оба — пьяные… Что делать? Что делать?

— А я-то откуда знаю? Вы же должны… Вы должны были меня привести… куда надо, короче… должны были факелы разжечь… должны были… — в крайнем раздражении зашипел Ямщиков, дыша перегаром.

— Задолжали мы ему по гроб жизни! — взорвался Седой. — А может, мы еще должны тебе воронку вставить и пиво туда сливать? Ну и чмо же ты, Грег!

— Тихо, тихо! Слышишь, Факельщик наш тащится! — замахал руками Ямщиков, — давай пиво, я его проводнику суну! Только не ори! Слово, главное, не скажешь, он сразу орать начинает… Заходи, Флик! Не стесняйся!

Подобревший после пива Петрович до проверки билетов, еще в санитарной зоне открыл туалет, затопил титан, включил электричество. Впрочем, электричество он включил еще до пива, проявляя трогательную заботу об озябшем питомце. Кирюша высунул голову из-под пухового платка и с грустью посмотрел на Петровича. Он телепатически послал ему в голову одну мысль, на которую Петрович тут же возразил: *«Если поедем через Москву, значит, Кирилл, так тому и быть. Ну, кто тебя в Москве на ремешки пустит? Что ты, в самом деле? Ты опять будешь священным змеем, обещаю! Только, как тебе и положено, во дворце жить будешь или даже в храме, а не в хрущевке возле переезда, блин! Да не смотри ты так на меня! Мне ведь и самому это ножом по сердцу! Жили мы с тобой, как в раю… Не грусти, дружок, не грусти!»*

И все-таки Кирюша грустил. Петрович это чувствовал. Поэтому дал немного ему полакать пива. Вначале Кирюша отпрянул от блюдечка, но, распробовав, выпил поллитра. Он послал Петровичу в голову мысль, что никакой дворец ему на хрен не нужен, что он, бля, еще так всех сделает, что сами они все пойдут на ремешки. Петрович понял, что у Кирюши поднялось настроение, и с новыми силами побежал отбирать у пассажиров дубликаты билетов, попутно предупреждая о скромных, по-человечески понятных требованиях литовских пограничников.

«Посему, — живу Я, говорит Господь Бог, — за то, что ты осквернил святилище Мое всеми мерзостями твоими и всеми гнусностями твоими, Я умалю

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

тебя и не пожалеет Око Мое, и Я не помилую тебя», — процитировал им Седой, выслушав сбивчивый доклад непрерывно икающей Марины, вкратце повторившей сказанное Ямщикову на вокзале.

— Надо искать Око Бога. Глаз — это Око, — повторил он. — Сейчас всем спать. Эти двое нас будут пасти, но, как и где — понятия не имею. Боюсь, что и вагон именно они нам до самого места устроили. Поэтому дежурить будем каждую ночь. Я сегодня никак не могу. Как говорится, извините, я играл в «Зените». Поэтому начнет Ямщиков. Утром я его сменю.

Седой раскрыл баул, выдал большую мужскую майку Марине. Почему-то они с Ямщиковым совсем не подумали на вокзале ни о тапочках, ни о мыле. Вот идиоты, действительно.

Марина с Ямщиковым вдумчиво нарисовали пентаграммы святой водой, также прихваченной Седым, хотя сам Седой к воде относился с явным пренебрежением, предпочитая мелок. Они выложили гвозди и пергаменты, каждый приготовил себе удобную удавку из набора гитарных струн, выбрал нож. Марина сложила все под подушку под сочувственным взглядом Ямщикова, легла и тут же провалилась в сон.

— Слушай, Грег, — тихо сказал Седой. — Ты с ним поаккуратней как-то. Психика-то теперь у него женская налицо. А ты, сколько пива в него влил на вокзале?

— Да не помню я уже… — растерянно прошептал Ямщиков.

— Мы из-за твоих шуточек без Факельщика можем остаться, — укоризненно прошептал Седой. — Не забыл, что Флик — наши глаза впотьмах? Хотя тут такие нынче глазки… Медсестра по глазки в марлевой повязке… Тьфу! Дрянь прицепилась, в бистро на вокзале крутили. Согласись, что ни разу еще таким образом не начинали ни одного похода… И чтобы ехать, как на бойню…

— Меня это тоже заводит, Седой, — ответил Ямщиков, разрезая ветчину в вакуумной упаковке. — Раньше мы шли по следу… Все такое, короче. Действовали, одним словом! На вот, жри! Зря пиво этому уроду отдали. Я как в поезд сажусь, на меня сразу такой жор нападает… И чо? Нынче-то чо получается? Ясно, что в прицепном вагоне никакого Ока не встретишь. Купили прямой билет и катимся сами не знаем куда… Полнейшая хрень!

— Слушай, а ведь неплохая штука, а? — сказал Седой, пережевывая ветчину. — Хоть ветчину научились делать… Хотя в целом плохо еще у нас народ работает! Надо ветчину прямо сейчас съесть, чтобы до утра не испортилась.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— У меня водки немного осталось… Я на вокзале еще водки взял к пиву, если честно. А потом… не решился мешать. Давай по рюмашке? За встречу, — предложил Ямщиков, доставая из внутреннего кармана куртки чакушку.

— Что с тобой делать?.. Давай!

Они выпили, доели ветчину, а потом вскрыли упаковку с копченой лопаткой. От корейки Седой отказался наотрез.

— Это все вечный российский бардак! — глубокомысленно изрек Седой после третьей пластиковой рюмочки, которые оказались у запасливого Ямщикова в кармане брюк. — Все в точности так же, как мы, купили билеты, сели в вагон… А куда их цепляют, куда везут — всем до глубины души наплевать! Совершенно не привык задумываться народ. Как, впрочем, и работать.

— Ну, значит, и нам не хрен от народа отрываться, — зевнув, ответил Ямщиков, снимая теплую фланелевую ковбойку. — Ты лучше скажи, раз такой умный, что можно для пользы дела извлечь, пока мы здесь будем прессоваться?

— Я полагаю, — с жаром заявил Седой, залезая на верхнюю полку, — надо и здесь работать! Случайностей в нашем деле не бывает! Всех, кто сюда ни вопрется, надо выслушать и прокачать! Слушай, я полночи подежурю, сколько смогу, а потом тебя подниму. Устраивает? Давай плановые дежурства с завтрашнего дня начнем.

Всю ночь колеса стучали по поющим рельсам: «Мегид-до, Мегид-до, Мегид-до-до-дон», разгоняя сон. Светили желтыми глазами полустанки, и веселой беспутной спутницей за вагоном бежала полная луна.

Потом вагон надолго остановился где-то и почти до утра стоял в полной тишине. Только вдали слышались редкие гудки маневрирующих составов и усталый женский голос диспетчера из динамиков. Но вот подошла какая-то бригада мужиков, матерясь, они подкатили вагон к другому составу. Вагон вздрогнул всем телом один раз, потом другой, потом что-то взвизгнуло под ним, будто между колес пробежала металлическая кошка, и вновь колеса запели свою боевую песню.

Под утро небо заволокло свинцовыми тучами, а наступивший тусклый, серый день будто извинялся холодными крошечными слезинками, висевшими в воздухе, что ничего запоминающегося и радостного он с собою не несет.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

В ГЛУХОМ КРАЮ ЧУЖБИНЫ ДАЛЬНЕЙ

Под утро небо заволокло свинцовыми тучами, а наступивший тусклый, серый день будто извинялся холодными крошечными слезинками, висевшими в воздухе, что ничего запоминающегося и радостного он с собою не несет. С кленов и дубов медленно падала листва в гниловатых, коричневых подтеках. В парке было сумрачно и тихо, непогода разогнала всех обычных посетителей. По мощеной дорожке, неспешно разговаривая, шли двое мужчин, прикрываясь одинаковыми черными зонтами. Строгие темные костюмы и одинаковые кейсы делали их похожими на банковских служащих средней руки, зашедших обсудить деловые детали финансовой операции в неформальной обстановке.

— Я полагаю, времени осталось в обрез. Никогда еще нашествие лжепророков не было столь мощным и отлаженным, — тихо говорил высокий, суховатый человек, наклоняясь почти к самому лицу своего плотного спутника, сравнительно невысокого роста.

— Кому вы это говорите, пастор Белофф? — риторическим вопросом ответил спутник. — Я ведь жил в Израиле. Там обычное явление, когда кто-то заявляет себя мессией с истерическими рыданиями у Стены Плача. Так и называется — «иерусалимский синдром». Дня не проходит, чтобы по Садам Сахарова с сиренью не проехала карета скорой помощи в психушку «Кфар Шауль».

— Однако за всем просматривается система. Вчера я направил депешу Собору Посвященных. Понимаю, это было жестом отчаяния… Я указал несколько ключевых моментов во всех последних лжеучениях и приложил свои выводы, — продолжал нашептывать другой, с тревогой поглядывая по сторонам.

— Напрасно, все напрасно, — ответил второй. — По вашей просьбе, пастор, я переговорил неделю назад с так называемым иудейским крылом Привратa… Они отказываются определить напутствующего. Дескать, Россия погрязла в ксенофобии, антисемитизме и националистическом шовинизме. Причины этого они усматривают чисто политические, поэтому считают, что Россия

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

нуждается не в стражах и напутствующих, а в политических санкциях вроде поправки Джексона—Вэника. Как основное проявление лика Зла в России они рассматривают национальную рознь, а это, как вы понимаете, вовсе не требует вмешательства Ордена Привратa Господнего. Насколько я знаю, все другие конфессии Ордена, их представители, живущие в странах Запада, тоже это признают. Всех устраивает благоденствие, возникшее возле финансовых потоков, текущих ныне багровыми реками из России.

— Но как же так? Что же делать, реббе? — вконец расстроился пастор. — Вы же знаете, что по традиции один из привратников представляет древних Детей Света, выступивших у горы Мегиддо в борьбе против Детей Тьмы, как это говорится в свитках Мертвого моря… Ну, в качестве олицетворения этнического происхождения, что ли…

— Да-да. Как на театрализованном детском утреннике, — с сарказмом заметил реббе. — Но ни вы, ни я — никто не может с уверенностью утверждать, как, где и в каком качестве появятся привратники. Вы плохо себе представляете наше конфессиональное крыло, которое вместе со всеми правоверными евреями, ждет эры Машиаха. Для них я — олим, то бишь русский эмигрант, которого нельзя хоронить на освященной земле. А недавно скончавшийся глава хасидов «Хабад», которого без проблем похоронили на освященной земле, оставил духовное завещание своей пастве… продолжать добиваться мирового господства, когда, согласно пророчеству, «у каждого еврея будет по 10 гоев-рабов», а особо упорные народы будут «произведены в ранг Амалека и уничтожены вместе с их женами».

— Что же это такое? К кому мне тогда обращаться? — ошеломленно пробормотал пастор.

— Я хочу расставить все точки над «i», — сочувственным тоном продолжил реббе. — Вы утверждаете, Белофф, что на днях в России, возле какой-то горы начнется третий Армагеддон, поскольку там, как вам кажется, осталась подготовленная восьмая часть. И все крутят у виска, никто с вами не выразил желания пообщаться плотнее, верно?

— Да, реббе Береш, вы уже пятый к кому я обращаюсь! — с горячностью вскинулся пастор.

— Могло быть и хуже, — рассудительно ответил реббе. — Лично я ни к кому не рискнул бы обратиться с тем, что давно тревожит меня. Давайте рассуждать

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

логически, пастор. С восьмой части Армагеддон не начинают, ею заканчивают! Это не начало, Белофф, это конец! Мне невыносимо больно, но вынужден констатировать, что Израиль, с которым я связывал столько надежд… давно сдался без боя. И в России намечено не начало, как во втором Армагеддоне, а последняя битва. Вы читали «аналитические доклады» о распаде России? А ведь это не просто страна, а важнейшая сакральная составляющая этого Времени. Похоже, что никого не волнует даже гибель людей здесь… Каждый по-прежнему уверен, что именно он останется жить долго и счастливо, что именно его это не касается. Так было всегда. Но никогда ранее весь мир не был помазан грабежом России. Это, как вы понимаете, тоже сакральный акт! Грешно так говорить, но присасываться с жадностью всем миром можно было к какой угодно другой стране, только не к России, которая, проиграв свой Армагеддон, залила собственной кровью общий второй Армагеддон. Вы догадываетесь, кто все это устроил?

— Мы просмотрели, Береш, да? — дрожащим голосом спросил пастор. — Я каждый день читал эту часть напутствия выставленным дозорам: «У каждого Времени — свой Армагеддон, а у каждого народа — свой. Не дайте им слиться в общий!» Если все заинтересованы, чтобы Россия погибла, в восьмой части действительно будет общая битва… Все поздно? Надежды нет?

— Скажите, Белофф, вы ведь пришли в Орден сами? — неожиданно сменил тему реббе. — Раньше каждый, кто приходит в Приврат, так или иначе сталкивался с чем-то, что его лично убеждало искать малейшую возможность встать перед Нижними Вратами. Кому-то это дано, а кому-то нет. Но большей частью мы все — потомственные члены Ордена. Мы знаем его историю, немного иначе представляем себе религиозные каноны, что позволяет с легкостью находить общий язык между конфессиями. Не только потому, что у нас общая эмпирическая основа религиозных убеждений. Когда-то у нас была и общая цель.

— К чему вы клоните, реббе Береш? — недоумевая, спросил Белофф.

— Послушайте, я встретился не для того, чтобы поговорить о проблемах Ордена, — неопределенно махнул рукой реббе. — Я поясню свою позицию, а потом мы выработаем общее решение. Но для начала, пастор, вы можете ответить честно, что вас толкает встать у распахнутых Нижних Врат?

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Хорошо, я отвечу, — с видимым колебанием решился пастор. — Я все время вижу странный сон. Вижу эту гору… ясно вижу! Будто я лежу там… на склоне в мерзлой земле… Сверху падают люди… мертвые люди… катятся рядом. Ни звука не слышно и такое спокойствие на мертвых лицах… А потом я вижу этот свет… потом появляются звуки… я… простите меня, я всегда так расстраиваюсь… до слез.

Пастор остановился, достал платок и начал вытирать повлажневшие глаза дрожащей рукой. Из-под шляпы он смущенно прошептал: «Простите! Вы, конечно, не обязаны меня понимать! Не могу объяснить…»

В этот момент реббе резко оттолкнул его в сторону и едва успел отскочить сам. Мимо собеседников на дикой скорости промчался неизвестно откуда взявшийся велосипедист. Возле реббе Береша он со всего ходу въехал в лужу, обдав его и пастора веером холодных брызг. Пригнувшись, он тут же свернул в боковую аллею и скрылся из вида.

— Не надо мне ничего объяснять, Белофф! Согласитесь, такое лучше всяких объяснений… И в последнее время нечто вроде этого стало происходить всякий раз, когда я вспоминал или упоминал о привратниках, — отряхивая пиджак и брюки, сказал Береш. — Всякий раз!

— Мне тоже это не слишком понравилось, — признался пришедший в себя пастор с нескрываемой озабоченностью. — Единственного моего помощника на днях сбила машина. Скажите, а вы поможете мне?

— Разумеется, Белофф, — утвердительно кивнул Береш. — Поскольку очень хорошо понимаю то, что вы мне рассказали. Сам часто перед любой неприятностью в жизни видел один и тот же сон. За моей спиной не гора, как вы говорите. В России это называется сопка. Так вот, за моей спиной такая сопка с черной шапкой выгоревшего редколесья. Я иду по твердому снежному насту, мне очень страшно! Но я стараюсь идти прямо. Понимаю, что очень нужен тем, кто идет следом, используя меня в качестве прикрытия. Подхожу… отдаю честь… начинаю доклад. По-видимому я какой-то военный… А те, кому я докладываю, стоят очень высоко. Я стараюсь не смотреть им в глаза… Но вдруг рука одного из них оказывается у меня прямо на уровне подбородка… с острым стальным ногтем… очень острым…

— И что? — затаив дыхание, спросил пастор.

— Больше ничего! Вообще ничего! — резко ответил реббе. — Но, согласитесь, этого вполне довольно, чтобы с тех пор упорно искать связи с Орденом. Я ведь

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

родился в Москве, поэтому отлично понимаю, что в России можно скрыть все что угодно. Мне, как и вам, тоже кажется, что от прежнего Армагеддона осталась восьмая часть. «Семь колес везет это Время. Семь — ступицы его, бессмертие — ось». И восьмая часть поменяет все! Сказано было от Иова: «Когда я чаял добра, пришло зло; когда ожидал света, пришла тьма…» Это конец, Белофф!

— Но от Исаии нам было ниспослано: «Я образую свет и творю тьму!» — упрямо возразил пастор. — А от Иоанна сказано, что тот, *«кто ходит днем, тот не спотыкается, потому что видит свет мира сего; кто ходит ночью, спотыкается, потому что нет света с ним!»* В чем вы видите свет этого мира, Береш?

— Вы хотите делового разговора или проповеди от Иакова вроде: *«Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов, у которого нет изменения и ни тени перемены»*? — раздраженно спросил реббе. — Послушайте, месяц назад я присутствовал на традиционной церемонии посвящения новых членов Ордена. Мне, как думаю и вам, не совсем нравится то, что сегодня в Орден идут биржевые маклеры и профессиональные политики. Но я, в отличие от вас, осторожен, я молчу. Так вот церемония проводилась без блях с изображением символа сущего и тригона веры, надежды и любви. Даже на приорах не было ни одной бляхи! Признаюсь, мне поначалу это понравилось. Я подумал, что таким образом нужным людям оказали уважение за финансовые и политические заслуги перед Орденом, но на самом деле оставили за его пределами. Согласитесь, мудро. Только непонятно, зачем посвящать в таинства посторонних суетных людей. Нечто в этом роде я сказал пресвитеру Собора Святого Доминика, стоявшему рядом. Он посмотрел на меня очень странно, потом сообщил мне одну вещь… И, по-моему, тут же пожалел, что сказал мне это. Знаете, мне сложно повторить сказанное даже вам… Так вот, он сообщил, что ни одной бляхи на материке уже нет. Три исчезли несколько лет назад, а две, якобы, Орден продал на аукционе «Сотбис» в разделе религиозных реликвий XV века. Купили неизвестные частные лица. Так что… это не начало, пастор, это конец.

— Остается уповать только на то, что один из привратников, несущий в себе свет божественной Любви, все же разожжет свой светильник, — помолчав, задумчиво отозвался Белофф. — Вчера вечером наугад раскрыл Писание и прочел: «Тот, кто имеет уши, да слышит! Есть свет внутри человека света, и он освещает весь мир. Если он не освещает, то — тьма…»

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Не забывайте, Белофф, они такие же люди, — с грустью напомнил реббе. — Давайте-ка, лучше соображать, что мы можем успеть сделать в этой ситуации? Отступать некуда. Надеюсь, вы понимаете, что все мы рано или поздно умрем? Вот и будем исходить из этого оптимистического постулата. Итак, бляхи, которые многие из нас считают лишь традиционной атрибутикой, несут какой-то достаточно важный, но уже утерянный для нас смысл. В России, насколько я помню, до Второго Армагеддона оставалось семь блях.

— Да, их было семь. Но вы забываете, что еще в период гражданской войны неизвестно куда исчезли две бляхи, их хранители бесследно пропали. Мы полагаем, что их уничтожили вместе с другими церковными реликвиями в период иконоборчества.

— Так… Остается пять. Три бляхи у моих бывших однокурсников, — сообщил реббе Белоффу, удивленно приподнявшему брови в ответ. — Да-да! Не удивляйтесь! Или вас еще удивляют такого рода «совпадения»? Вспомните, о каких вещах мы с вами говорим. Я думал, что вы это знаете, раз так упорно добивались встречи со мной. В молодости мы ходили на байдарках по сибирским рекам… Как-то к нашему лагерю подошел шаман… Если быть кратким, он лишь попросил спрятать у себя три бляхи до утра. Утром он, конечно, не пришел. Но той же ночью мы все видели такое, что… определило, вернее, исковеркало все наши жизни, — с горькой усмешкой сказал Береш. — Хотя люди меняются. Казалось бы, вот вам готовый тригон напутствующих! Причем все, естественно, ударились тем или иным образом в религию. Я попытаюсь сегодня же связаться с Марком Губерманом, он один из тех, кто с нами слышал эти крылья, когда на нас встала черной стеной река…

— И он — иудей? Так это же решение всех наших проблем! — обрадовался забрезжившей надежде пастор.

— Боюсь, что никакое это не решение, — понуро ответил реббе. — Недавно я прочел в еврейской газете, издающейся здесь на русском, что раввина московской синагоги избил православный священник Свято-Никольского Собора, понятное дело, из соображений патологического антисемитизма, националистического шовинизма и ксенофобии. Фамилия раввина — Губерман. Боюсь, что священник — это наш Фира, второй хранитель. Зная Марика с детства, я

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

думаю, что именно он бил Фиру, а не наоборот. В любом случае, про две бляхи можно забыть. Это конец, Белофф!

— Да что же это? Как-то можно на них повлиять? — окончательно упал духом пастор.

— Конечно, я попробую, — без энтузиазма ответил реббе. — Вы ничего не знаете, у кого две другие бляхи?

— Про одну вообще нет достоверных сведений, — принялся вспоминать Белофф. — Ходят какие-то легенды и сказания… Но ничего конкретного. А вторая была у нашего лазутчика Ивлева, он вроде бы эвенк или чукча… Признаться, я в этом плохо разбираюсь. Но донесения приходили как раз из Сибири. Когда вы говорили, что к вам на реке подходил шаман, я поначалу подумал на него. Но у него была только одна бляха. И он вовсе не был таким человеком… Мне казалось, что я его хорошо знал, потому что более восьми лет читал его донесения. Не уверен, что он решился бы на инициацию незнакомых людей у реки. Как я понял, он был очень замкнутым по натуре человеком. В каком году это было?

— В середине 60-х, — ответил Береш.

— Нет, он никак не мог там оказаться, Ивлев сравнительно молодой человек, — окончательно отказался от этой версии пастор. — Не знаю, есть ли ему сорок. В это время он был еще непосвященным мальчиком. Бляху хранила его мать, его дед к тому времени погиб. Тоже при странных обстоятельствах, насколько я помню. Впрочем, точнее не могу ничего сказать, его личное дело пропало не так давно.

— Там были его донесения? — резко остановившись, спросил реббе, глядя прямо перед собой.

— Естественно, — ответил пастор и тут же прошептал: «Боже мой!»

— О пятой бляхе можно забыть, — подытожил реббе. — Что было в его последних донесениях?

— Накануне один за другим исчезли еще восемь сотрудников нашего отдела, засланные за последние три года в славянские христианские секты России, — с горечью заметил пастор. — Насколько я уяснил из предыдущих посланий Ивлева, он шел по следу какой-то секты, занимавшейся вообще… шаманизмом! Казалось бы, безобидным направлением лжепророчеств и сектанства, са-

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

мым далеким от обычных посылов лукавого! Вы помните, что наш отдел никогда раньше не рассматривал языческие течения серьезно. У нас были рефераты и наставления Собора Посвященных о том, что наибольшую опасность представляют монотеистические учения! Ведь нас строго контролируют по части расходования средств, как вы понимаете… Но связь с Ивлевым тоже прервалась, а личное дело исчезло. От ваххабитов я ожидал чего-то подобного…

— Что он вам писал? — нетерпеливо прервал его реббе.

— Представьте себе, по словам Ивлева, эта секта была отлично осведомлена о привратниках и активно пыталась им помешать, продолжил пастор. — У меня сложилось впечатление, что адепт этой секты знает о привратниках куда больше, чем весь Орден Приврата Господнего… В последнем письме Ивлева было всего две фразы: «Камлают, чтобы Надежда осталась слепа, а Вера бессильна. Опасаются только божественного света Любви».

— Странно, что они знают о привратниках, но сейчас доступна почти любая литература, — задумчиво сказал Береш. — Но что могло грозить вашему лазутчику среди людей, которых заботили такие абстрактные вещи, как свет Любви?

— Как я понял, они хотели его погасить… камланиями. Да-да! Не удивляйтесь! Ивлев утверждал, что многое зависит от какого-то шамана, которого они ждут. Как только тот к ним присоединится, так сразу же Вера и Надежда, которых несут двое других привратников, будут бессильны!

— Это конец, Белофф, — растерянно проговорил Береш. — И при этом вы абсолютно правы насчет России. Смешно было именно мне, в переписке с вами, отрицать очевидное… И уж не вам рассказывать мне про наш российский бардак… Эти миллиардные состояния, социальное недовольство… По сводкам новостей давно можно почувствовать, что неразлучники должны быть где-то там! Вроде бы и период гонений на веру закончился, а истиной веры все меньше… Вот только это все же Россия, Белофф! И как бы хорошо не подготовились неразлучные, здесь непременно появится нечто, что смешает им все карты, в точности так же, как они смешивают наши. Нечто такое, что невозможно представить вне России… По-

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

этому не будем терять надежду. Давайте прощаться, обеденный перерыв заканчивается. Каналы связи остаются прежними. Доверьтесь мне, я постараюсь убедить Марка… Вообще-то он был моим лучшим другом… После него я почему-то и друзей не завел… Я сделаю все, что могу! Всего доброго!

Мужчины пожали друг другу руки и, хотя вокруг не было ни души, исподтишка оглянувшись, обменялись кейсами, после чего двинулись к противоположным выходам из парка. У западного выхода реббе Береша ожидал ярко-красный «шевроле», тут же рванувшийся с места, будто стараясь уйти от погони.

Его собеседник, видно перестраховавшись, оставил взятый напрокат «фиат» на платной парковке за углом. Однако у самой кромки тротуара его тоже поджидала какая-то машина с включенным сигналом аварийной остановки. Пастор, опасливо покосившись на нее, двинулся пешком к ближайшему светофору. Но дойти до перекрестка он так и не успел, потому что внезапно ожившая машина с погасшими аварийными огнями неожиданно выехала за ним прямо на тротуар…

* * *

В просторной гостиной двухкомнатного номера, прижимая к груди большой телефон, возбужденно ходил реббе Береш. Прижимая трубку к уху, он кому-то кричал возбужденной скороговоркой.

— Послушай, Марик! Я скорее поверил бы, что у Савеловки тебе подправил скулы Марсель. Очень хорошо могу себе это представить. Не забыл, как мы его из отделения забирали после драки в Сокольниках с арабскими студентами, гулявшими с русскими девушками? Таких ведь шовинистов, как вы с Марселем, поискать! «Татарин — это еврей со знаком качества!» — помнишь еще эту его прибаутку? И про — «нам, татарам, все равно»? Да…да…да… А теперь послушай меня! У тебя совесть есть? Ты можешь понять, что сейчас в России остались только те бляхи, которые мы привезли из похода? Ты можешь заткнуться и хоть что-то понять? Ты в состоянии понять, что пастор Белофф, с которым я говорил накануне, даже не дошел до своей машины… Не знаю, Марик, сколько после этого разговора проживу я… Но если ты жить хочешь, то немедленно беги к Фире! Не знаю, с какой рожей ты к нему побежишь! Если у тебя есть запасная рожа, тогда все проще. Но, по-моему, у тебя и запасной задницы не имеется. Пойми, дурак, они придут за тобой! Очень скоро! И тогда

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

ты мне на шовинизм не жалуйся! Записывай из Устава напутствующих: *«Трижды на день молиться о ниспослании божественного света Любви, пробуждающего Веру и дающего Надежду…»*

Неожиданно в соседней комнате раздался сильный хлопок, зазвенели стекла, электричество мигнуло и по комнате прошел сквозняк. Береш прижал трубку к груди и молча посмотрел на темный проем двери соседней комнаты. Он подошел к столу, аккуратно поставил аппарат к массивному буковому органайзеру, потом осевшим голосом сказал в надрывающуюся криком трубку:

— Марик, погоди! Ты не вешай трубку… У меня… похоже, окно в соседней комнате хлопнуло, открылось, наверно. Я только закрою… Тут еще есть очень важная ссылка на Евангелие от Луки про светильник тела и огонь души… Как ты помнишь, именно Лука, по преданию, основал наш Орден… Очень важно! Секунду!

Положив трубку рядом с аппаратом, Береш торопливо вошел в соседнюю комнату и тут же, с внезапно накатившим ужасом почувствовав что-то, резко повернулся назад, к освещенному проему двери. Но чьи-то мощные руки уже перехватили его за горло, до реббе донесся странный звук, будто прямо в комнате кто-то с трудом встряхивал огромную тяжелую скатерть, и последнее, что он ощутил перед тем, как ему перерезали горло, полное отсутствие опоры под ногами…

В опустевшей комнате стояла гулкая тишина. И только телефонная трубка, лежащая на столе, видневшемся в освещенном квадрате двери, надрывалась криком: «Миша! Миша! Куда ты ушел? Миша, у нас три часа ночи! Что, в конце концов, ты о себе понимаешь? Ты ведь не «женщина моей мечты, бальзам души свежайший»!..»

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

МОГИЛЬЩИК

— «О! Женщина моей мечты, бальзам души свежайший!» — фальшиво проблеял чей-то голос возле самого уха Марины. — *Да-а… С женщиной моей мечты, представьте себе, я познакомился на кладбище! Я тогда у друга там жил. В склепе цыганского барона, отравленного любимой женщиной, татаркой по национальности… Эх!.. Люба, Любонька, Любовь! Хорошо я там жил, не жаловался. Так правильно, лето же было! Или весна? А тут вдруг пришла она, Любовь. Любовь Васильевна Кочкина. Всю мою поломатую и несчастную жизнь озарила божественным светом любви… Папа у нее умер, а мужа у нее никогда не было. Они своего папу с мамой-пенсионеркой хоронили. Вернее, дело было так. Мама еще была живая, но это несущественно, а хоронили они как раз папу. Мне напарник-то мой и говорит шепотом:»Глянь, Михуил, две бабы — глупые, как табуретки, гляди, из-за еще папы воют! А у папы ихнего морда самая сатраповская, им бы радоваться, а они… Ты их, Мишатка, из вида не упускай!»*

А мне, конечно, Люба сразу как-то по сердцу пришлась. Я с них даже денег за плиту не взял. Мы с товарищем плиты приспособились со старых могилок на новые переделывать. Начальство у нас как раз в тот год на Кипр всей бандой уехало, милое дело тогда было на кладбище! Тишина! Ни драк, ни перестрелок! Сирень цветет, каждую родительскую субботу стряпней домашней все могилы украшены. Свечки горят, вечера теплые, романтика! И мы по аллейке идем рука об руку с Любой, а я ей про всех известных покойниках рассказываю. Ну, кто что при жизни делал. Интересно ведь, с кем ее папе еще лежать и лежать… Любочка такой впечатлительной оказалась! Все меня за руку хватает и шепчет: «Как вы среди них жить не боитесь, Михаил Аркадьевич?» А что там не жить? Жить бы и жить… Но о зиме-то тоже надо было думать! На морозе походи-ка с кайлом… А телогреечка, сам знаешь, короткая! И это при моем-то радикулите! Ну, присели мы на постамент гранитный нашего бывшего смотрящего Пашки Крокодила, кругом птички, значит, поют, а Люба мне и говорит…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Марина Викторовна Фликовенко окончательно проснулась от того, что кто-то над самым ее ухом увлеченно рассказывал Седому, продолжавшему лежать на верхней полке, обо всех женщинах своей жизни. Вернее даже не поэтому. Кладбищенский романтик незаметно для Седого щипал ее сквозь жидкое железнодорожное одеяло за лодыжку и старался просунуть под его обманчивое тепло здоровую натруженную кайлом лапу. Она хотела прямым выпадом дать ему в ухо, но, приподняв руку, вдруг увидела в сером утреннем свете свой маленький беленький кулачок, и сердце оборвалось. Марина Викторовна беспомощно опустила руку. Она вспомнила весь вчерашний день, а главное, то, что она теперь женщина. Отчаяние ее было так велико, что она пропустила момент, когда кладбищенский ловелас все-таки сунул руку ей под одеяло. Вначале он, как ей показалось, просто хотел погреть под одеялом руку, мягким белорусским говорком повествуя, по какой причине ему пришлось на зиму рвануть из обжитого Чучково в родные Барановичи. Пригревшись, тихонькая ручонка его ожила, принялась настойчиво поглаживать за все неровности и округлости ее нынешнего, ни к чему не пригодного тела.

Неожиданно для себя Марина почувствовала, как в ней закрутилась и сразу же выпрямилась какая-то пружина. Она вдруг завизжала и вцепилась в волосы этого типа. Со своей верхней полки немедленно спрыгнул Ямщиков и, долго не задумываясь спросонок, принялся душить изворачивающегося Михаила Аркадьевича. Тот громко захрипел и мелкой заячьей дробью застукал руками в стенку соседнего купе над головой Марины Викторовны. Она хотела придержать его за егозившие по полу ноги, чтобы подсобить Ямщикову, но они услышали тихий предостерегающий свист Седого и тут же выпустили Мишатку.

В дверях стоял проводник, позади него толпились какие-то пассажиры.

— Что же это такое? А? Спрашивается? Если какой попутчик не по нраву, так его что, сразу душить? — укоризненно спросил Петрович

— Не сразу мы… Противный он просто… На кладбище жил, говорит… — с отдышкой проговорил Ямщиков.

— Я просто уверен, что это — железнодорожный маньяк! — обвиняющее ткнул рукой Седой с верхней полки в хрипевшего могильщика.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— А давайте я все-таки сам буду определять, кто из вас тут маньяки, лады? — без всякого почтения оборвал его Петрович, даже не глянув в сторону Седого.

Марина, натянув одеяло на подбородок, оторопело рассматривала наседавших на Петровича пассажиров.

— Если он противный, так ведь два купе свободных, договориться всегда можно! Мне что бригадира каждый раз на вас вызывать? — продолжал как-то через силу орать проводник исключительно в сторону Ямщикова, ритмично тыча рукою почти в лицо Михаилу Аркадьевичу.

— Раз два купе свободных, то почему ты его к нам направил? — примирительно сказал Ямщиков, засунув в вытянутую руку Петровича какую-то бумажку из кармана брюк.

— А кто вас просил первое купе занимать? — обращаясь к зашторенному окну купе, строго спросил Петрович. — Я вот и этому козлу сказал: «Иди на свободное место!» Я виноват, что у вас, пассажиров, такая воровская привычка во все купе тут же заглядывать и лезть в первое попавшееся? Я ведь предупреждал, что двери в нашем вагоне закрываются плохо! Пипку на двери подними, к тебе уже не сунутся. Литву проехали — подними пипку и спрячь вещи! Что сложного-то? Пятое купе подняло пипки — к ним не достучишься, хотя там два места свободны. Я виноват, что у нас в стране советов — ни слов, ни добрых советов никто не понимает? У нас ведь пока билеты всем продают: и маньякам, и психам, и алкоголикам… Та-а-ак! Расходимся, умываемся, санитарная зона через сорок минут! Биотуалетов для вас здесь не предусмотрено! Маньяков и алкоголиков тоже касается! В туалет надо валить, как проснулись, а не попутчиков душить! Нахлебаются с вечера… — пропел Петрович, оттесняя пассажиров от купе и прикрывая за собой дверь.

Утирая выступившие от удушья слезы, потерпевший, с опаской глядя на спокойно собиравшего бритву и полотенце Ямщикова, просипел:

— Так бы и сказали, что молодые едут. А я думаю, чего женщина лежит зазря, скучает… Так бы и сказали! Мне щас даже в туалет не надо, извините, дамочка!

— Ты бы заткнулся, а? Шел бы на свободные места, пока живой, а? — не глядя на попутчика, зло ответил Ямщиков. Подав полотенце и зубную пасту, он приказал ей: —Нечего тут приключения на чужую шею собирать, Марина, иди в туалет очередь занимать!

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Седой тоже согласно кивнул, и Марина, захватив полотенце и туалетные принадлежности, вышла из купе.

Особого порыва к гигиене тела в их вагоне не наблюдалось. Видно, все обсуждали утреннюю разборку в первом купе. Впереди нее стояла только женщина с мальчиком лет пяти. Эту женщину Марина вроде не видела в толпе. Мальчик молча взбирался на ящик для мусора и, закрыв глаза, прыгал с него на пол, а женщина тоже молчала, прислонившись к косяку. Марине очень хотелось подойти, толкануть дверь как следует и сказать пару ласковых словечек засевшему в туалете типу, но она понимала, что ей надо учиться вот так же молча стоять и терпеть, как эта женщина, потому что она теперь такая же. Она опустила глаза и вдруг обнаружила, что стоит только в какой-то длинной майке, которую ей вчера дал Седой. Стоять в ней было холодно, рукавов у нее не было, вообще какая-то тоненькая была эта майка. Женщина скользнула взглядом по ней, и Марина поняла, что выглядит она, с точки зрения этой женщины, как-то неподобающе. Наверно, сверху надо было надеть такой же халат, но у Седого халата для нее не оказалось

Действительно, Марина производила двойственное впечатление. С одной стороны она была вроде ничего. Но с другой стороны, она еще не научилась выходить из купе, предварительно расчесав пышные, сбившиеся за ночь в копну

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

волосы. Майка, которую вынул ей из своего объемистого баула Седой, не просто подчеркивала грудь, она совершенно неприличным образом выдавала полное отсутствие нижнего белья. А ниже майки у нее располагались неплохие даже по прежним, довольно придирчивым меркам их с Грегом драгунского полка, женские ноги.

Они были совершенно без растительности с гладкой розоватой кожей и с такой маленькой, ровной ступней… Марина так засмотрелась на ноги, которыми теперь располагала в наличие, что, подняв глаза, сразу испытала шок, столкнувшись с этим пристальным змеиным взглядом. Женщины с мальчиком уже не было, а у двери туалета напротив нее стоял неприятный лысый мужчина в большом махровом халате. Ладони его были прикрыты вафельным полотенцем. От неожиданно возникшей неловкости, она опустила глаза вниз и увидела, что его ноги обуты в огромные ортопедические ботинки… Неужели это сар? Или ей опять мерещится, потому что она теперь всего лишь баба? Откуда взяться сару в поезде?..

Марина отступала под холодным пронзительным взглядом пассажира, стараясь даже не задумываться, почему это надвигавшийся на нее мужчина начал скручивать свое полотенце удавкой, но краем глаза она все же увидела, что под полотенцем этот страшный, до дрожи в голых коленках, жуткий тип прятал необыкновенно когтистые лапы. Да это маньяк какой-то! Не зря же Седой что-то про маньяков говорил… Командировочный в халате и лыжных ботинках на каблуках подходил к ней вплотную, оттесняя к мусорному ящику, на который она в изнеможении опустилась, прижавшись полуголой спиной к холодному стеклу. Голова ее беспомощно запрокинулась, глаза закатились…

Боже мой! Только сейчас она вспомнила, что сняла на ночь этот дикий, ужасный бюстгальтер, в котором можно было бы хоть ножик спрятать… Руки стали словно ватными… Какая же она беспомощная! Да и как бы она сейчас ножик доставала? Неудобно ведь при мужчине из бюстгальтера что-то доставать… Странно, ей почему-то очень захотелось на весь вагон позвать маму… Мамочку! Ну, почему она здесь одна? Он же сейчас ее точно задушит! Какие страшные люди кругом! Где же ее мамочка? Где?..

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Неожиданно в Марине вновь начала закручиваться непонятная ей пружина, сидевшая глубоко внутри ее нового тела. Чувствуя у самого лица смрадное дыхание, смешанное с мятным запахом зубной пасты, Марина целиком положилась на судорожный порыв своего слабенького никчемного тела, вдруг решительно захотевшего жить. Совершенно помимо ее воли рука с тонкими, будто прозрачными пальчиками осторожно просунулась сквозь полы халата между ног пассажира, вцепилась коготками во что-то мягкое и принялась методично выкручивать это что-то вначале по часовой стрелке, а потом против нее, а потом все резче, резче, быстрее!

Дикий вопль заставил всех вывалить из купе, но первым подскочил, конечно, Ямщиков. За его спиной возник и вездесущий Петрович.

— Да что же это с вами, гражданочка, такое сегодня, а? — спросил он плачущим голосом. — Ходите тут в мужском исподнем, народ до дикого крика пугаете!

— У него, наверно, живот прихватило, пока в туалет очереди ждал, — высказал предположение Ямщиков, всовывая что-то в руку Петровича.

— Наверно, — охотно согласился Петрович, быстро пряча руку в карман. — Оделись бы вы, дамочка, хотя бы! Купаться, что ли, в туалете собрались? Так я без сменщика, туалет грязный!

— Пойдем, Флик, — потянул Ямщиков Марину с ящика. — А ты чо зенки вылупил? — бесцеремонно отпихнул он типа с удавкой, ловившего воздух открытым ртом. — Как двину промеж глаз, так враз

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

людей пугать перестанешь. Вопит еще! Давно бабу не видал? Подумаешь, в майке! Не без майки же! Попадешься ты мне, падла, у темном уголку!

Ямщиков обнял Марину за плечи и повел по проходу к купе.

Петрович продолжал громко ругаться на того гадкого пассажира, которого, вдобавок к выкатившимся зенкам, еще и вырвало на пол перед туалетом. Петрович продолжал гундеть на весь вагон, что теперь напарника вообще не дождется, что этот рейс ему серпом по всем гениталиям выйдет, что их вдруг не пускают в Москву по Октябрьской железной дороге и за каким-то хером направили по Московской железке к Рязани. А кому на фиг нужны удавы в Рязани? Он лично таких козлов не знает. И щас они прокатятся по памятным местам татаро-монгольского нашествия. Листвянка, Задубровье, Чучково, Сасово… Делать ведь абсолютно нечего, кроме как собою такие дыры затыкать, будто они какие-нибудь сдвинувшиеся татаро-монголы!

Ямщиков, замедлив продвижение, с кривой ухмылкой выслушал его жалобы. Громко, не столько для Петровича, сколько для типа, приставшего к Марине, пропел: «А как в городе Рязани пироги едят с глазами! Их жуют, блядь, их едят, а они во рту глядят!»

До самой Марины этот шум сзади и смысл его песни доходили очень плохо, вернее совсем не доходили. После холодного стекла рука Ямщикова казалась такой теплой. Поразительно, но ей даже не казалось странным, что человек, с которым они знали друг друга так давно, обнимает ее плечи, едва прикрытые майкой. Более того, ей почему-то это было приятно. И Марина впервые с прошлого дня подумала, что быть женщиной не так уж и плохо. Иногда.

— Слушай, Грег, ботинки у него какие-то странные, — решила она все-таки поделиться сомнениями с Ямщиковым. — Мне кажется, что это сар!..

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Да какой это в жопу сар? — развернув ее за плечи к согнувшемуся возле туалета пассажиру, сказал Ямщиков, даже не понижая голоса. — Если это чмо — сар, то я — балерина Большого театра! Ты сопли-то вытри, сучонок! Разнюнился, вонючка! Щас я тебе добавки добавлю от души!

— Прекрати! — хором заорали на него Петрович и Марина, поняв, что Ямщиков на самом деле решил добавить пассажиру, который и так производил отталкивающе жалкое впечатление. За спиной у него вообще обнаружился незаметный вначале горб, левую ногу он странно приволакивал, судорожно двигаясь к купе и пытаясь отчего-то заслонить глаза. Похоже, что он вообще беззвучно рыдал в вафельное полотенце от перенесенного у туалета потрясения. Марине немедленно стало стыдно. Поднять руку на инвалида! Может, человек просто хотел в окно поглядеть?

Почувствовав общее недовольство, Ямщиков тоже неловко хохотнул и потрепал угнетенную его вспышкой Марину за плечи. По прежнему в обнимку они направились к первому купе. Вдруг, с силой сжав голое плечико попутчицы, подавленной запоздалым раскаянием, он прошептал:

— Гляди, Флик, раньше ведь этого не было!

Они подошли вплотную к пожелтевшей бумаге, висевшей между окнами с грязными, пахнувшими пылью шторками. Под крупным заголовком «Расписание движения» был изображен серенький тепловозик с бодрой надписью на боку — «Вас приветствует МПС России!» За период ночного вихляния вагона по вражеской литовской территории кем-то неизвестным были сделаны свежие наклейки поверх плотной, засиженной мухами пленки расписания. Вагон теперь направлялся в обход основных железнодорожных магистралей, а над двумя неизвестными разъездами Красноярской железной дороги, захватывая станции Восточно-Сибирской дороги, красовалась небрежно налепленная наискосок надпись — «Армагеддон N 3, стоянка 4 мин.».

В этот момент и Марина сквозь стук колес, вопли Петровича и наглый свист Ямщикова явственно услышала в пятом купе шелест кожистых крыльев и чье-то тихое шипение: *«Сгинешь-шш… Сгинешь-шш…»*

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

ФАКЕЛЬЩИК

Сквозь стук сорванной с петель двери, вопли чаек и свист ветра Флик явственно услышал шелест и хлопанье кожистых крыльев и тихое шипение: *«Сгинешь-шш… Сгинешь-шш…»*

Флик, смотрел на странную, вытертую бляху с четырьмя святыми, в которых с трудом угадывались очертания женщин. Изображения обвивала по краю большая блестящая змея. От прибывавшей в домишко воды стало совсем холодно, он зябко повел плечами и спросил матушку:

— А разве такие змеи бывают?

— Папаша мой говорил, что бывают. Они живут в жарких странах и ползают по деревьям. Так он мне говорил. Правда, выпивши он тогда был. Но это к делу отношения не имеет. Ты спи, сынок, спи, я тебя покараулю, — ответила ему матушка.

Она покрепче ухватилась одной рукой за стропилину, а другой обняла его, укутав своей шалью. Они с утра сидели под крышей своего дома на старой деревянной перекладине, соединявшей стропила. Вода прибывала, а никто из соседей почему-то не спешил к ним на помощь. Но матушка сказала, что деревенский староста знает, что дамбу прорвало, а уж крестный обязательно успеет к ним до прилива. Внизу плавал матушкин топчан, два табурета и кухонный столик. Все остальные вещи были надежно укрыты в два больших сундука, привинченных к полу.

Нацепив дедушкину бляху на грудь, Флик прижался к матушке, закрыл глаза и стал думать о дальних странах, в которых тепло. Постепенно и ему становилось все теплее, а потом и жарче, как в тех странах, где бывал дедушка…

Матушка шептала склонившемуся ей на грудь сыну, что Змей на дедушкиной бляхе — это символ всего сущего. Дедушка рассказывал ей про бляхи, где огромный Змей держал на себе Землю. Правда, сам он их не видел, это были очень старые бляхи, оставшиеся от прежних времен. Засыпая, Флик думал, что во все времена Змею с дедушкиной бляхи находится работа. Море наступает, а Змею все труднее поднимать на себе землю… Под матушкин шепот он старался думать только о Змее, чтобы не думать о соседях, оставшихся на дальней

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

косе, полностью скрывшейся под водой… о том, что им с матушкой, скорее всего, некому будет прийти на помощь…

Джон Эверетт Милле. Наводнение. 1870

Потом он почувствовал, что чьи-то сильные руки подхватили его, и голос крестного сказал:

— Занедужил парнишка! Горит в лихорадке Флик-то наш, матушка Лерк! Вы сами сползете в лодку, или подсобить? Да держу я, держу!

Флик почувствовал под собой покачивание лодки, рядом с ним зашлепали весла, сильный порыв ветра, освеживший горевшие щеки и лоб, подсказал ему, что они уплывают сейчас все дальше от дома. Вновь сквозь болезненную дремоту чей-то голос зашипел куда-то чуть ниже подбородка, где болталась сейчас дедушкина бляха: «Сгинешь-ш-ш! В море сгинешь-ш…» Флик приподнял голову над мокрой кормовой доской, чтобы разглядеть того, кто хлопал крыльями со стороны моря и пророчил недоброе. Но трут отсырел, факелы на корме не горели, сосед Иосиф Штекель, крестный Флика, ругаясь втихомолку, правил по памяти, пытаясь не врезаться в стволы придорожных деревьев. Потом Флик почувствовал, что хлопанье крыльев становится ритмичнее, а с каждой минутой ветер усиливается. Иосиф с матушкой принялись бормотать молитву Заступнице Небесной, с ужасом глядя на поднимавшуюся у горизонта волну. И почему-то в этот момент Флик понял, что факелы должны гореть, будто кто-то сказал внутри него строго, почти приказал: «Зажги факелы, мальчик!» Он всегда в бреду слышал разные голоса внутри себя, а этот голос был ему чем-то знаком. Поэтому Флик машинально щелкнул пальцами возле смоляных факелов, как это делал иногда в детских снах, и, как в тех снах, они вдруг вспыхнули нестерпимым беловатым пламенем. В их свете старик сосед, громко чертыхаясь, быстро стал выворачивать налево, от торчащей из воды

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

ендовы овина сырника Марша, а матушка принялась кричать, что нельзя поминать лукавого в такую ночь, что они все погибнут из-за его ругательств.

Пьер Франсуа Бомон

Но уже через полчаса ходу вдоль затопленной косы в свете факелов и разрывов молний у дальней кромки горизонта их с матушкой ссаживали на втором этаже ратуши.

German School, 19th Century

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Факелы сгорели быстро, хотя с их светом что-то изменилось вокруг. Ветер стих, а вода будто остановилась. Церковный служка, следивший за уровнем воды, сообщил снизу, что вода перестала поступать, не дойдя до синей отметины. Все население окружных мыз и хуторов принялось истово молиться, чтобы земляная дамба выстояла до утра и проран не размывался.

Альфред Сисней. Наводнение

Флик приходил в себя и проваливался в беспамятство под тревожный шепот соседей, гадавших, не повредило ли водосбросы двумя милями ниже и что с ними будет, если жители у водосбросной плотины больше не захотят портить ради них посевы, сбрасывая воду?

Под утро приплыла барка с водосбросов с тревожно мычащим огромным быком на борту. По ратуше пронесся восторженный шепот: «Жители с плотины опять решили помочь! Они прислали быка и целый борт гашенки!»

К утру Флику стало легче. Он с любопытством смотрел, как в сером предутреннем свете все мужчины собираются на проран, доставая со стропил ратуши парусиновые мешки с веревками и связками крючьев. Чтобы добраться до мешков, надо было пройти несколько шагов по стяжке стропил над затопленным залом ратуши. И когда их соседи принялись деловито бродить по бревнам над плескавшейся водой, как по реям, Флик представил себя на огромном корабле, о каких ему рассказывал крестный.

На проран собирались и женщины, громко переговариваясь насчет каких-то камней и яиц. С упрека госпожи Шильке госпоже Браун в том, что последняя

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

решила утаить большое лукошко яиц, которое сыновья госпожи Шильке видели собственными глазами, когда снимали семейство Браун с чердака, между женщинами разыгралась нешуточная потасовка с визгами, гнусными оскорблениями и запусканием цепких пальцев в чужие волосья. Церковный сторож, господин Рильса, усмирил вспыхнувшую ссору несколькими хорошими тумаками колотушкой, которой он отбивал ночные часы. Оставив плачущих детей на попечение беспомощной матушки Лерк, все взрослые полезли в окна, притягивая за веревки лодки, качавшиеся на грязной воде возле ратуши. Флик, прижавшись к теплому боку матушки, молча смотрел, как соседи с криками рассаживались по лодкам. Пока вода стояла высоко им надо было успеть вывезти заготовки для устройства ряжей к прорану дамбы со стороны моря.

А когда лодки отвалили от ратуши, он вместе с соседской ребятней, облепившей окна, долго следил, как мужчины в мокрой одежде, от которой шел пар, с трудом гребли в юрких лодках. За лодками по воде медленно плыла нескончаемая вереница оструганных до белизны бревен с косыми выемками по краям, будто люди криками показывали ей путь. Разборные конструкции ряжей на всякий случай всегда лежали позади магистрата, привязанные длинной веревкой к выступавшей балке конька. Раньше Флик думал, что бревна привязывают так высоко, чтобы вор не смог незамеченным забраться на кровлю и отвязать их. Прочная хозяйственная жилка не допускала в нем мысли, что кто-то может перерезать замечательную пеньковую веревку или бросить ее, распутав морской узел возле аккуратно сложенных бревен. Теперь, глядя как плотник Тордсен, привстав в лодке, снимает веревочную петлю с конька и крепит ее к корме, подтаскивая ближе лениво качавшуюся на поверхности воды связку бревен, он, наконец, понял, что в их краях беды с моря ждут всегда, с упорством готовясь встретить ее подобающим образом.

Матушка и Флик с большим удовольствием наблюдали лодочное столпотворение у дамбы. Жили они одиноко, гости к ним заходили редко, а тут выпала редкая возможность посмотреть на всех соседей ближних и дальних, мокрых по пояс, с руганью несусветной и криками подвозящих бревна и камни. Матушка укутала Флика шалью и сказала:

— А ведь, мальчик мой, это ты вчера зажег факел, и они отступили!

— Кто, матушка? — с интересом спросил Флик, почти ничего не помнивший с того момента, как он помог перевалиться рядом с собой на перекладину матушке, вставшей на столик, качавшийся на всплывшей лежанке.

— А… сам скоро узнаешь, сынок! Запомни только: ты — Факельщик! И всегда верь себе! Вот, гляди, братья Кнесе! Долго же им нынче работать, сынок… Вот, видишь, они делают раствор. Не переживай, малыш! Сейчас соберут ряжи и подготовят хороший раствор, он будет твердеть и в море… Главное, что ты научился разжигать огонь! И я теперь спокойна! Тебя найдут, малыш, найдут раньше двух неразлучных…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

На прибывшей барке в огромный котел высыпали все мешки с гашеной известью. Все местные ямы, где пережженный известняк с побережья гасился годами, были затоплены. Над баркой вздымалось белое облако ядовитой пыли, поэтому лица мужчин и даже голова быка были обвернуты пестрыми платками. К борту начали причаливать лодки, заставленные плетеными корзинами с песком. Воду в котел лили из спускаемых прямо за борт деревянных ушатов. Потом вышел огромный мужик в синей куртке и таком же синем платке и принялся багром перемешивать содержимое котла, качаясь на помосте, еще не законченном плотниками. На старой, несмоленой шлюпке приплыли молчаливые бабы с окрестных мыз, побитые утром сторожем Рильса. Над головой они держали корзины яиц, которые тут же пошли в котел. Когда женщины приподнимались, Флик видел, что подолы у всех мокрые, видно в шлюпке некому было вычерпывать воду.

Еще до отлива плотники успели собрать остовы будущих ряжей. При отливе уровень воды немного понизился, размытый у проранов верх дамбы обнажился, но у ратуши вода практически не ушла, поскольку основной поселок был расположен ниже уровня дамбы. Со стороны осевшей на дно барки послышалось надрывное мычание быка, которого трое мужиков тянули за кольцо, вставленное в перемычку носа, на деревянный помост над котлом. Услышав мычание, матушка Лерк строго отозвала всех детей от окон, Флика она притянула за руку к себе и укрыла его с головой большим клетчатым фартуком. Но и через фартук Флик услышал почти человеческий, сразу же прервавшийся вскрик быка. Через минуту со стороны дамбы донесся грохот, будто на помост упал огромный валун, и руки матушки, державшие его за го-

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

лову, ослабли. Дети кинулись к окну. Бык лежал на помосте, кровь с него медленно сочилась в котел. Женщины вычерпывали воду из шлюпки и кричали в сторону, что вода уходит, а им надо успеть. На помост снова поднялся огромный мужик с топором и несколькими ударами отсек голову и ноги мертвому быку. Затем, достав из-за пояса нож, сверкнувший над поднимающимся солнцем широким лезвием, распорол брюхо и сложил внутренности в мешок. Приободрившиеся женщины со смехом и шутками принимали все, что кидал им мужик в синей куртке, запачканной кровью, а когда они повернули шлюпку к поселку по быстро мелевшей косе, ветер доносил их веселую песню.

Флик плакал. Ему было очень жалко быка, от которого осталась большая туша. Возле нее возился тот страшный мужик, ловко подрезая что-то ножом и снимая шкуру. Матушка подползла к нему, тихонько потеснив детей, и успокаивающе погладила его по голове, сказав:

— Глупый Флик! Дамбе не выстоять перед морем, если не законопатить все щели между ряжами раствором на бычьей крови. Море останавливается только, если ему отдать жертву крови быка. Так задумано Господом нашим, поэтому надо принять все таким, как оно есть. А быку сейчас хорошо, гораздо лучше, чем с нами. Господь пустил его на вольные пастбища, успокойся!

До обеда Флик смотрел, как плотники ставили в размытую брешь прорана ряжи, заполняли их песком и камнями с обнаженного дна, и заколачивали верх досками. Потом все стали кидать камни и песок между ряжами, а страшный мужчина черпаком поливал их густым, на глазах схватывающимся раствором. Затем он, надсадно крича, опрокинул чан на край помоста, и все стали таскать

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

раствор ведрами, принимая вытащенные из трюма барки тюки с паклей. С заднего двора ратуши до Флика доносился дразнящий аромат мясной похлебки. Мяса Флик с матушкой не ели давно, поэтому Флик почти успокоился, уверенный, что быку сейчас хорошо, ведь матушка его никогда не обманывала.

Детей женщины накормили еще до обеда, уложив спать на влажных досках, застеленных отцовскими куртками. Матушке с Фликом досталась огромная берцовая кость, которую они вдвоем дочиста обглодали. Флик так и заснул с нею в руках, прижавшись к теплому боку матушки.

Леба Жак-Филипп

…После тех злополучных дней, завершившихся спуском нижней плотины и большим праздником, на котором зажарили обескровленную тушу быка, прошло не так много времени. Хотя и довольно, чтобы Флик превратился в высокого худого юношу с пробивавшимся на щеках пушком, но настолько яркими были те давние события, что он мог закрыть глаза и представить все до мелочей.

Спустя четыре года после наводнения матушка Лерк отошла во сне смертью праведницы. Она задремала с деревянными спицами в руках, закончив вывязывать пестрые чулки для Флика. В этих чулках Флик и проводил ее в последний путь вместе с крестными с соседней мызы, где он родился шестнадцать лет назад в такое же ненастное время. Крестные помогли ему продать нехитрый скарб, пожитки и саму мызу, кое-как расплатиться с долгами и налогами. И перед самым Рождеством крестный повез Флика продавать на службу в драгунский полк, квартировавший неподалеку. Флик, впервые в жизни покидавший родные места, сидел на той же повозке, на которой шестнадцать лет назад крестный вывез из смертной дремы матушку Берту Лерк. Он растерянно смотрел на знакомые с детства придорожные ветлы, с грустью понимая, что, скорее всего, увидеть их вновь ему уже не доведется.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

ОГОНЬ, ВОДА И МЕДНЫЕ ТРУБЫ

Стоя в тамбуре вместе с явно недовольным ее присутствием Петровичем, Марина с жадным любопытством смотрела на заснеженные придорожные ветлы, с грустью понимая, что ландшафт поменяется, а увидеть эти деревья вновь ей, скорее всего, уже не доведется.

Седой не препятствовал ее пребыванию в ближнем тамбуре, понимая, что сейчас ей необходимо побыть одной. Но в дальний тамбур уходить запретил. Проверять ее постоянно выходил Ямщиков. Он молча курил рядом. И, как ни странно, это сочувственное молчание помогало ей привыкать к поселившейся внутри плаксивой тоске, глазам на мокром месте, странным взглядам проходивших мимо мужчин… Нет, привыкнуть к такому невозможно! Ямщиков со вздохом кидал сигарету, хлопал ее по плечу и, понурившись, с видимой неохотой уходил к Седому, непрерывно ворчавшему, что надо даже в пути все время работать. Хотя бы головой.

У каждого полустанка, на платформах электричек Марина жадно разглядывала ежившихся на пронизывающем ветру женщин с котомками, пытаясь угадать, что могло заставить каждую из них пренебречь домашним теплом и двинуться в дорогу. И на каждой платформе ей казалось, что среди незнакомых женских лиц на нее глядит лицо той, которая снилась всю ночь с еще неоконченной парой чулок на спицах. Мама… Мамочка…

Состав медленно подходил к перрону вокзала небольшого, уютного городка. Однако прицепной вагон, как и предполагала Марина, остановился далеко от здания вокзала, напротив грязных складских клетушек, за которыми начиналось депо. Проводник мрачно пробурчал себе под нос: *«Вроде к скорому цепляют… «Жигули» номер десять… Хоть бы до Рузаевки дотянули, жлобы… Покатимся сейчас через срань Господню… Запищиково, Мокша, Пишля… По названию видно, какие там уроды подсесть могут… Ненавижу! Причем,*

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

всех!» После этого спросить, что это за станция у кипевшего ненавистью Петровича она так и не решилась.

Со стороны вокзала к вагону спешила молодая женщина с сумками. Кинув взгляд на проводника, намеренно не спускавшегося из вагона, Марина поняла, что сейчас он сорвет на незнакомой пассажирке свое раздражение против всех. Он так и не поднял тяжелую металлическую крышку над ступеньками вагона, поигрывая свернутым желтеньким флажком. Вдобавок, якобы невзначай, он выставил на крышку левую ногу, обутую в огромный, давно нечищеный ботинок. Ногу Петрович выставил вроде бы без всякого умысла, но это мешало пассажирке забросить тяжелую сумку и освободить хотя бы одну руку. С отчаянием она смотрела, как проводники состава один за другим выбрасывают желтые флажки…

— По… по! По-по! — умоляюще лепетала женщина снизу. Марина видела, что Петрович едва сдерживается, чтобы не заржать над тем, как потешно эта растрепанная бабенка пытается сказать «Помогите, пожалуйста!».

Нервы ее были на пределе. Марина поняла, что не выдержит, если Петрович еще и заржет вслух. Нет, дальше она с ними никуда не поедет, если этот хмырь в нечищеных ботинках сейчас закатится противным смехом, повторяя «По… по! По-по!»

Почти не соображая что делает, она подняла правую руку и машинально провела сухой подушечкой большого пальца по безымянному, среднему, указательному пальцам… Костяшки немедленно щелкнули, электричество в тамбуре мигнуло вспышкой… На минуту ей показалось, что она ослепла, наступила полная темнота и время остановилось. В ушах непрерывно звенело, из последних сил она ухватилась за холодную металлическую решетку на окошке задраенной двери, чтобы не упасть…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Когда она пришла в себя, поезд уже набирал скорость. В тамбуре никого не было. Дверь напротив тоже была уже закрыта. За ней бежали неказистые частные домики и деревянные многоэтажные бараки пригорода…

— Флик, Петрович сказал, что ты неважно выглядишь, — вошел в тамбур Ямщиков. — Ему некогда было тебя до купе довести, он пассажирку какую-то устраивает. Что с тобой?

— Уже лучше, — прошептала Марина, понимая, что ей действительно пора отправляться в ловушку купе. — Седой спит?

— Уснул. Так что пошли чай пить. А то проснется наш работничек, я сам с тобой в тамбур сбегу. Давай хоть пожрем спокойно, — улыбаясь сказал Ямщиков, интуитивно ухватив ход ее невеселых размышлений. — Ничего-ничего, Флик! Справимся! Не впервой!

Понемногу вагон наполнялся пассажирами, захныкали дети, засновали к титану озабоченные мамаши. В туалет все-таки как-то надо было попадать. Марина нарочно старалась приурочить свой проход мимо пятого купе к пику оживления. Специально осторожно выглядывала в коридор и старалась шмыгнуть мимо дверей пятого купе, если замечала людей перед туалетом. Перед Рязанью восьмое купе заняла уютная старуха Серафима Ивановна, которая пригласила Марину вместе со всеми женщинами, ждавшими своей очереди в туалет, на вечерние посиделки с домашними пирожками.

Сообщив Седому и Ямщикову о приглашении на «бабскую вячорку», как выразилась старушка, Марина безучастно уставилась в окно. Ямщиков отреагировал на приглашение именно так, как она и опасалась. Глупо заржав, свалился на полку. Конечно, ему-то было хорошо, весело. А ей теперь предстояло еще как-то выяснить хотя бы мучительные проблемы женской гигиены. Как они вообще в поезде-то ездят?

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Ну, что ты ржешь? — с укоризной поинтересовался Седой у Ямщикова. — А если бы ты также бабой появился, с бухты-барахты?

— А чо сразу я-то? Я-то здесь вообще ни при делах, — обиделся Ямщиков.

— Ни при делах, так молчи! Лучше собери Флику с собой что-нибудь из своих запасов. Бабы на такие дела с пустыми руками не ходят, — почти приказал Седой.

— Ну, правильно! Некоторые такие добрые за чужой счет, просто сердце радуется, — проворчал Ямщиков, залезая к своим запасам на верхней полке. — Такие душевные… чувствительные… нежные даже… Как мы все с такими бабами не родились! Держи, Флик!

— Ты прокачай их всех там, между делом, Флик, — не обращая внимания на Ямщикова, сказал Седой. — Узнай у них, с какой стати каждая вдруг потащилась на Восток… Думаю, там сообразишь по ходу дела. Но без пережима! Выясни, не чуют ли чего? В особенности допроси каждую на счет Конца Света. На мягких лапах, с подходом…

— Да-да, допроси их, Флик! — заржал Ямщиков вслед Марине. — В особенности, на счет Конца Света. Запиши все под диктовку, что тебе эти бабы расскажут.

С тяжелым вздохом Марина вышла из купе. Задвигая дверь, она услыхала тихий смешок Ямщикова: «В протоколе про Конец Света не забудь заставить каждую расписаться!»

На посиделки Анна, которая давеча скакала на глазах Марины с писком «по-по!», принесла к пирожкам сладкий вишневый ликер. А Лариса, разместившаяся с двумя шебутными пацанами двух и семи лет в последнем перед туалетом девятом купе, угостила всех солеными огурцами и квашеной капустой. С выданной Ямщиковым неизменной вакуумной упаковкой ветчины Марина чувствовала себя вполне в своей тарелке, нисколько не хуже других.

Особое ее внимание тут же привлекли женские замечания о двух извращенцах, ехавших в пятом купе. Оказывается, каждая из попутчиц наотрез отказалась занимать соседние купе. Лариса слышала дикий крик маньяка, напавшего на Марину возле туалета, но сама видела только, как тот наблевал у двери ее купе.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Серафима Ивановна решительно одобрила действия Марины веским замечанием: «Правильно! Нечего этих уродов распускать! Всем им надо яйца пооткручивать!»

Необъяснимый страх перед пятым купе сделал память Ларисы какой-то избирательной. Марина мысленно восстановила лица пассажиров, крутившихся возле титана, когда Ямщиков душил могильщика. Лариса там тоже была, но почему-то этого не вспомнила. Женщины явно что-то чувствовали недоброе, зябко поводя плечами, объясняя свой дискомфорт и тревогу тем, что просто очень не любят всякого рода извращения.

Веселье небольшой женской компании добавил неожиданно появившийся в дверях Петрович, вдруг расщедрившийся на растворимый кофе, вафли и сухарики. Сам принес и кипяток в стаканах с чайными ложечками. Повиснув на косяке раздвижной двери, он, игнорируя настойчивые приглашения Серафимы Ивановны, только восторженно смотрел на Анну, раскрасневшуюся после ликера и захватывающих разговорах об извращениях. Как только он уходил, чтобы через несколько минут опять явиться с подношениями, женщины, уткнувшись в подушки, буквально плакали от хохота. Не смеялась одна Анна. Она лишь робко улыбалась товаркам, с нескрываемым удивлением рассматривая свое отражение в темном зеркале окна…

Всю предыдущую ночь Марине снился странный хихикающий змееныш, представившийся Кириллом. Он ласково терся о ее ноги и уговаривал пройтись с ним в ближайший лесок, который был рядом, рукой подать. У Седого и Ямщикова спросить о змее Марина отчего-то стеснялась. Но при Серафиме Ивановне она решилась поинтересоваться, к чему это змейки снятся?

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Это, касатка, к смене твоего женского положения, — уверено заявила старуха. — Высокий мужик из вашего купе в кожане — вполне подходящий для такого дела, поверь мне. Уж не знаю, чего у вас с ним, а раз змей приснился, значит, тебе надо без лишних сомнений к этому мужику цепляться. Змеи снятся к достойным внимания девицы мужикам. С неоспоримыми достоинствами! У нас в деревне старые люди про таких мужчин говорили с уважением: «Галавища в маслище, сапажища в дегтище, а партки набиты змеей!» Змей-то тебе, значит, тоже намекает! Ясно, что ты — девушка в таких делах неопытная, вдруг промашку дашь?

— Да как же так, Серафима Ивановна? — не согласилась с ней Лариса, сунув со стола несколько пирожков робко заглянувшему в дверь купе старшему сынишке. — У меня маменька говорила, что змеи с небес попадали при свержении в преисподнюю нечистого, что они произошли из крови Каина. У нас дык говорят, что за убийство змеи прощается несколько грехов. Так и говорят!

— Змей змею — рознь, Ларочка! — рассудила Серафима Ивановна. — Раз они с небес попадали, значит, куда раньше Каина там завелись. Ясно, что в любом из нас и плохое, и хорошее намешено. А чем змеи нас хуже? Но здесь-то дело совершенно прозрачное! Раз при таком фасонистом мужике Маринке змейки снятся, так это же понятно к чему! Также понятно, что с любым самым расчудесным мужиком — сопли на кулак намотать придется. Так ведь не змеюка ж в том виновна. Сама-то, Ларочка, куда с пацанами среди зимы тащишься? В тюряге благоверного навестить! И от кого мы это слышим? Не журись, Лариса, я буду последняя, кто скажет, будто твой мужик — тюремщик и подлец. Смотри, какие отличные от него пацанчики завелися! Ясно, что по глупости туда твой соколик залетел, по твоему же недосмотру. Ты ребяткам сухарики и вафли от проводника сложи, мы их кушать не будем. Нам внимание от нашего вожатого дорого. Так ведь смех и разбирает… Анюте, после таких чудес, и вафли поперек горла… Ой, девки, не могу! Эк, его Анна сразила! Под корешок!

Серафима Ивановна захихикала, прикрыв рот шерстяным платком. Смутившаяся Лариса боялась поднять глаза на соседок. Но, поняв, что никто ее не осуждает за мужа-тюремщика, передала вафли со стола, жующему пирожок сыну.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Кстати, Мариша, а ты змею-то, надеюсь, голой снилась? — продолжила змеиную тему Серафима Ивановна, как только сын Ларисы отправился в свое купе с вафлями. — Здесь мужиков нет, чего стесняться? Голой? Это очень хорошо, дорогая! Запомните на будущее, девушки, змею ни в коем случае нельзя сниться в одежде! Змея на одетого бросается, а голого не опасается… Так-то! Значит, змей этот не к плохому снился, а… к обычному. У нас по деревням раньше специально молоко в блюдечке оставляли, чтобы под домом змейка прижилась. При змейках и скотина лучше ведется, и земля плодится… Эх вы, девки, молодые еще, глупые… А я помню, как нечаянно убитую в поле змею мы старались тут же закапать и крест поставить, чтобы хозяин поля не умер. У всего сущего — свой хозяин имеется. От человеков только бесхозяйственность кругом… А где человек не хозяйничает — там все в полном ажуре! Чуть ведь не позабыла… Ой, Марина, Марина… Знаешь, у нас старые люди говорили, что с именин святой Марины змеи вообще не кусаются… Ничего плохого тебе этот змей не сделает! — уверено подытожила старуха. — Ты носишь имя святой, которой все змеи подчинялись!

Слушая Серафиму Ивановну, Марина чувствовала, как метавшаяся в ее новом теле душа начинает находить опору. Почти по-военному поставив себе задачу немедленно закамуфлироваться под женщину, она помимо собственной воли увлеклась течением чисто женского разговора, полностью отдавшись его непредсказуемому руслу. Ну, и пусть, что и Седой и Ямщиков только посмеются, скажут, что глупо всяких змей ублажать… Да что они вообще понимают?

Пытаясь для себя систематизировать сумбурное повествование Серафимы Ивановны, Марина заключила, что, по диким деревенским представлениям, приснившийся ей змеюка каким-то способом заключает в себе одновременно стихии огня и воды. Обычная река из воды, как и огненная, — прежде всего, отделяют мир мертвых от мира живых. Пока равновесие между миром мертвых и миром живых не нарушено, змей считается Хранителем всего сущего. А чтобы не нарушать равновесия, надо соблюдать и с огнем, и с водой ряд необходимых предосторожностей.

К примеру, считалось, что старинный обряд сжигания покойников, называвшийся раньше в народе «греть пойкойника» — прокладывает огнем прямой

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

путь душе покойного в мир мертвых, чтобы холодная душа покойника не заплутала среди живых.

После второго стаканчика ликера Серафима Ивановна задушевно пропела духовный стишок «Жена милосердная», где добрая женщина, желая спасти новорожденного Христа, бросает в печь свою младенца. Однако, заглянув в печь после того, как опасность для младенца миновала, женщина с удивлением обнаруживает, что ребенок не сгорел в огне!

…В печи огонь-пламя претворилось,
Во печи всяки травы выростали,—
Всякими цветами зацветали.
Невредим младенец пребывает,
По различным цветам гуляет,
Евангельскую книгу читает,
Сам ангельския песни воспевает!

Прослезившись от сей умилительной для сердца картины, Серафима Ивановна сказала, что для сохранения общего равновесия гасить огонь на ночь следует со словами: «Спи, батюшка огонек!» Наплевать, что это — лампочка Ильича! Гасишь свет, пожелай то, что заведено. Кстати, плевать в огонь нельзя ни в коем случае, а ежели кто помочится в огонь, то огонь непременно иссушит этого негодяя заживо.

Клевавшая носом Марина вновь вздрогнула, услышав от Серафимы Ивановны свое имя. Оказывается, цепкая народная память сохранила множество сказаний о колдунье Марине, умевшей разжигать любовный пожар. По свидетельству речистого былинника Кирши Данилова, та Марина, оказывается, могла

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

щелчком пальцев вызвать особое пламя, которое зажигало сердца любовью… И будто бы при этом она творила такую ворожьбу:

Брала… следы горячия молодецкия,
Набирала Марина беремя дров,
А беремя дров белодубовых,
Клала дровца в печку муравленую
Со темя следы горячими,
Разжигала дрова палящетным огнем
И сама она дровам приговаривала:
«Сколь жарко дрова разгораются
Со темя следы молодецкими,
Разгоралось бы сердце молодецкое…»

Не менее бережного отношения требовала к себе и вода. Набирать воду следовало в молчании, а на ночь, чтобы черти не забирались, все крынки рекомендовалось плотно закрывать крышками.

Марина слушала, а перед глазами темной стеной вставала холодная вода, несущая смерть посевам, за которой хлопали чьи-то огромные страшные крылья…

Серафима Ивановна настрого предупредила, что душа человека после его смерти погружается в воду, потому никак уже нельзя использовать воду, имевшуюся в доме в момент смерти кого-либо из домочадцев. А лучше вынести из дома и вылить всю воду еще при агонии умирающего, чтобы душа не задержалась в ней. Эта вода навсегда останется мертвой. И эта мертвая вода, поднимаясь огромной стеной, является непосредственной предвестницей Конца Света. Самые отсталые граждане, приписанные к Ванюковскому сельсовету, знали, что, как только потекут все реки вспять — жди неминуемого Конца Света.

Поэтому вода, принося облегчение душе и телу, может погубить все живое, но по настоящему очистительной силой не обладает. Застой воды породит лишь смерть и гниение заживо самой матушки-Земли. Из воды выйдут невиданные гады, взгляд которых обратит каждую неприкаянную душу в пепел. И только огонь сможет очистить всю землю… Потому Страшный суд будет ознаменован тем, что огненная река протечет по всей земле от востока и до запада:

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

«…В Великий век, Великого месяца от Великого дня
Протрубят трубы медные и пробудят силу огненную.
Пожжет река огненная все горы и каменье,
И пожжет река огненная все леса со зверями,
И пожжет река огненная весь скот с птицами.
Тогда выгорит вся земная тварь
И нечисть предысподняя».

— А земля под огненной рекой будет гореть на три аршина, — страшным шепотом сообщила Серафима Ивановна завороженным слушательницам. — Богто и спросит: «Чиста ли ты, земля?» Земля в первый раз ответит: «Чиста я, Господь мой, как муж и жена!», и будет гореть на шесть аршин. Еще спросит Бог, тогда земля скажет: «Чиста я, Господи, как вдова!» И возгорится пламень на девять аршин… Спросит Вседержитель в третий раз, ответит ему земля: «Чиста я, как красная девица!» Вот тогда и будет суд…

От жутких разговоров о Конце Света вернулись к насущным проблемам гадания на воде, ведь не зря же в родных Ванюках Серафимы Ивановны говорили: «как в воду глядеть». Только на воде полагалось ворожить на женихов, кидать за околицу башмаки считалось дикостью и архаизмом. Сама Серафима Ивановна сама вышла замуж исключительно благодаря знанию старинной приметы. Засидевшись в девках, она вошла в воду по весне с соотвествующим подношением и с приговором: «Как быстро течет вода, чтобы так же быстро я вышла замуж». И хотя потом чуть концы не отдала от простуды, но замуж вышла и даже по шуму весенней воды заранее определила склочный и несговорчивый характер будущего супруга.

Однако все-таки в любовных приворотах силу огня и Лариса и Серафима Ивановна считали решающей, поскольку любовный пожар подобен только силе огня. «В печи огонь горит, палит и пышет и тлит дрова… так бы тлело, горело сердце у раба Божия такого-то — по рабе Божьей такой-то… во весь день, по всяк час…» — нашептывала старинный заговор старушка внимательно слушавшим женщинам.

— Ох, девушки! — умильно закончила краткий курс народных средств Серафима Ивановна. — Любите изо всех сил! И огонь, и вода — все одно ведут к медным трубам. Пока есть время, надо любить. А после времени уж и не спохватишься…

— А я… Давно уж крест на себе поставила, — невнятной скороговоркой заговорила упорно молчавшая весь вечер Анна, повернувшись от окна к попутчицам с красными глазами, наполненными слезами. — Думаю, только бы сил хватило дитенка поднять, да мать досмотреть… По всей Польше моталась… А знаете, как в этой Польше нас били и грабили?.. Мне, если честно, жизнь-то уже давно не в радость была.. А тут я как будто его всю жизнь ждала, девочки! — Внезапно голос ее сорвался, и она громко зарыдала.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Марина сама не ожидала, но от слов Анны у нее что-то вздрогнуло внутри, и тут же из глаз брызнули крупные горошины слез. Рядом басом завыла Лариса и, наконец, со вкусом, с тонким знанием дела, женский хор плакальщиц протяжными причитаниями украсила Серафима Ивановна. Только сейчас Марина почувствовала, как же надо было ей выплакаться все эти сумбурные дни, как ей надо было свалиться рядом с безутешно воющими женщинами на полку и выть обо всех глупостях, которые уже случились с ними от этих невыносимых идиотов-мужиков, и которые, конечно, ждут их в самом ближайшем будущем…

— Ой, да куды ж мене, сиротиночке, приклонить головушку? — выла Серафима Ивановна. — С какими дураками Господь прожить жизню сподобил, Матерь Божья, Пресвятая Богородица! Если бы вы, девки, такие чудеса видали, каких я навидалась… За что их любить? За морду косую и мозги набекрень? Ой, не могу! Так бы придушила всех энтих змеюк, всех гадов голыми руками! И ты, видать, Анютка, еще мало в жизни нахлебалась с энтими уродами, раз опять втюрилась… Дура ты окаянная! Люби уж, чего тут сделаешь… Ой, дуры мы, дуры…

Внезапно дверь отъехала в сторону. В проеме стоял разгневанный Ямщиков. За ним маячил Ларискин пацан, явно сбегавший за подмогой, как только услышал мамкин плач. В крайнем раздражении Ямщиков, кинув презрительный взгляд на притихших женщин, буркнул Марине: «Хорош здесь болото разводить! Шабаш на сегодня, бабы!»

Подождав, пока Марина, вытирая глаза, выйдет в коридор, Ямщиков безапелляционно заявил обескураженной его появлением старушке: *«Я думал, что старые люди хоть немного ума к пенсии наживают… Но, видно, крыша едет не спеша, тихо шифером шурша… Крепчает маразм, мамаша? Народную примету не обманешь!»* Повернувшись к заплаканным женщинам спиной, он рывком закрыл дверь купе.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

СОРАТНИКИ

«Я думал, что старые люди хоть немного ума к пенсии наживают… Но, видно, крыша едет не спеша, тихо шифером шурша… Крепчает маразм? Народную примету не обманешь!» — безапелляционно заявил молодой, с явными перспективами дальнейшего служебного роста капитан по фамилии Веселовский обескураженному его резкостью майору Капустину. Под нос майору он сунул три листочка, над которыми майор корпел все утро.

Рядом с Капустиным сидел такой же, как и Капустин, старый пендюк майор Потапенко, тут же ненароком заинтересовавшийся листочками. Если с одним пендюком Капустиным капитан Веселовский как-то мирился, то можно было забыть о самой возможности плодотворной работы в присутствии двух старых пендюков, с присвистом хлебавших чай из аляповатых кружек, притащенных из дома майором Капустиным. Сколько раз капитан Веселовский просил своего сослуживца не приваживать майора Потапенко из отдела писем, этот старый пендюк ежедневно таскался чаевничать к своему земляку Капустину. Церемония чаепития происходила в просторном помещении отдела одного весьма засекреченного федерального учреждения. Повернувшись спиной к двум невозмутимо прихлебывающим чай старым пендюкам, капитан Веселовский вышел из отдела, рывком закрыв дверь отдела.

— Давно он у тебя такой… нервный? — спросил майор Потапенко майора Капустина.

— Да… с первого дня! — отмахнулся Капустин. — Все переживает, что обошли его большим делом, заставили всякой херней заниматься.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— А ты объяснил ему, что в нашем учреждении никто херней не занимается? — поинтересовался Потапенко.

— Объяснишь ему, как же! Он же английский знает и компьютером владеет… Я, Женя, давно смирился с неизбежным. Сколько меня еще здесь будут держать — буду работать, намекнут — уйду! — грустно ответил Капустин. — Я ему, как кость в горле. Все же без меня он был бы начальником отдела. Надо понимать, что наш потолок — для него самое начало карьеры.

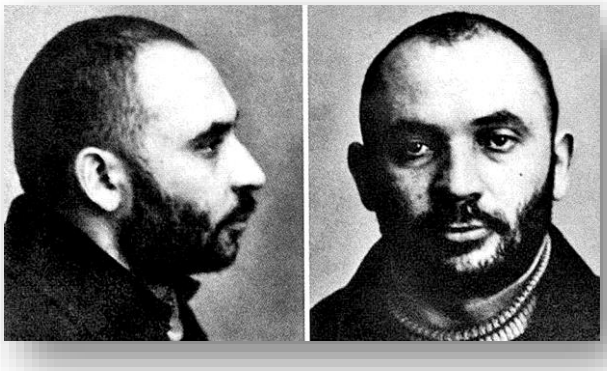

— Да… Раньше мы работать учились, мы так к старым кадрам не относились, — заметил Потапенко. — А нынче сюда за карьерами приходят. Уже и не до работы становится. Какую полковник Федосеев замечательную карьеру делает! И Форд у него не Форд, а какой-то «Мейверик», секретаршей — супермодель работает. А где преемственность поколений, я тебя спрашиваю, где?

— Вестимо, где… в Караганде! — хохотнул майор Капустин. — Вот мой фитюлька и нервничает. Не светит ему в моем отделе ни Форда, ни супермодели.

— А что ты так про свой отдел ерничаешь? — строго спросил Потапенко. — Этот отдел начинался еще с чекистского отдела, искавшего Шамбалу и занимавшийся оккультными науками на серьезной научной основе. Кончили все, правда, очень плохо… После заключения того отдела о том, что Россия, по предсказаниям всех волхвов и чародеев, проиграла свой Армагеддон, поэтому

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

неминуем общий Армагеддон, весь отдел расстреляли без суда и следствия во главе с твоим тогдашним предшественником — товарищем Блюмкиным по личному указанию одного усатого товарища с грузинским акцентом. Так что… не знаю, как на счет карьеры, а пулю в лоб здесь вполне заработать можно. Ты бы посоветовал своему сучонку все-таки поменьше выеживаться. Между прочим, до твоего перевода с периферии предыдущий отдел кончил свое существование весьма посредственно.

— Как? — с нескрываемой опаской спросил Капустин.

— Да почти в один день! — снизил голос до шепота Потапенко. — Майора Вахненко так и не опознанный автомобиль сбил, полковник Петрусев свалился в открытый канализационный люк, а капитаны Волков и Патрушев вроде бы из-за бабы поссорились. На балконе. Ну и упали оба с девятого этажа. Только…

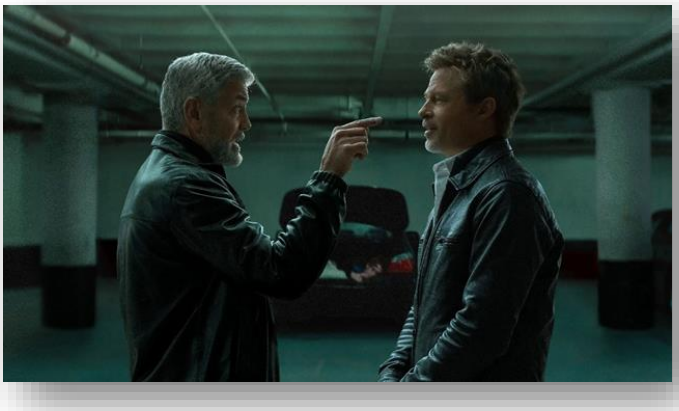

— Что только? — шепотом переспросил Капустин.

— Только я читал в протоколах… перед уничтожением, конечно, будто бы у троих, Волкова, Патрушева и Петрусева, — были обнаружены странные колото-резаные раны на горле. Будто их кто-то на тонких ножах, предположительно стилетах, удерживал за горло, перед тем, как скинуть в колодец и с балкона…

— А чего же ты молчал, Женя? — в расстроенных чувствах произнес Капустин, вытирая лысину.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Я, Капустин, не хочу, чтобы меня кто-то удерживал на этих самых стилетах над канализационным колодцем. Я много чего знаю, но молчу! — сложив руки на животе, сказал Потапенко с лукавым мудрым прищуром, который перенял с фотографии усатого кавказского товарища, лежавшей у него в верхнем ящике стола. — Усиленно делаю вид, что вообще читать не умею! Потому я, Капустин, и живу так долго. А ты думаешь, что отдел писем — это курортное местечко? До меня там начальников чуть не каждый квартал машины сбивали. Они, конечно, язык за зубами держать не умели, это точно.

— Слушай, — растерянно сказал Капустин, — я тут совершенно зашиваюсь… А этот молокосос сам видишь, как со мной поступает. Хожу вокруг да около… Не знаю, как к этому делу подступиться…

— Понимаю твои проблемы, майор, — веско сказал Потапов. — Слушай, что я тут наковырял тебе по дружбе. В семидесятых, в твоем тогдашнем отделе, по дурацкому делу проходила некая девица из Общества сознания Кришны. Представь себе, у нас и такое бывало. Замели ее, когда она, вместе с такими же отмороженными, получила инициацию от самого настоящего кришнаитского гуру. И происходило это все не где-нибудь, а непосредственно на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге, который тогда был городом-героем Ленинградом. Так вот, представь себе, на днях в обмен на мое личное досье, заведенное мною из доносов на некого гражданина Кривоногова, она, будучи

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

уже немолодой особой пенсионного возраста, слила мне кое-какую информацию. Этот гражданин тоже тогда засветился на Дворцовой, но инициации не удостоился…

— Да при чем здесь какой-то Кривоногов и кришнаиты? Ты хоть в курсах, чем я тут занимаюсь? — разражаясь, спросил Капустин.

— Занимаешься ты, Капустин, грядущим Армагеддоном, об этом даже буфетчице со второго этажа известно. Ржут над тобою с секретаршей Федосеева, успокойся, — примирительным тоном вставил Потапенко. — Но я-то тебе не буфетчица! Слушай меня внимательно. Короче, кришнаитку заинтересовал Кривоногов по той причине, что на пару с известной мошенницей Маришкой Цвигун он создал некое «Великое Белое Братство». Эти двое объявили себя среди прочих юсмалиан — «божественной дуадой» в виде Иосифа и Марии Дэви. А поначалу эта Цвигун называла себя… Еленой Рерих, представляешь?

— Ну и что? Мало ли, как эти себя не назовут, — заложив руки за голову, протянул сквозь продолжительный зевок Капустин.

— Настоящая Елена Рерих, товарищ майор, имела косвенное отношение к тому чекистскому отделу, который Шамбалу искал, — не теряя терпения, ответил Потапенко. — Поэтому я тихонько перестал все доносы на них уничтожать. Можешь считать, что я на Цвигун за наше ведомство обиделся.

— Было бы из-за чего. Она же потом исправилась, стала какой-то Дэви.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— А вот тут на нее одновременно ополчились все христианские и кришнаитские конфессии. Заодно эта инициированная на Дворцовой подруга потребовала за свои сведения данные на «Церковь Последнего завета», они же виссарионiты, и «Богородичный центр», а также на их адептов.

— А где ты это взял-то? У нас, вроде, никаких материалов на все эти заветы и центры не было.

— Места надо знать. Наивный же ты, Капустин. Говорят, можно вышибить петуха из деревни, а деревню из петуха — не вышибить. Давным-давно ведь в город уехал, а все у тебя наивняк из-под фуражки прет. Я тебе больно не сделаю, если скажу, что отдельные наши с тобой, Капустин, товарищи вовсю крышуют над этими богоявленными господами? А все бумаги у нас через кого проходят? Правильно, через мою канцелярию… Короче, неважно! Достал я ей эти материалы, а она мне поведала все, что знала сама. Дай-ка, мне, Капустин, еще одну ватрушку. С пониманием у тебя Тамара ватрушки стряпает. От этой столовской еды у меня только аппетит нагуливается…

— На вот… кстати, пирожки с луком и яйцом… Только сейчас Веселовский прибежит, договорить не даст, — озабоченно прибавил Капустин.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Скоро не прибежит. Он зайдет к моим девкам в отдел, рассказать, какой я — старый пендюк. К Миле Белоусовой твой фитюлька клеится. Девочки его задержат, я их предупредил, что у нас с тобой — разговор государственной важности, — невозмутимо сказал Потапенко сквозь пирожок с луком. — Так вот! Существует некая общеконфессиональная организация все церквей Привратов Господень. Не крути головой, я сам знаю, что звучит… не очень. Основное занятие в веках у этих господ из Приврата, как мне объяснила кришнаитка, следить за тем, чтобы Армагеддон, который вообще-то у каждого времени и народа имеется свой собственный, — не слился в общую паскудную потасовку.

— Как локальный региональный конфликт, что ли?

— Совершенно верно! Она сообщила, что будто бы два раза эти козлы не уследили. Они считают, будто два Армагеддона, причем в новом времени — уже произошли! Мол, какие-то обряды с напутствием привратников они выполнить не смогли. По крайней мере, они в это искренне верят сами и даже раскаиваются. Знаешь, майор, раньше я историю делил по рабовладельческому, первобытно-общинному строю …феодальный был еще строй… Сейчас, правда, не поймешь чего у нас за строй. Неважно! Пообщался я этой кадрой, так теперь у меня сама собою вся история начала делиться по Армагеддонам! Может, прав твой Веселовский? Может, это уже маразм?

— И не говори, Женя! — сокрушенно покачал головой Капустин. — Я как здешние архивы прочел, тоже слегка сдвинулся. Работа — будь она проклята!

— Да у тебя все архивы уже столько раз чистили, что там сдвигаться не с чего. Запоминай, Капустин! Первый Армагеддон, как я понял, связан с развитием

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

капиталистических отношений и появлением бумажных денег. В принципе, и Карл Маркс чувствовал некоторую навязчивую мистику вокруг. Это место — о призраке, бродившем по Европе, помнишь? С чего это он вдруг о призраке написал? Никто у него над ухом со стволом не стоял, ногти плоскогубцами не драл, ток через гениталии не пропускал — сам, совершенно без давления раскололся! Улавливаешь? Вот! А второй Армагеддон у них по цепочке увязывается со Второй мировой войной.

— А сейчас что ли третий?.. — совершенно одурев, спросил Капустин.

— Третий, товарищ майор, третий! В нашей поливановской школе, вроде бы, до трех считать учили? — пошутил Потапенко. — Если точнее, то он еще, вроде бы, не начался, но, как меня кришнаитка заверила, на днях начнется.

— Жень, может нам в эти… центры или заветы податься? Может, ну их всех в задницу, а?

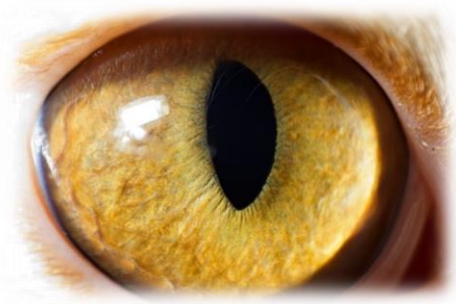
— Да брось разлагаться на службе, земляк. Что за разговорчики в строю? На кой они все сдались? Это дело для уродов и убогих, — подбодрил сникшего майора Потапенко. — Меня-то заинтересовало, зачем кришнаитке материал по сектантам? И знаешь, что она мне ответила? Уверен, не знаешь. Она сказала, что этот их Орден давно следит за подобными сектами, поскольку те на самом деле вовсе не Богу молятся, а… кому-то другому. Что в одной из сект может и произойти это самое. Но уже такое… бесповоротное.

— Жень, пива хочешь? — с явной безнадежностью в голосе спросил Капустин.

— Ты выпей, а я — на службе, — отрезал Потапенко. — Все не так сложно, как ты думаешь. Помнишь поговорку про то, что Бог — Троицу любит? Ну, здесь — наоборот получается. Типа нынешний Армагеддон будет последним в нашем времени. Про звездные карты, Мировой гороскоп и Великий год — я, честно тебе признаюсь, из ее слов ничего не понял. Но общий смысл такой: какая-то секта готовит где-то у нас Армагеддон. Туда отправятся какие-то Привратники, которым Орден Привратa должен дать напутствие. Иначе, мол, никак. Но! Это не основная фишка. По следу Привратников и тоже на этот самый Армагеддон идут два каких-то… сара. Кришнаитка до этого кололась

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

по полной программе, а в этом месте, знаешь ли, замкнулась в себе. Понимаю, как ты сейчас воспринимаешь мои слова, но как только она шепотом мне сказала, что глаза у саров — желтые, так тут же, почти возле нас огромный джип врезался в восьмерку. Ты сам такое часто видишь в нескольких шагах от себя? Вот и я — тоже!

— Про саров Веселовский уже раскопал, надо отдать ему должное, — справедливости ради заметил Капустин. — А я пытался с утра с этими сарами разобраться, так сам видишь, как он моими же листками мне в рыло ткнул. Даже боюсь про чьи-то желтые глаза заикаться.

— Мне кришнаитка дала понять, что, в отличие от Привратников, сары — вовсе не люди, — с нескрываемым страхом заметил Потапенко. — А от майора Кургузкина осталась одна папочка по Сиблагу. Там… Постановление от мая 1943 г. и донос какого-то бойца ВОХРа. Сам Кургузкин начинал службу еще с Сибулона, как раньше Сиблаг назывался, знал все особые лагерные зоны, как свои пять пальцев. Что характерно, он так не смог найти ОЛП N45. Выяснил только, что этот пункт в условиях особой секретности вел железнодорожную ветку к какой-то сопке, и будто бы там дрезина взорвалась… Короче, все погибли, свидетелей нет. Кургузкин ушел на пенсию живым, но уехал к родителям жены в Орловскую область. Где его нынче искать — не знаю. Да и дергаться боюсь. Я тебе эту папочку под кителем принес, ты ее спрячь немедленно. И своему фитюльке не показывай. Не верю я таким, Ваня. Я вообще думаю, что такие, как этот молодой и ранний — только органы компрометируют. Завалит он все, вот увидишь.

— Да брось ты на парня напраслину наговаривать, — сказал Капустин. — У всех свои заскоки. Я бы тоже смотал куда-нибудь в Орловскую область от всего подальше, место бы ему освободил, и пускай они тут все армагеддонятся с такими же…

— Капустин, слушай меня внимательно! — строго оборвал его Потапенко. — Кургузкин так и не смог найти никаких следов офицеров внутренней службы Восьмичастного и Циферблатова. Личные дела всех сотрудников и вольнонаемных ОЛП N45, карточки контингента — тоже. Один раз ему почти повезло! Совершенно случайно он наткнулся на ордер,

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

выдававшийся какому-то полковнику Восьмачастному на получение квартиры в высотке на Котельнической набережной.

Но… раньше же не было мобильников с фотокамерой! Порядку-то куда больше было. Поэтому на его официальный запрос ему так же официально сообщили, что такого ордера не было и в природе быть не могло. Кургузкин все понял и больше не настаивал. А уже после него, знаешь, сколько было ориентировок на уничтожение всех доносов, где упоминались эти самые пресловутые «желтые глаза»? Я со счетов сбился! И недавно потребовали опять все уничтожить, наряду с корреспонденцией, где упоминается слово «олигарх». Но буквально на днях приходит ко мне новое письмо, там опять эта фраза из письма 43-го года! «А глаза у него на свету желтые»! Я его тебе туда же, в папку сунул. Ну, успехов тебе, земляк! За ватрушки и пирожки — спасибо тебе, как всегда. С такими ватрушками, Капустин, верится только в лучшее!

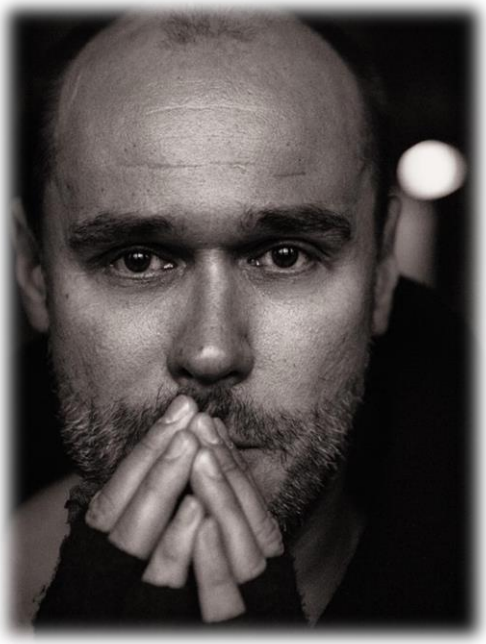

Тяжело вздохнув, майор Капустин закрыл за ним дверь на ключ и подошел к большому английскому сейфу, чтобы надежнее спрятать примятую дерматиновую папку, еще хранившую тепло объемистого живота Потапенко. Он всегда себя считал человеком действия, мало доверяющим душевным терзаниям и неуверенности, так часто посещавших окружавших его людей. Однако, закрыв за Потапенко дверь, он почувствовал, что его одолевают мрачные и тяжелые раздумья о будущем.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

БОЕЦ

В их с трудом складывавшейся троице именно себя Ямщиков не без оснований считал человеком действия, мало доверяющим душевным терзаниям и неуверенности, так часто посещавших Флика и Седого. Однако, закрыв за собою дверь купе, он почувствовал, что его одолевают мрачные и тяжелые раздумья о будущем.

Флика в купе, естественно, не было. По коридору из конца вагона разносился визгливый бабский смех. Ясно, что все эти мымры вновь собрались вместе и Флика к себе увели. В тамбуре мимо него проскочили две какие-то бабы, нагруженные бутылками с пивом и судками из вагона-ресторана. Ямщиков слышал, как, закрывая дверь тамбура, одна кочерыжка сказала другой, понизив голос: «Это тот… весь в маслище, про которого…» Конец фразы утонул в громком ржании на весь вагон. Потушив сигарету, Ямщиков с раздражением сделал нехитрые выводы, что вначале они все вместе вот так же ржать будут, потом напьются, а потом опять примутся рыдать на весь состав. Дуры.

Седой встретил его молчанием, не предвещавшим ничего хорошего. В полумраке купе он смотрелся особенно дико, нацепив, вдобавок к черным очкам, наушники радиоплеера. Ямщиков тоже присел на нижнюю полку напротив, хотя молчать вдвоем с насупившимся Седым становилось невмоготу. В коридоре нетрезвым голоском ржал Флик, и, откидываясь к дерматиновой обивке стенки нижней полки, Григорий деловито прикинул по обстановке, когда он сам бесповоротно съедет с катушек.

— Значит, капитан Григорий Павлович Ямщиков, трупы вы специально сожгли, чтобы скрыть следы преступления, — неожиданно сказал Седой, снимая наушники. — Вот, значит, какая петрушка…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Ямщиков почувствовал, как что-то внутри него, собравшись в комок, стремительно валится вниз.

— А я-то пытаюсь прикинуть, к кому же из нас Могильщик приходил? — тихо продолжил политинформацию Седой, выключая радиоплеер.

— Он же Флика за задницу щипал, — с неловким хохотком попытался обратить в шутку наезд Седого Ямщиков. — Значит, к Флику и приходил.

Голос у него почему-то сел, наверно, от курения в промороженном, покрытом инеем тамбуре. Поэтому шутка повисла льдинкой в сгущавшейся атмосфере грядущей разборки. Создавать подобное сгущение из любой мелочи Седой был редкий умелец. Ямщиков про себя в очередной раз отдал должное мастерству попутчика, чувствуя сосущую пустоту в области левого подреберья.

— Я-то думаю, кто же из нас кровью меченый, раз от него так воняет, что у меня сразу нюх отшибло? — свистящим шепотом произнес Седой. — Понятно, почему к нам сразу этого Мишатку с кладбища потянуло… Может, Флик прав? Может, в пятом купе действительно сары едут? А что удивительного? В этом случае вся наша маскировка — детсадовские игры. Они нас по запаху крови чуют.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Он встал и наклонился почти над непроницаемым лицом Григория, будто стараясь сквозь черные очки разглядеть на его лице кровавые отметины. Ямщиков судорожно попытался проглотить сухой комок, потом глухо ответил: «Нет, Седой, никакие это не сары. Скорее всего, это… какие-нибудь следователи прокуратуры. Им точно я нужен. Сразу надо было сказать… Да тут с Фликом такое… Прости, скорее всего, это я привел за собой хвост…»

Все-таки надо было отдать должное Седому. Хоть и не шибко хотелось, но надо было отдать. Как только Ямщиков перестал запираться и почти раскаялся, Седой начал судорожно соображать, как можно поправить дело.

— Это просто ужас какой-то, до чего мы докатились… Факельщик теперь — никчемная баба, а какой из меня теперь — Нюхач? Ведь это я должен был учуять саров и вывести вас на след, я! Что происходит, Грег?

— Обычное дело происходит, — смирившись с неизбежным, понуро ответил Ямщиков. — Уже обычное. Долго объяснять.

— Нет, ты все же попытайся объяснить! — Там сказано, что ты в тюрьме два года сидел… Это как понимать? Я еще удивляюсь, что у меня нюх отшибло…

Седой пожевал губами, демонстративно не глядя на насупившегося Ямщикова. Потом, откинув голову назад, поправил очки и заученно процитировал: *«Подсудимые не скрывали подловатой радости… Капитан Григорий Ямщиков сделал характерный жест рукой и громко произнес «Йес!», бросив победный взгляд в сторону журналистов. Выйдя из «клетки», он бросился в объятия радостных сослуживцев. В это время родственники погибших чеченцев громко зарыдали и закричали: «Убийцы!»*

— Да пошли они все в жопу! Я выполнял приказ! Мне приказали их уничтожить! С виду они все выглядели обычной разведгруппой… И дверца у них открылась, понимаешь? Задняя дверца открылась! Как бы я на боевом задании не выполнил приказ из штаба? — в отчаянии выкрикнул Ямщиков. Пытаясь еще что-то добавить, он лишь махнул рукой, выматерился вполголоса и, закрыв лицо руками, тоже отвернулся от Седого.

— Может, Гриш, бросим ломать эту комедию?.. Корчить из себя каких-то героев… Зачем? — устало прошептал Седой. — Сойдем на ближайшей станции

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

и, действительно, пошлем это все в жопу. Ну, с какими мы рожами на Армагеддон явимся? Не поймешь ведь теперь, на чью сторону там становиться…

— Ну, ты и сука, Седой! Вот ведь как вывернул! Значит, я все заранее профукал, а он — опять чистенький! Лишь бы на Армагеддон не шарашиться! — резко повернувшись к нему, зло заорал Ямщиков. — Может и тебя пристрелить заодно, а труп с поезда скинуть, чтобы тебе по всяким Армагеддонам не мучаться? Нет, хоть бы ты в душу не лез! Лезет и лезет… Ты можешь понять, как я устал от этого? От того, что моя шкура — повсюду разменная монета!

— Очень мелкая монета, судя по радиопередачам, — строго заметил Седой. — Только махалками своими перед носом не маши! И не надо на меня так фыркать! Расфыркался тут еще!

— Перед носом… у него, — снизив тон, зашипел Ямщиков. — Нос у него, видите ли! Ни хера своим носярой унюхать не может, еще махать у него перед его румпелем нельзя… Сволочь какая! Все сволочи! Продали страну! Меня тоже продали!

— Ты можешь заткнуться, отдышаться и изложить все по порядку? — почти не скрывая удовлетворения, поинтересовался Седой. — Ты же, судя по передачам, все-таки закончил какое-то там высшее общевойсковое командное училище…

— Какое-то там! — передразнил его Ямщиков. — Не какое-то там, а лучшее в России!

— Ах, даже так? — передернул Седой. — Вот с этого и начни. Значит, там вы себя вели замечательно, никого не убили и не сожгли.

По резко потемневшему лицу Ямщикова, Седой понял, что палку в этом направлении лучше не перегибать. Поправив очки, он приготовился внимательно выслушать разъяснения Ямщикова. После непродолжитель-

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

ного молчания тот в общих чертах дополнил содержание радиопередач.

…К своему училищу, законченному им с отличием в батальоне войск специального назначения ГРУ, Ямщиков относился почти восторженно. Седой понял, что с его стороны будет благоразумнее промолчать о том, что он где-то уже слышал фразу, ставшую отчего-то девизом курса Ямщикова: «Не верь, не бойся, не проси!» Как говорится, в другое время, в другом месте…

Глядя на Ямщикова, в восторге размахивающего руками, подкрепляя восторженные эпитеты в адрес командиров рот и батальонов училища, Седой не мог понять, как такие замечательные люди могли внушить его идиоту-соратнику мысль о том, что для блага Родины можно убить старую женщину, ехавшую с племянником в рейсовом автобусе.

Вкратце поведав о замечательном учебном заведении, где его научили не верить, не бояться и не просить, Ямщиков пояснил, что еще до всех военных событий он, в составе какого-то отряда СпН, следил за концентрацией в этом взрывоопасном регионе Северного Кавказа — огромного количества военной техники. Здесь Седой также счел, что намного будет разумнее не прерывать Григория. Из его слов Седой с изумлением начинал понимать, что широкомасштабная военная операция в мирное время своей собственной территории — проводилась не столько против сепаратизма отдельных политических деятелей, сколько для уничтожения следов выемки из российских банков крупных финансовых средств по фальшивым «чеченским авизо» и сокрытия следов непритязательной торговлишки военной техникой и оружием.

В январе 1995 года Ямщиков вместе с другими спецназовцами ГРУ впервые принял участие в одной, весьма деликатной работе. После уничтожения в Грозном многочисленных банков и их филиалов, через которые крутились фальшивые авизовки, именно Ямщикову и его бойцам командование поручило произвести контрольную «проверку» выполненной летунами работы. Под огнем противника они изымали уцелевшую документацию и прочие финансовые бумажонки, которыми, как тут же сообразил Седой, можно было скомпрометировать основных идеологов этих финансовых афер. Привычно потянув носом, Седой в который раз с огорчением понял, что нюх у него отбит начисто. Вместо номеров телефонов, адресов, паролей, явок, выдержек из личных дел и прочей необходимой информации, он почуял лишь тяжелый удушливый запах запекшейся человеческой крови.

Седой понимал, что должен предоставить Ямщикову возможность выговориться. Хотя он не был уверен, что факты, которые тот сообщает сбивчивой скороговоркой, на самом деле имеют отношение к страшной в своей реальности истине: Боец, на воинскую доблесть которого полагалась основная надежда в предстоящем Армагеддоне, уже изменил своему назначению. Могильщик, безошибочно нашедший ход в их закрытое заклятиями купе, куда

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

лучше всех этих объяснений дал однозначный ответ. На общий сбор Боец явился крещеным кровью…

В голове само собою возникало грозное пророчество от Иакова, что для сатанинского крещения подходит кровь любого невинного животного, даже песья… Что же говорить о человеческой крови, имеющей особую цену…

Слушая соратника, Седой видел, насколько бесполезно напоминать об этом пророчестве человеку, упорно твердившему, будто не бывает в природе никаких «мирных чеченцев», будто правду могут понять лишь те, кто был с ним в засаде, а не сидел в тапочках у своего телевизора.

Юлиус Шнорр фон Карольсфельд. Жертвоприношение Авраама. Гравюра Августа Габера. 1860 г.

Внезапно кое-что насторожило Седого в бурном потоке воспаленного сознания Бойца. На минуту у него даже возникло ощущение, будто чутье вот-вот вернется к нему. Он постарался сосредоточился на этом ощущении, и перед ним во всем ее ужасающем величии возникла чудовищная картина заранее проигранного Армагеддона… Прижимая ладони к вискам, он увидел реки

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

крови, растекавшиеся теплыми струйками от страны, выигравшей второй Армагеддон, — ко всем, кто, забыв о давних пророчествах, в упоении омывали в ней руки… Все промахи и просчеты второго Армагеддона кем-то уже тщательно взвешены и учтены. Седой понял, что даже их Бойцу не было оставлено ни одного шанса.

Ямщиков кричал ему как глухому, что выбора у него не было! И Седой со страхом видел, что сразу же после убийства тот напрочь забыл все наставления привратникам. Даже самое главное из них о том, что путь на скотобойню открыт для каждого. Бойцу уже было бессмысленно напоминать, что за первым признаком прикосновения к неприкрытому Злу, когда выбора не остается, непременно следует самый страшный предвестник общего Армагеддона — крещение кровью…

Седой понимал, что вслед за Могильщиком к Ямщикову непременно явится сама Ложь и заявит на него свои права, чтобы Боец никогда не встал с ними у Нижних Врат… Все слова стремительно утрачивали смысл, а сидевший напротив него Боец все говорил, говорил, говорил…

Из-за той работы, выполненной когда-то спецназом под огнем сепаратистов, у руководства ГРУ возник серьезный скандал с руководством ФСК, которое тоже хотело бы завладеть этими финансовыми документами, но все-таки не послало своих людей на верную гибель. Ямщиков хвастливо заметил: «ФСК не сработало в Грозном на перспективу по причине узости своего мышления, да и просто побоялось лазить под пулями боевиков. Эти федералы — завзятые ссыкуны!»

Зато «сработавшее на перспективу» руководство ГРУ в последовавшем общем кутеже дележа государственной собственности и разгула «демократических преобразований общества» — проявило необыкновенную широту мышления, принявшись шантажировать добытыми документами новоявленных «либеральных реформаторов». В связи с чем к руководству ГРУ были приняты, как обтекаемо выразился Ямщиков, «неординарные меры». Седой понял, что если

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

сейчас же не найдет пластинку с валидолом, то доедет до окончательного и бесповоротного Армагеддона, в лучшем случае, в виде трупа.

От поисков валидола его отвлекло сообщение Ямщикова о «второй фигне, связанной с ГРУ». Эта самая «вторая фигня» заключалась в том, что, проявляя присущую широту мышления, люди его ведомства активно готовились к предстоящей войне в Чечне еще с 1990 года. Оказывается, уже тогда ГРУ имело там свои секретные базовые лагеря, официально существовавшие как лагеря подготовки все тех же боевиков и прочих сепаратистов…

У Седого опустились руки. Забыв о валидоле, он с нескрываемым страхом глядел на Ямщикова, с безмятежной улыбкой вспоминавшего времена, когда в его ведомстве все спорилось и срабатывало на перспективу.

Не обращая внимания на Седого, Ямщиков принялся рыться у Флика под подушкой. Они оба видели, что именно там Флик прячет разные бабские вещички, подаренные ему новыми подругами. Найдя в наволочке зеркальце в голубенькой пластиковой оправе, Ямщиков, попутно объясняя, чем ГРУ занималось в Чечне с 1990 года, одновременно строил самому себе рожи в зеркальце. С недовольной миной он тут же сообщил Седому, что после этой бесцельной лежки в прицепном вагоне он явится на Армагеддон с оплывшей рожей. Наконец оторвавшись от зеркала, Ямщиков строго заявил собеседнику, что Главное разведывательное управление на сегодня — единственная структура, которая реально знает складывающуюся обстановку в зоне этого локального вооруженного конфликта, и имеет чисто конкретные рычаги влияния на неё.

Седой уже догадывался, что скажет ему дальше кривлявшийся перед зеркалом Ямщиков. Действительно, все было вполне обычным почти для каждого Армагеддона делом, поскольку основным его признаком во все времена — был приход к власти очередных «реформаторов», плевавших и на доверившихся им людей, и на армию. Он уже заранее догадывался о тайной подоплеке всего случившегося с Бойцом.

И без сбивчивых показаний Ямщикова многое становилось ясно. В таких условиях неминуемо должна была начаться охота на законсервированную и действующую агентуру «сработавшего на перспективу» ГРУ. Ясно было и то, что

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

все действия против ГРУ будут направлены, в первую очередь, против наиболее боеспособных подразделений спецназа, одним из которых командовал Ямщиков.

На качающемся столике купе Ямщиков выкладывал из зеркальца, помады, туши для ресниц и дешевой пудреницы Флика макет местности общевойсковой операции по захвату какого-то арабского террориста. Почти не прислушиваясь к нему, Седой понимал, что на самом деле целью детально разбираемой операции — была ловушка для так и не понявшего этого, сидевшего прямо перед ним капитана разведки.

— Когда ты идешь в знакомую местность, трех часов для подготовки достаточно, — вполголоса пояснял ему Ямщиков весь расклад барахлишка Флика. — Если идешь в новый район, надо готовиться дня два. А тут вдруг выясняется — идем в горы. Точно не знаем куда, но в горы. Задача мифическая. Все наши отработанные правила подготовки — изначально нарушены. Вечером пришли

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

с одной задачи, утром нам нарезали другую, причем, в самых общих чертах. Летите туда, не знаю куда, найдите то, не знаю что. Ни карты местности, ни аэрофотоснимка, ни минных полей, ни расположения наших войск, ничего!

А перед Седым возникал совершенно другой макет — с четкими задачами и филигранно отработанными приемами. Куда лучше Ямщикова он теперь понимал, почему одну группу спецназа выбросили прямо посреди села, на чьи-то огороды.

— Нет, ты представь такую картину! Вертушка повисла примерно в полуметре от земли, эти олухи попрыгали вниз, снега по колено. Имущество им на башку выбросили. Тут, значит, вертушка уходит и поднимает огромное облако снежной пыли, — задыхаясь от смеха, говорил Ямщиков, и Седой видел, что он так и не понял, кем же сам оказался в этом раскладе бабских штучек. — Они, значит, вообще ничего вокруг не видят! Потом снег осел, они, значит, оглядываются. Мля! Оказывается, в огород брякнулись! Кругом, значит, село. Стоят «чехи», ну, бабы там, мужики, — и все пальцами на них показывают. Смотрите, говорят, спецназовцы прилетели. Какая там в жопу боевая задача? Им же надо было засаду организовать, действовать скрытно. А тут вокруг дома стоят, люди толкутся, машины ездят…

— Дети ходят, — продолжил Седой.

— Да заткнись ты! — ответил Григорий.

— Ну и что они дальше делали? Ну, которые посреди села брякнулись? — без выражения спросил Седой.

— А ни чо… Что тут можно сделать? — пожал плечами Григорий. — Сели и стали курить.

— А потом? — не отставал Седой.

— А потом… тоже курили. Им ведь до утра никаких приказов не было.

— Повезло, — с каким-то непонятным для Григория подтекстом подытожил Седой.

Черной палочкой туши перед ним пролегла узкая дорога с глубокой снежной колеей. По ней, надсадно хрипя, поднимался пробник губной помады — старенький УАЗ. Перед самым селом ему наперерез выскочили шарики золоти-

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

стых румян, в одном из которых он узнал Ямщикова в камуфляже с автоматом. Старик-водитель, полагавший, что все трудности этой рискованной поездки уже позади, от неожиданности дава нул на газ, УАЗик дернулся, задняя дверца раскрылась, и пули кучно прошили кабину машины…

— У меня это уже под кожей! На стадии врожденного рефлекса, понимаешь? — доказывал ему Ямщиков. — Открылась задняя дверца, тут же выдвигается дуло пулемета! Здесь выживет тот, кто первым нажмет на пипку.

Седой смотрел на выжившего Ямщикова, стараясь понять, что же чувствовали пассажиры УАЗа, у которых никаких пипок не оказалось в наличии? Зато тут же, благодаря отличной реакции Ямщикова, на руках оказалось несколько раненых и убитый водитель 65 лет, занимавшийся частным извозом.

— Мне только потом приказ передали, что я не в засаде, а просто блок-постом стоять должен, — продолжал Ямщиков. — Раненым помощь оказали, отвели в укрытие… Ну, встали другие машины проверять.

— Других тоже расстреливали? — безжизненным голосом спросил Седой.

— Ты чо? Совсем уже, что ли? — оскорбился Григорий. — Мы всех пропустили. Мы штаб запрашивали, чтобы за ранеными машину прислали, в госпиталь доставили.

Глядя на отражение пропахших пылью бордовых занавесок в зеркальце укрытия, где сидели раненые задержанные, Седой с отчаянием понимал, что именно этот запрос его идиота-соратника стал для них приговором.

Интересно, а что же тогда помнит Ямщиков из наставлений Привратникам? Неужели он забыл даже послание о двух неразлучных? Неужели он уже не помнил, что вначале появляется один, но действуют они только вдвоем?

Ямщиков с восторгом описывал полковника, руководившего спецназом в других операциях. Он был свой в доску братишка, понимал всех с полуслова, заботился о спецназе, как отец родной. Седой с горькой усмешкой спросил его: «А перед самой операцией для ее руководства из Москвы прибыл другой полковник?»

— Да, — удивленно подтвердил Ямщиков. — А ты откуда это узнал?

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— От верблюда, — отрезал Седой. — Продолжай!

Новый полковник, руководивший операцией, мог перекрыть дороги, где сидела группа Ямщикова, — резервными бойцами комендатуры на БТРах и милиционерами. Но отчего-то прибывший полковник этого не сделал. А когда прежний полковник прибыл для вылета к месту дислокации спецназа ГРУ, чтобы лично поставить там задачи по карте командирам разведгрупп еще до того, как они будут выведены в район села, вертолетов не оказалось. Вместе с ним должны были лететь другие офицеры штаба, авианаводчик, представители ФПС. Однако московский полковник организовал использование выделенных ему вертолетов так, что на ВПУ первым рейсом были доставлены кровати, спальные мешки, продуктовое довольствие, печи, напольные щиты для палатки и дрова… И, пока штаб ждал возвращения вертолета, перевозившего консервированное молоко, кровати и тушенку, Ямщиков приказал открыть огонь по автобусу, у которого случайно распахнулась задняя дверца…

— Ну, почему ты просто не отпустил этих людей? — простонал Седой. — Почему?

— По кочану! — зло оборвал его Ямщиков. — Если из штаба мне вдруг передают: «У тебя шесть «грузов двести»!» Я переспрашиваю, говорю, как шесть, если у меня — только один «двухсотый»? А мне опять говорят: «У тебя шесть «грузов двести»!» Ну, думаю, значит, эти люди чем-то страшно важны боевикам. Один из способов маскировки — маскировка под мирных жителей. Логично было предположить, что это разведгруппа для проверки маршрута. Сразу соображаю, что все мы — под прицелом… Этих людей сейчас точно будут отбивать! Продумываю задачу, как потом вывести свою группу живой. Радист запрашивает связь, никто не откликается. А мне же надо знать, куда отходить! Прошу по связи «огни», ну, куда артиллерия лупасить будет, прошу указать минные поля — тишина. Инфернальная обстановка. Приоритет всегда отдается той станции, где что-то произошло, понимаешь? Стоит тебе вякнуть в эфир, сразу ответ рисуется. А тут орем в эфир, а там никого…

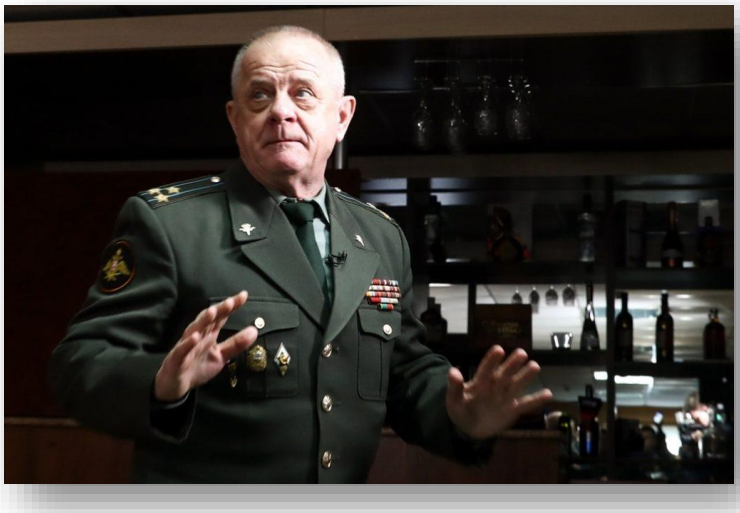
— Там же женщина была! И молодой парень, почти мальчик! — прошептал Седой.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— «Женщина была!» — передразнил его Ямщиков. — Была, да сплыла! Много ты об этих женщинах знаешь… Тебя со мной не было, когда мы сбитых летчиков эвакуировали, а бабы с «антивоенным митингом» нам нарочно дорогу перекрыли. Мы по ним не стреляли, ждали, пока они разойдутся, а летчикам тем временем головы отрезали. Бабушка к вэвэшникам ходила, молочком поила «солдатиков», как только отчалила — так минометный обстрел. А скольких придурков такие вот добрые тетеньки отравили синильной кислотой? Мол, так жалко им пацанов! Я после этого должен чеченцам верить? Слушай, мы в Ачхое стояли, когда у нас одного майора на свадьбу пригласили, а назад привезли без головы. Ни хера себе, погулял на свадьбе братишка! В Шалях меняли двух омоновцев на трассе, а они там тоже сутки нас ждали без голов…

Ямщиков взял стоявшую у окна небольшую пластиковую бутылку с минералкой и осушил ее в несколько жадных глотков.

— Понимаешь, меня туда сбросили с вертолета — слепым. Я только утром узнал, что нами командовал какой-то новый полковник, приданный из Москвы! Я ведь только в части узнал, что, как дурак, блокировал общедоступную дорогу. Все орут: «Ты должен был сам догадаться, что приказ преступный!» Но мною до этого никогда преступники не командовали! И потом я же — не мент! Не гаишник! Я — спецназовец в засаде! Ты это понимаешь? Это мент, который без всякого приказа изобьет задержанных и карманы у них вывернет, может что-то сообразить, если ему прикажут расстрелять подследственных, а трупы сжечь. Он-то живо докумекает, что его ментовское начальство анашой обкурилось, а утром проспится и его же попкой кверху крайним выставит. А что могу я-то в засаде «сообразить»? Я только соображаю, сколько же эти самые «мирные жители» голов отрезали? Я соображаю, как до базы живыми уйти. Чо я еще могу в засаде соображать?

— Ну и этот полковник, который операцией командовал, потом сразу Москву вернулся? — задал риторический вопрос Седой.

— Ага, а ты откуда знаешь? — удивился Ямщиков.

— А на суде он что сказал? — не отвечая на вопрос Ямщикова, спросил Седой.

— Сказал, что не знает, кто командовал операцией, —

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

упавшим голосом ответил Ямщиков. — Сказал, что в его обязанности входила только проверка документов…

— Понятно, — протянул Седой. — А тот, полковник, который братишек любил, он остался, да?

— Он совершенно замечательный товарищ! Такой ответственный! Сгущенку нам в тюрьму передавал! Так нас на всех судах поддерживал… морально. На всех трех судах… Или четырех… Не помню уже.

— Слушай, а его фамилия, случаем, не Остатний? — поинтересовался Седой.

— Конечно! Полковник Остатний! — обрадовался Григорий.

Седой покачал головой и нравоучительно процитировал: «Полковник Виктор Остатний сообщил нашему корреспонденту, что капитан Ямщиков объяснил свой беспрецедентный поступок следующим образом: «Все было просто, как два байта переслать, братишка! Я назначил киллеров с бесшумным оружием, а сам повел людей поближе к дороге, чтобы легче было потом подтаскивать тела к машине.»

— Вот падла! — выругался Ямщиков.

— А знаешь, Гриша, это все — результат той деликатной работы, выполненной твоим ведомством с широтой мышления, — заметил Седой. — А как ты себе-то, в своем мышлении представляешь, чем вы там занимаетесь… в целом? Какая-то ведь более высокая цель должна быть? Чтобы хоть солдатам можно было на двух байтах объяснить…

— Не прикидывайся! — резко ответил Ямщиков. — Мы устанавливаем конституционный порядок! Сам должен понимать, насколько нужен всем твердый конституционный порядок! А чеченцам — в первую очередь!

— Хорошо, допустим, — рассудительно ответил Седой. — Но сам-то ты, Гриша, хоть раз в жизни Конституцию в глаза видел?

— Что ты имеешь в виду? — растерялся Ямщиков.

— А что я еще могу иметь в виду? — вышел из себя Седой. — Будто бы я тебя, как облупленного не знаю! Лезет в пекло кому-то конституционные порядки устанавливать, сам Конституцию ни разу в руках не держал. Не надо на меня кидать такие пронзительные взгляды! Ах, какие мы нежные! Если бы ты ее видел хоть раз, уверен, обратил бы внимание на статью 53, где сказано, что за одно и то же нельзя судить два раза, а не то что… три или четыре — сколько тебя судили-то?

— Сказал же — не помню! Отстань! — рявкнул Ямщиков.

Он отвернулся от Седого, и они снова надолго замолчали.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Значит, тебя опять из армии выгнали, — садистски прервал молчание Седой таким тоном, будто сам лично выгонял Ямщикова из армии.

— Не выгнали! — запальчиво возразил Ямщиков и тут же осекся. — Не выгнали! А… погнали. В военную комендатуру перевели, в Калининград. Не был бы ты такой сволочью, так мог бы разнюхать, почему это меня туда послали?

— А чего тут нюхать? Тебя не в Калининград, тебя вообще-то немножко подальше послали, — с раздражением заметил Седой. — Я давно заметил, что погоны весьма способствуют атрофии серого вещества. Ты помнишь, как литовские пограничники тебя спрашивали, не перепутал ли ты вагон или поезд? Причем, очень вежливо интересовались! Ты заметил, насколько все-таки больше культуры в странах нынешней Балтии? Даже, когда видят перед собою явного дебила, они механически мозги ему не встряхивают, а вежливо общаются! Мол, раз уж едешь явно не в ту сторону, так хоть бы рылом в сторону Польши повернулся. У тебя паспорт на все страны Шенгенской зоны. Тебя послали в Калининград, чтобы ты через Луговое или Железнодорожный в Польшу выкатился. А там — все дальше и дальше!

— Ну, выкатился бы яблочком, а дальше что? Сдернуть — это признать, что… что… все! Вот вам всем! — решительно сунул свернутый кукиш по самый нос Седому Ямщиков. — И, главное, прапорщицы комендатуры тоже суются с намеками: «А вы еще не уехали, Григорий Павлович? Что, билетов до Польши не было? Может, вам денежкой на дорогу скинуться?» Сучки те еще! Я думаю, щас! Как только рвану, они быстренько на меня все, что можно, повесят. Вплоть до ковровых бомбардировок Грозного!

Ямщиков резко осекся, заметив, какое впечатление произвело сообщение о ковровых бомбардировках на Седого. Собеседник сидел подозрительно тихо, с разинутым ртом. Кончик его крупного носа возле самого кукиша Григория заметно побелел.

— Ты чего такой, Седой? Ты меня слышишь? — засуетился возле него Ямщиков. — Не бомбил я их! Меня самого, знаешь, сколько наши же бомбили? Тебе валидол дать? Пойдем на воздух, слышишь меня?

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Сядь, Гриша, — тихо прошептал Седой. — Сядь!

Они сидели, не глядя друг на друга, думая каждый о своем. Ямщиков сжимал и разжимал огромные кулаки. Играя желваками на обветренных скулах, он что-то вполголоса бормотал незримым оппонентам. Седой сидел, опустив голову и растирая виски. Затянувшееся молчание прерывалось сигналами встречных поездов, разъезжающихся по однопутке с медленно тащившимся составом, тянувшим за собою опостылевший обоим прицепной вагон.

— Похоже, это конец, Гриша, — наконец выдавил из себя Седой. — Прикинул тут мысленно… У нас вообще нет никаких шансов. По-моему, нас слишком поздно призвали. Если здесь даже до ковровых бомбардировок по собственному населению дошло… Ты не хуже меня должен понимать, что все уже слишком поздно!

— Ну, поздно, так поздно, — безучастно заметил Ямщиков, раскрасневшийся от внутреннего монолога с прапорщицами комендатуры. — Наплевать. Знаешь, сколько у нас было таких же боевых задач, когда уже все поздно? Всю дорогу на прорывы бросали. Ничего, ремешки подтянем и идем. Куда деваться?

Он поднялся на верхнюю полку и принялся там энергично шуршать пакетами. В купе вкусно запахло свежими огурцами, маринованным луком и ветчиной.

— Слышь, Седой! Ты жрать не хочешь? — спросил он сверху. — Я что-то от таких разговоров разнервничался… Думаю, то ли нажраться, то ли выспаться перед дежурством?

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Лучше выспись, — устало ответил Седой. — Нажраться ты и на дежурстве можешь. Все время жрет до утра, чавкает… газетами шуршит… ножик роняет… А потом врет еще!

— Склочная же ты натура, Седой! — чавкая, ответил Григорий. — Меня тут другой вопрос занимает… Хватай бутерброд! Огурец сам порежь, если на культуру и вежливость потянуло. Я ведь пока на нарах парился, от нечего делать, много над чем задумываться стал. Вот прикинь такую ситуацию! Если меня не снимут с поезда, и мы доберемся до назначенного на днях Армагеддона, мы чем там будем заниматься, как ты думаешь? Мы с тобой, Седой, едем превышать пределы необходимой самообороны! Статья 37 Уголовного кодекса России. … Я же в тюряге с ментами вместе сидел, мне там менты все объяснили. Между прочим, мы с тобой имеем право — нанести «любой ущерб» только в том случае, если сможем в суде твердо доказать, что сары на нас напали первыми. То есть представить суду неоспоримые доказательства. В виде твоего трупа, например. Нас ведь трое, а это, знаешь, сколько дает зацепок обвинению. Нас тут же бандой объявят.

— Кто это нас объявлять бандой будет? Сары, что ли? — разрезая огурец, ехидно поинтересовался Седой.

— Сам ведь знаешь, что они с виду вовсе не сары, а довольно влиятельные на сегодня люди, судя по общему бардаку, — развивая мысль, продолжил Григорий.

— Про бардак чего говорить, если мы давно из стран Балтии выехали? — намазывая на огурец горчицу, вставил Седой. — Белоруссию тоже миновали. За окно выгляни! Вот она, сынок, наша Родина! И бардак — это у нас нормальное состояние… Обычное, как ты уже отметил. В начале второго Армагеддона, в Гражданскую, каждое уважающее себя село здесь вообще по две банды имело. Противоположной идеологической направленности… Кстати, на мой труп попрошу не зариться!

— Да нужен мне твой труп! Себе оставь. Но ведь нельзя исключать такой вариант, если мы вдруг живыми останемся, а? — сказал Ямщиков, сверху подавая Седому булку и печеночный паштет. — Давай разберемся с насущными боевыми задачами. Ты ведь отлично понимаешь, что от нас останется, если предоставить сарам возможность для броска. А так все складывается, что нам выживать-то никак нельзя — засудят потом к едрене-фене. Это ты, папаша,

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

верно заметил, что здесь нам с тобой, не Голливуд, где можно отколбасить всех собравшихся на какой-нибудь «миллениум» с гранатометом «Муха» во всю душу… Тут мы, братишка, до пенсии будем по каталажкам таскаться и всем доказывать, что мир спасли на хер…

— Про спасение мира вообще ничего нельзя говорить ни в коем случае, — решительно оборвал его Седой, тыча в сторону полки Ямщикова складным ножом. — О таких вещах лучше помалкивать, иначе в психушку посадят, а не в тюрьму. Тебе что, перед судом экспертизу в институте Сербского не проводили? Насколько я себе представляю, такому головорезу, как ты, перед судом непременно экспертизу проводят. Надо же выяснить, вменяемый ты или невменяемый?

— Сам-то вменяемый? — проворчал с верхней полки Ямщиков. — Едет в прицепном вагоне не к теще на блины, а на Армагеддон… Собирается превысить необходимую самооборону в отношении одичавших летучих мышек, размером с бегемота, и еще при этом — чужой вменяемостью интересуется… Вот говно!

— Не стану уточнять, от кого я все это слышу, — миролюбиво ответил Седой, намазывая паштетом новый бутерброд. — У тебя маринованных огурцов не осталось? Ты мой плеер возьми, послушай, какое ты — говно. Иногда бывает полезно узнать о себе мнение других.

— Не стану я это дерьмо выслушивать, — сказал Ямщиков, сосредоточенно роясь в пакетах. — Я же помню, что у меня здесь банка с огурцами стояла! Это Флик, поганец, к бабам своим упер! Заметь, утром все сухарики и орешки стырил… Ты бы повлиял на это чудо в перьях! Самим-то тоже надо что-то жрать, пока трупами не стали…

— Да как на него теперь повлияешь? — озабоченно заметил Седой. — Попробуй, повлияй, когда оно реснички и губки намазало. Там сейчас бабы на него куда большее влияние оказывают. С тобой-то вопрос понятен… Думаю, что тебя нарочно с поезда пока не снимают, чтобы за нами следить. Перед самым Армагеддоном могут снять, конечно… Хотя… Чего тянуть-то? Действительно, а почему тебя, Гриш, с поезда не снимают? Странно… Может, ты еще что-то скрываешь? Думаешь, нюх отшибло, так не разнюхаю, да?

— Не сняли, так, значит, снимут… Отстань! — машинально подытожил Ямщиков, продолжая сосредоточенно рыться в пакетах. — Кстати о бабах. Я видел, как они из ресторана пиво тащили. Нам бы тоже не мешало затариться. Чего всухую такие разговоры разводить? Как ты думаешь, Седой?

— Я, Гриша, думаю, что тебе надо было у этих сучек пиво отобрать, а ихние трупы с поезда скинуть, — внимательно прислушиваясь к чему-то, пробормотал Седой. — Я думаю, они специально в наш вагон сели, чтобы нам лишние проблемы создавать. Нет, ты это слышишь?

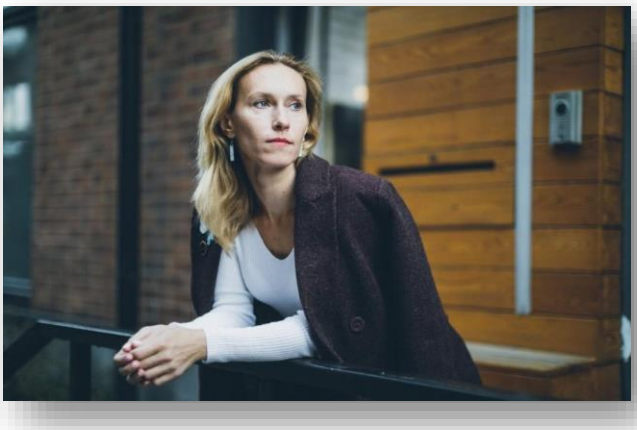
©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Из конца вагона раздавалось тихое поскуливание и хныканье двух нетрезвых женских голосов. Постепенно их плач становился все громче, а через минуту к нему присоединилось мощное женское контральто на одной высокой ноте, режущей слух. И, перекрывая набиравший силу бабий рев, наконец, послышалось неизменное соло Серафимы Ивановны: «Сволочи! Какие же все сволочи кругом! Всю страну продали! Меня тоже продали! Бедная я сиротинушка! И куды ж мне теперь приклонить головушку?»

В дверь тут же застучали, и мальчишеский голосок позвал из коридора: «Дядь Гриш! Они опять напилися и в голос воют! Забирайте свою, а то они Сашку разбудят!»

Матюкнувшись, Григорий спрыгнул с верхней полки. Седой тоже что-то пробормотал про себя явно в ненормативной лексике. Вслух он сказал быстро обувавшемуся Ямщикову: «Тащи эту идиотку сюда! Скандалов нам сейчас только не хватало…»

…Накрывшись одеялом с головой, Марина думала о том, что рассказывали ей подруги. Укутанная одеялом голова кружилась в такт покачивающейся на ходу поезда полке. Шмыгая носом, она вспоминала рассказ Анны, как ее сократили на работе, не отдав зарплату за полгода… Как мужа Ларисы хозяева фуры подставили с деньгами на бензозаправке и тыкали пистолетом в лицо… Как сама Лариса, беременная Сашкой, держала с другими работницами обогатительного комбината голодовку, чтобы ей выплатили долги по зарплате… Как зятя Серафимы Ивановны приковали к батарее и били прутком по голове, допытываясь, где он прячет акции, на которые они

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

рассчитывали прожить зиму всей семьей… Слезы катились по щекам, хотелось завыть в голос, но она боялась, что Седой опять будет орать на нее, а Ямщиков — пихать в бок и шипеть: «Ну, ты, Флик, и гнида!» А вот если бы их так… Когда зима, работы нет, а детей надо в школу отправлять… Если бы им так?..

— Нашла об чем париться! Проехали! — вдруг ласково сказал ей прямо в голове тот самый странный змееныш, о котором она наводила справки у Серафимы Ивановны.

Змей обвивал ее кольцами шелковистой гладкой кожи и нашептывал, что впереди у нее большая трудная дорога, поэтому париться по мелким житейским поводам ей сейчас совершенно ни к чему. В особенности, разводить бабскую плесень по пустякам. Ей вообще стоит внимательно присмотреться к умению Ямщикова — вовремя послать всех далеко-далеко… Туда, где в пушистых травах светятся чьи-то глаза, а в них отражаются звезды никогда не виданного ею Южного Неба… И последнее, что осталось у Марины от нервных переживаний этого тяжелого дня, было убедительное шипение: «Только не верь всякой хрени, которую про меня Серафима бабам лепит! Так ей и скажи, что все это — беспардонная клевета и гнусные инсинуации!»

По потолку купе пробежали зеленоватые огни встречного состава, и она окончательно провалилась в пахнувшую пряным разнотравьем темноту…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

РЕВИЗИЯ

«Да пошли они все в жопу! Нашла об чем париться! Проехали! Ты, главное, не верь всякой хрени, которую эта прокурорша лепит! Так ей и скажи, что все это — беспардонная клевета и гнусные инсинуации!» — орала телефонная трубка. Дождавшись гудка отбоя, Наталия Семеновна, главный бухгалтер ФПГ «Местнефть», поставила трубку на базу и сумрачно посмотрела в окно на подъехавший к административной стоянке синий газик с российскими гербами на передних дверцах. Газик остановился перед самой проходной.

Тяжело вздохнув, Наталия Семеновна подошла к большому английскому сейфу, чтобы подготовить к выемке документы, которые они «чистили» двое суток, заранее предупрежденные стукачом из прокуратуры. Поэтому уже она не видела, как из газика вышла женщина в прокурорском кителе и мятой темно-синей юбке. Лицо у нее тоже было усталым и помятым. Откинув переднее сидение, она выпустила из газика трех таких же патлатых баб с торжественными хмурыми мордами. Увидев, что с автобусной остановки на всех парах к подъехавшим спешит какая-то старуха в крытом плащевкой пальтишке на рыбьем меху, наблюдавший за приезжими в монитор наружки вахтер тоже обречено вздохнул и нажал на педаль входа в здание.

Обождав у газика запыхавшуюся старуху, бабы решительно направились к проходной. Не доходя до вертушки, прокурорша заорала:

— Попробуй только не пустить, Величко! С ОМОНом и телевизионщиками приеду! Тогда твоему пахану уже другую меру пресечения найду!

Вневедомственный охранник Величко снял ногу с педали вертушки и пробурчал:

— Катись-катись, убогая! Все уже вычищено и перепрятано, хрен кого пресечешь!

— Посмотрим!.. — угрожающе ответила ему прокурорша, поправляя жиденькие, бесцветные волосенки. Однако в голосе ее чувствовалась нотка тщательно

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

скрываемой неуверенности. Видно, куража у нее хватало лишь на преодоление роскошной хромированной вертушки со светящимися стрелками индикаторов.

Сразу же за вертушкой перед ними из ниоткуда возник улыбчивый молодой человек в стильном сером костюме из тончайшего кашемира.

— Дамы, милости просим! Кого мы видим! Весь цвет областных борцов за чистоту финансовой деятельности и прозрачности бухгалтерского учета! Какая честь! Небольшую экскурсию по музею боевой и трудовой славы?.. — нежным переливчатым баритоном с чарующими нижними нотами спросил он, обольстительно улыбаясь.

— Нет, нас только боевая слава интересует, — отрезала прокурорша.

— Тогда второй этаж, налево по коридору, — с нескрываемой скукой сказал мужчина, меланхолично полируя перламутровые ногти золотой пилкой. — С вашего позволения! — добавил он и исчез.

Женщины в одиночестве поднялись по лестнице со старинными бронзовыми канделябрами, вошли в отделанный мрамором холл административного корпуса и остановились в растерянности. Со всех стен на них смотрел господин Восьмичастный с оптимистичными, фотогеничными улыбками. Его огромные фото с бытовыми и производственными зарисовками выгодно освещались многочисленными яркими лампочками на гибких штативах так, что казалось будто с самого лица господина Восьмичастного льется на окружающих теплый, жизнерадостный свет.

Возле стен были продуманно расставлены черные кожаные диваны с роскошными никелированными пепельницами, яшмовыми столиками с периодикой, стильными торшерами в виде изящных лотосов. Женщины, не сговариваясь, посмотрели на свою давно вышедшую из моды обувь, которая еще более неуместно смотрелась на яркой смальте итальянской мозаики. В чувство их вернул ворчливый баритон

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

старухи-пенсионерки Будяковой, инспектора районного КРО, которую старший советник юстиции прокурор Ивахненко всегда брала с собой на самые сложные расследования, связанные с хищением государственных средств в особо крупных размерах.

— Мозаика наборная, ручной работы, 380 у. е. за метр квадратный, продается только за неучтенку Данилкой Маликовым, сынком Сашки Маликова, бывшего руководителя Сокольского райпотребсоюза, — сказала ехидно Будякова, протерла запотевшие очки о лоснящуюся юбку и скомандовала: — Филиппова, поднимаешь всю первичку по подотчетным лицам! Кларка, на кассу вали живо! Ты, Леночка, не стой столбом, а скоренько займись уставными документами и списком акционеров, всех проверь через паспортный стол и обязательно подними всю уголовку на каждого по статистике, вдруг что-то отыщется? Сами понимаете, меня здесь пока как бы нет, я же бюджет ревизирую. Кое-что имею, конечно, по государственным акциям, потом скажу. Я, девочки, сейчас на зарплату лягу, вы новых нормативных актов и ТК толком не знаете. Лена, ты мне к вечеру должна подобрать все по акциям, я вам смогу помочь выйти на уголовку через государственные бумаги. Что рты пораскрывали? Воровского кутежа не видали? Вам перед каждым выездом надо в нашу районную богадельню заезжать, чтоб злее были! Филиппова, отдельно проведи выемку всех командировочных расходов — без них уголовка не покатит, попомни мое слово!

От резких команд ревизорши женщины приободрились, с их лиц исчезла вязкая неуверенность, они одернули мятые пиджаки и быстро направились к дверям с табличками «Бухгалтерия» и «Юридический отдел».

— Матвеевна, я должна к Восьмичасному зайти, передать под расписку постановление о возбуждении, проверке и выемке документов, — понуро сказала прокурорша старухе.

Та, посмотрев на нее поверх очков, взяв ее под руку, тихо спросила:

— Налоговики опять подвели, Ленок?

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— У них совершенно совести нет, Матвеевна, — в сердцах сказала прокурорша. — С мелкого частника последнюю шкуру сдирают, обманывают в расчетах, а здесь годами миллионы баксов не берут — не имеют права! У меня все районы жалобами завалены за неправомерное замораживание счетов малых предприятий, а против крупнейшего налогоплательщика области ни одного решения инспекций Министерства по налогам и сборам о принудительном взыскании бюджетных средств. Ни одной плановой проверки даже при перерегистрации в связи с изменением учредительных документов, в связи с изменениями в законодательстве! Это что, Матвеевна?

— Обычное блядство, Леночка! Ты бы меня спросила, я бы тебе рассказала, как нашего руководителя ИМНС, господина Пластинина, отсюда на День налоговика вусмерть пьяным охрана Восьмичастного в машину выносила с тремя коробками подарков от благодарных налогоплательщиков. Успокойся, возьми себя в руки! Сейчас будет трудный разговор. Поэтому пойдем-ка в сортир, он тут навроде музея, перекурить надо.

Отлично ориентируясь среди стеллажей с кубками по футболу и медалями торговых ярмарок, Будякова вывела прокуроршу к женскому туалету.

— Здесь раньше областной фонд занятости заседал, — кинула она удивленной Лене на ходу. — Заворовались так, что их на уровне правительства Федерации разогнать хотели. Я их со Счетной палатой проверяла — все ходы и выходы здесь знаю.

Зайдя в туалет, Будякова впихнула прокуроршу в ближайшую кабинку и дала ей в руки свою потертую коричневую сумку. Показывая глазами на сумку и неестественно округляя глаза, она сказала нарочито громко, неестественно подхибетным тоном:

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Леночка, как ты была совершенно неприспособленной к жизни девочкой, так ею и осталась! В сумке для тебя туалетная бумага и прокладки. Когда идешь с выездом, то надо все-таки думать и об обычных женских делах! Там же — салфеточки влажные, поройся, милая, все найдешь.

Лена закрыла кабинку на защелку, опустила крышку, присела на унитаз и принялась рыться в сумке. Записку она нашла сразу же.

«Лена! Ты — полная идиотка! Я пошла с тобой за Пашку, младшенького моего, которого ты по доносу не упекла. Но разве так дела делаются? Приготовься к тому, что никакой ОМОН сюда не поедет к выемке документов. В этом здании нет видеокамер только здесь, в кабинках женского туалета. Все здание на прослушке, по телефону звонить даже не пытайся. Я вызвала Сашу Плетнева с ребятами из СОБРа, позвонила в область Вершинину и Данилову, они начали работу. Возьми из сумки мой мобильный, чуть чего, звони Веньке Сухову. Там же найдешь баллон с «черемухой». Во внутреннем карманчике возьми два флакончика. Ленка, только не смейся над дурой старой — это святая вода. Лена, я всю жизнь считаю деньги, всю жизнь иду по их следу, поэтому скажу тебе точно: деньги придуманы не Богом и не людьми, поверь старой ревизорше!

Девок твоих я нарочно пошлю на материальные счета и кассу, это пока для них не страшно, это грозит только административными штрафами. Поэтому сегодня вас выпустят живыми. В боковом карманчике возьми номера зарубежных счетов, по которым сегодня же пошлешь запросы, адреса я тебе тоже указала. А вот когда будешь в кабинете у Восьмичастного, постарайся стащить его ручку, которая стоит у него прямо на столе в восьмиугольном мраморном подстаканнике. С виду это обычный дорогой «Паркер» с золотым пером. Никому никогда не отдавай эту ручку, постарайся ее сразу же уничтожить. Тут ничего не объяснить, Лена, но только так тебе станет чуточку понятно, с чем ты столкнулась, дорогая. Никогда ничего не пиши этой ручкой. Запомни: если ты сумеешь ее уничтожить, то сможешь получить и свидетельские показания. Не сделаешь этого — никто тебе никогда не скажет ни одного слова против Восьмичастного.

Лена! Я тебя всегда очень любила, еще со школы бухгалтеров. Ты — умница! Ты моя лучшая ученица! Оставайся такой и постарайся быть счастливой! Твоя Мария Будякова».

Лена рассовала все по карманам, отдельно в бюстгальтер положила драгоценную бумажку со счетами и адресами, туда же зачем-то сунула и странную записку Будяковой. Святую воду и черемуху разместила по карманам кителя, а телефон зажала в руке. Спустив воду, она вышла к старухе, курившей у окна. Отдала ей сумку и как можно бодрее, со скрытой иронией сказала:

— Плохо спали сегодня, Мария Матвеевна?

Старуха серьезно посмотрела на нее и устало ответила:

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Вообще не спала, Лена. Как ты позвонила вечером, так я уже и не ложилась.

Лена хотела ответить, что все бумаги и ордера она смогла подписать только поздно вечером, но ревизорша по-отечески похлопала ее по спине и шепнула:

— Разговорчики в строю, Ленок!

У двери туалета Будякова махнула Лене рукой в сторону кабинета господина Восьмичастного, а сама направилась в отдел труда и зарплаты бухгалтерии финансово-промышленной группы «Местнефть».

Какое-то беспокойство шевелилось у Лены внутри, поэтому для начала она решила проверить девчонок. Заглянув к Ларке Филипповой, она убедилась, что у той, вроде, все в норме. Между Ларой и главным бухгалтером Наталией Семеновной происходил безмолвный диалог. Лара поднимала на Наталию Семеновну глаза с немым вопросом, а та лишь согласно прикрывала веки или, в знак отрицания, отводила глаза в сторону. Иногда Наталия Семеновна начинала смотреть упорно на какой-нибудь стеллаж, и Ларка тут же уверенно направлялась к нему, опустошая все полки.

К такому поведению главных бухгалтеров в прокуратуре уже привыкли. Хотя с введением нового Уголовного кодекса перестали сажать пачками бухгалтеров, большинство из которых имело маленьких детей, директора предприятий норовили все равно столкнуть всю вину на подчиненных им женщин. И сколько таким директорам не доказывала Лена, что по праву первой подписи они несут всю ответственность за действия нанимаемого персонала в период следствия, которое иногда тянулось более года, с главными бухгалтерами обязательно случались разные неприятности. Многие из них исчезали бесследно,

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

оставив записку, что будто бы сбегают на Багамы с одиноким, богатым любовником, а некоторые меняли показания настолько диким образом, что Лена даже не подшивала к делу их письменные чистосердечные признания о том, что именно они являются организаторами преступной группы. Обычно она рвала их прямо перед глазами отчаянно ревущей женщины, пододвигала новый листок и вызывала Веньку Сухова в черной маске, чтобы помочь после допроса добраться до дома доведенной до ручки финансистке.

Лена махнула ободрительно рукой Филипповой и отправилась к Кларе.

То, что с Кларой творилось неладное, Лена поняла, как только принялась стучаться в бронированную дверь расчетной группы наличных средств. Как и положено для кассы крупного предприятия, само помещение представляло внушительной мощности сейф. Возле Клары сидели три красивые бабы-бухгалтерши, одна из которых с приветливой улыбкой, обнажившей мелкие редкие зубы, открыла дверь Лене. Когда две другие обернулись на вошедшую Лену, у той непроизвольно дрогнули колени. Никто бы не высказал тени сомнения, что все девушки красивы! Никто!

Но у всех трех в лицах был какой-то с виду мелкий, казалось бы, незначительный порок, который, тем не менее, заставлял в неподдельном страхе сжиматься сердце. Затянутые решетки кассы были расположены довольно высоко над столами кассиров, поэтому снаружи никто не мог видеть, у кого, собственно, они принимают наличные денежные средства.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Обезобразившая лицо до неузнаваемости улыбка первой кассирши была, пожалуй, даже ничего на фоне жуткого бельма второй и россыпи ярких черных бородавок над верхней губой у третьей. Клара сидела среди них с такой мукой в лице, что Лена испытала искреннее раскаяние за то, что в глубине души всегда считала Кларку наглой, бестактной халдой.

— Клара, как дела? — участливо спросила ее Лена.

— Нет воды, — будто через силу прошептала Клара. — О… они ходили в туалет, там тоже нет воды…

Она опустила голову и тупо смотрела в маленькую губку в круглой пластмассовой коробке, которую ревизоры всегда носили с собой. В нее они обмакивали пальцы, перелистывая огромное количество документации при проверке. Почему в кассе не оказалось даже минералки, почему исчезла вода в туалете, где они только что были с Будяковой, Лена задумываться не хотела. Но больше всего она не хотела, чтобы кто-то из улыбавшихся кассирш сейчас стал ей разъяснять, почему исчезла вся вода в тот момент, когда у Кларки едва шевелился ссохшийся язык, и странным образом свело пальцы. Чтобы не услышать вдобавок еще и их голоса, она торопливо, нарочито громко сказала Кларе:

— Ой, Кларочка! А у меня есть немного водички с собой, не переживай!

Вынув один из пузырьков, взятых из сумки сдвинувшейся на пенсии Будяковой, Лена опрокинула его на белую резиновую губку Клары. Ее товарка вдруг с жадностью засунула в губку всю пятерню, потом зачем-то провела указательным, мокрым пальцем по пересохшим губам. Явно повеселев, она принялась споро перелистывать странички толстенной кассовой книги. Лена с изумлением смотрела из-за ее плеча на то, как прямо на ее глазах на страничках проступали пятна белой замазки, бритвенных подчисток, поправок совершенно другой ручкой без всяких подписей… Менялись даты и номера страниц, обнаруживая провалы в учете денежных средств несомненно уголовного характера. Но главное, что практически у всех сумм сами собой вырастали по два-три нуля справа…

Кассирши испуганно сбились в угол и даже не прореагировали на бодрый окрик Клары:

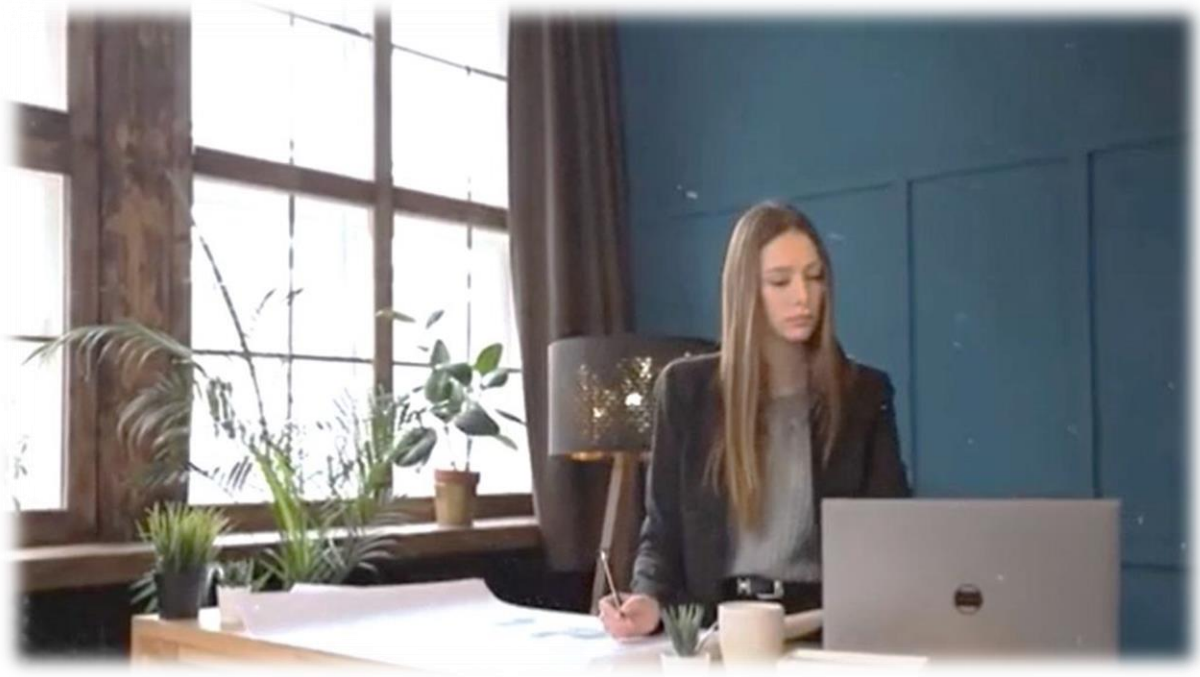
— А ну-ка, красавицы, тащите мне подшивки приходников-расходников с прошивками дубликатов страниц кассовой книги! Все журналы-ордера — живо!

Понимая, что теперь Клара справится и без нее, Лена с тяжелым чувством отправилась подписывать акты и протоколы. По пути она думала, что Будякова много чего им не рассказывала, преподавая финансовый анализ в бухгалтерской школе, когда Лена заканчивала там курсы бухгалтеров, не поступив с

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

первого раза на юридический. Решив сегодня же вечером потребовать со старухи полный отчет о негласной методике выездных проверок, она открыла роскошную дубовую дверь с бронзовой табличкой «Приемная».

В приемной Вильгельма Бенедиктовича Восьмичастного Лену ожидала необыкновенно прекрасная секретарь-референт. На ее лице лежала маска равнодушия и отрешенности. Лена подумала, что, наверно, она бы тоже могла говорить томно и расслабленно: *«Вильгельм Бенедиктович вас примет, хотя подписывать бумаги и разговаривать он будет исключительно в присутствии Марлена Владимировича, юрисконсульта нашей фирмы. Я сейчас его приглашу, а вы пока посмотрите телевизор».*

Обзванивая по селектору отделы в поисках Марлена Владимировича, красавица небрежно нажала кнопку дистанционного управления, и прямо перед Леной в стене открылся экран, на котором она с трудом узнала свою красную всклокоченную физиономию, орущую прямо в камеру: «Попробуй только не пустить, Величко! С ОМОНом и телевизионщиками приеду! Тогда твоему пахану уже другую меру пресечения найду!»

— Вот такими методами пользуется наша доблестная прокуратура! — сконфуженно комментировал ее действия местный телевизионный канал. — Все мы помним о скандалах, когда нашего генерального прокурора, простите, «очень на него смахивающего», поймали за одно место в притоне наркоманов и проституток. Из какого притона вывалила эта базарная баба? Вряд ли кто-то из горожан желает это знать. Вряд ли кто-то желает возвращения сталинских репрессий, а так же семнадцатого года, когда такие прокурорши в кожаных тужурках врывались к мирным гражданам с циничным лозунгом: «Грабь награбленное! Экспроприируй экспроприаторов!..»

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Не расстраивайтесь, — улыбчиво сказала красной, как рак, Лене секретарь, — зато у вас неплохие ноги! Прошу вас! Вильгельм Бенедиктович и Марлен Викторович ждут вас!

Пока они разбирались втроем с нудным подписанием всех ордеров и подписок, Лена слышала из приемной, как ее фразу подхватывал один телевизионный канал за другим. Но ее собеседники сохраняли такую же безмятежность, которая поразила ее и в референте господина Восьмичастного.

Через час Лена почувствовала нарастающее беспокойство. Она поняла, что не может усидеть на месте. Извинившись, она вышла в коридор и начала обзванивать отделы бухгалтерии, куда могла направиться Будякова, но почему-то нигде не появилась. Лариса Филиппова и Клара Петренко уже подготовили интересующие документы и составили акты для подписи, Будякову они тоже с утра не видели. Девчонки нервничали и спрашивали почти открытым текстом, когда к ним, наконец, приедут ребята.

Секретарь продолжала смотреть уже надоевший Лене сюжет, делая пометки в блокноте. Подняв волоокий взор бездонных, голубых очей на Лену, она с укоризной ей заметила:

— Вас уже на НТВ показывали. Неужели для такого случая нельзя было юбку погладить и ботинки почистить?

Лене уже было плевать на мелкие приколы шалавы господина Восьмичастного, плевать на сюжеты и все телевидение в целом и в частности. В висках стучала кровь, она с сдерживала дрожь в руках. В данный момент ее интересовал лишь вопрос: куда делась Будякова? Прямо при усмехающейся секретарше она набрала номер Веньки Сухова и сказала одно слово: «Немедленно!» Шестилетний прокурорский опыт неприятным посасыванием под ложечкой

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

дал знать, что с Будяковой что-то серьезное. А покалывание в кончиках пальцев подсказывало, что если они немедленно не свалят отсюда под прикрытием отмороженного еще в Афгане Веньки, это «что-то серьезное» произойдет и с ними.

Оставалась одно дело, которое еще недавно Лена считала полным идиотизмом, чреватым проколами почище, чем пролет фанерой над Парижем лиц, «похожих на Генеральных прокуроров». Она решила выполнить указание Будяковой и спереть дорогую ручку «Паркер» со стола подследственного Восьмичастного.

Сверкая приветливой улыбкой, она вернулась в кабинет к господину Восьмичастному, изучающему протоколы вместе с юрисконсультом, стоявшим за его спиной, развязно уселась перед ними на высокий дубовый стол, отодвинув наваленные бумаги, и сказала:

— Марлен Владимирович у нас ведь еще и в коллегии адвокатов, верно? Я хочу, чтобы вы, Вильгельм Бенедиктович, подмахнули мне подписку о невыезде! В принципе, это не срочно, можно и на следующей неделе, но покидать город пока не советую!

Зло прищурившись в недоуменное лицо господина Восьмичастного, Лена резко вскочила со стола, сунув руку с прихваченным злополучным «Паркером» в карман, и для вящего театрального эффекта решила выхватить мобильник, чтобы трясти им перед подследственным и орать до прихода Веньки, намекая на высокое покровительство собственных действий, с целью отвлечения внимания подследственного от опустевшего письменного прибора. Это был наглый блеф, вся затея была глупостью с самого начала. Неудивительно, что и произошла с ней явная глупость: в руке почему-то вместо телефона оказался очередной пузырек старухи Будяковой со святой водой. Однако на такое отвлечение внимания Лена даже не рассчитывала. Внимание господина Восьмичастного и его юрисконсульта отвлеклось настолько, что глава финансово-промышленной группы вдруг сгорбился, глаза его сверкнули жуткой желтизной, а из его еще недавно такого улыбчивого рта, превратившегося в безобразную щель, послышалось шипение: *«Убей ее! Я сам не могу-у…»*

Лена подскочила к двери, в проеме которой уже стояла с явным намерением не выпустить ее, давешняя секретарша. Посмотрев на ее хищный оскал, Лена

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

удивилась, как она могла принять эту жуткую образину за красавицу. Выхватив «черемуху», Лена сделала глубокий вдох, крепко зажмурила глаза и, как учили ее на сборах без отрыва от производства и плановых стрельбах, тщательно обработала нападавших.

Не открывая глаза и задерживая дыхание, она на ощупь переползла через рухнувшую секретаршу, скоренько подскочила на четвереньках к двери в коридор и только там, захлопнув дубовую дверь в приемную, сделала первый вдох и открыла отчаянно слезившиеся глаза. «Вот и гладь утюжком юбки на выезды!» — устало подумала Лена, глядя, как из другого конца коридора бегут Венькины собровцы в черных намордниках.

Никакого господина Восьмичастного в кабинете не оказалось. Хотя Венька лично проверил все ходы и комнаты отдыха. На полу валялись вповалку Марлен Владимирович и секретарь-референт, чьи лица вновь приобрели обаяние и красоту, правда, с резким синюшным оттенком из-за непрерывного кашля и соплей. Куда делся господин Восьмичастный, ответить они затруднялись.

Девчонки с полными пакетами документов вышли из бухгалтерии, у обеих были красные глаза. Будякову искали минут двадцать, когда Лену поманил пальчиком красавчик секьюрити, встретивший их утром на входе.

— Елена Владиславовна! Боюсь, произошел несчастный случай, — скорбно сказал он, глядя куда-то мимо Лены. — Во втором лифте сегодня устанавливали… мм… зеркала и телефон. Для этого его подняли наверх, в обслуживающее помещение. А двери на седьмом этаже заклинило… Я понимаю, открытая шахта… Но мы повесили табличку! Я виноват, конечно, но никак не мог предположить, что госпожа Будякова для чего-то отправиться контролировать на седьмой этаж, да еще станет заглядывать в шахту лифта!

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

У Лены дрогнули колени, но она выстояла и лишь тихо спросила:

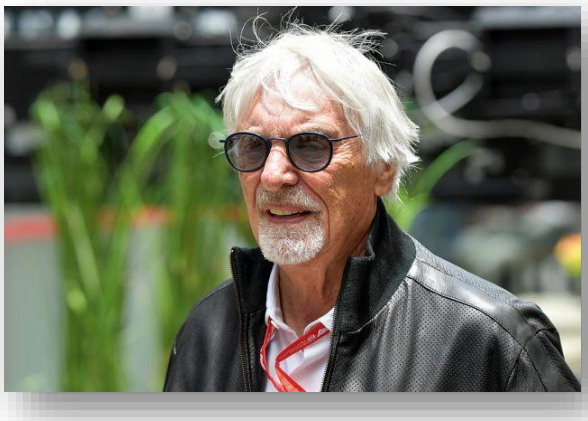
— Где?

На дне лифтовой шахты с неестественно подвернутыми ногами в старых суконных ботах лежала персональная пенсионерка области Будякова Мария Матвеевна. Понимая, что ничего больше для ревизорши ей не сделать, что придется согласиться с циничным заключением «несчастный случай», Лена профессиональным взглядом отметила тонкие красные точки на горле Будяковой, будто перед тем, как скинуть старуху в шахту, кто-то несколько минут удерживал ее когтистой лапой за горло над семиэтажной бездной.

Уже подойдя к газику, Лена оглянулась на помпезное, подсвеченное прожекторами здание финансово-промышленной группы. В одном из освещенных окон второго этажа, в крыле, где находилась бухгалтерия, виднелась одинокая женская фигура. Снизу не было видно, кто эта женщина. Поэтому Лене показалось, что в руках она держит неизменную сигаретку, знакомым движением прижимая к груди потертую сумку. Сгустившаяся тьма милосердно скрывала, что по щекам сами собой прокладывали дорожки горячие, соленые слезы.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

ПОЭТИЧЕСКИЙ НАКАЛ

Сгустившаяся тьма милосердно скрывала, что по щекам сами собой прокладывали дорожки горячие, соленые слезы. Все ночное дежурство Седой старался не всхлипывать громко, глядя, как внизу стриженная наголо старая женщина в полосатом халате с номером пытается пришить ему на пиджак пуговицу, висевшую на одной нитке. Она приходила в каждую ночь его дежурства, знакомым движением заботливо поправляя на нем одеяло, стараясь никого не разбудить. Все свои дежурства Седой смотрел на голый затылок старухи, на ее оттопыренные крупные уши с багровыми прожилками и изо всех сил сдерживал рвущийся из самого нутра звериный вой… Слабый свет наступавшего зимнего утра неизменно начинал просвечивать сквозь лысую старушку, она бросала на него взгляд, полный покорного смирения, и исчезала. Только с ее уходом он забывался тяжелым сном без видений. Сном, больше похожим на смерть…

Днем Седого больше всего доставал бабский кружок, сформировавшийся возле Флика. Из их почти конспиративного купе эти бабы сделали какой-то проходной двор. Седой не мог заставить себя поставить на место наглую старуху, которая сразу же влезала в их купе, как только Ямщиков выходил покурить. Как только она с комфортом устраивалась на нижней полке напротив Флика, Седому приходило в голову, что зря он сам не курит, зря. Знает ведь лучше всех, даже лучше Флика и Ямщикова, что на этот раз почти никаких шансов у них не осталось. Поздно все, очень поздно. Потому можно было бы и покурить в тамбуре, чтобы лишний раз не мозолиться об эту

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

старую кочерыжку из восьмого купе. Иногда старуха притаскивала с собой на руках какого-то маленького, пищавшего ребенка и, показывая пальцем на Седого, говорила: «Вот, Сашенька, дяденька в черных очках лежит! Загорает дяденька!» Флик тут же начинал рассыпаться перед куксившимся сопляком, совать яблочки и конфетки… Тогда становилось совсем невмоготу. От злостного табакокурения Седого удерживало только сознание, что если он начнет таскаться за Ямщиковым в тамбур, то сам окажется ничуть не лучше этой гнусной Серафимы Ивановны.

Спокойствие наступало только тогда, когда Флик, наконец, устраивался у себя на полке и засыпал, укутавшись одеялом с головой. Но, как только Луна прокладывала в купе свою дорожку, из ее холодного света к Седому спешила прозрачная лысая старушка, чтобы пришить открученные им за день пуговицы. Он знал, что спрашивать ее ни о чем нельзя, она все равно не ответит. В эти минуты он даже был благодарен Флику, бормотавшему под одеялом в каких-то своих тревожных снах: *«Мама… мамочка… мама…»*

* * *

Закрывшись одеялом с головой, в который раз обдумав ужасное положение, в которое она попала, Марина привычно всплакнула в подушку. Деваться ей все равно было некуда. Хотя с каждым днем все меньше хотелось ехать на Армагеддон. Но денег у нее совсем не было. Не было даже дорожной сумки, да и кошелька тоже не было. Естественно, кожаного бежевого плаща, сапог-чулок с пряжками на лодыжке и светло-зеленого кардигана-джерси не было и в помине. Также не было трусиков с переливающимися бусинками-висюльками, которые она видела на фотографии одной девушки в журнале у Анны. Никогда не было, а теперь уже и не будет. Что толку говорить о каких-то вещах, пусть необыкновенно прекрасных, если даже выхода у нее никакого не было… Надо

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

было ехать со всеми, потому что Марина понятия не имела, куда ей еще можно было бы поехать, если бы она решилась хоть на один самостоятельный шаг в своей короткой жизни, а не тащилась бы, как дура, с Ямщиковым и Седым на этот поганый Армагеддон… Привычно прошептав в глубоком отчаянии *«Мама… мамочка… мама…»,* Марина забылась тяжелым сном.

…Она стояла посреди самой ночи, напоенной прохладой и запахами увядающих трав. Тихий теплый ветер пригибал росшую кустиками высокую траву с мягкими пушистыми головками на тонких стебельках и ласкал обнаженную кожу. Над самой головой низко провисал сверкающий шатер неба, сливаясь с землей у близкого горизонта. Под пение цикад и крики ночных птиц она сделала несколько неуверенных шагов, пока не услышала знакомое шипение: «Явилась не запылилась… Так и быть, садись… Но только молчи! Мне что-то нынче особенно херово.»

Змей лежал грустный и абсолютно трезвый. Пивом от него не пахло, глаза не поблескивали знакомым дерзким огоньком, шкура обвисла и покрылась шершавыми пятнами. Марина робко присела рядом. Змей слегка подвинулся, чтобы она могла устроиться удобнее, но больше никак не прореагировал на ее присутствие, пристально вглядываясь в небо.

— Каждый видит, конечно, то, что хочет… Но для посвященных небо — это, прежде всего, аллея Героев, — почесав хвостом скользкий подбородок, прервал молчание Кирилл. — С панорамами всех сражений, с именами Привратников… Как говорится, с паролями-явками, ксивами-легендами, вплоть до контрольных выстрелов в затылок. Кстати, я на эту тему по видаку Петровича видел очень правильный мультик, «Король Лев» называется. Там вся карта звездного неба трактуется в верном контексте. Возможно, кто-то из сценаристов в Ордене Приврата состоит. Ты, конечно, этот мультик не видела…

— Не видела, — грустным эхом откликнулась Марина.

— Да что ты видела-то? — раздражаясь, ответил змей. — Совсем уже нынче с вами с катушек съехали. Все впопыхах, все автогеном и через задний проход. Только реинкарнивали абы как, пивом напоили и в прицепной вагон сунули. Спасибо большое, паспортом снабдить не забыли. Катись, мол, милая! Развлекись немного!

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Так времени, наверно, не было, — сквозь слезы прошептала Марина, поражаясь, как этот Кирилл все тонко понимает. Главное, единственный, кто ее понимает до конца.

— Совести у *них* не было, это будет точнее, — конкретизировал ситуацию змей. — И как на твоих спутничков посмотрю… Думаю, а горите вы все синим пламенем! Я сам с такими ублюдками жить не хочу, понимаешь?

— Кира, они хорошие! — горячо, но не слишком уверено заступилась за попутчиков Марина.

— Ладно, не парься, — проворчал змей. — Я из этого бардака только тебя одну терплю без напряга. Чес слово. Остальные — напрягают до крайности! Петрович с катушек съехал окончательно! Пива не носит, зато стишки начал писать… До того довел, что рифмы ему подсказываю. Павиан облезлый. Макака бесхвостая.

— Он пишет… стихи? — виновато переспросила Марина.

— Он только этим и занимается! — зашипел змей, как масло на раскаленной сковородке. — А я этой… дряни… со времен Гомера терпеть не могу! Помнится, достал меня один подонок… как же это он писал?.. А!

Солнце, казалось, упало на землю!
Скалы, песок от жары расплавлялись…
Триста спартанцев, угрозам не внемля,
Прямо из Спарты сюда направлялись!

— И далее — о каждом из трехсот по списку, чтобы никому не было обидно. Кому — частушку, кому — акростих. Такая сволочь! — простонал змей.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Это Петрович про спартанцев пишет? — с надеждой поинтересовалась Марина.

— Нет! Этот подонок пишет про бабу из третьего купе! — отрезал змей. — Если он начнет писать про триста спартанцев, я его… я ему… с ним… Я этого не вынесу!

— Кирюша, не расстраивайся так! — с глубоким сочувствием выговорила Марина и погладила змея по облезлой шкуре. От ее порыва змей неожиданно успокоился и доверчиво потерся головой о голую коленку Марины.

— Проехали, Мариш. Как видишь, раньше было намного проще: Привратник был всегда один, а прорывающееся в мир Зло — принимало легко идентифицируемое обличье. Ну, что было репу парить при виде Лернейской Гидры, по преданию обитавшей у источника Лерны в Аргосе? Вон она! Экваториальное созвездие, обозначаемое *Hya,* — продолжил экскурсию по огромному планетарию Кирилл. — Красивое, да? Если это девятиглавое порождение Тифона и Эхидны одним дыханием уничтожало всё живое в округе, то какие могли быть сомнения в том, что вопрос с Армагеддоном поставлен ребром, верно?

— А почему тогда Привратник был один? Ты представь, Кирилл, как бы это я одна пошла против Гидры? — зябко передернула голыми плечиками Марина. — У меня же только одна голова, а у этой… вон сколько!

— Ой, да куда бы ты пошла-то? Куда? — захихикал змей. — Пошла бы она на Гидру… «Спасибо, Зена, ты опять спасла мир!» — я перед отъездом такой сериал каждое утро смотрел по телику у Петровича в конуре. Признаюсь, мне импонирует, когда симпатичные бабы визжат и прыгают. Но это все не то… Глупости! Этот ваш нынешний феминизм… все эти «женские движения»… Такая хрень! Могли бы и сами сообразить, что показательные женские прыжки на Гидру — в целом прикольное зрелище для мужской части телевизионной аудитории… Но никакого философского подтекста в себе не несут. Я никак не могут понять, почему ты-то реинкарнировалась… столь неудачно? Впрочем, мне хоть не так скучно в этой блевотине участвовать. Неважно.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— А она красивая? Эта Зена — красивая? А что она носит? — засыпала Кирилла вопросами Марина.

— Да какая разница? Главное, что ведет себя, как дура. Впрочем, как все бабы из этих «женских движений», про которых в новостях передают, — отмахнулся от нее пятнистым хвостом Кирилл. — На их прыжки посмотришь, так на прическе и фасоне пальтишек уже не фокусируешься… Запомни, Мариша, лучшее женское движение — это синхронное с мужчиной! И без вариантов! Просто выучи наизусть, чтобы дров не наломать. Ну, ладно… об чем это я? Не хочу, чтобы ты вообразила, будто раньше были такие мужики, каких тут целая портретная галерея выстроилась, а нынче, мол, такая мелочь пузатая пошла, что ни в одном не помещается весь тригон Веры, Надежды и Любви… Это превратное представление, хотя… Раздражает меня почему-то эта тема. Не хочу портить такую ночь *теми, кто* у нас в пятом купе едет… Ты меня понимаешь?

— Понимаю, можешь не продолжать, — важно ответила Марина, с удовлетворением отмечая, что в вагоне нашелся еще кто-то, кто *видит* обитателей пятого купе в точности так же, как и она.

— Твои спутники вовсе не такие уж *дураки*, — озвучил змей продолжение ее мстительных размышлений. — Просто у вашего хлюста в черных очках — нюх отбит начисто. Учти, я тебе этого не говорил! Короче, как только возникла *дуада* — ей был противопоставлен *тригон*. Вот и все, что я могу здесь обсуждать из тактики Армагеддонов. Закончим на этом.

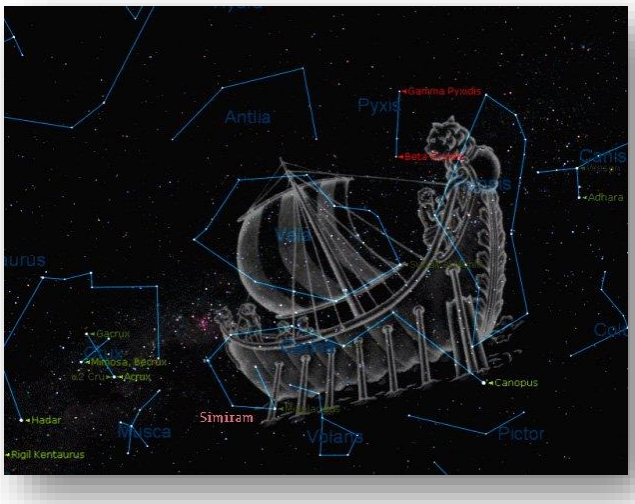
— А мы… А про нас… А я тут есть? — наконец, решилась спросить Марина то, что ее волновало больше всего.

— Поищи сама, мне это уже обрыдло, если честно, — вновь впадая в меланхолию, ответил Кирилл. — Вот здесь, с экватора, идет описание всех Армагеддонов нового времени.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Это что такое? — спросила Марина, не отрываясь от звездного скопления от созвездия Рака до Весов.

— Все эти созвездия до второго Армагеддона носили название *Корабль Арго*. Видишь, будто бы корабль вплывает? Корабль — это древнейший символ мироздания… Соединение времен, культур… Типа путешествия во времени. В астральном плане обозначает — «*бескорыстное объединение усилий лучших людей ради достижения идеальной цели с эгрегором поддержки и защиты в экстремальных ситуациях*«, — задумчиво ответил Кирилл. — Но на вас посмотришь, так вздрогнешь, ей-богу! После вас, наверно, таким символом станет прицепной вагон. Если *они* еще и прицепной вагон на небо повесят, я, Мариша, удавлюсь…

— А почему это корабль… не целый, а кучками какими-то? — внимательно вглядываясь в небо, спросила Марина.

— Не «кучками», а обломками, — проворчал змей. — После того, как Россия в начале прошлого века проиграла *свой* Армагеддон, в преддверии *общей битвы* I Конгресс Международного астрономического союза в 1922 году, наконец, осознал, что с древних времен, когда эти созвездия представляли одно целое, *кое—что* уже произошло… *Корабль* разбился! Вот и выделили тогда *Киль*, *Корму*, *Парус*…

— А остальное куда девалось? Ну, от того корабля? Где остальное, Кирилл? — с непонятным волнением спросила Марина.

— Остальное поглотила пучина, — тихо и торжественно сказал змей. — Но вот то созвездие, описанное Лакайлем как раз после *первого* Армагеддона нового времени, называется *Компас*. В древних картах его не было, да и *Корабль Арго* никогда компаса не имел, по крайней мере, в видимой части небосклона… Как только *Корабль* разбился, выплыл его *Компас* с обломками руля.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— А что за две звездочки возле этого… *Компаса*? — спросила Марина.

— Это — привязавший себя к рулю дневальный матрос и лоцман, спрятавший *Компас* за пазухой, — ответил Кирилл. — Грустная история с нравоучительным подтекстом. Лично я против такой навязчивой агитации и агрессивного маркетинга… Но решаю в этом случае не я.

— Кирилл, а что такое Великий год, Великий месяц и Великий день? — после продолжительного молчания грустно спросила Марина, понимая, что выяснить это другого случая не представится.

— Баба Фима наплела? Седой приказал тебе уточнить ее показания, а старуха чушь несет, да? — догадался змей. — Это вовсе не сказки Серафимы Ивановны, Мариша. Стишок-то старушка запомнила, а объяснить своими словами предсказание — вару в репке не хватает. Дело обстоит следующим образом. Ты в курсе, что все планеты вращаются по своим законам? В принципе, этой научной базы вполне довольно, чтобы адекватно воспринять все остальное. Но для начала хочу тебя спросить… Как ты думаешь, вот эти звезды в момент Сотворения *нашего мира* — были?

— Не знаю, — промямлила Марина, захваченная врасплох прямым вопросом.

— Можешь мне поверить, основные звезды в момент Творения *уже были*, — с нажимом сказал змей. — Всяким придуркам, несущими хрень о плевках из Солнца — не верь. Я лучше ихнего об этом знаю. Сам там был.

Марина с изумлением поглядела на Кирилла, и тот важно подтвердил свои слова кивком плоской головы.

— Итак, с момента Творения отсчитывается *Великий день* — промежуток времени, равный 1/30 части *Великого месяца*, длящийся около 72 лет, — заученно сказал Кирилл. — Есть собственно *Великий месяц* — равный 1/12 части *Великого года*, который длится около 2150 лет. И, наконец, есть сам *Великий год* или *Мировой год*, по теософской терминологии — некий

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

жизненный цикл цепи, охватывающей период семи Кругов. После чего все события будут повторяться. В обратном порядке. Я тебя не слишком утомил?

— Не слишком, — соврала Марина. — А это… когда?

— Да прямо на днях, — ответил змей. — Ты не впадай в истерику, все просто! Есть некий год, в нем — месяц, а в нем — день. Заметь, все числа, отсчитывающие эти промежутки времени, строго делятся на шесть. Итак, собираются три шестерки, тебе это о чем-нибудь говорит? Свободный проход в восьмой части циферблата, и Нижние Врата открываются. *«Пожар охватывает землю, когда определяющие судьбу мира звёзды, которые теперь блуждают по разным путям, соберутся в Раке… А наводнение грозит, когда то же множество звёзд встречается в Козероге, но при этом Плутон находится в Раке. Первое объясняется летним солнцестоянием, последнее — зимним солнцестоянием»,* — как писал про это Сенека. Платон объяснял проще. Это момент, когда все планеты собираются в точке, откуда они начали движения в момент Сотворения.

— А *зачем*, Кирилл? — с недоумением спросила Марина. — Зачем? Неужели не было бы проще сделать так, чтобы звезды в этой точке никогда больше не встретились? Зачем вообще в этой точке Нижние Врата раскрывать? Кому от этого польза?

— Я не отвечу на эти вопросы, — грустно сказал змей. — Сам, Мариша, пью, чтобы об этом не думать. Нет, можно, конечно, все объяснить. Ну, что для мира — это необходимая проверка на прочность… Возможно, некоторое обновление… Типа, как я кожу меняю. Вполне допускаю существование некой договоренности с *несущими небытие*… Ведь в любом движении жизни — уже изначально присутствует смерть. Это придает особую остроту каждому невозвратному мигу бытия… Возможно, что это — один из элементов равновесия мироздания… Но, когда размышляешь об этом в прицепном вагоне накануне этого самого… сразу же очень хочется выпить, Марина. Слушай, а твои подонки-попутчики пива не держат? Ты бы не могла мне вынести пару бутылок?

— Посмотрю, Кирилл, — с готовностью пообещала Марина. — Если у них нет, я у Серафимы Ивановны возьму, у нее еще две литровые бутылки остались.

— Ты, Мариша, настоящий Привратник! Спасибо за наводку! У Серафимы я и сам выжру, — растрогался змей. — Знаешь, тут есть такая заковыка… Поскольку движения планет подвержены различным возмущениям, точно время

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

совпадения трех шестерок не знает никто. Можно только отследить по звездам уже перед самым *Концом*. Поскольку возмущения многими путями вызвать можно. К примеру, заранее определив место циферблата и восьмой части будущего Армагеддона…

— А кто такое может знать? — растерянно спросила Марина и, не дожидаясь шипения *«Кони в пальто*«, тут же вспомнила о командировочных из пятого купе. — А если *они* толкают мир… То какое же тогда… равновесие?

— Раз кто-то завладевает ключами от Нижних Врат *не по праву*, а затем совершает это возмущение, значит, в результате возникает и какое-то противодействие, вне логики и общих правил игры. Оно все должно расставить по своим местам, — нравоучительно заметил змей. — Хуже всего, что в складывающейся сейчас ситуации я не вижу никакой возможности… никакой перспективы для такого… *противодействия*. Ни одного шанса! Ты знаешь, что один из вас на общий сбор явился крещеным кровью?

— Н-нет, — с запинкой сказала Марина.

— Да уж, конечно, — с пониманием поддакнул змей. — Ничего она не знает, ничего не *видит*.

— Кирилл, а как ты определяешь, что… уже пора? — поспешила перевести тему на астрономию Марина. И почти льстиво добавила: — Как ты в этом разбираешься? Где же здесь можно увидеть, что на днях начнется Армагеддон?

— Ну, еще Антиох, по свидетельству Ретория, утверждал, что *«Когда все судьбоносные светила встречаются в Раке, в одной части мира будет потоп»*, — тут же поддался на ее удочку змей. — Вот, сама полюбуйся!

— Так все-таки пожар или потоп? — уточнила Марина.

— А какая разница? — со скукой спросил змей. — Лично мне разницы нет — сожгут меня или утопят. Один конец — один писец. Все равно два раза не прикончат.

— Значит, все основные звезды соберутся возле Рака… Вот там? — ткнула пальцем в черное небо Марина. — Ой! А они уже собрались…

— Знаешь, что меня с этим Раком нервирует? Глубоко личное… Знаешь? — вдруг склочно сверкнул глазами Кирилл. — За что этого Рака поместили на

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

небо? По преданию, он ухватил за пятку вон того Привратника по имени Геракл, когда тот душил Лернейскую Гидру. Никакого больше значения эта политическая проститутка не несет, поверь мне. Но главное, его тут же в зодиакальный цикл поместили! Мол, ведь не всем героями рождаться! Угу, кому-то надо и дерьмом уродиться, для общего равновесия. Мое созвездие Змееносца делит пополам созвездие Змеи, кстати, единственное созвездие, состоящее из разомкнутых частей. Да куда ты смотришь-то? Вон там! Рядом с созвездиями Дракона и Гидры. Мое созвездие всегда было зодиакальным, всегда! Нет, ради этого засранца Рака меня исключают из Зодиака, поясняя, что, мол, не стоит *кое-чего* афишировать! Дескать, ведь месяцев двенадцать, куда еще народу тринадцатое созвездие? Нет, ты отдаешь себе отчет? Что хотят, то и делают! А я потом — смыкай разомкнутую Змею! За здоров живешь! Когда этот Рак на горе свистнет! Мило, да?

— Это очень несправедливо, — подтвердила Марина, думая про себя, что с этой галереей героев не с одним Кириллом получалась огромная несправедливость.

— Как ты меня понимаешь, дорогая! — окончательно растрогался Кирилл. — Ну, хэрэ на сегодня. Ползи к себе, а я пока нашу народную сказительницу обшманаю…

* * *

Стенки тамбура и потолок были покрыты густым инеем, окна чернели непроглядной темнотой. Ямщиков наслаждался редкими минутами полного, абсолютного одиночества. Марина и Седой спали или прикидывались. Но, закуривая перед ночным дежурством, Ямщиков с удовлетворением мысленно констатировал оптимистический факт бытия: никто из его боевых, мля, соратников — до утра к нему уже не прицепится…

— Григорий! Гриша, можно тебя на минутку? — неожиданно возник в проеме тамбура проводник. — Очень твое мнение необходимо узнать!

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Ну, чо еще надо, вожатый? — раздраженно спросил Григорий, который только хотел, чтобы на эти пять минут от него все отстали.

— Слушай, ты бы не мог прочесть вот это? — с наглой, бестактной просьбой обратился к нему Петрович, подсовывая какой-то куцый листочек с неровными буквами. Ямщиков поднес листок к тусклой лампочке тамбура.

Я помню чудное мгновенье,
И вечно буду вспоминать,
Как вы, не согласуясь с моим мненьем,
Полезли место занимать!

— Это чо такое, Петрович? Это ты про меня, козел, такое написал, что ли? Да я же билеты покупал! Еще бы я твоим мнением интересовался! — возмутился Григорий.

— Да при чем здесь ты? Григорий, я больше не могу! Горю, прямо заживо горю… Никогда не думал, что такое со мной может случиться, — со слезой вдруг бросился убеждать его Петрович. — Давеча пассажирка одна в вагон полезла, а я ее почему-то пускать не хотел. Не то, что мне в падлу с пассажирками возиться, а по жизни заколебали… Лезут и лезут… Твоя эта… в тамбуре крутилась, воздухом вроде дышала. У меня на твою куклу прямо аллергия, раздражение… Ты меня уж прости! Поэтому нарочно сходни не выставил. Думаю, как бы еще какую трихомудию не подцепить. А тут как раз Аннушка с перрона лезет, царапается по поручню, чемоданчик никак закинуть не может… И вдруг как поглядит на меня так… пронзительно… Я только послать ее хотел… к голове состава, но в этот момент меня будто молния пронзает! Даже такое мнение у меня возникло, будто всю жизнь только и ждал, когда она ко мне в вагон полезет, представляешь? Сам прыгнул на перрон, конечно… Кто бы раньше сказал, ни за что не поверил! А тебе стихи понравились?

— С календаря списал, что ли? — недоверчиво поинтересовался Ямщиков, потушив сигарету в жестянке, висевшей на тамбурной двери.

— Сам! Представляешь, сам сочинил! — не столько с гордостью, сколько с искренним удивлением себе самому ответил проводник.

— Иди ты! Ты меня не перестаешь поражать, Петрович!

— Скажи, как тебе стихи, а? Только честно!

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Если честно, Петрович, стихи в целом неплохие, доходчивые, — нерешительно промямлил Ямщиков. — Вот только эта первая строчка… Извини, Петрович, если ты хочешь узнать мое честное мнение, то скажу, что такое мог только какой-нибудь педрилка написать! Ну, что это за хрень: «Я помню чудное мгновенье»? Тебе самому такое писать не стыдно? Ты все же мужик, а не гамадрил какой-то!

— Сам не знаю, откуда эта строчка вылезла… Показалась удачной, — сокрушался Петрович, перебирая листочки.

— Ладно, не переживай, — разрешил Ямщиков и нахмурился, разом вспомнив обо всех своих неприятностях. — Слышь, Петрович, а мною никто не интересовался? Учти, из чистого любопытства спрашиваю.

— Я понял, Гриша, — просто ответил проводник. — Конечно, интересовались. Да всю дорогу только тобою и интересуются. Но я у того типа, которого ты чуть в купе не придушил, билет отобрал, а твой выкинул. Зачем ему билет в Чучково да еще на кладбище? Он даже постель не брал, скотина. Первый раз с конвоем дорожных ментов интересовались. Я сказал, что ты в Бабичах, в Белорусси с вещами вышел, постель сдал. На всякий случай сказал, чисто на автомате выдал. У меня, знаешь, какой нюх на железке выработался? Я всех насквозь вижу! Тобою больше шпики из военной прокуратуры интересуются. А я им нанимался — ихние интересы удовлетворять? Нет, главное, сменщика не дают, да еще перед всеми интересующимися шестеренкой дергаться, да? Я тебя знаю, а кто они такие — мне неинтересно.

— Спасибо, друг! — расчувствовался Григорий. — Так и быть, читай! Что там еще у тебя?

Долго ездил железной дорогой,
А такую еще не встречал!
Дорогая моя недотрога!
Вы — судьбы моей вечный причал!

— Ни хрена себе, Петрович! Это ведь просто песня! Прямо садишься и сам пишешь? С ума сойти! Когда ты успеваешь-то? — искренне удивился Ямщиков.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Я теперь все время сочиняю, а уже потом записываю, — сказал проводник и посмотрел так беззащитно и доверчиво, что Ямщикову захотелось немедленно придушить ту суку, которая довела Петровича до такого состояния. — Гриш, тебе правда нравится? Прочти еще, а? Оно короткое!

Петрович вынул из кармана кителя стопку бумажных обрывков. На первом Ямщиков не без внутреннего содрогания прочел:

Подарите мне свое лобзанье!
До чего ж вы, Анна, хороши!
Приходите в тамбур на свиданье,
Отзовитесь мне на крик души!

— Слушай, Петрович, а это даже меня зажигает! Сукой эта твоя зазноба будет, если в тамбур не пойдет, — дипломатично выразил свое мнение Ямщиков.

— Гриша, у нас в голове состава есть магазин на колесах, я там хочу цветочный букет купить, на карточке это написать и вручить Аннушке! Как в заграничных фильмах, представляешь? — поделился мечтой Петрович.

— Это какой Аннушке? — спросил Ямщиков и чуть не поперхнулся, вспомнив маленькое крысиное личико пассажирки из третьего купе. — Которая через купе от нас, что ли? Маленькая такая брюнеточка с узенькими глазками? Ну, тебя и растащило, вожатый! Это действительно из области фантастики… Петрович, да ты просто орел! Только это такие суки, я тебе скажу… Вдруг твоя Аннушка подумает на нефтяников из шестого купе? Или на тех извращенцев, которые в пятом купе закрылись и не вылезают который день?.. Пойдет в тамбур вовсе не тебе лобзание дарить? Ведь даже я никогда бы не подумал, что ты такой талант!

— Ну ты скажешь, Григорий, — польщено застеснялся Петрович. Но сразу встревоженно спросил: — А что же тогда делать?

— Во-первых, цветы — это же мещанство какое-то, прошлый век, — бодро сказал Ямщиков, наконец-то почувствовав себя в своей стихии. Вовсе не желая делать больно разнежившемуся Петровичу замечанием, что вряд ли эта Анька поймет цветочки со стишками, он деловито спросил:

— А во-вторых, что там у вас в магазине кроме цветов продается?

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— А все! Шмотки всякие женские… Косметика… какая-то, — с усилием принялся вспоминать Петрович. — Все продается, что покупается! Но я в тряпках ничего не понимаю.

— Так это меняет дело, Петрович! — принялся отдавать команды Ямщиков. — И не надо никаких тряпок! Надо взять духи! Причем такие, какие она выкинуть точно пожлобится. И это уже будет твой запах. Неважно, как ты пахнешь в натуре! Раз ты духи дарил, так, где на нее этими духами не пахнет, она сразу тебя вспомнит.

— Гриша, помоги мне выбрать… Я не знаю, как ей духи подобрать… А вдруг, если мы упаковку откроем, нам не понравится, а нас все равно купить заставят? — заныл проводник. — Не могу, Гриша! Пошли со мной!

— Спокойно, Петрович, не надо так суетиться и дезавуировать намерения. Запах не имеет никакого значения. Духи должны быть дорогими, непременно французскими и принадлежать известному дому моделей. Так нас замполит учил. И сколько я потом ни срывался с катушек, каждый раз благодарил его за науку. Это, можно сказать, важнейшее достижение советских наступательных доктрин и всего военно-промышленного комплекса. Учитывает буквально все мотивации предполагаемого противника, всю непредсказуемость амплитуды бабских колебаний возле собственной оси. Ты продавцу сверху сотню накинь и по-свойски спроси, где у него польская подделка, а где настоящий парфюм — и все! Пойми, что бабе неважно, пользуется она этими духами или нет, ей *надо это иметь*, понимаешь? Не понимаешь? Я, впрочем, тоже не понимаю. Но действует безотказно! А лютики-цветочки твои завянут через день. Сам же их из мусорки и понесешь на помойку.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Я об этом совсем не подумал. Конечно, ты абсолютно прав… Гриша! — с благодарно повлажневшими глазами прижал свое творчество к сердцу Петрович. — Ты меня просто выручил! Сам не понимаю, что со мной творится… То петь хочется, то плакать… Слушай, а твой попутчик очкастый стихов на память не знает, а?

— Да мне про такое его как-то неловко спрашивать, Петрович, ты чо в натуре? — растерялся Ямщиков.

— Спроси для меня, а? — уже из дверей тамбура попросил проводник.

— Не, дорогой! Извини! — отрезал Ямщиков. — До такой ручки я пока не дошел. Надо — так сам иди и спрашивай. Мне пока вполне «Ленина и печника» для полного счастья хватает: «Ленин?! Тут и сел печник!»

За Петровичем захлопнулась дверь тамбура. Ямщиков еще постоял один, не торопясь к соратникам. Несложно было представить, как Седой, пока вагон то почти сутками стоит в какой-то заднице, то за чью-то задницу цепляется, так и будет бубнить над ухом, что никто вокруг него пока еще не научился работать… В отчаянии Ямщиков даже подумал, а не поселиться ли ему на хрен в тамбуре? Потом, вспомнив последнюю просьбу проводника, он представил, как ему с Фликом редкостно подфартит, если он вдобавок у Седого стишками поинтересуется.

Ямщиков сплюнул и выразил искреннее сочувствие своему отражению в темном окошке двери: «До такого мы еще с тобой, брателло, не докатились. Но пока неизвестно, до чего докатимся… Вполне возможно, что и не до такого докатимся… Как говорится, все лучшее у нас спереди!»

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

НА КОМ РОССИЯ ДЕРЖИТСЯ

— До такого мы еще с тобой, брателло, не докатились. Но пока неизвестно, до чего докатимся… Вполне возможно, что и не до такого докатимся… Как говорится, все лучшее у нас спереди! — бросив пачку ксерокопий газетных заметок на стол соседа, сказал Веселовский хмурому майору Капустину.

— Что ты разбросался-то своим барахлом, — пробурчал майор Капустин, разглядев, что все заметки, с почеркушками Веселовского, на английском языке.

Оба офицера далеко заполночь сидели в своем кабинете возле кипы бумаг и папок. Деловой натюрморт несколько разнообразили ноутбук и переполненная окурками пепельница на столе капитана.

— Да я это с досады, не бери в голову, Капустин. Забыл, что ты у нас старый кадр, ничего, кроме «Хенде хох!», не помнишь, — с хрустом потянувшись, сказал капитан. — Убивают они друг друга. Ритмично и безжалостно. Как машинки «зингер». Причем, используют и какие-то неизвестные ритуальные обычаи. Считай, четвертое убийство за неделю! И все из Приврата. Последний — наш бывший соотечественник Иосиф Береш. Тут сказано, что у него четыре прокола на перерезанном горле. Цитирую: «*Как будто его, прежде чем выкинуть с балкона, удерживали когтистой лапой над бездной*». Образно какая-то сука выражается… Получается, что убили его аж три раза. Глотку до макушки прокололи, потом перерезали, а после выкинули с двенадцатого этажа. Как тебе это нравится?

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Да как такое может кому-то нравится? — отмахнулся Капустин. — Знаешь, Денис, что самое поганое в нашей сегодняшней работе? Когда тебя еще в проекте не было, я успел помаршировать в пионэрах, отдать салют чугунному чучелу и поклясться у языческих символов Молоха и Смерти, то бишь, серпа и молота. А эти с малолетства воцерковленные! Я уже не успею освоить все то, что им родители еще до школы нашептали. Стыдно сказать, ведь в деревне рос, но даже не знаю, как кулак в щепоть правильно складывать… А мне надо в тонкостях различий веры разных конфессий разбираться, да еще и расследовать то, о чем и патриархи Церквей не знают! О тайном обществе внутри этих самых!

— Брось, Капустин! Чо ты опять заныл? Работа как работа. Чтобы расследовать убийство на молокозаводе вовсе не обязательно знать тонкости технологии изготовления творога. Это азы, дорогой Герасим! Сам знаю, что не Герасим, тогда не надо «му-му»!

Веселовский с хрустом потянулся и, легко вскочив с места, танцуя подошел к электрическому чайнику, закружившись уже с чайником в руках, он в изящном па остановился возле умывальника в углу и включил воду. Капустин только хмыкнул на молодое поколение, глядя на порхающего коллегу из-под очков.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Денис, поговорить с тобой хотел, — извиняющимся тоном сказал майор. — Ты больше Потапенко при его девках «пендюком» не называй. Думай, что хочешь, но при девках нехорошо так Потапенко называть.

Веселовский со смехом обернулся к нему: «А что, доблестные канцелярские работницы уже успели стукнуть? Вот ведь юные барабанщицы! Потапенко попросил провести воспитательную работу с младшим по званию?»

— Не надо смеяться над Потапенко, Денис, — грустно ответил Капустин. — Он, кстати, не раз мне помогал. Лучше бы подход к нему нашел. Тебе ведь дальше расти надо. Это меня под зад ногой пнут в любое время, а Потапенко здесь сидит двадцать лет и еще столько же просидит. А ты, вместо того, чтобы связями обрастать, к его Людке Белоусовой клеишься… Ладно, проехали. Потапенко сказал, что половину архива нашего отдела давно уничтожили. Ты, кстати, прочел письмо от 43-го года, которое он нам передал? А ведь Потапенко и его мог бы уничтожить.

— Ну, ты даешь! — хмыкнул Веселовский. — Это тот донос пятиклассника, что ли?

— Это не пятиклассник писал, а малообразованный, но вполне взрослый человек, — раздражаясь, заметил Капустин. — Тогда семилетка не всем по карману была. Английского и компьютеров тогда никто с людей не требовал.

— Скажи мне, Капустин, а хули вы за этих желтоглазых с Потапенко цепляетесь? — раскачиваясь на стуле, спросил Веселовский.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Денис, так судьба повернула, что пришлось тебе заниматься третьим Армагеддоном. Давай подобьем наши бабки, — почти спокойно и размеренно продолжил Капустин. — Лично мне довольно гадко, когда я читаю то, что написано про этих саров. Ничего хорошего! Во всех письмах, которые сохранил, рискуя головой, Потапенко, сообщается, что глаза у обоих на солнце — желтые, без зрачков. У одного из наблюдаемых — обе ноги левые, поэтому он ходит в странных бот-фортах на толстых деревянных набойках. А у другого, дескать, на ногах вообще копыта. Ты над моим «хэнде хох!» смеялся? У нас немецкий в школе вел старшина армейской разведки, поэтому я английского не знаю, а на счет немецкого ты со мной лучше не шути. В архивах у нас остался средневековый манускрипт.

Архивы, видать, у нас чистили молодые кадры, вроде тебя, немецкий язык они точно не знали. А там еще шрифт готический. Короче, все письма, сохраненные Потапенко, совпадают по ориентировкам на саров — с данными манускрипта. Если это хотя бы частично правда, то очень хочется спросить, а ты соображаешь, на чем карьеру делать придется, щенок?

— Я так и думал, что ты с этим старым пендюком мне помешать попытаешься, — в сердцах бросил Веселовский.

— Глупости говоришь, Денис! — без всякой злости ответил Капустин. — Я отлично понимаю, что мне за тобою никак не угнаться. Мне ведь уж и подполковника никто не даст, разве что перед пенсией. А ты запросто можешь и до генерал-майора дойти. Потенциал у тебя есть. Не отнекивайся, есть потенциал! Но на этом деле ты можешь сломать шею запросто, поверь мне! Не надо так гнать лошадей! Я ведь в органах давно, знаешь, сколько я слышал хруст позвонков у таких вот молодых, с потенциалом?

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Да что ты каркаешь, Капустин? Какое дело-то? Ты действительно веришь в этот Армагеддон? — растерянно спросил Веселовский. — Ты совсем сдвинулся? Да это… разборки всяких сект, типичные ритуальные убийства и все такое прочее.

— Хорошо, не веришь — это твое дело! Но и до моей веры не докапывайся, лады? — устало кивнул Капустин. — Согласно оперативным данным у нас должны быть три Привратника, которые идут туда же, куда и идут какие-то сары, чтобы встать у каких-то Нижних Врат. Такой сценарий. Спрашивается, не проще ли выявить этих трех? Все-таки трое, это куда заметнее, чем двое. Трое мужиков легко выявляются в любой толпе, да и они все-таки, как утверждают наши подследственные — обычные люди.

— А зачем цепляться за Привратников, если они — обычные люди? — с ходу включился в оперативную разработку Веселовский. — Незачем. Тем паче, что их и так легко вычислить из окружения саров. Мне кажется, надо не за саров цепляться и не за Привратников, а за объект. Надо установить, где эта гора?

— Согласен, Денис, — довольно пробурчал майор. — Я же чувствую в тебе потенциал! Значит, будем искать объект.

Веселовский, набуровив себе огромную кружку кофе из вскипевшего чайника, положил ноги на стол и с наслаждением закурил. Майор только поморщился, пробурчав: «От этого рак легких бывает!»

— Не успеет, Капустин! — затягиваясь, ответил Веселовский. — Нас с тобой гораздо раньше кокнут…

— Кстати, Потапенко мне интересную вещь сказал, — со смешком вспомнил слова приятеля и пендюка Капустин. — Я думал, это только у меня такой сдвиг, а он теперь тоже всю историю по Армагеддонам делит. Остается выяснить, какова же теперь роль нашей-то личности в этой истории?

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— На счет чьей-то роли в истории, — покачал головой Веселовский. — Так ведь это изначально очень хитрожопая теория, согласись! Если посмотришь на всю историю, в особенности с нашими нынешними сорванными тормозами… Совершенно очевидно, что именно личности и делают историю. А как только речь доходит до «роли масс», то за этим обычно стоит такая паскудная личность, с которой никто напрямую якшаться не захочет. Потому такой личности надо непременно свою личность — безликой массой прикрыть. Я, Капустин, думаю, что наше учреждение имеет полное право дезавуировать свою полезную деятельность «ролью масс». А всем прочим личностям — хрен с маслом! Раз массы *наши*, то и роли *мы* им должны распределять!

— Да как ты распределишь при таком финансировании? — понуро заметил Капустин.

— Интересный вопрос, майор! Посмотри, все тут же в денежку уперлось! Бабло побеждает зло! — с нескрываемой издевкой сказал Веселовский.

— Вот видишь, Денис, ты уже сам пришел к стратегической цели первого Армагеддона. Не нравится тебе мистика — не жри! Но, как профессионал, ты не можешь не видеть отличной тактической разработки и решения четко поставленных оперативных задач. Правда это все или нет, но я давно понял, какая туфта вся эта марксистско-ленинская теория о роли масс в истории. За долгие годы работы в нашей конторе понял только одно: ни хрена эти массы в собственной истории не значат.

Слушая Капустина, Веселовский в задумчивости потушил сигарету и отправился мыть чашку к умывальнику.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Копья ломаного не стоят эти гребаные массы, — крикнул ему в спину Капустин. — Нынче тоже живут себе, а за их спиной этакое интенсивное шуршание…

— А вот тут ты не прав, Капустин! Это не их спиной, это *за нашей спиной*! — обернулся к нему от умывальника Веселовский. Потом, включив холодную воду, решительно опустил голову по струю, забрызгав линолеум возле умывальника.

— Полотенце в шкафу возьми и не брызгайся, — недовольно сказал Капустин.

— Если меня берут за глотку, друг Капустин, я не собираюсь ждать, когда в ней дырки станут делать! — решительно заявил Веселовский, обмотав голову казенным вафельным полотенцем. — Это уже сугубо личное! Чтобы какая-то падла в подведомственном нам гарнизоне — денежки распределяла, чтобы мне даже на сигареты не хватало, а за моей спиной еще кто-то будет Армагеддоны устраивать, да? И плевать всем на мой интерес? Обломаются!

Высказав эту гневную, патетическую речь, капитан энергично сунул свернутый кукиш куда-то в пространство, как бы адресуясь к неизвестным армагеддонщикам, которые решили пренебречь его, Веселовского, личностью в истории.

— Ладно, не ори, — пытаясь вернуть подчиненного в деловое русло, сказал майор. — Слушай, насколько я знаю, только у евреев на эту тему — около десятка разных религиозных течений. И они за это готовы друг другу глотки грызть! А добавь сюда староверов с православными, протестантов, католиков, мусульман, свидетелей Иеговы… «Дружественные конфессии»! Ты можешь мне объяснить, как эти-то, из Ордена Привратa, в тайное общество сумели объединиться?

— На общей идеологической базе. У них это нечто вроде приветствия и пароля-отклика: «У каждого времени — свой Армагеддон, у каждого народа — свой!» Армагеддонщики всех стран и конфессий объединяйтесь! — засмеялся Веселовский.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Денис, не ерничай, — жалобно произнес Капустин. — Я ведь с этими сарами две недели разбирался… Пытался в иврите чего-нибудь накопать, поскольку «сары» — еврейское понятие. Итак, «ангел» на иврите — «малах», а «малаха» — труд, ремесло. Ангела-воина называют «сар», что означает наместник, вельможа, правитель, военачальник, а на современном иврите — еще и министр. Отсюда и прозвище Яакова, боровшегося с ангелом божьим — Йиасраэль. А вот слово «демон» однокоренное со словом «демьйон» — фантазия, воображение — от слова «димуй» — образ, сравнение. Сам видишь, что по лексическому анализу получается, что «два неразлучных» сара, пытающиеся подтолкнуть мир к Армагеддону и воспользоваться его плодами — это не демоны, как считает часть наших армагеддонщиков. И не обычные ангелы! Ты хоть на полпальца в этом что-то понимаешь, а?

— Видишь ли, противостояние Бог&Сатана — это поздние христианские выверты. Пережитки неправильных учений. И прикинь, сколько полуграмотных переписчиков здесь постарались! У меня волосы на заднице дыбом встали, когда я… Где же эта бумажка? У меня же это в лаптопе есть! Слушай! «…другая ветвь, партикуляристы, считали, что Яхве — бог иудеев, *могучий демон*, связь с которым помогает членам общины. Партикуляристы делились на фарисеев (книжников, людей Библии), и на садуккеев (храмовое жречество и землевладельцев)». Ты понял, Капустин? Некоторые вообще их не разделяют, признавая их единство!

— Денис, я такого не вынесу, — с мукой признался Капустин. — У меня бабка в деревне жила, в бога верила. Но мысли не допускала, что верит в такую хрень… Не могу больше!

— Как бы тебе пояснить на доступных критериях? Вот мы с тобой, товарищ майор, разве против президента идем? — строго спросил Веселовский Капустина.

— Не-е-ет. С чего ты взял? — сказал Капустин неуверенно, интенсивно крутя Веселовскому у виска пальцем и показывая на телефон.

— Жучков я с утра проверял. До завтра новых не будет. Я это к тому говорю, что президент у нас — гарант, мать ее, Конституции, где речь идет о личной безопасности граждан. А сколько мы с тобою этих граждан?.. И на «я», и на «ё» мы с тобой этих граждан — вспомнить приятно! И всякому прохожему не объяснить, в чем те граждане перед нами провинились. А еще я лично два года сотрудником американского посольства представлялся и граждан к очень разным вещам склонял. Сам-то теперь понимаешь, куда я нынче тебя клоню? С

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

точки зрения чистой монотеистической религии, Бог и Сатана не могут быть антиподами! Как наша с тобой служба, которая, Капустин, и опасна, и трудна, не может быть направлена против нашего с тобою Президента.

— Слава Богу, Будде слава! Однако многие, очень многие из нашего учреждения не столь привержены существующей законодательной власти, — все-таки шепотом сказал Капустин, почесывая лысину.

— Но они повязаны присягой. У нас с тобою, кроме звездочек, есть присяга. Оставим столь высокие категории и вернемся к сарам. Знаешь, чем дольше про них думаю, тем больше вижу общего с нами! — неожиданно выдал Веселовский. — У нас с тобой — пропуски и допуски, которые все же раньше обеспечивали определенное влияние и, чего уж греха таить, неплохое содержание. Но за нами при этом — сила светской власти, всего государства, всей системы. А эти… Они вне системы, как бы не прикидывались.

Неугомонный Веселовский опять вскочил и, в крайнем возбуждении, стараясь нащупать какую-то мысль, начал кружить возле стола Капустина.

— Неужели ты не понял, майор, что бумажная денежка — тот же пропуск и допуск к влиянию и довольствию? Это вовсе не «деньги-товар-деньги». Теперь и я вижу, что это — чистой воды стратегическая разработка! Ну, конечно! Кстати, извини, что считал вас с Потапенко пендюками… Да на таких пендюках, Капустин, вся Россия держится!

В бурном восхищении от всех пендюков, держащих на себе Россию, Веселовский побежал к холодильнику за пивом.

— Ну, скажу тебе, Капустин, вы все же с Потапенко — наиболее крутые пендюки из всех, кого я встречал в своей жизни! — подавая холодную банку Капустину, сказал Веселовский. — Бери пиво и больше никому не плачься, что тебя твой подчиненный не уважает…

— И считает пендюком, — закончил Капустин, открывая банку. — Только вспомни, что все диверсанты всегда тащили, тащат и будут тащить к нам мешки отлично напечатанных денег… А ты в курсах, чем занимается отдел в подвале второго яруса? Правильно, тоже фальшивыми денежками! Которые потащат наши диверсанты, как только нам денежку на это спустят. Тьфу! Все это устраивается изнутри, без людских потерь и значительных материально-технических затрат… Бумажка куда основательнее разрушает саму систему… Потащи-ка, такое же количество нулей в золотых слитках, которые сами по себе самый ликвидный товар… Рыбки бы еще к пиву, да? Об чем это я? Да! Заметь, при усатом товарище все социалистическое строительство велось вообще без денег! Ты замечал, что этот кавказский товарищ отчего-то патологически не любил деньги? При нем талоны, карточки, пропуски и допуски имели куда большую ценность…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— И еще облигации трехпроцентного займа, — заржал капитан. — Тут я с тобой согласен. В таком случае, давай с нашими ангелами-малахаями разберемся!

— Из прений можно заключить, Денис, что сары — это не ангелы, т.е. не дохлые праведники с крылышками, а разумные энергетические существа, к тому же очень похожи в чем-то на нас с тобою, — задумчиво продолжил Капустин. — Как и мы с тобой, собственной воли не имеют, в отличие от обычных гражданских лиц. Присяга у них! И мы с тобой, Веселовский, не ради собственного интереса здесь среди ночи вкалываем, а ради этих самых гребаных гражданских, которым, заметь, присягу исполнять не надо! Обидно? Конечно! Вот и некоторые ангелы обиделись, и уже в своем моральном падении возымели свободную волю. Вот кто такие — наши сары! Переродившиеся ангелы, потакающие всему дурному. Войны, раздор для них — время кормежки. Прибавь к этому, что все религиозные сумасшедшие упорно твердят о глубинах вселенского зла… Не называя имени Того, Кого сары решили выпустить на волю…

— Нам с этим, Капустин, надо постараться покончить по одной простой причине, — подытожил капитан. — Ты сколько в органах штаны просиживаешь? Лет …цать? Признаться, я тоже не прочь посвятить таким образом жизнь служению Отечеству. И хоть я здесь сравнительно недавно, но уже успел привыкнуть к чему? *К власти*, Капустин! *Неограниченной власти*. В принципе, меня и довольствие устраивает. Почти устраивает. Самому-то тоже не хочется сдавать влияние и довольствие, всего чего добился, каким-то чудакам с желтыми глазами, а? За здоров живешь? — показал Капустину средний палец Веселовский.

— Не хочется, Денис! — искренне признался Капустин, пожав плечами.

— При этом твои собственные оперативные разработки, свидетельские показания опрошенных ясновидящих, экстрасенсов и прочих ведьм и проституток

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

подтверждают, что искомый объект, то бишь, некая гора, вовсе не у еврейских товарищей, как говорится в свитках Мертвого моря. Это условный объект, это другая гора. Поскольку и время у нас нынче — новое, да и Армагеддон — третий. Где же искать эту горку-то, Капустин?

— А ты, дружок, завтра у меня пирожков возьми и иди ножками прокачивать пендюка Потапенко! — в шутливой форме отдал приказ Капустин. — Выясни все, что ему сообщил некий товарищ Кургузкин про ОЛП N45, который строил железку к какой-то горе. А перед этим — внимательнее изучи папочку, которой ты целый день здесь швыряешься. Убери папку в сейф, когда изучишь. И учти, когда работают с документами — не курят, как паровоз! Весь отдел провонял своим кэмэлом, — повысил голос Капустин.

— Ладно-ладно, квиты, — отмахнулся Веселовский. — Я это к чему?

— Да, к чему это ты здесь кривляшься? — все еще довольно резко спросил Капустин.

— Да к тому, что транспорт какой-то нужен, чтобы привратников туда доставить. Они же обычные люди! Самолетом дорого… Да и самолеты до сибирских железок нынче не летают. Привратникам надо идти по следу до места, которое точно знают только сары. Думаю, сары нынче явно не последние людишки по их нынешним ксивам и легендам…

— Знаешь, как у нас еще в совке чужих шпиков контролировали? — заметил Капустин. — Им нарочно транспорт к месту встреч и диверсий организовывали. После этого оставалось только проследить, чтобы продажная шкура с поезда не сдриснула. Сидит такая калоша, радуется, что билетик урвать довелось, а сама в вагоне — как в мышеловке. Думаю, сары нынче тоже догадаются такое на российских просторах учудить!

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Они непременно захотят держать этих трех под контролем. Знать бы как, да? У поезда расписание имеется, его держит под контролем система. А эти захотят все контролировать сами… Как они могут на железной дороге уйти от контроля системы? — размышлял вслух Веселовский, с удивлением глядя, как майор Капустин вдруг заразительно рассмеялся.

— Вспомнил, Денис, как еще в совке мы почти год ловили одного лоха, который катался в прицепном вагоне! От Калининграда до Тбилиси! От Баку до Владивостока! Никому на хрен не хотелось ставить его в депо на ремонт, как он требовал, поэтому его спокойно цепляли, чтобы повесить на других проблемы с ремонтом вагона. Мы его год отследить не могли, а такого бардака, как нынче, в совке, извини, не было!

— Капустин! Ты — самое ценное, что имеется в нашем секретном учреждении! Это точно должен быть прицепной вагон! — восторженно выдохнул Веселовский. — Беру свои придирки обратно. На хрен тебе компьютер, если у тебя башка как ноутбук? И зачем тебе английский, если ты в совершенстве владеешь русским матерным?

— Заткнись уже, а? Пива еще принеси, — ответил Капустин. Открыв новую банку, он добавил: — Ну, Денис, за победу под горою! Если не свихнемся, или не скинут нас с тобой куда-нибудь с балкона, победим обязательно! Только знаешь… больше всего я теперь боюсь ночи… Ночью мне кажется, что вся эта лабудень — чистая правда. Что у нас будет так же, как в проклятых заграницах. Как ты сказал: *«Прежде чем выкинуть с балкона, удерживали когтистой лапой над бездной»*? Вообще ощущаю себя слабым звеном в нашей цепочке и почему-то знаю, что именно меня попытаются выкинуть первым с балкона…

\

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

ПОЕЗДА — ХОРОШО!

Больше всего она теперь боялась ночи. Она ощущала себя слабым звеном в их цепочке, знала, что именно ее попытаются выкинуть первой. Почему-то она думала, что ее непременно должны выкинуть из этого поезда. С дрожью она заранее чувствовала, как с хрустом разрываются шейные позвонки, как лопаются сухожилия и трещат суставы. А она все катится, катится под откос. Интересно, если она погибнет так, ее тело сразу исчезнет или так и будет лежать до весны?

Непонятно почему, но ей хотелось бы долго-долго лежать на каменистом, запорошенном снегом откосе. Весной над нею пролетели бы журавлиные клинья… Ей казалось, что там, где она будет лежать, недалеко непременно будет вода, куда должны, просто обязаны по весне прилететь журавли. Как же давно она не видела ни одного журавля. Когда они жили в прошлый раз, повернуться было некуда, чтобы не увидеть этих журавлей. Смешно, но тогда это даже раздражало…

Днем она уже не так боялась тех двух странных командированных, ехавших в пятом купе. Она знала, что за нею они придут ночью. В эту ночь дежурил Ямщиков. Но какая разница? Впрочем, как это он ей ответил еще днем? *«Какая разница? Одна дает, другая дразнится! Жри ветчину, Флик! Помнишь, как мы по бабам ходили?»*

Ничего такого Марина не помнила. Она растерянно посмотрела на Ямщикова, а тот заржал, пихая ее под столиком ногой. Совсем она тогда смешалась. Вроде бы поняла, что Грег имел в виду что-то другое, когда ее пинал, совсем не то, что сказал вслух. Седой ведь запретил им вспоминать. Он сказал, что это мешает накапливать им силы. Но, качаясь на нижней полке в такт вихляниям последнего прицепного вагона, хотелось бы зацепиться мыслью хотя бы за что-то в собственном прошлом. Нынешнего прошлого не было вовсе. Странно, паспорт был, и судя по нему были двадцать восемь лет жизни. Правда, вместо

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

родителей был, конечно, прочерк. Прописка еще была интернатовская, а потом общежития швейной фабрики города Великие Луки. Интересно, а где эти самые Луки?

Швейная фабрика «Avese» — Великие Луки

Засыпала она только под утро. Ей казалось, что утром ее уже не выкинут из вагона. Но даже утром приходили сны с пьяным в стельку Кириллом, который хитро улыбался ей и говорил: *«Ох, Мариша, как ты меня действуешь… разлагающе! И кто тебя такую, Мариша, на мою бедную голову выдумал? Ой, Марина, Марина…»*

Раз не было прошлого, то и снов никаких быть не должно. Но опять снился тот вокзал, ее отражение в стекле, которое смотрело на нее само по себе и хлопало ресницами. Из-за этого отражения в нее пристально вглядывался страшными желтыми глазами командированный из пятого купе… Во сне Грег и Седой ей очень верили, что тогда у туалета она выдержала схватку с самим саром. Во сне они не ржали, не крутили у виска, а уважительно кивали головами и говорили, что Факельщик у них — самый боевой Факельщик всех Армагеддонов. Начальству даже обещали об этом происшествии доложить. Но почему-то сама она при этом стояла одетая не по форме. Опять голая! А нахальный змей обвивался вокруг ее обнаженной талии и, дыша перегаром, свистящим шепотом говорил ей разные гадости о ее ногах и фигуре… И еще проводник Петрович в каждом сне умильно блеял над самым ухом: «Кирюша! Кирочка! Где ты, мальчик мой?»

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Ай-я-я-я-я-яй, халасо-о-о! — заунывно пел странный человек. Она опять пропустила момент, когда он появился в купе. Вот так однажды она проморгает и появление тех, кто придет за нею.

— Ты о чем, папаша тут воешь? — спросил Ямщиков, спускаясь с верхней полки.

— А чо визу, об том и пою! Вот визу, муз с зеной куда-то едут, к мамке едут, наверное, об том и пою! — неожиданно радостно ответил новый пассажир.

— Где ты мужа с женой увидал, пень старый? — проворчал Ямищиков, застегивая брюки.

— Я столька видал, паля, сто ты ебнесся, когда узнаес! Она — зенщина, ты — муссина, длузба у вас на крови замесена, так кто вы такие? Муз и зена, верно? — хитро погрозил старик пальцем Ямщикову.

— На крови говоришь? И чо ты еще видишь, огрызок? — угрожающе спросил его Ямщиков, поигрывая свинчаткой в огромном кулаке.

— У меня глаз остлый! Я белку в глаз стлелял, когда молодой был, как ты! Я и сейчас все визу! Вон у нас Колька был ветелинал, холосий был ветелинал, а потом, когда свободу дали, он лесил, сто он не ветелинал, а Всевидяссее Око Бога! Вот как! А сто ты за Око, если ты погоду не видис? Если ты не видис, что пулга будет, а? Ай-я-я-я-я-яй, халасо-о-о! — снова затянул он свою песню. В отличие от Ямщикова ей эта песня почему-то даже нравилась.

— Ты бы заткнулся, папаша, а? Не видишь, человек спит! — кивнул на нее Ямщиков.

— А говорис, не муз! Ай-я-я-я-я-яй, халасо-о-о-сый муз! — с понятием поддакнул старик.

Ямщиков презрительно сплюнул, взял пачку сигарет со столика и вышел из купе. Седого тоже почему-то не было на его полке. Напротив

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

прикидывающейся спящей Марины сидел веселый, диковинного вида человек в поношенном треухе, валенках и пиджаке с орденом Трудового Красного Знамени. Лицо у него было коричневым, изборожденным морщинами и оспинами, но светилось полным довольством собою и жизнью.

— Молодуска! Вставай! Ай, какая ты класивая, молодуска! Как Любовь Оллова! — сказал он Марине.

— Да какая я красивая… — с непонятной тоской произнесла Марина. Не было в ней с утра никакого куража, чтобы воспринимать шуточки постороннего узкоглазого дедушки.

— Говолю класивая — знащит класивая! Я столько баб видал! Всяких! — мечтательно протянул дедок.

— Где это ты баб-то видал, кроме своих этих… Для вас, после ваших баб, все красивые будут, — раздраженно сказала Марина. Сказала и почувствовала, что именно так бы одернул разошедшегося старикана Флик. Марина бы так все-таки не сказала.

— Ай-я! Совсем дула баба! А сибко холосая, сибко! Да я пли сталой власти два лаза от Щукотского автономного округа в Велховный Совет избилался! Там знаес какие бабы были! Телехова Валя со мной фотку делала! Да-а… Алмянки какие были! Ай-я! Влащихи-зенщины!

9-я СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР 10-го СОЗЫВА
Москва, Кремль, 19—20 июня 1984 г.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Да что ты понимаешь, — понуро произнесла Марина.

— Все понимаю! Все! К вам налосно сел. Меня не пускали, да. Меня ведь узе плосили плотив вас посаманить. Камлаю я холосо! Ай-я! Много денег давали, ясик водки давали! А я на вас лесил посмотлеть! Хы-хы! Думаес, плямого вагона нет до Сыктывкала? Ни хеласьки! Хы-хы! Я за вас лесил камлать, хотя от вас и спасибо не будет. Плохой с вас баксис! Если твой муз не побьет, так вот мне и спасибо будет, — захихикал старичок.

— Он мне не муж, — сказала Марина.

— Плавильно, он зе тебя есе не видит! Ты сама себя есе совсем не видис, девка! Ни чо, кто на свету не разбелется, тот в чуме впотьмах насалит! Хы-хы! — продолжал ехидничать северный дедок.

Марина вдруг вспомнила слова Седого о том, что от каждого попутчика они должны для себя что-то узнать. А мысли все сворачивались на очень важную лично для нее тему о внешности, можно сказать болезненную тематику, но, взяв себя в руки, она спросила:

— Ты чо там про какого-то Кольку-ветеринара нес, старый?

— А-а! Плоснулась, молодуска! А этот твой, не муз, дулак он, видно! Слусать не любит сталых людей. Ехайте дальсе, там к голе плиедете, чо-то будет там у вас, я камлать буду, но иногда ведь ни хеласьки дазе с камланием не выходит… Колька нас секту соблал, камлают оне тама, молятся по-своему. Видис, когда люди воклуг собилаются, камлание лутсе идет. Сила их дус помогает дальсе забилаться. Вот и Колька, видно, это знает. Большой якут Колька! Сильный якут! А сюкся завсегда сильнее! Но у нас все сильные сюкси давно спилися, а якуты у-у! Сколько не пьют, только сильнее становятся! У него пятно лодимое мезду бловей с лозления.

Там ведь, в самом деле, есе один глаз ласклыться мозет. Но только если в Кольку войдет сто-нибудь. А в него мозет. Мозет войти. В сталое время в него столько водки входило, сто даже насы знатные олененоводы полазались. Вы к Кольке едете! Тосьно! Много, много налода там плотив вас камлает! Ладно, щас злой щеловек плидет, облатно лозись, одеялом наклойся, молодуска!

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Марина тоже уже почувствовала что-то нехорошее, надвигавшееся на нее из вагонного прохода снаружи хлипкой двери. Только она успела накрыться одеялом с головой, как дверь осторожно отъехала в сторону, и в проеме показался кто-то, на кого смотреть ей никак не надо бы. Особенно сейчас, когда из-за этого старого хрыча ей так захотелось быть молодой и красивой. Она с силой зажмурилась, ожидая удара.

— Ай-я-яй-я-я! — пропел чукча.

— Заткнисссь, старый! — прошипел кто-то над самым ухом Марины. — Уйди-и-и…

— Свидетель я, однако! Холосая баба лезыт, а к ней музик лезет! Цузой музик, однако! Ай-я-я! Нехолосо! С утра лезет! Плохой музик! Неплавильный! Ой-ой-ой! Дусат! Меня дусат! А-а-а!

— Заткнись, никто тебя не душит! Молчи-и-и только! — сдавленно гудел чужой мужик, продвигаясь к ее горлу.

— И-и-и-и-ой! — упрямо тянул чукча какой-то странный мотив. И Марина почувствовала, что в этом горловом пении старика сейчас все ее спасение.

Она резко откинула одеяло и рванусь головой вперед прямо в лапы этого мужика, метя ему в живот. Ее ухватили за волосы, но, с невыносимой болью выдирая целые пряди, она все же смогла хорошо приложить его в солнечное сплетение. Дверь купе отъехала за прогнувшейся спиной противника, и они вывалились в коридор, прямо под ноги колдовавшему над топкой титана Петровичу.

— Опять это первое купе! — произнес он обреченно. — Что же вы, товарищ, свое купе перепутали опять? Ночью два раза не туда ломились! Что же это, а? И вроде пассажирка-то так себе, никудышная! Вон, в четвертом купе, какие две девушки едут! Веселые, ласковые! Всех на водку приглашают возле туалета! К нефтяникам, видно, едут, в Тюмень! Так пользовались бы случаем!

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Только попутчики по своим делам отойдут, так вас, блин, ничо ведь не смущает! Человек старый напротив сидит, так вам и он не помеха! Прикройтесь, дамочка! Шаритесь по вагону голая, а потом удивляетесь, что мужики кидаются! Давайте-ка, господа хорошие, расползайтесь по полкам! А ты, дед, куды смотришь?

Марина и сар действительно расползались друг от друга на четвереньках. Сар пятился по коридору задом к пятому купе. В дверях тамбура показался Ямщиков. Он побагровел и с шумом выдохнул воздух. Сразу запахло дешевым табаком.

— Слушай, Гриш! Только не надо этого, а? — встревожено сказал ему Петрович. — Сама ведь телка твоя виновата! Прикажи ты ей одеться, ей-богу! Дрыхнет до одиннадцати, ползает по полу с мужиками тут… Как работать в такой обстановке, Григорий? — спросил Петрович с огорчением на лице, пряча в карман протянутые Ямщиковым деньги.

— Да яйца им всем надо поотрывать! Еще в чужое купе лезут! Извращенцы! — раздался женский вопль из конца вагона. Марина с благодарностью ощутила поддержку вездесущей Серафимы Ивановны и более уверенно посмотрела на Ямщикова, который, услышав тираду старушки, беззвучно выругался и рывком задвинул дверь купе.

— Ты, музик, в самом деле на бабу не злись! Он сам к нам плисол! — вступился за Марину чукча.

— Заткнись! — оборвал его Ямщиков. — Тебя, Флик, на минуту оставить нельзя! И действительно, чо ты голым тут лазишь? Я у тебя эту майку отберу! Придурок какой-то!

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Сам ты дулак, паля! — снисходительно сказал ему сзади чукча. — Ладно, щас уйду от вас. Поглядел на вас, дулаки вы! Камлать надо! А налоду мало! Толговку к вам плислю, песню спою щас, толговка плидет! Купи бабе одеску! Я, когда лисиц класных плодавал, всем бабам своим одёску покупал. Однажды не купил, так моя сталая зена тозе мне, так зе как Колька, плотез зубной сломала! А фиг новые зубы накамлаес! Ты, паля, деньги зля масинисту отдаёс, а бабу не одеваес! В этом он сибко плав, масинист-то!

Марина легла на свою полку, укрывшись одеялом с головою и повернувшись лицом к стенке. Видеть она никого не хотела. Почему-то очень хотелось плакать. И еще хотелось, чтобы Ямщиков признал свою ошибку и попросил бы у нее прощения. Чтобы он долго просил, а она бы его как раз и не простила!

— Санитарная зо-о-она-а! — заорал в коридоре Петрович. — Шестое купе немедленно сдать постель и получить билеты! А то, блин, что не фиг до пяти утра в карты резаться! Вот и посидишь часок-другой одетым!

— Ай-я! Тозе пойду щас! — вдруг тронул ее за плечо старик. — Не скучай тут, молодуска!

— Вали-вали! Не заскучает — раздраженно произнес Ямщиков.

— Ой, паля, какой же ты дулак! Хы-хы! — засмеялся чукча и вышел из купе, тихонько прикрыв за собой дверь.

Почти тут же за ним в купе вошел Седой. В руках у него были переносные судочки с едой из вагона-ресторана.

— Очередь там была, задержался немного… У вас здесь все в порядке? — спросил он с тревогой. Ямщиков и Марина не ответили. Ямщиков уселся на место чукчи и уставился в окно. Марина так и продолжала лежать носом в стенку. Седой истолковал их молчание по-своему, помня по прежним приключениям с кем, собственно, имеет дело.

— Ах ты, кобелюка, Грег! Я тебе мозги вышибу! Что же это ты себе позволяешь! Если Флик сейчас скурвится, мы же ничего не увидим, ничего! Сколько раз говорю, у каждого своя задача! Над ней и надо работать! Если бы

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

ты тогда на него лишнего не навешал, он бы… Как с тобой разговаривать, а? — с отчаянием в голосе сказал Седой Ямщикову.

— А чо я-то? Сразу я! Я вообще покурить вышел! — взвился Ямщиков. — Захожу в вагон, а Флик в майке твоей, без всего… Блин! С командировочного того, давешнего, сползает! Петрович ругается, а они ползут, главное!

— Марина! С тобой все в порядке? — тихо спросил Седой, наклонившись прямо к ее лицу. Она тихо кивнула. Сильнее кивать она не могла: вообще-то приложилась она головой об этого дядечку хорошо, голова побаливала.

— Вот что. Ты свои кобелиные замашки бросаешь немедленно! Я сам знаю, о чем это я! Покурить он вышел! Пока меня нет — сидеть и сторожить Флика. Во-первых, это наш поводырь, мы ничего не увидим без него. А во-вторых, ясно, что начнут с Флика. Ты бы сам с кого начал? Вот то-то же! Еще один прикол к Флику, еще одна подначка и я тебя изуродую! Куда его еще дальше подначивать? Его уже бабой зачем-то сделали! Когда ты начнешь работать над собой? Есть время, работай над собой! — тыкал ножом в сторону Ямщикова Седой, раскладывая хлеб на газетке. — Флик, вставай, кушать надо.

— Да понял я, ладно! Я же не одну ее оставил! Тут чукча сидел… Все ко мне прикалывался, что я ее муж… А какого мне это слышать про Флика? Неловко как-то… — оправдывался Ямщиков, подсаживаясь к столу рядом с нею.

— Так! Чукча здесь сидел! Почему не доложили? — с нажимом произнес Седой, подавая им борщ в судочках.

— Да с ним Флик беседу провел, — растерянно сказал Ямщиков, толкая ее в бок локтем.

— Правильно, ты ведь с ним только ругался! Выгнал еще потом, — оскорблено сказала Марина. — Да он меня о приходе этой сволочи заранее предупредил! Спас, можно сказать! А тебя не было! Пихается еще! А он камлает за нас!

— Слушай, Грег, я в последний, решительный раз предупреждаю! Ведь ты понимаешь, когда и зачем к нам являются представители дружественных конфессий, — назидательно сказал Седой.

— Ага! Шаман! «Щукотский» автономный округ! Дружественная конфессия! — фыркнул Ямщиков.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Дурак! Раз Флик утверждает, что он ее спас, значит, конфессия его нам явно не враждебная! И вообще, жри и заткнись! Ты его прокачала? — заинтересованно спросил Седой Марину.

— Да. Он сообщил, что мы направляемся к горе, а там нас уже ждет целая свора. Какой-то Колька-ветеринар, который теперь Око Бога, собрал их всех в секту. Они камлают против нас. Он утверждал, что это весьма действенно. Его, мол, тоже уже уговаривали работать против нас. А у поименованного выше Николая, якута по национальности, есть родимое пятно от рождения в районе переносицы. Чукча говорил, что оно вполне может раскрыться в третий глаз, что совпадает с некоторыми учениями тибетского толка, — обстоятельно докладывала Марина.

Пока она говорила, Ямщиков с шумом выхлебал свой борщ, опустошил второй судок с гречневой кашей и котлеткой, поданный сосредоточенным на ее сообщении Седым, и с жадностью уставился на неровно отрезанный кусок хлеба, который она держала в левой руке. Марина и Седой стали детально обсуждать возможное толкование новой информации, а Ямщиков осторожно вынул у нее из рук кусок хлеба. Совершенно машинально она пододвинула ему и свой судок с борщом, который он тут же с удовольствием доел.

— И чо он еще тебе говорил? Ну, когда ты тут одна с ним сидела? В майке? — ковырясь в зубах, спросил он ее некстати, откинувшись от стола на ее подушку.

— Ничего… — растерянно произнесла Марина. — Говорил, что я на какую-то Любовь Орлову похожа…

— Врет! — почему-то довольно произнес Ямщиков. При этом он как-то так ей улыбался, что Марина немедленно покраснела.

— Ты сам заткнешься или посодействовать? — ощерился на него Седой. Он так и не снимал всю дорогу черных очков, и его вопрос прозвучал почти зловеще. Но тут состав вздрогнул и стал тормозить, подъезжая к перрону вокзала.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Не успел поезд окончательно остановиться, как в их купе уже стучалась какая-то тетка.

— Впускай, впускай меня, брильянтовый! Впускай, золотой! Халатики! Кому халатики! Тапочки домашние! Сами шили! — с криком ворвалась она в их купе.

Марина только увидела, как в окне ей прощально махнул коричневой ладошкой чукотский дедушка и сразу растворился в толпе. А уже все внутри нее захватывало новое необъяснимое чувство, оно сметало на своем пути давешние мысли и сожаления. Она уже не помнила, кто этот дедушка и кто ее попутчики? Но она бы немедленно придушила бы каждого, если бы они сейчас вдруг вытолкали торговку в коридор.

Окинув наметанным взглядом фигуру Марины, лоточница быстро стала подавать ей халаты, нижнее белье, сорочки, тапочки, гамаши, заколки, ножницы, косметички…

Ямщиков растерянно присел на нижнюю полку рядом с Седым. Только сейчас до него стало доходить, что никакого Флика здесь больше нет и никогда уже не будет. Перед ними с восторгом зарывалась в гору яркого цветного барахла Марина Викторовна Фликовенко.

Вряд ли им пришло бы в головы, что, разбирая вновь и вновь цветные тряпки и яркие вещички, их попутчица всего лишь пыталась защититься от недавних, но уже невозвратных времен… Прожитых неизвестно кем, неизвестно когда. Из этих времен к Марине вдруг заспешили странные сны. С собой они несли реальную, почти осязаемую физическую боль и не давали собраться перед неминуемой встречей с тем, что уже ждало ее за ближайшим поворотом.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

О ДРАГУНАХ И ПРАЧКАХ

А ночью к Флику спешили навязчивые сны из недавних, но уже невозвратных времен. С собой они несли реальную, почти осязаемую физическую боль и не давали собраться перед неминуемой встречей с тем, что уже ждало его за ближайшим поворотом.

…Отчаянно ревел огромный бык, хлопали в ночи чьи-то страшные крылья, прибывала холодная вода… Потом он шел навстречу ветру, сбивавшему с ног, за дощатым матушкиным гробом… Потом усталый мужчина с пышными усами измерял Флика большой деревянной линейкой, набитой на дощатую стену холодного барака, бесцеремонно лез в ему рот, считая зубы грязными пальцами с заусенцами… Потом Флик оказывался уже без овчинной куртки у повозки маркитанта, где крестный старался выбрать вещи подешевле, придирчиво роясь в куче старья… Он совал бесчувственному Флику в руки саблю с рукоятью за 8 ливров, седло с поводьями и кобурами за 33 ливра… Потом они отсчитывали деньги на чушки и чепрак, на недоуздок… Они считали и считали… И обычно к утру оба начинали понимать, что за жизнь столько денег не платят. Жизнь не стоит ничего.

Вербовщик. Густав Седерстрём 1879

Ежедневно он просыпался под сиплый звук рожка с холодным страхом смерти. Привыкнув по сигналу побудки различать дежурную ротную команду, он сосредоточенно соображал, насколько трудным сложится будущий день. Страх колотил всех рекрутов вокруг него. Они с жадностью приглядывались к

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

пожилому бригадиру, к вахмистру с ранней сединой на висках… Но рядовые драгуны были немногим старше большинства новобранцев.

Peter_van_Bloemen_-_Riders_Resting_at_a_Military_Encampment

Полк Мэтр-де-Кан Женераль, куда попал Флик, стоял в общей цепи из одиннадцати полков, расположившихся по всему атлантическому побережью на случай неожиданного десанта англичан. В оцепление полк встал после ожесточенного сражения при Фонтенуа, где вместе с полками Королевским и Бофремон закрывал собой левый фланг. Однако никакого победного кипения вокруг не чувствовалось. Крики вербовщиков на всех рыночных площадях, обилие свободных топчанов в палатках, неумолчный стук обувных молотков у залежей ношенных воловьих ботин с рыжими пятнами крови — красноречиво свидетельствовали, что новому рекрутскому набору придется нелегко.

Стремительно уходило в прошлое славное время драгун, когда во Фландрии перед полками Ноайля и Мориса Саксонского одна за другой капитулировали древние крепости… К моменту, когда Флик попал в полк, бои с участием драгун окончательно превратились в обычную мясорубку, где под корень уничтожалось все новое пополнение. А в пешем строю против регулярной пехоты в первой линии обороны — полки драгун гибли почти поголовно.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Sebastian Vrancx

Офицеры полка, которым напутствием Королевы предписывалось «первейшей заботой — иметь лучшего портного, известнейшего парфюмера, самое блестящее конское снаряжение, самую лучшую ливрею», прекрасно сознавали, что командуют обычными смертниками, у которых, без изменения самого статуса полков, не остается ни одного шанса. Из-за этого неприятного обстоятельства офицеры предпочитали месяцами не показываться в полку, чтобы как можно реже заглядывать в лица «пушечного мяса». И повсюду, куда не переводили полк на дислокацию, население заранее опасалось пьяных кутежей и повального распутства обреченных на гибель.

Желтое знамя с драконом полоскалось на высоком флагштоке на плацу, где каждое утро новобранцы под началом одного из бригадиров отрабатывали пеший сомкнутый строй. Капитан роты так и не появился в полку за два с лишним месяца жизни Флика «на летних квартирах». Корнет и вахмистр рекрутами вообще не занимались, они закупали фураж и готовили к занятиям рекрутов верхом огромных «нормандских» коней. «Норманнов» специально приобретали для драгун чуть ли не под Парижем за 250 ливров.

Флик заранее испытывал к своей будущей лошади что-то вроде тоскливой зависти, понимая, что его жизнь стоит куда меньше, чем жизнь прошедшего специальную выучку «норманна». Ночные подсчеты и панический страх смерти сменялись днем другими, тоже невеселыми подсчетами и предположениями. К примеру, о том, сколько же хозяев было до него у его лошади? Да и что это будет за лошадка? Каково ей знакомиться с новым

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

седоком? Впрочем, даже у его красного кюлота явно был не один владелец до него…

Sebastian Vrancx (1573- 1647)

Срывая голос, бригадир пытался подготовить будущих драгун на плацу. Ритм жесткой дробью отбивал собственный барабанщик роты, одетый в ливрею Королевы, но вчерашние деревенские парни, наступали друг другу на пятки, заваливаясь то в одну сторону, то в другую. Бригадир сипло выкрикивал команды, отбивая хлыстом ритм барабанной дроби по согнутым спинам новобранцев…

Доставалось и Флику. Как ни странно, удары хлыста потерявшего терпение бригадира моментально выбили в нем то, что мешало жить и днем — страх смерти. Поэтому сложные фигуры изменения строя у Флика сразу стали получаться лучше. Это заметил и бригадир, без устали работавший хлыстом, он сразу перевел худенького рекрута в первую линию.

Но еще оставалась ночь, разрывавшая душу надвое властным притяжением родного дома, где уже чужие люди латали просевшую крышу…

Днем Флик старался примириться с мыслью, что назад дороги ему нет. Только ночью он все-таки не мог прогнать из своих снов крестного. Сны с изматывающими подсчетами каждого ливра, остававшегося на грязной морщинистой ладони крестного, клятвенно обещавшего после выплаты залога

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

мызы выделить долю и Флику, сковывали его днем, мешали втянуться в новую незнакомую жизнь.

Religious paintings by Jan Brueghel

Днем у Флика от прежней жизни оставались только матушкины носки, которые он прятал за пазухой жюстокора. Только сны не давали раз и навсегда отказаться от всего, с чем он связывал надежды шестнадцать лет своей жизни.

Питер ван Блумен, 1697 — Военный лагерь

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Многие рекруты, как и Флик, до утра стонали во сне, загибая пальцы. Как и Флик, многие цеплялись несбыточными надеждами к своей уже ненужной и даже вредной в новой жизни памяти… Короткой, как узкая полоска прибрежной косы.

Поначалу он думал, что никогда не сможет ориентироваться среди множества цветных палаток, выставленных каре возле плаца. Постепенно он научился машинально находить в лабиринте грязных полотнищ путь к коновязи и импровизированному манежу. Его перестала пугать пестрота маркитантских повозок неподалеку, разносившийся оттуда истошный плач детей и крики женщин. Дорога из города упиралась в полосатый шлагбаум, который неизвестно от кого охранял почетный караул с парадным разводом на все церковные праздники. День властно отбирал его у ночи звуком рожка, барабанной дробью и свистом хлыста. День встречал его криками бригадиров, ржанием коней в манеже, топотом новобранцев на плацу, где, взбивая мелкую колючую пыль, рота за ротой отрабатывали боевые построения… Все затихало перед обедом, а с заходом солнца в лагере разжигали костры, и Флик, бездумно бродивший от одного ротного костра к другому, наконец-то чувствовал себя вполне в своей стихии.

И как только Флик начал понемногу свыкаться с невеселым поворотом судьбы, как только попытался строить коротенькие планы на ближайшее будущее, так тут же с тем, что на его неопределенное будущее могут иметь виды не только он сам и его бригадиры.

Особой неуклюжестью и полной неприспособленностью к военной жизни из всех рекрутов выделялся Гермин, плотник из Маастрихта. Он не мог без посторонней помощи взбираться на деревянные козлы, пробегать по наклонным бревнам, карабкаться с другими рекрутами на столбы и макеты отвесных стен. Всю экипировку для стрельб, вместе с натруской для пороха и лядункой «картуш» он содержал так, что бригадир лично наказывал его битьем тонким хлыстом по коротким, толстым пальцам. В отличие от Флика, Гермин всегда стоял при построении сзади, тяжело, со свистом дыша в затылок рекрутам первой линии.

Пока всем рекрутам было очень тяжело, никто не обращал на него внимания. Каждый старался точнее следовать указаниям бригадира. Некоторые

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

продолжали самостоятельные занятия и после обеда, штурмуя препятствия и упражняясь в стрельбе. Мало кто из новобранцев в прежней жизни рассчитывал становиться военным, почти всех в полк привели не самые веселые обстоятельства, о которых предпочитали помалкивать даже в разговорах у костра. Новобранцы старались скорее освоиться с новым ремеслом, позволявшим надеяться выжить.

Не слишком богатый умом, но от природы с избытком снабженный наглой предприимчивостью нищего пригорода, Гермин сообразил, что как только его товарищи втянутся в службу, так непременно займутся им. Что на его веку случалось уже не раз. И если в этот момент рядом не будет кого-то более беззащитного, нежели он, то все тумаки и насмешки неминуемо достанутся ему. С остервенелой ожесточенностью обреченного он принялся преследовать Флика. Он бил его каждый вечер на дорожке между ротными кострами, стараясь неожиданно напасть сзади. Флик начинал терять уверенность, чувствуя себя загоняемой дичью. Хуже всего, что никто не мог ему помочь. Сосед по палатке, фламандец из Кортрейка, сам измотанный донельзя учениями, дал Флику литой кистень, посоветовав все время носить с собой. Длинный, худой парень из Хогевена, потянувший сухожилие, разглядел огромную морду плотника в кустах бузины. Он-то и предупредил Флика, что плотник часами караулит его возле тропки, которая вела между холмов к полковой выгребной яме. Многие драгуны до самой ямы не добегали, особенно в темноте. Гермин явно задался целью вывозить Флика в загаженной траве.

Какие бы чудеса осмотрительности не проявлял Флик, но однажды Гермин все же застал его врасплох. Он неожиданно выпрыгнул сзади из кустов, и Флик покатился под откос, больно ударившись головой о камень. В глазах

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

потемнело, а сверху всей тушей на него навалился Гермин, не давая вздохнуть. Флик попытался вывернуться, ожесточенно царапаясь. А Гермин вдруг принялся с сопением ерзать на нем, пытаясь расстегнуть куртку, где были спрятаны матушки носки. Он раскрыл огромный рот и, закатив глаза, начал подтягивать лицо Флика к своей отвратительной роже. Ничего гаже за всю жизнь Флик еще не переживал, он не мог освободить руки придавленные животом плотника. По лицу уже струились слезы от собственной беспомощности… Вдруг крупная кудлатая башка Гермина, заслонившая темнеющее небо, дернулась в сторону, черты лица будто разъехались, и туша плотника, поддавшись отчаянному усилию Флика, отвалилась в сторону.

— Солдатик! Башмак принеси! — попросил Флика девичий голосок из темноты.

Флик стал шарить руками возле бесчувственного Гермина, и правая рука тут же уткнулась в грубое деревянное сабо. Подхватив спасительный предмет, Флик, кое-как отряхнувшись, направился к кустам бузины, за которыми слабо потрескивал небольшой костерок. Возле костра хлопотала девушка чуть старше Флика.

— Спаси Христос, девица, за выручку, — смущенно поблагодарил девушку Флик, с поклоном вручая сабо.

— Я давно за этим боровом наблюдаю, — сказала девушка. — Он здесь давно караулит. Меня зовут Хильдой, а тебя? Только учти, я тебе не какая-нибудь, я служу в прачках у матушки Лизы. Садись солдатик, я тебе жюстокор вычищу. Снимай, снимай! Не бойся! Больно влетело от этого негодяя?

Флик молча слушал веселую болтовню девушки, уже узнавая ее. На минуту его ночные кошмары стали реальными, будто все это случилось только вчера… Вновь хлопали, зачерпывая воду, огромные страшные крылья. В сизом тумане влажного спертого воздуха старой ратуши у самой крыши, как по перекладинам мачт, ходили люди по черным от времени стропилам… И одинокая девочка в полотняной юбке, безрукавой ночной рубашке, в стареньком платке на голых плечиках… Флику тогда показалось, будто на ее головке, в копне светлых кудряшек отражалось солнце… Он вспомнил, как девочка повсюду с любопытством ходила за взрослыми, сосредоточенно наблюдая за приготовлениями к штурму прорана… Хильда Монс, дочка соседей с дальней косы.

Она жила через две мызы и каждый раз махала Флику платком, когда он тащил тележку с матушкой в церковь. Сама она почти не ходили в церковь до конфирмации, помогая матери возиться с младшими братьями. Но на все престольные праздники с непременным смехом впрягалась с Фликом в матушкину тележку, и в ушах звенело от ее щебета…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Ее родителей с младшими братьями так и не нашли, саму девочку сняли с конька крыши, посиневшую от холода и пронизывающего ветра. Еще до обеда пришла лодка с нижней плотины с гашенкой и быком, в нее же усадили и Хильду Монс, чтобы по уходившей воде успеть переправить девочку к водосбросам, где жила ее тетка.

Месяц спустя Флик с матушкой видели высокую озабоченную женщину, ходившую возле домика Монсов с покупателем — полным, неопрятного вида стариком. Они тогда подумали, что это и есть тетка Хильды. Матушка сказала, что тетка вовремя продала дом, крыша-то требует серьезного ремонта, да и погреба давно пора чистить. А так у Хильды хоть будут деньги на черный день. Ни матушка, ни Флик вслух не высказали опаску, что, судя по виду этой суровой женщины, малышку ожидает впереди очень много черных дней.

Новый хозяин мызы Монсов не вложил ни одного су в починку. Дом он использовал для ремонта и просушки снастей и ночлега поденщиков, в которые он набирал всякий сброд в сезон на рыбную ловлю. Отъезжая с товаром в город, он бросал ветшающее, когда-то вполне крепкое хозяйство на людей, никогда не имевших собственного дома. Они будто мстили за свою бесприютность осиротевшему дому. Флику и матушке страшно было слышать пьяные крики, доносившиеся с мызы, жалобный визг давно не смазанных петель, треск разламываемого штакетника. Когда начинало штормить, старик-рыбник распускал поденщиков нищенствовать по дорогам, выгонял всех вон, а дом запирал. И все зиму дом стоял нетопленым, ветшая на глазах. Перед смертью матушки, на самую Пасху рухнула крыша. Вначале раздался оглушительный треск наводопевших стропил, а когда крыша провалилась, то весь дом будто вздохнул с облегчением. Матушка начала креститься и просить Бога за сиротку Монс… Флик вспомнил это так ясно! Оказывается, совсем недавно и матушка была еще жива…

— У вашего дома крыша провалилась, — сказал Флик, вытирая рукавом набежавшие слезы, продолжавшей беззаботно трещать девушке.

— Ты же… сын матушки Вейде! — выдохнула в ответ Хильда.

Девушка протяжно охнула и истошно завыла с причитаниями, как плакали все женщины побережья на похоронах. Глядя на нее, больше не смог сдерживаться и Флик. Они плакали в голос вместе, каждый о своем, но больше

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

всего — о том невозвратном времени, когда они тащили матушкину тележку, а теплый соленый ветер бил им в лицо…

Первой закончила рыдать Хильда, опасаясь, что кролик может подгореть. Продолжая горестно шмыгать носом, она сняла кролика с огня и стала неторопливо делить его деревянной лопаткой на листке лопуха. Из узелка, висевшего на поясе, тяжело вздыхая, достала кусок ржаного хлеба и тряпочку с солью. Флик тут же почувствовал спазмы голода, подступившего к самой гортани. Он понимал, что девушка на него совершенно не рассчитывала, что ему надо отказаться, но отказаться не было сил, когда Хильда принялась подсовывать ему самые аппетитные кусочки. Это был самый вкусный кролик, которого когда-либо пробовал Флик, выросший неподалеку от вересковых холмов, сплошь изрытых кроличьими норами… Настолько вкусным, что они уже почти без слез рассказали друг другу о том, что с ними случилось после прорыва плотины.

Деньги, как и опасались матушка и Флик, тетка Хильде не отдала. Она попрекала ее каждым куском. Конечно, деньги никогда лишними не бывают, а у тетки была большая семья. Поэтому, как только на Хильду начали засматриваться соседские парни, тетка продала ее матушке Лизе в услужение.

Подвесив воду в котелке на толстой ветке у костра, Хильда поделилась с Фликом своими планами. Она бы с удовольствием держала в полку походную кухню, как тилбургская грязнуля — матушка Сара, которая даже котлов не чистит. У той столовались многие драгуны, поскольку это было намного дешевле и вкуснее похлебки из общего котла. Хильда отлично знала, где покупать припасы. С первых дней в полку ей довелось ходить по всем рынкам и ярмаркам округи, продавая стираную амуницию и за матушку Лизу и… за себя, конечно. Потому что оставлять немного денег себе Хильда считала справедливым. Во-первых, потому что матушка Лиза купила ее в качестве швеи и прачки, а хотела бы, чтобы она еще была… *такой*. А тогда ей надо прежде выплатить 80 ливров и справить платья, как у других фламандских девок. А раз эта скряга ей на платья не потратилась, так пускай сама в таких обносках выходит вечером на плац, и весь разговор!

Во-вторых, как с ехидством заметила Хильда, она гораздо лучше матушки Лизы умеет считать. Спасибо родной тетушке, научила! Хорошо же некоторые решили устроиться за ее счет! А она накопит деньги на походную кухню и переманит всех едоков у матушки Сары.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Хильда не считала зазорным обворовывать и интендантские повозки. Потому что считала несправедливым, когда такие порядочные девушки, как она, сидят голодом, а всякие *такие* пьют сладкое бургундское вино с интендантами и заедают солониной.

Той же справедливости ради Хильда сквозь зубы заметила, что даже *такие* девушки, правда, всегда помогают захворавшим драгунам. А лекарственные травы сушит и собирает весь женский лагерь. Хильда тоже была не прочь помочь больному и увечному, поскольку так было проще завести полезные знакомства. В полевой лагерь она предпочитала без дела не ходить.

Закипел котелок, в который Хильда бросила сухую землянику и стебли ревеня… На небе высыпали яркие звезды… Вдоволь наревевшись и наговорившись всласть, они по очереди запивали свои печали кисловатым ароматным взваром из одного котелка. Флик почувствовал, что наконец-то лопнули все нити, тоскою тянувшие его к дому… Потом Хильда затоптала костерок, деловито собрала свой узелок, надела чепец, висевший на ветке бузины, и, обняв Флика за пояс, собралась проводить его к лагерю. Слишком много они плакали этим вечером, поэтому сразу захотелось петь. Прижимаясь к теплому боку Хильды, Флик вместе с ней всю дорогу громко кричал песню про то, что можно обойти все побережье, а лучше харлемских девушек нигде не найти! У них самые розовые щеки, самые шелковистые косы и самая белая кожа на всем побережье!

Хильда два раза теряла свои огромные сабо, надетые на босу ногу. Флик, от переизбытка чувств, вдруг полез за пазуху, и сунул ей в руки матушкины носки. Хильда, сразу поняв, что за носки он таскает за пазухой, задохнулась, отталкивая подарок. Она бы заплакала, но слез уже не было, да и плакать после веселой песни не хотелось. Она лишь застенчиво призналась, что ей пока еще никто ничего не дарил. Особенно шерстяных носок.

Прощаясь, девушка сбивчиво попыталась предупредить его, чтобы он не верил никому… что вовсе она вовсе не какая-нибудь там… Флик со смехом целовал ее пахнувшие земляникой щеки, потуже затягивал старый шерстяной платок на груди и счастливо шептал, что она самая-самая лучшая из всех, кого он когда-нибудь встречал на свете.

Легкой походкой он направился в свою палатку. Впервые со дня матушкиной смерти Флик ложился с горячим желанием, чтобы скорее начался новый день…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

БАРСЕТКА

Чертыхаясь, Ямщиков второй раз проверил постель, встряхнул подушку, на всякий случай приподнял матрас. Впервые с момента посадки ему приснилось что-то позитивное и оптимистическое. Он даже проснулся с горячим желанием, скорее начать новый день… Бери круче! Новую жизнь! И нате… Получите прямо в рыло!

В крайнем расстройстве он сел на полку Флика и посмотрел на Седого. Тот лежал, так и не снимая очков, уставившись непосредственно в потолок. Подозрительно шмыгая носом, Седой потянулся за полотенцем, вытер глаза под очками и звучно высморкался. Ямщиков понял, что Седому опять привиделась во сне какая-нибудь хрень, аналогичная той, что снилась ему раньше. Тяжело вздохнув, он вернулся мыслями к неприятным сюрпризам реальной жизни.

— Слушай, Седой, ты мою барсетку не видел? — спросил он подозрительно притихшего попутчика.

— Не видел, — надтреснутым голосом безучастно ответил Седой.

— Правильно, чего ее разглядывать? — тут же начал закипать Ямщиков. — Только учти, что у меня в ней все деньги лежали. И до тех пор, пока нас не прикончили, полторы недели надо хоть что-то жрать. Надоело по карманам рыться, все вчера сложил, дурак, в барсетку… Премию… довольствие за три года… все какая-то сука аккуратно скоммуниздила! Главное, выплатили накануне за выслугу, наградные, за звания… Думал, хоть пожру по-человечески перед этим самым. У тебя сколько с собой денег?

— То есть как это? У тебя что, все деньги пропали? — стремительно начал возвращаться к жизни Седой. — А под нижними полками искал?

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Да везде уже посмотрел! К тебе обратился в последнюю очередь. Мне за сигаретами надо было в ресторан сгонять. Хватился, а барсетки нет!

— А ты хорошо посмотрел наверху? — включился в руководящий процесс Седой. — Сам там столько пакетов насовал… Одеяло сунул… Ты все проверил в антресолях? И потом ты же Петровичу в холодильник вчера два пакета отнес… Давай, вспоминай! Сам дел, наверно, куда-то…

— Слушай, Седой! Это все же не по-товарищески получается! Вначале жрем на мои, а как барсетку сперли, так каждый — на свои? Так получается?

— Ты соображаешь, что вообще говоришь? Мы с тобой к теще на блины едем? Из купе пропадает вещь. Причем со всеми деньгами. Купе у нас с тобой замуровано двумя уровнями заклятий, но кошель с деньгами все-таки испаряется…

— Да достал ты, блин! Понимаешь? Достал! Я ему говорю, что барсетку с деньгами какая-то падла увела, мне за сигаретами надо, а он головой работать начинает вслух!

— Ты не ори, деньги я тебе дам… Если, конечно, и меня не обокрали… На сто рублей! У меня все на месте. В отличие от некоторых. Может ты, идиот, в барсетке карту держал? Или гвозди?

— Да ничего я там не держал, кроме денег и водительских прав. Чего решил, будто Флик головой работал, когда сказал, что сары вместе с нами в вагоне едут? Да-да! Сары и ворвались! Вползли ночью по потолку и барсетку сперли. Думали, что я в барсетку карту спрятал. Или просто ради пакости. Назло мне, специально! Чудачества у саров такие — барсетки тырить!..

— Стой, а где Флик-то? — оборвал склочные вопли Ямщикова Седой. Не дожидаясь ответа резко заткнувшегося, в недоумении озирающегося Григория, он спрыгнул с верхней полки. По-военному быстро принялся обуваться. Глядя на него, Ямщиков только затянул потуже ремень и с чувством выдохнул:

— Даже в голову не пришло, Седой! Вот сука!

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Прямо за дверью купе стоял Петрович. В руках он держал какую-то бумажку. Похоже, терся у купе он уже довольно долго, не решаясь постучать.

— Гриша, не хотел тебя тревожить, ты мне не уделишь минутку, а? — заискивающе сказал проводник.

— Честно, Петрович? Положа руку на сердце, пошел нах, дорогой! — в крайнем раздражении ответил Ямщиков.

— Понял. Тогда попозднее. Мне очень надо! — без всякой обиды, покорно согласился Петрович.

— Слушай… ты это… того… ну, ты не видел? — понизив в голос, спросил Ямщиков.

— Да в голову состава эта твоя… с бабами пошла, — сообщил ему Петрович, радуясь, что оказался полезным Григорию. — По радио объявили, что наш магазин на колесах сезонную распродажу устраивает. То ли «лето-осень», то ли наоборот «осень-зима», не помню. Они у туалета договорились, ну и… пошли все.

— Гриша, если хочешь оставшееся время жрать по-человечески, надо бежать! — нетерпеливо сказал Седой, наседая сзади на Ямщикова.

Они преодолевали пляшущую сцепку между пятым и четвертым вагоном, когда прямо перед носом Ямщикова открылась дверь из тамбура четвертого вагона. В проеме появилось теперешнее личико Флика в ореоле светлых кудряшек. Ямщиков потянулся, чтобы выдрать эти золотистые колечки к чертовой матери. Расслабленное и умиротворенное выражение на ненавистной мордашке немедленно сменилось ужасом. Дверь из тамбура Флик придерживал ногой, поскольку руки у него были заняты яркими пакетами и огромной картонной коробкой. Этой же ногой, не выпуская из рук коробку и пакеты, Флик резко наподдал по двери, резко отшатнувшись назад. Но перед

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

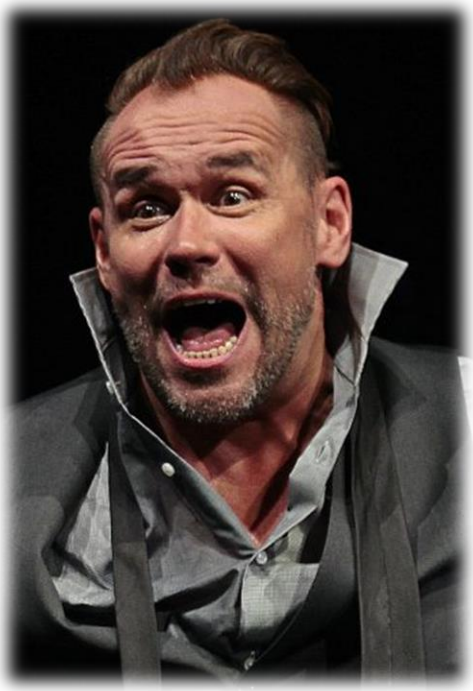
тем, как по морде чуть не ударила тяжелая дверь тамбура, Ямщиков успел разглядеть болтавшуюся на сгибе левой руки Флика, небрежно застегнутую барсетку…

Сквозь неумолчный стук колес, вязко давивший на барабанные перепонки, до него донесся чей-то дикий рев, показавшийся ему удивительно знакомым. И, преодолевая кровавый туман, застилавший сознание, откуда-то издалека пробился отчаянный крик Седого, оравшего прямо в левое ухо:

— Гриша! Не надо! Никак нам ее нельзя убивать!

Ямщиков почувствовал тяжесть на плечах, потом что-то сдавило ему горло, он рванулся к двери, удерживаемую испуганными визжащими бабами во главе с ревущим Фликом… Но пинать в дверь становилось все труднее. Ямщиков понял, что вдобавок к Седому, повисшему сзади у него на плечах, присоединилось несколько мужиков из пятого вагона… Продолжая неистово рваться из цепких объятий, он каким-то отстраненным восприятием слышал свои собственные вопли:

— Немедленно открывай, сволочь! Никак, видите ли, эту суку нельзя убивать! А как тогда ее убивать?.. Открывай, сволочь!..

Да ладно еще, что с Ямщиковым пошел Седой, хотя всю дорогу он спотыкался, болтался от стенки к стенке проходов раскачивающихся вагонов, неловко цеплялся за дверные ручки отъезжавших дверей купе, а сцепку преодолевал на ощупь, чуть ли не ползком. Но именно он не дал разъяренному Григорию сломать дверь в тамбур четвертого вагона. Что, после похода Флика в магазин на колесах, было уже явно не по карману соратникам. Именно Седому удалось все объяснить бригадиру состава и проводнику без составления протокола. Сидевший на мусорном баке Ямщиков пребывал в таком угнетенном, подавленном состоянии, что вряд ли мог сейчас связно объяснить недавнюю жгучую ненависть к дамочке с пакетами, истерически всхлипывающей возле него:

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Гриша! Гришенька! Прости! Я больше не буду!

Злополучную барсетку Седой также изъял у Флика себе, мудро решив не показывать ее значительно поредевшее содержимое нервному соратнику. Расплатившись за причиненное беспокойство, он принялся осторожно выталкивать ослабевших и опустошенных попутчиков к прицепному вагону под сочувственными взглядами бригадира и проводников.

По дороге Седой предпочел двигаться между Фликом и Ямщиковым, так и порывавшимся завершить начатое перед четвертым вагоном. Вытолкав Ямщикова к явно заждавшемуся Петровичу, Седой решил провести воспитательную работу с Фликом самостоятельно. Факельщик примостился на нижнюю полку, глядя в одну точку, по-прежнему прижимая пакеты к груди. Седой, тяжело вздохнув, молча присел рядом. Деловито вынув пакеты из рук Флика, он с любопытством принялся изучать содержимое.

Как только руки освободились, женщина схватила лежавшее на подушке большое махровое полотенце и немедленно уткнулась в него лицом. Плечи ее мелко затряслись, Седому на минуту стало ее нестерпимо жаль. Но эта минутная жалость тут же прошла, как только он вынул из первого пакета ажурный розовый бюстгальтер с болтающимися подвесками сверкающих бусинок.

— Что это такое, Флик? Ты соображаешь, куда мы едем? Ты вообще… что в натуре делаешь? На кой тебе купальник здесь и босоножки? Трусы с бирюльками… Ты совсем дурак или как? — терялся в догадках Седой, роясь в пакетах возле ревущей женщины.

— Я не знаю, не знаю! Я не могла, — в полном отчаянии доказывала она ему сквозь полотенце. — Нам как Аннушка из третьего купе про магазин сказала… Что там духи продают, косметику, одежду… Мы сразу все побежали… Там так было хорошо!

— Флик, мне неприятно это напоминать, — как можно мягче проговорил Седой, — но, скорее всего, нас убьют, причем, очень скоро.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Ну и пусть! — с ожесточением выдохнула ему в лицо Марина, отняв полотенце от красных, опухших глаз. — Пускай убивают! Мне все равно! Это вы оба слепые! Ничего не видите, не верите мне! Пускай хоть сейчас приходят убивать!

— Маа…риночка, прошу тебя, тише! — взмолился расстроенный Седой. — Я это к тому, что, возможно, тебе все равно не удастся поносить эти вещи. Да и куда их здесь надевать? Ведь купили же тебе халатик, тапочки…

— Нет, вы поглядите на них! — сказала Марина, обращаясь к неизвестным зрителям неожиданно склочным, саркастическим тоном. — Я три недели должна тут шастать в одном халате и тапочках! При этом мы знаем, что меня скоро все равно убьют! А эти жлобы будут копить деньги! А мне… даже перед смертью… в халате… чтоб вы все провалились!..

Выговорившись в лицо ошарашенному Седому, она упала головой в подушку и забилась в рыданиях.

— Все равно не понимаю, дружок, — начал терять терпение Седой. — Зачем тебе куча барахла именно теперь? Чтобы другим не досталась, что ли? Тебе даже надеть это некуда! Господи, туфли на шпильках, вечернее платье, колготки…

Приподняв всклокоченную голову с подушки, Марина ответила сухо и холодно, как бы давая понять непонятливому попутчику, что продолжать прения не собирается:

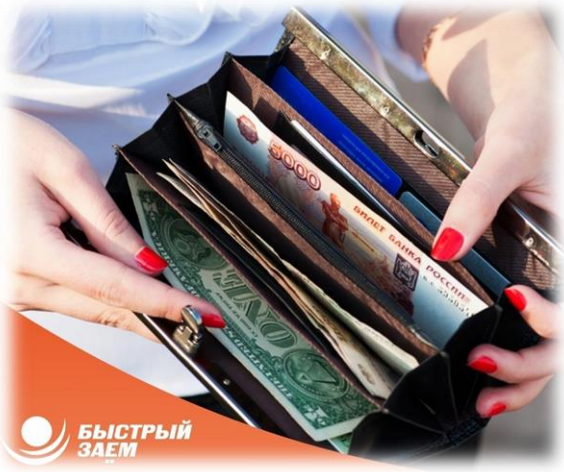
— Мне надо было это купить, понял? Не трогай это своими руками, понял? Мне, может, уже больше никогда ничего покупать не придется, ты понял?

Не обращая больше никакого внимания на потрясенного ее вспышкой Седого, Марина, не раздеваясь, залезла под одеяло и накрылась им с головой. Седой тоскливо вздохнул и тоже с трудом поднялся на свою полку. Растирая виски, чувствуя себя разбитым и опустошенным, он слушал сонное озлобленное ворчание, доносившееся с нижней полки:

— Денег им жалко! Меня так им не жалко! Плевали они на меня! У меня ведь нервов совсем нету! Хоть бы хны, главное! Посадили в поезд, повезли убивать, а потом туфлями попрекают! Вот поискать еще таких выродков!..

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

* * *

— Понимаешь, Петрович, я ведь ее только спросил: «Ты зачем чужую вещь взяла?» Просто спросил! Ни хрена себе, да? — больше для себя, чем для хлопотавшего у столика Петровича, в очередной раз повторял Ямщиков, нарезая ветчину. Петрович понимающе цокал языком, вынимая из-под нижней полки непочатые бутылки с портером.

— Нет, главное, с когтями кинулась в седьмом вагоне, представляешь? Ведь в каком миллиметре от глаза, главное, остановилась! А если бы выдрала на хер? Сидел бы я сейчас здесь с одним глазом, как какое-то чмо… Уму непостижимо! «Ненавижу тебя!». — Ямщиков взял наполненный Петровичем стакан, но, продолжая сжимать его в кулаке, вновь и вновь мысленно возвращался к недавним событиям. — Вот в каком месте у этих сучек логика, а? Мужик, если он нормальный конечно, он разве такое сделает, а? Она меня, видите ли, презирает и ненавидит, поэтому пойдет и спустит все мое довольствие за три года… за выслугу лет… Да хоть бы что-то нормальное купила… Шубу там… Я бы понял! А тут… Даже не посоветовалась! Одно слово — сука.

— Давай, Гриша, выпей и успокойся! — оборвал его Петрович, гостеприимно выкладывая пакетики с сухарями и пачки с вафлями. — Это, может, и не мое дело, конечно. Только я считаю, что сама бы она до этого не додумалась. Больно уж вид у нее несуразный, ты меня извини.

— Ну, положим, вид как вид, — заступился за товарища Ямщиков. — Твоя пассия, думаешь, лучше? Все обман зрения, Петрович! Давай, выпьем за вечные ценности!

— К примеру? — невозмутимо спросил проводник.

— За настоящую мужскую смычку! Портер у тебя замечательный, и устроился ты тут нехило. Спасибо тебе, Петрович! Просто не знаю, как бы вообще терпел это все без тебя, — растроганно всхлипнул Ямщиков, убирая под столик

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

пустые бутылки. — Главное, мои же деньги спустила и мне же в рожу орет: «Ненавижу!»

— Да что с нее взять, Григорий? — рассеянно заметил проводник, полагавший в глубине души, что переживания Ямщикова не стоят четырех опорожненных им бутылок портера. — Подумаешь, Америку открыл! Прости, если делаю тебе больно, сам видел, что мужики нынче живут и с куда худшими бабами. Давно махнул на это рукой. Смирился с неизбежным. Но ты меня удивляешь, Григорий! Что, до сих пор не успел изучить свое чудо вдоль и поперек? Погоди, она еще тут хахаля успеет до Абакана завести.

— Не знаю, как ехать с ней дальше, — откровенно признался Ямщиков.

— Ты ветчину у татарки из Мурома брал? Я еще смотрел, смотрел на эти упаковки… Думаю, брать или не брать? Хотел ей в рыло дать, чтоб в вагон не лезла… А гляди, как хорошо идет! — увлекся мясным продуктом собутыльник. Прожевавшись, он похлопал по плечу сникшего Григория:

— Мне кажется, Гриша, мало ты ей внимания уделяешь. Может, вам от этого вашего паскудного попутчика переселиться? Второе купе через два часа освободится. Извини меня, дорогой, но не нравится мне этот тип в черных очках…

— Да все я понимаю, Петрович, но не могу, — оборвал его Ямщиков. — Ты думаешь сам, что предлагаешь?.. Я в принципе где-то начинаю тебя уважать за проявление чувств к этой твоей пассажирке… То да сё. Но посмотри на меня! — для убедительности Ямщиков ткнул кулаком в широкую грудь. — Бросил бы ты эту суку, Петрович, а? На кой тебе эта баба? Стишки ей таскаешь, подарочки… Ну, сам посуди, сколько у нас мороки с одной шалавой. Но нас-то двое все-таки… И то с большим трудом справляемся, а ты один куда лезешь? Вот обчистит она тебя под ноль, тебе же на пиво занять будет не у кого. Ко мне даже не обращайся! У меня, сам видишь, какой пылесос под боком.

— А я тебе откровенно скажу, Григорий! Хоть что ты со мной делай, а не нравится мне этот хмырь в очках — и все! — рубил правду-матку захмелевший Петрович. — Если хочешь знать мое мнение, то я считаю, что именно он подговорил твою дуру бабло затырить… Но я понимаю, у всех сложности… У меня тоже своих сложностей выше крыши. Я ведь тоже, Гриша, не такой уж одинокий, — захихикал Петрович, разливая по стаканам последнюю бутылку.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Ты вот говоришь, чего я на рюмку чая Аннушку сюда не веду… Не могу я… Не знаю, как она моего товарища воспримет… А вдруг напужается?

— Ты это о чем? — не въехал в тему Ямщиков. — Если о том, на что я подумал, так без извращений намного проще, чудак. Свет вырубил, глазенки прижмурил и вперед! Проблематика-то в чем? Ты же не тот извращенец, который давеча у туалета пытался нашу дурочку со своим «товарищем» средь бела дня познакомить и в купе свое поганое хайло совал!

— Ну и шуточки у тебя, Гриша, — смущенно ответил Петрович, даже в стадии значительного опьянения испытывая неловкость от такой прямолинейности. — Ты совсем уже, Григорий… Я и в лучшие-то годы на таких уродов, которые в пятом купе едут, все-таки не равнялся. У меня до встречи с Аннушкой сложилось крайне негативное убеждение, что все нормальные люди дома сидят, а по железной дороге одни уроды катаются… Но таких я, признаться, еще не встречал! Во-первых, это же явные гомики! Чего этот педик к твоей зазнобе у туалета сунулся — вообще не понимаю. Их все бабы в вагоне боятся, мне Аннушка говорила. Наотрез отказываются соседние купе занимать… Они ведь гомиков сразу определяют, их не обманешь… Ты лучше скажи, вы-то все до конца едете?

— В смысле? — на всякий случай переспросил Ямщиков, безошибочно чувствуя, что проводник вкладывает в этот вопрос тот самый, тревоживший и его самого смысл.

— Не хочешь, не отвечай! — нисколько не обижаясь, сказал Петрович. — Я, как ты сам понимаешь, еду до конца. Мой товарищ пока еще не решил. Но мы оба считаем, что Аннушку надо ссадить заранее. Обидно, конечно, что ездил столько лет… Думал, что все уже повидал… Всех уродов. А, оказывается, главного-то не видел. И вот только теперь… Допивай, Григорий! Нечего на меня так зенками хлопать.

Оставшееся пиво они допивали молча. Вагон баюкало на рельсах, Ямщиков задумчиво глядел на убегавшие за окном маленькие пушистые елочки на бровке покрытого снегом откоса. Напряжение начало спадать, ему вдруг захотелось, чтобы и Флик сейчас сидел с ними в объединяющем, суровом мужском молчании, а не рыдал бы под присмотром Седого. Григорий нисколько не сомневался, что Флик так и воет до сих пор, лупит в подушку маленькими беспомощными кулачками… В глубине души шевельнулось нечто вроде сострадания к товарищу, не справившемуся с новыми для себя бабскими наклонностями. Постепенно события прошедшего дня стали

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

видеться ему в ином свете. Под влиянием портера и недавних похабных рассказов Петровича из богатого железнодорожного опыта, он с неловким смешком вспомнил перекосившуюся мордашку Флика, пинающего дверь тамбура… Сам факт того, что Флик спер у него барсетку, тоже виделся ему уже в несколько иных масштабах. Теперь это уже не казалось громом среди ясного неба или вообще расколовшимися над непосредственно кумполом небесами, а представлялось каким-то незначительным, забавным курьезом. Ну, спер и спер. Спасибо, хоть не все гроши на дурацкие цацки извел… Трусов с блестками накупил, бюстгальтер розовый с бусинками… Молодец, товарищ! Сразу видно, что так и рвется в бой!

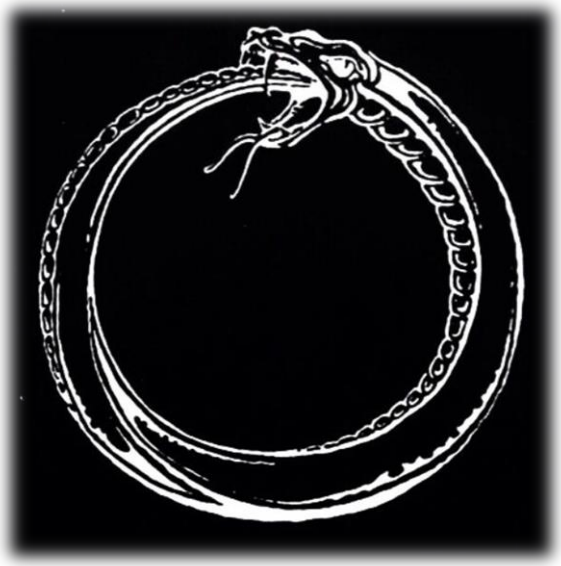
Он еще отхлебнул пива и почувствовал, что его неудержимо клонит в сон. Последнее, что он запомнил перед тем, как отдать свою истерзанную переживаниями душу в объятия Морфея, была здоровенная, абсолютно выбивающаяся из реального, башка какой-то змеюки у Петровича над головой. В полутемном купе эта башка, осторожно выглядывавшая из-за стопки байковых одеял на верхней полке, казалась тенью от проносившихся за окном рогатых столбов электропередач. Однако в момент непосредственной отключки Ямщиков неожиданно столкнулся с внимательным, откровенно изучающим взглядом гадины.

* * *

Впервые Седой запирал купе на ночь один. Марина, устав от рыданий, забылась тяжелым сном. И хотя дежурить была именно ее очередь, Седой так и не решился ее поднимать. Он сел на нижнюю полку, испытывая нараставшее беспокойство из-за затянувшегося отсутствия Ямщикова. Впрочем, он отдавал себе отчет, что отнюдь не меньше его беспокоило бы и присутствие психованного отставного вояки, обобранного предприимчивой спутницей. За окном проносились тускло горевшие фонари, выхватывавшие из темноты безымянные заснеженные разъезды. Седой удивился, что даже среди ночи у многих шлагбаумов с резким звуковым сигналом железнодорожного семафора все-таки ждут переезда одинокие машины. Он подумал, что вот зима, ночь, а люди все куда-то едут, что-то везут… Вагон раскачивал его мысли, становившиеся все более обтекаемыми и всеобщими… Поэтому совершенно пропустил момент, когда напротив него вместо Флика, всхлипывающего и во

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

сне, появилась огромная жирная змеюка. Она крутила во все стороны башкой, с любопытством выглядывая местоположение священных гвоздей.

— По старинке работаем, — констатировала змеища, уставившись на пентаграмму, в центре которой Седой дрожавшими руками по традиции попытался изобразить как раз такую же змею, зажавшую хвост в собственной пасти. — Надеемся, значит, на поддержку всего сущего… Только и забот сущему, как всякое говно на поверхности поддерживать…

Седой понимал, что находится на опасной, зыбкой грани между реальностью и сном, но стряхнуть с себя оцепенение не было сил. Змеюка, оценив его усилия, прошипела:

— Не переживай, сегодня их нет рядом, у них дела… И напарник твой — живехонек! Нажрался моего пива и дрыхнет у Петровича. Так что можешь бредить спокойно…

Как ни странно, но Седой почувствовал, что может вполне доверять этому нахальному гаду, и успокоился.

— Что мы имеем? — продолжал рассуждать вслух змей, нисколько не смущаясь присутствием Седого. — Неуравновешенного психа с довольствием за три года вместо Бойца… Имеем потерявшего чутье Нюхача и Факельщика в розовом бюстгальтере… Знаешь, я начинаю сильно разочаровываться в этом вашем героическом предприятии. Хотя… все так и должно быть! Если ты пораскинешь извилинами и начнешь-таки работать головой, то сам поймешь, что иначе и быть не могло. Много причин — печальные следствия… Каждый из вас несет отпечаток Времени. И у каждого Времени — свой Армагеддон. Странно было бы предположить нечто иное «в наше тяжелое время», как говорят в телевизоре. Думаю, это просто позорище какое-то будет, а не Армагеддон. Перед сарами даже неловко… Они так готовились…

Змей разочаровано покрутил хвостом, так и не решившись прикусить кончик, как ему, несомненно, очень хотелось. Седой не до конца понимал всего, что шипел, не разжимая пасти, змей, но от общего контекста ему стало нестерпимо стыдно. Он мысленно окинул взглядом день с их криками, истериками, перебежками по вагонам с пакетами, полными розовых бюстгальтеров…

— И не говори, — ехидно заметил змей. — Это уже не Армагеддон, а полный отстой получается. Необыкновенно тяжелые наступили времена! Тяжелее,

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

прям, некуда. А уж сегодняшнее ваше представление, так это вообще… Ладно, что именно сегодня сары были заняты, вот бы поржали… Даже я заколебался ваши перепалки выслушивать. Что дальше будет? С Еремеичем, согласись, вы поступили по-свински… А где ты был, когда сюда, с большими трудностями, заметь, пришел Еремеич? Почему бы тебе честно не признаться, что ты в этот момент в ресторане ругался с официанткой, назвав ее шалавой и прошмандовкой. Санитарную книжку у повара требовал. Думаешь, я не знаю, что ты таскаешься в ресторан, чтобы там скандалы закатывать? Да видел я, кто к тебе ходит… Понимаю, что напряжение надо как-то снимать, но ведь не утонченными издевательствами над персоналом!.. У меня в башке не укладывается, как можно испытывать такие возвышенные душевные переживания, а тут же ползти в ресторан, чтобы власть поорать, мол, тебя опять обсчитали… Это же какой-то садизм, Седой… В том числе и над самим собой! Что по сути — уже извращение! Садомазо какое-то… Какой вообще смысл вам помогать?

Седому стало нестерпимо стыдно. Пожалуй, он и сам отдавал себе отчет, что ходит в ресторан не только и не столько за горячим обедом. Он чувствовал, что ему становится значительно лучше, как только слышит дрожащий от страха голосок официантки Ксении. Но выслушивать нотации от неизвестно откуда-то взявшейся змеюки было куда постыднее. Почему он должен отчитываться в своих поступках перед этим червяком накануне этого самого?

— А тебе самому-то какая разница перед этим самым, обсчитали тебя на три рубля или сдали до копейки? — немедленно отозвался змей. — Ведь, в отличие от официантки, ты-то отлично знаешь, куда все мы катимся. Короче, я от ваших номеров в диком восторге, конечно. Лучше бы с желтопузиками кувыркался… Ладно, поживем — увидим. Бывай!

Змей свернулся клубком, потом завозился с сонными всхлипами, и Седой, глядя на раскидавшегося во сне Флика, понял, что ему опять, как прошлой ночью привиделся очередной кошмар. С горечью он подумал, что предпочел бы лучше ночь напролет выслушивать нотации говорящих червяков. Тут же меловая неровная колбаска, нарисованная им в центре пентаграммы, засветилась и вновь, прямо в голове раздалось знакомое шипение:

— Уж, прям, «нотаций» он наслушался! Переживешь! Что сказать-то хотел? Если завтра ваш тригон расколется, то пошли вы все к едрене-фене…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАРКА

«И учти! Если ваш тригон расколется, то пошли вы все к едрене-фене!» — почему-то чаще всего именно эта фраза вспоминалась Марку Израилевичу Губерману, в растерянности сидевшему возле раскрытого чрева дерматинового чемодана и горки выкинутых им из шифоньера на большую семейную кровать личных вещей.

— Так-так, Марк! — неожиданно произнес возле двери женский голос, и у Марка Израилевича резко опустились плечи.

— Софочка! Я же ненадолго! — обернулся он к полной женщине, со следами несомненной былой красоты, прижавшейся спиной к дверному косяку. — Туда и обратно! Ну, там побуду от силы минут двадцать…

— Где?.. Где это ты собрался торчать двадцать минут? Ты куда это собрался, Марк, на ночь глядя? Что же это за исключительное свинство, дорогой? — строго спросила женщина глубоким контральто с грозовыми раскатами.

— Софа! Ты ведь знаешь, я должен… Я ведь честно предупредил, что иногда…

— Да, Марк! Ты меня честно предупредил, что принадлежишь к иудейской конфессии какого-то тайного общества Приврата Господнего, поэтому иной раз будешь срываться на бой со вселенским злом, то бишь на Армагеддон. Но до сего дня эта борьба, слава Всевышнему, обходилась без тебя. Ты себя в зеркало видел? Какой из тебя боец со злом, Марк? Ты же не Шварценеггер, не Клод ван Дамм! Ты даже зарядку не делаешь, хотя это полезно для твоих нервов! И ты полагаешь, что я в такое поверю, да? Я все это терпела лишь потому, что мне мама говорила: «Софа! У каждого мужчины есть свой маленький пунктик тихого помешательства!..»

— Ты что, рассказала обо всем Розе Яковлевне? Я ее совсем скоро перестану уважать, Софа!

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Стану я такое рассказывать своей маме — разумной еврейской женщине! А об уважении даже не заикайся! Когда вы здесь, на кухне шептались под водку с Иосиком Берешем до трех часов ночи — я молчала! Когда Иосик уехал в Америку, а ты остался здесь караулить свой Армагеддон — я тоже молчала! Но когда ты вдруг вываливаешь рубашки и кальсоны и собираешься куда-то со своей дурацкой бляхой на шее — я молчать не собираюсь, Марк! Ты о детях подумал?..

— Я не собираюсь драться сам, Софочка, я же рассказывал, там дерутся особые люди. Но они нуждаются в моем напутствии. Я здесь первый узнал про это из всего… м-м… нашего общества. Поэтому на мне лежит особая ответственность. Тем более что никто из нашей конфессии мне не верит. Они заняты более важными вещами. Выясняют, еврей по Галахе господин Восьмичастный, против которого прокуратурой возбуждено уголовное дело, или не еврей. Все прикидывают и рассчитывают. У них, похоже, свой Армагеддон, — с горечью сказал Марк и почти неслышно, срывающимся голосом прошептал:

— Иосю… Иосифа Береша убили в Бостоне… Он звонил мне, просил подождать у телефона, а его убили… Выкинули из окна…

Софа, схватившись за голову, уселась на кровать поверх разбросанных вещей.

— Значит, вы все-таки доигрались, Марк, — тихо произнесла она. — Что с нами теперь будет?

— Н-не знаю, Софа, — честно ответил Марк Израилевич, присаживаясь рядом с женой. — Но я должен это сделать. Иначе, как я потом буду смотреть в глаза Феликсу и Анюте?

— Ой, только не надо про глаза наших детей, Марк! Сколько можно попрекать всех нас их глазами? Ты просто зверски замордовал нас с мамой этими глазами! Ты прикрываешься ими по любому случаю, как медным тазом! — зарыдала Софа.

— Ты помнишь, Софа, я тебе рассказывал, что Привратники — бывшие наши люди, когда-то родившиеся в рамках нашего тайного общества? — торжественно начал Марк.

— Я слышала эти сказки не раз, Марк, поэтому предупреждаю: в Привратники я тебя не отпущу! — резко парировала ему Софа, вытирая слезы.

— После первого Армагеддона что-то нарушилось, и они стали появляться, Софочка, уже взрослыми и, представь себе, с документами! — не обращая

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

внимания на угрозы жены, продолжал Марк. — Появляются такими, какими родились когда-то еще до первого Армагеддона Нового времени. Ну, не совсем такими, но одно обстоятельство мы установили с Иосифом совершенно точно: самый главный у Привратников, безусловно, еврей!

— Вы совсем сдвинулись с несчастным покойным Иосифом! — в некотором замешательстве произнесла Софа. Марк не ответил, а только посмотрел на жену особым взглядом, в котором сочетались прозорливость, гордость и национальный юмористический подтекст происходящего. Медленно с мудрой иронической улыбкой он кивнул на ее немой вопрос и только снисходительно усмехнулся на горячий шепот:

— Все равно никуда не пойдешь!

Приблизительно через час Марк Израилевич уже шагал по направлению к вокзалу с аккуратно собранным чемоданом и большой авоськой с продуктами первой необходимости. На борьбу со злом Софа разрешила ему надеть новую шляпу и практически неношеное, роскошное пальто своего покойного папы с каракулевыми обшлагами и серебряными пуговицами на хлястике.

— Порфирий Дормидонтыч! Вас какой-то еврей спрашивает! — крикнула одна из женщин, оставшаяся после службы мыть пол в храме. — Вроде бы тот самый, что у Савеловского метро на вас кидался!

Небольшого роста, пожилой дьячок уже повернулся, чтобы сказать в ответ нечто не подобающее его сану, но вздохнул, размашисто перекрестился и пошел к главному входу. На ступенях стоял Марк Израилевич. В одной руке он держал авоську, а в другой — велюровую черную шляпу, снятую из уважения к Свято-Никольскому собору. Чемодан был крепко зажат у него между ног. Чувствовалось, что перед этим он сказал нечто уничижительное и оскорбляющее их достоинство двум церковным нищенкам — Зое и Тамаре, которые шипели на него из-за церковной ограды:

— Нас-то на паперть не пускают! А еврея, дык, пустили! Как же! Вон как шляпу нацелил, ирод!

И пока Марк Израилевич напряженно высматривал отца Порфирия у плохо освещенного выхода и морально готовился к тяжелому разговору с ним,

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

вышедшие из храма женщины совестливо бросили в его шляпу несколько монеток достоинством в пять и десять рублей.

— Что вы! Не надо! — слабо запротестовал Марк Израилевич, вежливо поклонившись. — Я вообще-то знакомого здесь жду!

Но женщины, перекрестившись на его поклон, отвернулись и пошли успокаивать подаянием Зою и Тамару, бившихся в истерике от зависти на его удачливость. Пожав плечами, Марк Израилевич вынул из шляпы монетки и положил в карман. За этим занятием его и застукал незаметно подкравшийся Порфирий Дормидонтович.

— Так-так, Марк Израилевич! Вот она — еврейская беспринципность на лицо! Нам без разницы где и у кого денежку выманивать! Всю Россию решили себе в карман сложить! — распалялся благородным гневом Порфирий Дормидонтович. — Что, опять пришел доказывать, какой я «зоологический антисемит»? Против меня брехать можно, а вам и слово против сказать нельзя, да? Как это ты тогда мне ввернул? Я тебе, как человеку, обиду высказал, что меня в еврейском магазине за израильскую водку на семнадцать рублей обсчитали, а ты мне что сказал? «Сейчас опять будете, Порфирий Дормидонтович, утверждать, что вас евреи спаивают! Учтите, когда нееврей говорит о евреях — это антисемитизм!» А еще, Марк, ты меня прямо на моей кухне шовинистом обозвал! Я думал, что у тебя хоть совести хватит на глаза мне больше не показываться. А что ты мне, подлец, у Савеловской устроил? Второй месяц из-за тебя епитимью несу. Лично патриарх наложил! — не без видимой гордости добавил священник.

— Вы меня простите, Порфирий Дормидонтович, — через силу ответил Марк Израилевич, — я тогда был, все-таки, несколько выпивши. А если совсем честно, Порфирий Дормидонтович, я тогда прочел «Еврейскую газету», которую теще от общества еврейской культуры носят. И мне почему-то стало обидно. У меня в жизни столько было неудач, только потому, что я — еврей.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Потом я почему-то вспомнил про вас и решил, что… ну… что вы всю жизнь мне завидовали.

— А ты знаешь, Марк, сколько у меня в жизни неудач только потому, что я — русский? Да у меня жизнь, слава тебе Господи, сплошная неудача по этой причине! Ты на кого руку-то поднял? Кому ты эти проповеди читать надумал? Как у тебя язык-то повернулся, Марк? Чего ты сейчас притащился? Тебе не стыдно на паперти с чемоданом торчать? — с излишней горячностью набросился на Марка Израилевича дьячок. Потом, заглянув в его лицо, уже гораздо тише спросил:

— Марк, что случилось? Тебя что, Софья Мироновна выгнали?

— Нет, с Софочкой и детьми все в порядке, Фира. Софа тебе привет передавала и печенье, — ответил Марк, надевая шляпу. — Я купил нам два билета до Казани, надо срочно ехать к Марселю.

— Ты не гонишь пустышку, Марк? — спросил дьячок, помолчав с минуту, стараясь переварить услышаное.

— Фира, меня по пустому поводу Софочка из дому бы не отпустила, — без всякого куража, довольно растерянно сказал Марк.

— Ладно, жди здесь, я сейчас, — коротко бросил Порфирий Дормидонтович и отправился в небольшой флигель возле крестильного зала собирать вещи.

Они шли, крепко вцепившись друг в друга, по скользкой наледи давно не чищеного тротуара. Уличные фонари в небольшом проулке не горели. Однако это был практически прямой выход к Казанскому вокзалу.

— Надо было все-таки спуститься в метро, Марк, — ворчал дьячок. — Ты же собрал мелочишки на проезд, так что жмотиться-то было?

— С такими сумками? Да тут идти-то — пара кварталов, а деньги всегда… — начал было оправдываться Марк, но замолчал на полуслове, резко остановился, вглядываясь в темноту.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Прямо перед ними выстроились несколько молодых здоровых парней, поигрывая металлическими отрезками труб. Дьячок потянул Марка в обратную сторону, тот и сам заскользил к выходу из переулка, ведущего к вокзальной площади, на освещенную магистраль, с которой они только что свернули. Молодцы, не спеша, двинули за ними, понимая, что далеко по такой дороге два престарелых фраера все равно от них не уйдут.

На бегу, дьячок вдруг сказал Марку:

— Все равно не добежать, Марк! Я больше не могу! Самое время проверить, на нашей ли стороне Он! Да и с молитвой погибнуть — это все-таки лучше, чем просто от пенделя по заднице!

Марк из последних сил кивнул шляпой, опустился в снег, обняв чемодан, и оба вознесли молитвы Господу, не имевшему, строго говоря, никакой национальности и не принадлежавшему ни одной конфессии безраздельно. Марк, опустив голову, забормотал обречено что-то свое на иврите. Дьячок упал на колени, стянув в с головы старый вязаный «петушок». Только он выговорил с отдышкой: «Матерь Божья, Царица Небесная!..», как с освещенной стороны переулка, к которому они, обвешанные чемоданами и авоськами, спешили из последних сил, раздался пронзительный женский крик:

— Мишка! Мишка! Я тебе побегаю от матери, мерзавец! Я тебе попрячусь, подлец! Я сейчас тебя выпорю и дружков твоих проходимых! Ему все равно, что уже на учете в милиции состоит! Ему родной матери не жалко!

— Чо ты, мамань, чо ты? — заревел совсем рядом с Марком огромный бугай. — Мы тут с ребятами гуляем!

— Я тебе погуляю! — угрожающе заорала женщина. — Немедленно идите в свой двор на скамейку гулять! И за дом заходить больше не смей! А про тебя, Алешка, я сейчас матери твоей скажу!

— А чо сразу «Алешка», теть Нин? — ответил ей ломким баритоном парень в кожаной куртке, пряча в рукав дюймовый патрубок. — Чуть чего, так сразу «Алешка»!

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— А ну-ка, живо сюда, стервецы! Я вам пошастаю на железку! Я вам поворую шапки на трех вокзалах! Немедленно отдайте шапку тому старику! Я вас сейчас сама здесь штакетником отхожу, мерзавцы! Сейчас кровью из сопаток у меня умоетесь! Ишь, выросли! Всей сообразиловки у них — только шапки воровать!

Сплюнув в сторону, парни натянули на голову дьячку чье-то блатное кожаное кепи и понуро направились к нетерпеливо перетаптывающейся Мишкиной матери. Четверо парней опасливо держались от «теть Нины» подальше, а Мишка был вынужден подойти непосредственно к разъяренной мамаше. Марк и дьячок только зажмурились, когда женщина отвесила отпрыску звонкую оплеуху и со слезами вцепилась ему в стильный ежик типа «вертолетная площадка» с воплем:

— Ты в тюряху, гаденыш, захотел? Баланду хлебать захотел? Парашу выносить? Я тебя для этого, подлец, одна растила, мучилась? Щас будет тебе тюряха!

Парни, не дожидаясь конца расправы, бросили товарища и побежали в разные стороны.

— Как ты сказал, Фира? «Царица небесная»? — захихикал Марк, поднимаясь и отряхиваясь. — Давай-ка, прибавим ходу! Ладно, что я билеты заранее купил, наш поезд через двадцать минут отходит. Слушай, как тебе это кепи идет! Ты больше свою замурзайку не надевай! Вот повезло, так повезло, Фирка! А ты говоришь: «В метро!»

Дьячок тоже развеселился, едва поспевая за товарищем, приговаривая на ходу: «Нет, главное, ты заметил, Марк, забавную тавтологию?..» — но вдруг оба осеклись на полуслове, услыхав за спиной хлопанье чьих-то мощных кожистых крыльев…

Ночью они оба пытались составить хоть какой-то план действий в отношении своего старого вузовского товарища Марселя — известного своей неукротимостью и непредсказуемостью. Марсель стал известным в исламском мире религиозным деятелем.

Впрочем, эта известность держалась не столько на знании священных стихов Корана или особом благочестии, сколько на той же неукротимости его дикой натуры. Одна любимая с юности поговорка Марселя «Нам, татарам, все равно!

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Лишь бы крови побольше!» — заранее внушала обоим опасение в успехе их предприятия.

Потом они вспоминали общие байдарочные походы, институтские вечера самодеятельности… Вспомнили, как на студенческих вечерах пела их чудная подружка Софочка, из-за которой так и не женился Иосиф Береш…

Марк уже спал, беспокойно ворочаясь во сне, а Порфирий Дормидонтович еще молился за упокой души старого приятеля. Он совсем не удивился, что Иосик вдруг появился рядом. Первым делом он жестом попросил показать, надежно ли они прячут бляхи. Немного успокоившись, показал два пальца, мол, когда есть две бляхи, это лучше, чем совсем ничего. Потом принялся махать рукой на восток. Даже написал на запотевшем стекле «Сибирь!!!».

Порфирий Дормидонтович понял, что говорить с проколотым сарами горлом Иосик не может и мертвым. Он обнял его, стал уговаривать больше себя, чем Иосика, что все у них теперь получится, что он нисколько не обижается на Марика, мало ли что в газетках нынче пишут, что главное, чтобы Иосик не волновался и успокоился… Они так славно успокоились вдвоем, что Порфирий Дормидонтович сам не заметил, как заснул… И проснулся только утром, когда его начал трясти Марк:

— Подъезжаем к Казани! Проснись, Фира, проснись! Да проснись же ты, ё-мое!

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

МЫ ПРОСТИМСЯ НА МОСТУ…

— Проснись, Гриша, проснись! — тряс Петрович бесчувственного Григория. — Да проснись же ты, ё-мое! Краля твоя в другое купе переезжает! Я же говорил, что давно надо было вам вдвоем от этого очкарика сваливать! Как сейчас к Алле в седьмое купе заедет, так хрен ты оттуда ее выковырнешь… Я к этой… к ним с уговорами не пойду, учти. Умываю руки, как Понтий, мать его, Пилат. Да просыпайся же ты, бог мой!

— К Алле? — с нескрываемым страхом переспросил Григорий, сразу приходя в себя.

— К ней самой! Надо было мне раньше догадаться, что она ее себе возьмет, — ныл Петрович, помогая Ямщикову застегнуть фланелевую мятую ковбойку. — Не хотел ее в вагон пускать, Аллах соврать не даст! А она мне говорит с такой усмешкой: *«Ты что, хочешь, чтобы я такое пропустила, мальчик? Проход не загораживай! Вещи прими и не смей мне возражать!»* Так, веришь ли, схватил ее чемоданы, сам донес, сам постельку застелил…

— А Седой-то куда смотрел? — больше у самого себя, нежели у Петровича, поинтересовался Ямщиков, застегивая брюки.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Да чо он может-то, раз теперь сама Алла за это взялась? Сидит, щурится филином в своих очках… Я тебе скажу, что никто ничего против этой Аллы не сделает. Как она скажет, так и будет. Вся железная дорога ничего с ней сделать не может, а что там может этот твой крендель в очках? Я пришел работать, старики уже об этой Алле шепотом рассказывали. Сам впервые увидал, но сразу понял: она! Алла! Она до нас, Григорий, была и после нас останется…

…Пока первое купе с большими трудностями и лишениями пыталось сплотиться в единый тригон, весь состав, включая прицепной вагон, моментально, буквально за четверть часа сплотился под железной рукой дамы средних лет, представлявшейся просто Аллой.

В сущности Петрович с расстройства и сильного похмелья проговорился о давнем, тайном позоре всех российских железнодорожников… Когда Алла появилась на железных дорогах, доподлинно не знал никто.

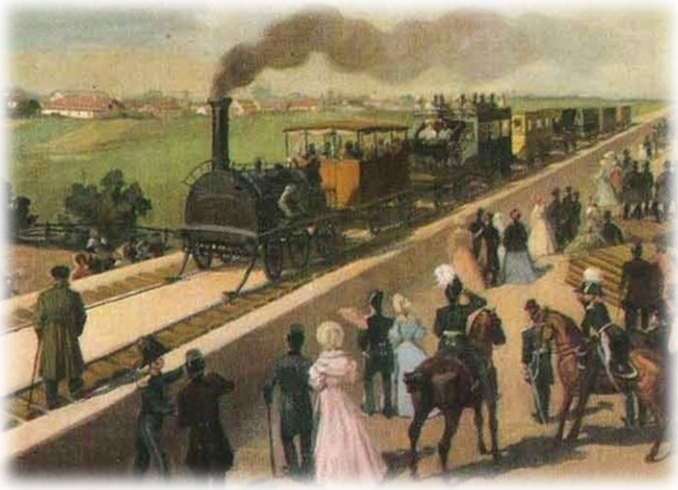

ott Fuller Graves

Говорят, еще в старину на пароходах, курсировавших по основным водным артериям России, являлась эта прилично одетая дама с усиками над верхней губой и пронзительным взглядом красивых зеленых глаз. И будто бы ее тоже звали мадам Алла Поршутинская. Анатолий Торсуков, втянувший Петровича в торговлю всякой живностью, до сухогруза «Композитор Чайковский» ходил по Волге до Астрахани. Однажды, будучи, правда, не совсем трезвым, он рассказал Петровичу тамошние легенды, будто бы Алла предпочитала раньше комфортабельные каюты первого класса дорогих пароходов, шлюзовавшихся в Тихвинском, Августовском и Березинском каналах. Позавтракает, бывало, в ресторане на верхней палубе, полюбуется видами

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

водной глади под музыку духового оркестра, разобьет сердца всем военным… и исчезнет! Даже сложилось такая примета, что если Алла откушает осетра, то непременно обшивку судна надо бы поменять. А если она закажет телятину в трюфелях под белым соусом, это означало, что все незамужние дамы, путешествовавшие первым классом, в скором времени счастливо устроят свою судьбу. Поэтому к Алле сразу все половые с телятиной так и бросались! Кто ж не хочет на чай пару сотен от мамзелек загрести…

Но уже с 1837 года на всех иллюстрациях «Санкт-Петербургских Ведомостей» и «Московских Ведомостей», а так же в духовных изданиях, бесчисленных листках земств, городских управ, в губернских газетах и изданиях градоначальств — повсюду замелькало недовольное личико усатой дамы в шляпке с черным страусовым пером. Отчего-то рисовальщики всегда выхватывали именно это запоминавшееся лицо из толпы восторженных подданных неподалеку от августейших особ, путешествовавших по Царскосельской железной дороге.

Сосед по дому Петр Волошкин, работавший когда-то начальником состава, тоже поведал Петровичу, будто лично видел журнал со старинными фотографиями из истории российских железных дорог. Так эта Алла была на всех фотографиях открытия крупнейших в Европе железок: Петербург—Москва и Петербург—Псков—Варшава—Вена. А когда в 1892 г. после реконструкции заново открывали железнодорожные узлы, соединявшие Москву с Петербургским морским портом и сетью железных дорог Западной

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Европы, Алла повсюду уже позировала в обнимку с самим Витте. Причем на голове Витте красовалась ее кокетливая шляпка со страусовым пером и крупным топазом, а на Алле — лихо заломленная форменная фуражка Сергея Юльевича.

Впрочем, окончательно Алла перешла на железную дорогу гораздо раньше — с момента строительства железной дороги Москва—Нижний Новгород, соединившей Москву с Волгой, бывшей когда-то столь любимой транспортной артерией этой странной дамы. Линии Москва—Рязань—Воронеж—Зверово, Козлов—Тамбов—Саратов, Москва—Тула—Орел—Курск—Харьков, продолженные затем до Севастополя, Ростова-на-Дону и Владикавказа, хорошо запомнили ее придирчивый гастрономический вкус. Говорят, что знаменитая солянка, прославившая рестораны железных дорог южного направления, до сих пор готовится строго по ее рецептуре. По крайней мере, сам Петрович слышал, как шеф-повар привокзального ресторана в Харькове строго выговаривал подчиненному, решившему тайком сожрать банку маслин:

— Алла, мать твою, сказала, что в каждой порции солянки должно плавать две-три маслины, так, мать твою, пускай плывут! А не то, знаешь, что у тебя поплывет? Ты меня под монастырь решил подвести, сучонок? Сало жри, подлец! Мадам Алла сало не уважают.

В 1906 году по Закаспийской дороге, проложенной до Ташкента и Андижана, проехала дрезина на участке, соединяющем ее с Оренбургом. Естественно, фотографическая картина в вышедшем «Вестнике Европы» запечатлела Аллу в неизменной шляпке и развевающейся кокетливой мантилье под руку с красивым военным в полковничьих эполетах.

„Безболѣзненная“ дрезина для перевозки раненыхъ. За ранеными.

Веяния времени отразились и на Алле, ее маршрутах и гардеробе. Ветер перемен сорвал казавшуюся вечной шляпку… Вначале Алла без сожаления поменяла ее на косынку сестры милосердия. Хотя

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

и здесь Алла постоянно оказывалась в эпицентре интереснейших событий. К примеру, многие железнодорожники симбирской ветки утверждают, будто санитарный поезд, где служил во время империалистической совсем юный Паустовский, вовсе не случайно застрял в районе Базарного Сызгана. Очевидно, большой ценительнице изящной словесности вовсе не хотелось, чтобы будущий автор «Беспокойной юности» погиб на Бессарабском направлении…

А одна из веселых соседок Петровича, работавшая проводницей на молдавских рейсах, рассказывала, будто бы именно ее дедушке Алла, возглавлявшая в 1920 году толпу мешочников, предъявила вместо мандата на проезд в прифронтовую зону — такой удар промеж глаз, что потом и ее папа, родившийся уже перед самой войной слегка косил левым глазом.

Проследить ее передвижения во время Великой Отечественной войны никак не представляется возможным. Многие уверяли, будто Алла сражалась в нескольких местах одновременно. К примеру, тот же Петр Волошкин утверждал, что видел фото с бригадами, перевозившими 89-ю гвардейскую Харьковско-Белгородскую стрелковую дивизию 5-й ударной армии, где Алла, согласно надписи, работала помощником машиниста. Но в это же время она, судя по другим фоткам, вместе с бойцами СМЕРШа, осуществляла патрулирование железнодорожных составов 63-й гвардейской Проскуровско-Львовской Челябинской танковой бригады 4-й танковой армии Первого Украинского фронта… Одновременно ее усатая физиономия мелькает среди фотографий санитарок и медицинских сестер санитарного поезда артиллерийской Сталинградской Глуховской дивизии 8-й гвардейской армии Первого Белорусского фронта.

А вот родной дед Петра, служивший в 11-й Корсуньско-Берлинской отдельной гвардейской танковой бригаде той же 8-й гвардейской армии Первого Белорусского фронта говорил, будто все бойцы только и ждали погрузки в эшелон, поскольку по ночам по платформам с танками ходила цыганка Алла и по картам сообщала новости из дому. Прямо на партбилете клялся! Кстати, дед именно от Аллы узнал, что у него сын в Тамбове родился…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Времена пролетали, как скорые поезда, проносились мимо столичными экспрессами. Менялись вагоны, титаны, дерматин заменил дерево и бархат в обивке, а потом и вовсе уступил место пластику… Не менялось только одно — Алла. За двадцать лет работы на железке Петрович не раз встречал людей, утверждавших за выпивкой, что будто бы они сталкивались с Аллой лично. Даже привык к этим рассказам, как к железнодорожным анекдотам про пьяных пассажиров.

Но никогда бы и в голову ему не пришло, что самому доведется встретиться с этим явлением лично. Никому бы не поверил, скажи ему, что однажды с утреца пораньше в какой-то дыре типа Гольцовки или Лунино к прицепному вагону подойдет прилично одетая дама в сопровождении тележки носильщика. Оставив пьяного Ямщикова дрыхнуть у себя в купе, Петрович, выставив горящую физиономию освежительному утреннему ветерку, ждал, чтобы отсемафорить готовность по составу. Не то, чтобы в падлу ему было возиться с пассажирками в такой момент, просто какое-то внутреннее чувство, выработавшееся за годы тряски и утрамбовывания по железной дороге, подсказало ему, что с именно этой пассажиркой мороки точно не оберешься. Он строго свел брови к переносице, придал чертам твердость и безразличным тоном отрезал:

— Мест нет!

Подобная жесткая мимика любую пассажирку немедленно отогнала бы от вагона вплоть до головы состава, чтобы у другого вагона подпрыгивать с криками «по-по». Но дама лишь медленно повернулась к нему от носильщика, и Петрович, обомлев, понял по знаменитым усикам и прославленной на все МПС родинке на правой щеке, что его вагоном заинтересовалась сама Алла…

Она поощрительно улыбнулась раскатисто заржавшему над наивностью проводника носильщику и сказала глубоким контральто с едва заметным акцентом:

— Ты что, хочешь, чтобы я такое пропустила, мальчик? Проход не загораживай! Вещи прими и не смей мне возражать!

Петрович понял, что никогда больше не посмеет возражать этой женщине, смерившей его пронзительным взглядом зеленых глаз…

Проходя впереди тащившего вещи Петровича, Алла не преминула заглянуть в первое купе. Марина сидела

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

сонная, зареванная. Почти с раскаянием она смотрела на скрючившегося на нижней полке Седого.

— С вещами на выход! — безапелляционно скомандовала ей Алла. — Ко мне переедешь на время. Здесь седьмое купе свободно, если я не ошибаюсь… Там и поселимся!

Устроив знаменитую в железнодорожных кругах пассажирку по высшему разряду, отследив, как ямщиковская швабра послушно перетаскивает свои вещички в седьмое купе, Петрович почти без сил ввалился к себе, дабы успокоиться и развеяться от внезапной встречи с легендой. Кирилл, свесившись с верхней полки, поинтересовался у него прямо в голове, кто это к ним притащился. Отчего-то Кирюша не стал обсуждать материализацию железнодорожного мифа со своими обычными циничными шуточками, местами переходящими в откровенную похабщину. Он без комментариев свернулся в клубок за одеялами, и Петрович услышал лишь его телепатическое, восторженное шипение: «С-сама Алла! Ни хрена с-себе!»

— Располагайся! — пригласила робко постучавшую Марину красивая женщина, испытующе следя за каждым ее движением. — Не смущайся, милая, согласись, что мне хочется узнать тебя как можно лучше. А времени, как всегда, в обрез. К вам сюда было очень сложно прорваться, пока эти двое были в вагоне.

— Скажите, вы их тоже чувствуете? — с надеждой переспросила Марина. — А мне эти дураки не верят… Они говорят, что я потому их чувствую, что стала бабой.

— Видишь ли, каждый прав по-своему, — рассудительно ответила Алла, доставая термос и контейнеры с пирожками. — И даже сломанные часы два раза в день говорят чистую правду… Вполне возможно, что твои попутчики абсолютно правы. Ты заметила, что все остальные путешествующие дамы тоже чувствуют нечто тревожное. Заметь, никто из них не занял соседних

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

купе. Кроме заселившихся в четвертое купе девиц по вызову, конечно. Но они — не в счет.

— Они ведь не вернутся, как вы думаете? — с нескрываемым страхом спросила Марина.

— Думаю, что вернутся. Купе закрыто очень сильными заклятиями. Даже я, попытавшись проникнуть туда, уже у третьего купе забыла зачем, собственно, шла. Прямиком в ресторан отправилась. Мне показалось, будто я решила проверить качество солянки. Кстати, неплохо здешний мальчик солянку готовит. Я ему, правда, дала несколько ценных советов и рекомендаций, потом мы сфотографировались, конечно… Надо поддерживать традиции!

— А я не заметила, что вы куда-то отлучались, — наивно сказала Марина.

— Если честно, то я и сейчас сижу в ресторане и пробую люля-кебаб и долму. Представь себе, мне это нравится! — прислушалась к себе Алла. — Нет, ты заметила, что только я хотела поговорить о неразлучниках, как тут же переключилась на солянку. Ты чувствуешь? Это, кстати, хорошая, чисто женская защита от древних заклятий. Полагаю, что и другие дамы бросились вместе с тобой в тот магазин на колесах именно по причине снятия стресса от враждебного энергетического воздействия, явно присутствующего в самой атмосфере вашего вагона. Самое лучшее в такой ситуации переключиться на более

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

приятные, исключительно важные вещи, недоступные мужской логике. Большинство заклинаний несет в себе прямолинейную мужскую логику, значит удобнее всего защищаться от нее недоступными для нее мотивациями логики женской… Любая дорога несет в себе коварство женской логики… Но это, безусловно, не оправдывает тебя, моя дорогая.

— Вы нам поможете? — с набитым ртом поинтересовалась Марина.

— Хотя бы тем, что хорошенько отругаю тебя, дорогая! — пошутила усатая дама, погрозив толстым пальчиком с дутым золотым колечком. — Честно говоря, до тех пор, пока ваших противников не отвлекло что-то очень важное вне дороги, пока они не покинули на время пятое купе, я ведь даже войти не могла сюда! К сожалению, мне не дано вмешиваться в такие вещи. Единственное, чего они никак не могут мне помешать, так это воспользоваться моим влиянием на железной дороге… С одной стороны, их план просто гениальный! И без сильных связей на железной дороге такую ловушку вам не устроить. Согласись, что вы здесь как птички в клетке.

— Да, я чувствую то же самое, я им постоянно говорю, у меня нервы на пределе! — сказала Марина, принимая от Аллы бутерброд с копченой осетриной. — Какая вкуснятина! Я чувствую, что с ума сойду от этого ожидания… Такое одиночество! Такое отчаяние охватывает! Ой, это прослойка из желе? Боже, до чего вкусно!

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Еще бы, деточка! Путешествовать надо с комфортом. Удивительно, но простыни у вас в вагоне сухие! Этот мальчик свое дело знает. И в туалете довольно чисто, — заметила Алла.

— Вы… и там уже были? — удивилась Марина.

— Если я в поезде, я повсюду сразу. Привычка такая. Тебя это не должно беспокоить… Но в пятое купе мне хода нет! — с досадой заметила Алла. — Крайне неразумно со стороны неразлучных было покидать вагон. Думаю, что они вовсе на это не рассчитывали. При всей моей фантазии и богатом воображении я даже не могу предположить, будто они сделали это специально, чтобы я могла проинспектировать чистоту туалета и качество солянки. Мне кажется, их отвлекло нечто экстренное, из ряда вон выходящее. Напрашивается предположение, что кто-то вне вашей дороги тоже пытается с ними драться…

Так что не надо нагнетать обстановку, вы вовсе не так одиноки. Но как ты при этом использовала передышку? Что ты сделала за это драгоценное время, пока некто отвлекает неразлучных на себя? Прошвырнулась до магазина, обчистив

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

товарища по оружию? Да с тобой бы за такое у нас в СМЕРШе, знаешь, что сделали? А ты в силах сообразить, что этот некто сознательно рискует своей жизнью… Что, скорее всего, его уже не будет в живых, когда неразлучники вновь окажутся в пятом купе?

Марина сконфуженно положила на стол бутерброд и пирожок, который, на всякий случай, взяла в правую руку. Со смешанным чувством стыда и раскаяния она опустила глаза в пол и вдруг увидела, что Алла сидит вовсе не в узкой синей бостоновой юбке и изящных полусапожках, как ей показалось вначале, а в кирзовых сапогах и галифе защитного цвета. С изумлением она подняла глаза на попутчицу, которая была в полевой форме лейтенанта с богатой орденской колодкой на груди. В пышной прическе усатой дамы кокетливо примостилась пилотка… Вместо колец браслеток на левой руке из-под гимнастерки торчали большие трофейные часы.

— Вспомнила эти страшные дни, — извинилась за свой вид Алла. — Они прорывались с тыла именно на Первом Украинском и на Первом Белорусском… Выходили каждую ночь! Столько смертей! А потом они вдруг исчезли! Я постоянно думала над этим… Но… Не зря их называют неразлучниками. Они всегда приходят вместе и исчезают одновременно. Раз исчез один, нет и второго. Но и появятся они оба сразу. Помнишь, как один напал на тебя возле туалета? Добивать тебя в купе пошел уже второй. Тебе просто повезло! И ты еще расстраиваешься, что реинкарнировалась в женщину? Тот, у туалета, никогда бы не проявил себя до поры до времени и не напал бы в одиночку! Поверь мне. Твой малахольный, прости за откровенность, вид, эта дикая майка, которой тебя снабдили товарищи, внушили ему опасное убеждение, будто ты — легкая добыча.

— Нет, я все-таки этого не понимаю! — плаксиво сказала Марина, с любопытством заглядывая в два новых судочка, появившихся на столике. — А потом-то я что буду делать? Какой от меня будет толк в драке? Я же ничего, ничего теперь не могу!

— Можно подумать, что от тебя раньше было много толка в драке, — ответила Алла, открывая судочки, из которых пошел аппетитный пар. — Это в качестве любезности от всего коллектива ресторана. По-моему, мясо замариновали без нарушения технологии… Попробуй этот кусочек! Этот

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Теймураз-оглы меня просто растрогал! Так, о чем мы говорили? Ах, да! Почему это ты стала женщиной… Обрати внимание, что в вагоне едут в основном женщины. Когда-то я сразу привлекала внимание всех военных, путешествуя одна, а сейчас только дамы и ездят. Такова жизнь. Дамы сегодня куда лучше удерживаются на плаву, сражаясь не за себя, а за детей. Пожалуй, только они не боятся дороги… Мало кто понимает, какая заключена сила в их кажущейся слабости. Тот чукотский шаман, который сразу смог прорваться к вам, как только тебе удалось отключить одного неразлучника, он это хорошо понимает! Я неоднократно встречалась с ним на Северной ветке. Он одно время часто ездил в Санкт-Петербург, тогда еще Ленинград, у него там внук учился. Умнейший собеседник! Очаровательный человек!.. Честно говоря, я вначале подумала, что женщиной тебя сделали, дабы не привлекать излишнего внимания. Трое мужчин — это очень подозрительно. Сразу бросается в глаза. Впрочем, двое — тем более. Запомни, дорогая, никто не смог выстоять против двух неразлучников сразу… И к тебе они теперь пойдут только вдвоем.

* * *

Ямщиков и Седой понуро молчали на нижних полках, а Петрович, по своей привычке, висел на косяке двери.

— Может, Петрович прикроет нас впереди с чаем, а за ним ворвемся мы? — предложил Ямщиков. Седой только схватился за голову, растирая виски.

— Ни черта не получится, — заметил Петрович. — Во-первых, Алла сейчас вообще в ресторане. В седьмом купе никого нет, сам открывал… нечаянно. Где эта ваша мымра, понятия не имею. С Аллой можно всего ожидать. Вот и остается, что сидеть смирно и ждать. Алла не любит, когда у нее под ногами путаются.

В этот момент, для моциона после плотного завтрака, Алла и Марина гуляли по крыше прицепного вагона. По-весеннему светило солнце, Алла со смехом взбивала носком замшевого сапожка пушистый снежок, хватала его пригоршнями и сыпала на себя сверху, прямо на искрившееся на солнце песцовое манто. Состав совершал пологий поворот, огибая небольшой лесок с небольшим замерзшим озером на опушке. На горизонте виднелись заросшие лесом невысокие горы.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Какая все-таки красота у нас, дорогая! — повернула Алла свое счастливое усатое личико. — Есть за что драться, верно? Не грусти! Ты еще узнаешь, как тебе повезло! Поверь мне, бриллиантовая!

Марина даже не удивилась, что последнее ей говорила уже цыганка в цветастом полушалке, нескольких юбках, развивавшихся на прогретом солнцем ветру, и черной плюшевой жакетке. Ей вдруг так поверилось, что счастье близко — руку протяни! Что за ближайшим поворотом ее ждет такое… такое… Впервые она с удивлением поняла, что источник счастья прямо у нее внутри! И это — тот же самый постоянно дрожавший источник слез, неуверенности, мнительности… Всего, что делало сейчас ее женщиной! Чего она так стыдилась в себе… Марина с изумлением и восторгом смотрела на бездонное синее небо и понимала, что она сама, совсем одна может сделать всех несказанно счастливыми!

— Одной очень скучно, — легкомысленно заметила Алла, опять переодевшаяся в шубку. — Все будут счастливыми, а ты — одна. Это неконструктивный путь, хотя порыв в целом правильный. Сейчас подует северо-западный ветер. Неизвестно, какую мозглятину надует. Пошли в купе, дорогая.

— Знаешь, почему я так люблю дорогу? — неожиданно спросила Алла, задумчиво глядя в окно, за которым действительно начиналась вьюга. — Дорога — это всегда тайна. Что движет людьми? Куда ведет их путь? Как только я устану это узнавать, я исчезну.

Алла грустно улыбнулась и потрепала золотистые кудряшки нахохлившейся рядом Марины.

— Ну, что притихла? Ты, как и я, тайна этой дороги. Тебя, как и меня, никто не ждет. Но поверь, каждый, кто отправляется в путь, грезит с надеждой и верой о ниспослании ему божественного чуда любви… Так было и так будет. По крайней мере, очень на это надеюсь. Странно видеть это чудо в руках такого заморыша, как ты, но я-то его вижу, дорогая. Так чего же ты ждешь?

Марина подняла на Аллу внезапно покрасневшие глаза и с мукой протянула:

— Да-а! Но вы же знаете, что может произойти до захода солнца следующего дня-а!

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Алла в ответ лишь звонко засмеялась:

— Ах, вот, что тебя волнует? Значит, он все-таки тебе нравится? Нравится, иначе бы ты не боялась, что, как только ты зажжешь свет, он предпочтет тебе другую.

Она озабоченно посмотрела на столик, сурово сдвинула брови… На столе тут же появилась ресторанная сервировка с дымящейся солянкой, поджаренным хлебом, лоточком с приправами. Аккуратно пересчитав плававшие в густом темно-оранжевом бульоне фиолетовые маслины, Алла сосредоточенно освободила столовые приборы из бумажных салфеток. Сняла колечко со свернутой матерчатой салфетки с вышивкой «МПС России», расстелила ее на бордовом бархатном платье и почти благоговейно поднесла ложку ко рту.

— Это действительно очень важно оказаться в нужный момент в нужном месте, — говорила она, заботливо подливая сметану из судочка в тарелку Марине, с аппетитом уплетавшей солянку. — Сколько раз я видела, как дорога спичками ломала судьбы тех отчаянных женщин, которые все-таки не боялись зажечь свой свет перед любимым. Этим мужчинам, опаленным светом их любви, случайная попутчица в романтическом флере дороги начинала казаться той самой единственной, предназначенной судьбой… Мужчины легко забывают, куда ведет большинство дорог. А случайностям придают слишком большое значение. Они — суеверны и непостоянны. Впрочем, я нисколько не завидую той, которая окажется в нужное время в нужном месте, полагая, что именно ей предназначен ответный порыв на забытый в дороге свет чужой любви. Да… Это все очень напоминает перемигивание огоньков семафоров в ночи…

— Я просто не знаю, что делать, — откровенно призналась Марина с набитым ртом. — Я думала, что куплю эти вещи, сделаю им сюрприз… И тогда уже… А тут такое.

— И все же не надо отчаиваться! Сюрприза не получилось, мы это уже обсудили, — расхохоталась Алла. — Видишь ли, дорогая, я не могу вмешиваться, я не могу ничему помешать. Но ты мне откровенно нравишься. Ох, милая, мне приходится говорить о вещах, которые тебе давным-давно должна была объяснить твоя мамочка. Но раз уж так получилось, ничего не поделать.

Марина вдруг набралась смелости. Отодвинув пустую тарелку, она выпалила высоким срывающимся голосом:

— А вы?.. Вы не моя мамочка?

Тут же поняв, что сказала глупость, она покраснела до слез. Глаза усатой дамы повлажнели. Она лишь отрицательно качнула головой.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Деточка моя, — ласково сказала Алла, доставая из ридикюля старинный металлический гребень. — Тряпочки и блеск перышек — это немаловажно, но самое важное, это свет любви, который скрыт в тебе самой, — говоря это, она начала расчесывать волосы Флика на старинный манер, взбивая кудряшки роскошными волнами. — Да, ты очень многим рискуешь. Дорога обманчива, и даже я не знаю, что ждет тебя за ближайшим поворотом. Но риск — удел благородных натур. Не рискнув, ты так и будешь топтаться на одном месте, забыв, что именно ты — самая главная тайна этой дороги… «Ибо у тебя источник жизни, во свете твоем мы видим свет»! Это Псалтырь, милая. А на что ты тратишь свой свет? Пока, извини, на шалости. Думаешь, я не поняла, что стряслось с проводником этого вагона? Не оправдывайся! Это была неосторожная выходка. Хотя, не скрою, довольно забавная.

Алла снова рассмеялась и достала длинный карандаш в золотом цилиндре и тюбик помады с беличьей кисточкой.

— Закрой глаза! Сейчас я сделаю из тебя Веру Холодную! — приказала она послушно зажмурившемуся Флику. — Когда-то один пассажир ехавший, по-моему, сообщением Санкт—Петербург—Варшава—Копенгаген, рассказал мне красивую легенду о морской русалке, полюбившей спасенного ею принца. Она решила не разлучаться с ним, а для этого ей понадобилось стать человеком. Ммм… Теперь глаза приоткрой и смотри прямо вверх!

— И что? — заинтересованно спросила Марина.

Отстранившись на минуту от Флика и явно любуясь своей работой, Алла продолжила:

— Морская ведьма потребовала отдать ей голос, которым русалка вернула принца к жизни. Печальная история, полная обычного коварства и мужского непостоянства. Теперь, пожалуйста, помолчи, я буду делать губы… Русалка тогда спела своим удивительным голосом какую-то любовную песню. Тебе это ничего не напоминает? Да-да! Она вернула принца к жизни светом своей любви! Только молчи! Она пришла к нему немая, стала другом, не любовью, поскольку первой после спасения он увидел вовсе не ее, а другую… Я так непосредственно переживаю каждый раз, как вспоминаю эту историю… Хотя столько лет прошло, пора бы и привыкнуть…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Алла взяла со столика надушенный кружевной платочек и промокнула им красивые зеленые глаза. Потом, придирчиво посмотрев на Флика, опустила кисточку, которую продолжала держать у самых губ.

— Ничего больше и добавлять не стоит, дитя мое, — удовлетворенно заметила она. — Вот в таком виде и риск не страшен! По крайней мере, нисколько не будет обидно страдать с таким прекрасным лицом. Ну-ну, не расстраивайся заранее… Принц-то ведь тоже всю дорогу просил свою невесту пропеть ему ту песню, которую совершенно не знала его избранница. Ах, да! Я забыла сказать, что морская ведьма предупредила русалку, что если принц все же выберет не ее, то она превратится в морскую пену… Послушай, сколько сходства и совпадений! А если тебе предпочтут другую, то сам мир поменяет лицо и, как всегда, далеко не в лучшую сторону… Как странно… Ты рискуешь за всех нас… И все же рискни, деточка!

— А что стало с той русалкой?

— Она превратилась в морскую пену, но принц все-таки услышал ту самую песню и все понял, — тихо закончила Алла.

— Ага, когда стало уже поздно, — удрученно заметила Марина.

— Бывает и так. Но, дорогая, ты теперь — женщина. Твоя единственная защита в строгом следовании всем законам Природы. Не делай такие страшные глаза! На самом деле ничего сложного в этих законах нет. Как сказал один мудрый человек в наставлении к римлянам: «Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви; ибо любящий другого исполнил закон». Твое предназначение в любви! Учти, что дама всегда должна отвечать своему предназначению. Иначе она — не женщина… Да-да, когда было уже поздно, принц услышал ту самую песню. Отсюда мораль: русалка оказалась настоящей женщиной, ее имя стало легендой, а та, казалось бы, настоящая женщина не сделала ничего! Влезла, простите, не на свою полку, села в чужой вагон! И далеко ли она уедет с принцем, который все понял? Кстати, я тоже очень люблю песни, особенно старинные романсы, нахожу в них глубокий смысл… Все мы, как сказал Брахман, искры единого костра…

Они помолчали. Марине очень хорошо представился большой костер с искрами над ним, разлетающимися в темноте. Алла в задумчивости пробормотала себе под нос, раскладывая карты на накрахмаленной белоснежной скатерти без единой морщинки. Как бы не меняли эти двое маршрут вагона, как бы его не цепляли, только она может отследить дорогу,

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

поскольку куда лучше знает все возможные варианты. Даже прямо сейчас уже догадывается о двух ближайших пересцепках. Поэтому она постарается помочь напутствующим безошибочно выйти к вагону… Но кто может дать гарантии, что их элементарно пустят в вагон?

Неожиданно над их головами заработало радио. Страстный женский голос с тоской пропел:

Мой костер в тумане светит,
Искры гаснут на лету.
Ночью нас никто не встретит,
Мы простимся на мосту…

На этой фразе песня так же резко оборвалась. Алла вздохнула и стала быстро собираться.

— Вот и все, дорогая! Значит, до самой Казани мне ни в коем случае здесь оставаться нельзя, — с нескрываемой озабоченностью сказала она Марине. — Выйду прямо на мосту. Эх, люблю Волгу-матушку! Сама не знаю за что, а люблю! Не провожай меня. Вот как раз проводов и слез я не выношу. Кончилась твоя вольница, эти двое скоро сядут обратно. Не теряй времени понапрасну!

Марина зажмурилась, когда Алла чмокнула ее в лоб, прикоснувшись к лицу надушенной горностаевой горжеткой. Когда она открыла глаза, Аллы в купе уже не было. Однако рядом с нею на полке осталась красивая шляпная картонка. Марина приподняла крышку, уже догадываясь, что там лежит. В коробке была аккуратно упакована черная замшевая шляпка с пушистым страусовым пером, приколотым к тулье крупным топазом…

С коробкой и пакетами она отправилась обратно в свое купе, твердо зная, что надо успеть соединиться со спутниками до большой остановки. Как и ее недавняя собеседница, Марина чувствовала, что все очень скоро изменится. Ногой она постучала в дверь, которая тут же отъехала. Яркий свет из коридора упал на измученные лица Ямщикова и Седого. Они с нескрываемым опасением смотрели на нее и молчали.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Вы простите меня за вчерашнее, — сказала Марина тихо. — Съехала с катушек, не удержалась. Пока плохо вживаюсь в образ. На днях обещаю исправиться…

Седой недоверчиво хмыкнул, а Ямщиков просто сидел и смотрел во все глаза на незнакомую красивую женщину, вывалившую ему на колени коробки и пакеты с пестрым барахлишком. Потом он порывисто вздохнул и принялся тщательно закрывать купе.

Седой озадачено крутил головой в черных очках от стройной платинной блондинки с трогательным, почти детским личиком — в сторону сноровисто двигавшегося по купе Ямщикова. В движениях Григория вдруг появилась кошачья обволакивающая мягкость. Раскладывая гвозди с узлами цветных ниток, быстро накидывая на стены контуры пентограмм мелками, промазывая все щели святой водой, Григорий, будто невзначай старался коснуться тихо сидевшей на нижней полке девушки с пушистыми ресницами. Еще накануне на колени Марины сыпались пригоршни гвоздей и ниток, а на голову — куски мела. Еще вчера локоть Ямщикова мог мимо дум тяжких шарахнуть в глаз или по макушке. Это вызывало лишь понятное непродолжительное раздражение. Никак не истому во всем теле, не догадку, что гвоздик свалился, чтобы теплая мужская ладонь ласково прикоснулась к коленке, а мужские локти, оказывается, так и норовят нежно проехаться по груди. Дескать, в тесноте, да не в обиде.

За тяжким молчанием спутников, за их участившимся сбивчивым дыханием Седой почувствовал, что атмосфера в купе начала неприметно накаляться. Он в темпе наложил заклятия и, опасаясь всяких инцидентов от Ямщикова, весь день подробно пояснявшего ему, как именно он будет убивать Флика, чтобы ненароком не убить окончательно, — прогнал недовольного его вмешательством Григория на верхнюю полку.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Нервы у Седого были на пределе. Ночная встреча с говорящей гадости змеюкой или еще чем похуже — явно превысила бы его скромный ресурс. Но со смирением, граничившим с упрямством, он принялся готовиться к дежурству. Вдруг на его ладонь легла маленькая теплая ладошка. Это было настолько неожиданно, что Седой вздрогнул.

— Не надо, Седой, отдохни! Прошу тебя! — окончательно добил его нежный, переливчатый голосок. — Я ведь задолжала тебе дежурство, а ты так работаешь, совершенно не отдыхаешь… Я так виновата перед вами обоими! Поспите, пожалуйста! А я буду сторожить ваш сон до утра…

Седой почувствовал настоятельную необходимость отдыхать и отдыхать, забыв о всякой работе, чтобы только ему гладили руки эти мягкие ладони и голос, от теплых грудных ноток которого подозрительно заворочался на своей полке Ямщиков, уговаривал бы беречь себя и ни в коем случае не перерабатывать… Благодарно кивнув, он забрался на свою верхнюю полку, даже не посмотрев на сдавленно вздохнувшего Григория.

Девушка осталась внизу одна, освещаемая яркими фонарями казанской платформы и рассеянным светом полной луны. Но вот поезд тронулся, вагон закачало детской люлькой на рельсах, и дыхание ее спутников, наконец, стало ровным и спокойным. Убедившись, что оба они уснули, она, встав посреди купе, подняла правую руку высоко надо головой и, что есть силы, щелкнула пальцами. На секунду в купе полыхнул нестерпимый свет, потом сознание стало погружаться в непроглядную темень…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

РОДИМЫЕ ПЯТНА СОЦИАЛИЗМА

На какую-то долю секунды перед Веселовским полыхнул нестерпимый свет особого момента истины, как только он взял в руки свежий донос, вложенный в папку Потапенко. Постепенно сознание стало вновь обрастать деталями и погружаться в непроглядную темень хитроумно запутанного клубка… Но капитан уже почуял след и не давал себя сбить всякого рода мистическим бредням, старясь не задумываться, что его путеводная звезда — самого крайнего мистического толка. Подчеркнутое педантичным Потапенко красной шариковой ручкой словосочетание «но глаза у него на свету желтые» давало Веселовскому стойкое ощущение азарта скорого финала.

Он любил это удивительное ощущение «момента истины», когда какой-то незначительный эпизод, невзрачная с виду деталь ложились последним элементом мозаики, превращая безнадежный «висяк» в полноценную картину преступления с полной фактурой. В этот момент Веселовский ощущал себя в шкуре всех фигурантов сразу, от терпил до подследственных, в то же время находясь вне самой ситуации. Проще говоря, именно за эти мгновения финального взлета над чужими жизнями, распутанными им из грязного мотка, Веселовский и любил свою работу.

Собрать вещи было минутным делом, а вот выбить командировку для спасения мира во всем мире было несколько сложнее. Но поскольку общий настрой капитана соответствовал Уставу, временные сложности также были

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

вскоре преодолены. Оставалось только определиться с маршрутом. Поэтому последнюю ночь капитан провел в отделе, изучая схемы железных дорог России, сверяясь со старыми картами Сиблага с печатями «Для служебного пользования» и яркими, будто написанными кровью, красными звездами в левом углу.

Едва сквозь вертикальные жалюзи забрезжило жиденькое зимнее утро, Веселовский вывесил снаружи записку с убедительной просьбой «Стучите!» и принялся готовиться к отъезду. Бодро насвистывая, он разделся по пояс и принялся энергично намыливаться возле умывальника в углу кабинета.

— Опять советы стукачам вывесил, опять на работе с самого утра болото разводишь, — недовольно пробурчал майор Капустин, без стука заходя в кабинет.

— Всю ночь здесь с бумажонками просидел, Капустин, а домой уже забегать некогда. Боюсь, они успели на Куйбышевскую железную дорогу просочиться, а там их хрен выловишь, — ответил Веселовский своему отражению в зеркале, тщательно подбривая подбородок.

Невзрачное письмецо, с виду — типичный анонимный донос, какие пачками уничтожали в импортном измельчителе, лежало у капитана на столе, подколотое к схеме предполагаемого маршрута с понятными одному Веселовскому кружками и цифрами.

— Едешь с каким-то огрызком от кочерыжки, Денис, — сокрушаясь, заметил майор, рассматривая письмо. — Барабана твоего чуть в коробку доносов на олигархов не кинули. Видишь, красным отметили это сладкое слово — «олигарх»! Уверен, дали бы добро на разработку этих господ, то никакого Армагеддона не предполагалось бы даже в самых диких фантазиях. Сейчас же происходит все наоборот: фактуру на воров государственной собственности уничтожаем, а на погоню за какими-то желтоглазыми командировочные выписываем.

— Я след почуял, Капустин, поэтому ты меня не собьешь, — ответил Веселовский, растирая полотенцем голую спину. — Хотя мне тоже по утрам кажется, будто нас вдвоем поставили эту хрень сторожить, дабы не допускать к нашему настоящему делу. А чего ты взвинтился с утра? Злишься, что нынче

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

только ленивый в нашу епархию грязной пятерней не тычет, мол, «кто так фугасы взрывает, уроды!»? Я с девчонками Потапенко из отдела утилизации чай пил вечером, так они там чуть не тонну таких писем в измельчитель спустили. Никакой фактуры! Только советы, как надо фугасы взрывать, как удобнее пулять из автоматов по машинам главных российских энергетиков, кому чего оторвать, чтобы все раскололись… Все нынче умные, особенно если имеется возможность анонимно за силовые структуры пораскинуть мозгами. Демократия, ети ее…

— Все-таки при Прекрасном Иосифе Виссарионовиче так не поступали, — продолжал настойчиво гнуть свою линию майор. — С риском для жизни сохранили донос стрелка из Сиблага. Компьютерами не пользовались, все вручную, заметь! И доносы вручную писали, и сортировали вручную, копировали вручную и в папочки подшивали… Как рабы Древнего Рима. Меня еще старики из восьмерки учили: «Человек писал, старался, пытался думать с государственным интересом! Значит, это ценить надо! Процедить каждого барабана от гортани до пяток. Даже если врет, то непременно попутно сообщит массу ценных деталей!» Мы детали ценили, Денис! Мы хватались за любого юного барабанщика! С народом работали! Вдумчиво и серьезно! В принципе, это и есть демократия. А не так, чтобы обвести красным карандашом слово «олигарх» и в немецком измельчителе похерить. Мы с Потапенко уже изматерились по этому поводу…

— Чего ты разошелся-то? Я что ли приказы сочиняю? Хотя, ну их всех на хер, если честно. Чайник поставь, прояви демократизм в отношении младшего по званию, а?

Веселовский собрал туалетные принадлежности в несессер, сунул его в портфель и снял со спинки стула свежую рубашку. Заправляя рубашку в брюки, он примирительно сказал надувшемуся Капустину:

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Ты зря обижаешься, Капустин. Не надо сравнивать тот народ и этот. Помнишь, как наши герои-армагеддонщики говорят? «У каждого Времени — свой Армагеддон, и у каждого народа — свой!» Если бы народ не поменялся вместе со временем, то и Армагеддона не было бы!

— Как у тебя все просто, Денис, получается! — процедил Капустин, вынимая из дипломата батон, круг колбасы, плавленый сыр и пачку чая. — Тогда главный армагеддонщик всех времен и народов — наш полковник Федосеев из отдела внутреннего контроля. Едет на Форде с секреташей, так морда лоснится ярче дальнего света. А как сделает очередную пакость своим же, так поясняет: «Не мы такие, а время нынче такое!»

— Ну, здесь можно поспорить, только шибко мне некогда, Капустин. Здорово, что ты про жратву подумал! — радостно потирая руки, ответил Веселовский вполне миролюбиво. — И сыр с ветчиной? Просто замечательно! Как славно иметь такое демократичное руководство, всерьез думающее о подчиненных.

Не обращая внимания на явное желание капитана подкрепиться на халяву в умиротворяющем молчании, Капустин, по наработанной годами профессиональной привычке, принялся методично давить на жующего Веселовского, почувствовав в последнем готовность прогнуться под батон с плавленым сыром.

— Заходил я тут к Борзенкову больничный подписать. Он сейчас с какими-то учеными работает, которые секреты за границу продают… Ну, о них еще во всех газетках пишут, в каждой по-разному.

— Кстати, хотел тебе про газетки напомнить, — сквозь бутерброд сказал Веселовский. — Надо тебе фактуры — садись и греби вместе с деталями! Сразу видно, какую полосу кто купил и почем.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Да я ведь тоже приказы не издаю, Денис, — печально ответил Капустин. — Так вот Борзенков страшно матерится! Он же старый кадр, как и я. Вся наша выучка на какие-то устаревшие Армагеддоны нацелена… Он никак не может спланировать процесс дознания. Это явно не старые времена, когда Пеньковский рыдал перед следователями в раскаянии, что продал все космические секреты американосам. Теперешние подследственные хлопают на него глазками и искренне не понимают, о чем им Борзенков пытается прокукарекать! Какой там портрет личности, мотивации… Хотя люди-то не сельские трактористы все-таки, как бы интеллигенция наша… Борзенков говорит, что ему застрелиться хочется, когда он в очередной раз слышит: «А мне ведь тоже жить надо!» Скажи, какие могут быть у следователя ответные аргументы? Сразу пояснить до суда человеку, что жить ему вовсе не надо? А что вообще можно пояснить мыслящей амебе, которой, может и жить-то не хочется, но надо?.. По делу одного физика всплыли детали, будь они не ладны, продажи стратегического сырья для программы ториевых реакторов тем же американосам на уровне нашего гребнутого правительства. Заранее такая тоска берет, как только представишь, что вдруг дают лицензию на отстрел, и мы берем среди ночи все это наше правительство, сажаем в воронок… Такое, кстати, ощущение, будто людей туда на трех вокзалах собирали… Так вот, представь, садим мы их всех и начинаем вертушку с допросами. Надолго ли всех нас хватит, если нашему руководству и раскалываться не в чем! Они ни хрена и не скрывают! И на допросах с круглыми, светлыми глазками подтвердят то же самое! Мол, им всем «приказано выжить»!

28.06.1995 Председатель Правительства РФ Виктор Черномырдин (справа) встречает в московском аэропорту вице-президента США Альберта Гора, прибывшего в Россию для участия в работе российско-американской комиссии по экономическому и технологическому сотрудничеству.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Странно, Капустин, что я и сам размышлял на днях об этой особенности, — ответил Веселовский, задумчиво поигрывая зубочисткой. — Истина наверняка где-то рядом с твоей совковой пропагандой… Смотри: первый Армагеддон произошел, по нашим предположениям, из-за денег, то есть жаба у некоторых разгорелась. А второй Армагеддон, грубо говоря, совпал с желанием овладевших идеями масс двинуть под дыхалку этой самой жабе… Так?

— Вроде… так, — неуверенно сказал майор.

— А нынче повестка дня простая, как голая задница! Всем просто надо жить! Или, точнее, «жить надо»! Следовательно, что?..

— Что, Денис? — затаив дыхание, спросил майор.

— Это означает, дорогой, что не только добрый боженька любит троицу, — вздохнув, подытожил Веселовский. — Это означает, что всем нам писец, Капустин. Раз возникла такая настоятельная необходимость жить, причем, исключительно с мотивациями амебы, как ты давеча попал в десятку, значит, скорее всего, жить нам всем осталось не так уж много… В первый раз вместо денег мы получили бумажные пропуска, которые контролирует какая-то «инфляция», а не наша с тобой система. Во второй раз мы получили вместо справедливости — «социальную справедливость», когда вполне допустимо хозяев у собственного амбара расстрелять. Начинает доходить, что мы все получим, раз всем вдруг так приспичило жить? Это конец, Капустин. Почитай, что этот барабан Потапенко отбарабанил!

> *«Дорогие наши товарищи, калининградские чекисты!*
>
> *Где же вы теперь есть и есть ли еще? И как же жить-то без вас в новой России? То, значит, были везде, кругом, а то, вдруг, попрятались. А я хочу сообщить вам, что не могу больше терпеть издевательства и притеснения начальника смены Циферблатова В. И. Сообщаю, что с виду он вроде обычный, но глаза у него на свету желтые как у кота, зрачков нету вовсе. И всю жизнь Циферблатов В. И. ходит в ортопедической обуви. А когда мы все нашей бригадой на рыбалку выезжали, а его брали с собой, то я заметил, что у него правой ноги-то вообще нет! С виду обе ноги присутствуют, а правой нету! Он тогда ноги еще промочил, а спиртом растирать никому не позволил.*

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

А нынче сформировал он при поддержке своего дружка-олигарха Восьмичастного, которому звонит за государственный счет по пять раз на день, экспериментальный прицепной вагон. Из Калининграда до Владивостока. А когда я сказал, что такой вагон на хрен никому не нужен, что это все только проблемы в Шенгенской зоне создаст, вплоть до международных конфликтов, он мне в лицо издевательски заявил, чтобы я катился к едрене фене и целку из себя не корчил.

Так ведь нет, чтобы составить четкое расписание! Как мне без расписания ездить? Как народ сажать, извините за каламбур? Вначале Циферблатов пообещал, что отправимся к Октябрьской железке скорым, а сам зверски распорядился цепляться к пассажирским составам на Московской дороге через Рязань и прочие грязнопупинские выселки.

Я, конечно, покачусь, деваться мне некуда. Но хотя бы при восстановлении вертикали власти на железной дороге, проверили бы, на какие деньги гуляет на свободе Циферблатов В. И.? Снабдили меня кучкой вывесок типа «Камские зори» и спустили на хер с самого Калининграда в рамках развития менеджмента путей сообщения. Клизму новую не дали, мол, пускай электровоз топит. А ведь не май месяц. Будто я не представляю, сколько раз мне систему закозлят до Дальневосточной железки. Бегать с клизмой вдоль вагона — тоже удовольствие ниже среднего, а если теперь еще по всему составу шарахаться, клизмы просить?

Как вы теперь думаете, я до Владивостока без сменщика перебудусь? Мне что теперь, из-за чиновничьего произвола охренеть-не-встать? У них — «реформы», а мне теперь помирать, что я в такие реформы не вписываюсь? Мне ведь тоже жить надо!

Между прочим, в проводниках скоро двадцать лет катаюсь. Нравится мне мое дело, хотя давно предлагали выучиться на поездного электрика. Но привык я работать с людьми. Давно научился самую суть по глазам схватывать. У всех! От бригадира, который зайца прячет, до сменщика, который два комплекта белья спер, не говоря уже о лярвах из ресторана. Я даже когда полотенца новые на две части рвут, заранее это купе по глазам угадываю. Поэтому скажу откровенно, не нравятся мне глаза Циферблатова В. И. Не тянет в них заглядывать. А каково работать столько лет под началом человека, на которого глаза поднять боишься?

Фамилию не подписываю, опасаясь дальнейших притеснений со стороны Циферблатова В. И.»

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Да дурак этот твой барабан! Какое-то «родимое пятно социализма». Сразу видно, что мозги последние пропил! — вяло отреагировал Капустин, отбросив листок. — Хотя… Похоже, что это тот самый прицепной вагон, ты прав. Дату посмотрел? А штемпель Кустаревки… Между прочим, Кустаревка — узловая станция между Московской и Куйбышевской дорогами… Если ему дали вывеску «Камские зори», то явно хотят прицепить к Горьковской дороге… В принципе фактура есть! Но чего так нынче-то рваться в дорогу, Денис? Он все равно никуда не денется и выйдет через Тюмень на сибирские дороги. Я тебе компанию составить не смогу, извини. В лучшем случае в Новосибирске попытаюсь встретить. В любом случае, я Потапенко попросил проконтролировать тебя после Новосибирска. Он там службу начинал.

— А папку сиблаговскую как ностальгическое воспинаминание сохранил? Что-то ты виляешь, гражданин начальник, — сказал Веселовский, надевая дубленую куртку. — Или как раз тебе не надо жить? А может, решил подравняться под «наши тяжелые времена», как полковник Федосеев? Я этот вагон в Новосибирске караулить не собираюсь. На Горьковской линии постараюсь этих сук встретить. Или на Свердловской пристегну. Ишь, цепляться они как попало задумали! Не так все просто у них, поверь. Что-то в самом поезде корячится, чует мое сердце. *Там* все будет решаться. Чем больше

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

думаю над этим, тем больше возникает уверенности, что не зря они потащились по Куйбышевской линии, где сам черт ногу сломит…

— Да катись куда хочешь! Учти, я тебя провожу и сутки буду спать. Это тебе лавры и ордена нужны, спасение мира, то да сё… А по мне — только бы нажраться и выспаться!

— Понятно, как тебя волнуют вопросы судьбы человечества! А чего тогда разводил мухабель с «быть или не быть»? Чего моральки мне на дорогу читаешь, если самому на все с прибором?

— Денис, если честно, от меня вчера Томка к матери переехала. Из-за ночных дежурств… А еще я по ночам стал орать и… царапаться.

— То есть? — в полном недоумении остановился в дверях Веселовский.

— Снится один и тот же сон, будто я царапаюсь в гору, — тоскливо ответил Капустин. — Короче, все время снится, как всем нам приходит долгожданный писец. Ору и царапаюсь. Томку на днях всю исцарапал. Глупо это все, конечно. Поэтому, мне страшно не хочется, чтобы ты срывался именно сейчас. У меня дурные предчувствия, Денис. Все-таки мы с тобой неплохо жили… Общались… Нормально жили, Денис.

— Так и поживем еще, майор! Какие проблемы? — попытался подбодрить раскисшего Капустина Веселовский.

— После этих снов у меня возникает твердая уверенность, что ни хрена нас с тобой жить не оставят. Что-то не то мы с тобой разнюхали в ходе наших следственных мероприятий… А у меня нюхалка не хуже там всяких будет. Мне бы сейчас хоть Томку вернуть… Все бабы — суки и стервы, конечно, но про Томку я всегда знал одно — никому удерживать меня когтями за горло на балконе она не даст! Она всех армагеддонщиков к чертовой матери табуретом положит! В рядок! Так что катись к своим желтоглазым, а я пальцем не шевельну, пока Томка сидит у своей мамаши, которая мне, кстати, тещей доводится… Я тебя за Екатеринбургом постараюсь встретить, до Тюмени. Раньше — никак. А конкретнее — настраивайся на Новосибирск. Мне срочно надо разрешить свой маленький армагеддончик. С Томкой.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

* * *

Прицепной вагон стоял без опознавательных знаков за короткой платформой. Только освещенные окна, в которых можно было видеть закрытые раздвижные двери купе, указывали, что вагон кем-то обитаем. Веселовский, втихомолку матерясь, с трудом спустился с резко обрывавшейся платформы. Путь через колдобины теперь освещал только слабый свет от прицепного вагона. Но двери его были заперты на полном серьезе и, похоже, гостеприимно распахивать их перед секретным капитаном никто не собирался. Оставалось, блин, только скулить и царапаться в металлическую обшивку, как полковник Капустин по ночам царапался на свою стервозную Томку. Веселовский чуть не завыл на луну от отчаяния. Чуть не сутки искать этих сволочей, все-таки найти — и нате! Выкусите! Они, видите ли, всем вагоном баиньки желают, просили до утра не беспокоить.

В этот момент на платформе появились две недовольные сонные бабы в оранжевых жилетах. С сопением они тащили по грязной наледи шланг с тяжелым металлическим наконечником. Веселовский приободрился, поскольку бабы тянули похожий на удава шланг явно к прицепному вагону. Одна полезла ковыряться с наконечником куда-то под вагон, а другая, не обращая внимания на Веселовского, вдруг оглушительно заорала в железную дверь:

— Вы чо там примолкли, суки? Хочите без угля остаться? Контейнеры на платформе, а электровоз ни хрена не тянет, в Арске накрылся медным тазом. Слышите меня? Вымерзнете к Ижевску, как цуцики!

Наконец дверь вагона распахнулась. Из темного проема осторожно выглянул всклокоченный мужик в синем кителе, накинутом прямо на голое тело. Придерживая дверь плечом, он неторопливо застегнул брюки, не обращая

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

внимания на оранжевую бабу и начинающего замерзать капитана. Задумчиво оглядывая окрестности, он пробурчал:

— Правильно, чего им в Арске электровозы не накрывать медным тазом? Стучат, орут всякое… Еще и уголь им с платформы на горбу таскай среди ночи… А у меня ведь тоже личная жизнь имеется.

— Личная жизнь у него! — возмутилась баба. — Я, может, тоже от личной жизни оторвалась. Мне, может, тоже деваться некуда. Посади этого козла и катись за углем, муромой!

Женщина вынула из кармана куртки фонарь и полезла под вагон на подмогу к напарнице, уже пищавшей из темноты что-то вроде «Милка! Милка!».

На нового пассажира Петрович тоже посмотрел без всякого энтузиазма. Застегнув китель, он, тяжело вздыхая, спустился на заметенную снегом насыпь и тоскливо глянул на контейнер с углем, стоявший у края платформы. Рассеянно глянув на паспорт и билет, он равнодушно засунул оторванный дубликат куда-то в задний карман форменных брюк.

— Катись-ка ты в шестое купе, ладно? Там два нефтяника до Тюмени едут… Но они только вещи там держат, а сами с девками из четвертого купе живут. Там и постель имеется… Они и не пользовались ни разу. Извини, белье тебе выдам после обеда. Я ночь не спал, без сменщика я. И вообще… Некогда мне очень. Да! Чуть не забыл! В первое купе не суйся! Все почему-то сразу лезут в первое купе. А там хоть трое едут, но пока никто еще четвертый не приживался.

— Трое? — с напряженным интересом спросил Веселовский.

— Понимаешь, штука какая… Их трое, сам считал. И если баба одна, а мужиков двое, то угадай с трех раз, что тебе обломится? А? — дыхнул Петрович перегаром на пассажира. — А мне приключения к чему? Потом тебя с побоями на морде к бригадиру водить по вагонам на освидетельствование? Да на хрен! Я тоже хочу еще пожить жизнью половой. Ты меня понимаешь?

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

В этот момент к контейнеру подбежал черный мужик в длинном пуховике. Увидав проводника, он крикнул в его сторону:

— Петрович! Это тебя к нашей жопе вчера подцепили? Ну, ты даешь! Ты же, вроде, по заграницам катался, на Калининградской железке?

— Да с начальством я поссорился, Валерий, — веско ответил Петрович. — Проявил принципиальность. Теперь катаюсь в вашей жопе.

— Прости, не знал, — растерялся мужик. — Кстати, утром в буфет заходи! Я для тебя ящик портера оставил! Представляешь, мне сегодня какой-то удавчик приснился, сказал, чтобы я на прицепной вагон ящик пива взял! Гы-гы! Ты сны угадывать можешь? Как думаешь, чему удавчики снятся?

— К удавке, блин, — сказал удрученно Петрович. — Ладно, зайду… Они так спят, они даже сны видят… А тут только расслабишься…

— Ты точно знаешь, что один из них — баба? — разочарованно спросил капитан, о котором Петрович, в раздумьях о жизни тяжкой, совсем забыл.

— Какая баба? Никакой бабы! — отрицательно мотнул он головой, явно ухвативший только последнее слово Веселовского. — Ах, ты об этих… Да, точно баба. Точнее не бывает. Сам в майке видел, — подтвердил Петрович и, покачиваясь, пошел за углем.

Едва раздраженному Веселовскому удалось заставить себя заснуть, ему тут же начала сниться большущая змеюка. Она будто специально дожидалась, пока он устроится на чужой смятой постели, стряхнув крошки от сухарей, пивные пробки и пачку исчирканных кроссвордов. Очевидно, решив, что Веселовский совершенно не контролирует ситуацию, змеюка спокойно перебирала в его голове все секретные сведения, доклады, аналитические сводки и даже обычные доносы сознательных граждан на соседей и работников жилищно-коммунального хозяйства. Особенно внимательно она просмотрела отпечаток разговора с майором Капустиным о целях и задачах ближайшего Армагеддона.

— Вот думаю, служивый, кому из вас услужить, — захихикала змеюка, поняв, что ее застукали с поличным.

— Ты кто? — спросил ее Веселовский.

— Конь в пальто! Я — Священный змей, а не «змеюка»! Идиот! — прошипел змей.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— А как вас разберешь-то? — извинительным тоном ответил ему Веселовский, понимая, что это все, конечно, происходит с ним во сне, поэтому он в любой момент может послать наглого змия куда подальше. — Сейчас никого не разберешь: кто — змей, а кто — червяк подзаборный.

— Как в Польше! У нас тот пан, у кого х… больше! — раскатисто заржал змей, дыша на Веселовского перегаром. — А вообще ты свою маму туда посылай! Гляжу, вот, служивый, думаю. Чью же сторону мне-то принять? А ты сам, вижу, пока не определился… Не боишься в драку-то лезть, если так и не понял, за кого ты-то сам? Я, лично, опасаюсь.

Веселовский судорожно стал припоминать, что ему известно о змеях из мифологии. На ум ничего не приходило кроме какого-то летучего змея то ли ацтеков, то ли майя, который кого-то съел. И, конечно, о том змие вспомнил, ну, про яблоко в Раю.

— Н-да.. Не густо… Я уже изучил. Меня вообще-то Кириллом зовут, — представился змей. — Ну и за кого же ты, служивый?

— Я за все человечество! — веско продекларировал Веселовский.

— Не свисти, — сказал змей матом. — Я тут просматривал твои мечты о раскрытии заговора, новом звании, «Форде-Фокусе» и секретарше полковника Федосеева, извини. Привратников и саров решил с поличным поймать?

— Ты полагаешь, это — нереальная задача? — начал с ходу прокачивать Веселовский змея. — Почему?

— По кочану. Я же не спрашиваю у тебя, почему ты убрал киллера, который шлепнул генерального директора ОАО «Минерал», — ворчливо ответил змей.

— А какое это имеет отношение к данному делу? — обескуражено поинтересовался Веселовский.

— Господи! Видишь ли Ты, как низко они пали? Вот, служивый, лезешь неизвестно в чью задницу, даже не представляя, что там к чему имеет отношение, — усмехнулся змей. — Этот генеральный директор, как ты помнишь, требовал лишь одного — запретить продавать необработанные алмазы за границу, поскольку при минимальной обработке их стоимость

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

возрастает в двадцать раз. А те, кого вы прикрывали, не хотели упустить свои верные пять процентов. И ты помог убить человека, который думал о процветании твоей же, мудак, Родины. А после этого ты искренне полагаешь, что подобные действия никакого отношения к Армагеддону не имеют. Поразительная беспечность!

— Ну… — нерешительно протянул Веселовский.

— Баранки гну! — подытожил змей. — Ты, Мальбрук, хоть представляешь себе, в какой поход на этот раз собрался? Это ведь тебе не сказочка про то, как Сатана, от нечего делать, собачку изнасиловал, а та — мальчонку с тремя шестерками на кумполе родила. Придумают же пиндосы такую херню с перепоя! Здесь ведь Веру непоколебимую надо иметь! Чему вас учил Железный Феликс? *«Чистые руки, холодная голова и горячее сердце»*! Умел же сказать, сволочь! Ладно, не трясись заранее. Дуракам везет, так что, может, все еще и обойдется. За каким-то ведь хреном тебе позволили сюда сесть, значит, ты зачем-то здесь нужен. Лови своих падших ангелов, мешайся под ногами! Ну, прощай покуда, и… спасибо тебе!

— За что? — не понял юмора Веселовский.

— За то, что помогаешь мне сделать выбор, — важно произнес змей. — Я, пожалуй, сделаю свой выбор. На днях.

— Какой? — спросил Веселовский, затаив дыхание.

— Не твое дело, предатель и проститутка, — непримиримо отрезал змей, уползая во тьму.

Веселовский почувствовал, что теперь в его голове царит пустота. Ему казалось, что змей утащил с собою что-то очень важное, но что именно — он никак не мог вспомнить.

* * *

За прицепным вагоном в народе закрепилась дурная слава. Она бежала окольными рельсами впереди составов, к которым его цепляли, далеко опережая продвижение вагона — жуткими слухами. Не сухарики с пивом, не растворимую лапшу и чипсы надо было первым делом тащить к нему на продажу, а мышей, крыс и хомячков.

Пассажиры, кому удавалось вернуться из того вагона живыми, рассказывали, как ночи напролет, почти не пивши, они разговаривали с самим Змием Зеленым по имени Кирилл, как утром из туалета выходил лысый мужчина с

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

кожистыми крыльями за спиной, едва прикрытыми халатом, и дотошно спрашивал каждого из очереди, тыча в грудь когтистым пальцем: *«Который час? А у вас — который? А у вас?»*

И о первом купе тоже разное говорили. То душат там, то кричат благим матом, то женщина оттуда выходит полуголая и всем подряд яйца отвинчивает, то мужик прыгает по полкам с кистенем. Но, в основном, о том, что сектанты в том купе едут, Всевидящее Око ищут, а как его звать — сами не знают. Давно бы им подсказали, да только странные они какие-то. Ну, их. На кой такие — Всевидящему Оку?..

По ночам по освещенному коридору спящего вагона ходил какой-то противный чукча с бубном, пел такие же противные песни. А всем, кто протискивался мимо него в туалет, ласково говорил, ударяя в бубен: *«Бум! Ба-а-альшой бум! Во-о-о какой бум будит!»*

…Командированный из Костромы Роман Евсеевич Цахес утверждал, что спасся из прицепного вагона исключительно благодаря редкому чутью, выработанному в ранние годы сопливой юности в минском гетто. Хотя все, кому он это рассказывал, прекрасно знали, что, скорее всего, чутье он выработал значительно позднее, за десять лет строго режима, которые получил на законных основаниях вследствие присвоения государственной собственности в особо крупных размерах.

Роман Евсеевич рассказывал, что, возвращаясь из вагона-ресторана по прыгающим, скользким сходням сцепок вагонов, он почему-то решил задержаться в тамбуре. Почему-то он решил не ходить сразу в свое четвертое купе. А дверь в вагон была открыта настежь. И в ее проеме Роман Евсеевич увидел эсэсовский патруль, проверявший аусвайсы как раз в их купе. Начальник патруля в черной форме, в фуражке с черепом на ломанном русском спрашивал его попутчиков, где они прячут «юде», то есть его, Романа

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Евсеевича. А в это время два солдата в серой форме перерывали оставленные им в купе вещи.

С собой они почти ничего не взяли. Так, по мелочи. Коньяк армянский в подарочной упаковке, начатый флакон французской туалетной воды и шведскую рубашку в целлофане. Спрятаться Роману Евсеевичу было совершенно некуда. Он уже думал, как побежит от них обратно по вагонам, очень жалел о дубленке, оставленной в купе, и том, что до лета еще далеко, а до ближайшей станции — еще дальше. Но патруль, выйдя из купе, пошел в обратную от Романа Евсеевича сторону, где у прицепного вагона были прочно задраены все двери. Там они спокойно просочились сквозь запертую дверь тамбура у единственного туалета, открытого для посещений проводником Петровичем, и исчезли.

Когда Роман Евсеевич Цахес на нетвердых в коленях ногах вошел в купе, все его попутчики лежали, укрывшись одеялами с головой, и делали вид, что крепко спят. Хотя еще буквально час назад они вместе пили его, Романа Евсеевича, коньяк и дружно, с анекдотами и смехом играли в подкидного. Светила луна, а на полу горкой лежали его разбросанные вещи. Роман Евсеевич присел возле них на корточки и только тогда понял, что ему надо срочно поменять брюки…

Разные составы с разными маршрутами тянули поезд по гудящим рельсам к далекой, неведомой спящим в нем людям, цели. Будто стараясь притормозить неминуемую развязку, вьюги переметали снежными заносами пути. Но с узкоколеек безымянных полустанков выезжали дрезины с усталыми людьми в оранжевых жилетах, и рельсы снова затягивали свою песню. Вагон цепляли к новым составам, и он двигался в лунном свете все дальше и дальше, наполненный теплым дыханием спящих людей, чужими снами и надеждами…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

ПРО КОБЫЛУ РОЗОЧКУ

Ночной ветер трепал полотнища палаток, наполненных теплым дыханием спящих людей, чужими снами и надеждами… Иногда Флик по давнишней привычке просыпался чуточку раньше всех. В такие часы он любил прислушиваться к спящему лагерю до сигнала подъема. Хотя и у него сон перед протяжным призывом рожка чаще всего был самым крепким. Теперь он в своих снах бродил по мелководью в теплой соленой воде, высматривая яркие камешки. Их можно было подержать на ладони, а потом с силой подбросить, чтобы они летели и летели чуть не до самого горизонта, шлепая аккуратными «блинчиками» на серо-зеленой морской глади. Почти всегда перед пробуждением в его снах обычно поднимался ветер, прогонявший его в новую военную жизнь… И Флик с неохотой возвращался, стараясь не оборачиваться на остававшийся позади родной дом с гнездами аистов и камышовыми шалашиками цапель.

Однажды утром его разбудил разговор двух офицеров, остановившихся за палаткой прямо в двух шагах от его топчана. Их лейтенант, господин Бламон де Куиньи, к которому Флик начинал испытывать уважение и признательность, мысленно сравнивая его с лейтенантами других рот эскадрона, вполголоса разговаривал с каким-то Грегом.

— Грег, лучше бы ты продолжал тянуть свое пиво в Алкмаре! Ордонанс от 1 ноября относит драгун к частям пехоты! Ты что, против короля?

— Сколько потерял наш полк в прошлый раз? Пойди и пересчитай ботины в куче у маркитантов. Граждане провинции Лангедок на свои деньги экипировали Септиманских драгун, чтобы прекратить это позорное мародерство… В следующий раз лучше погибнуть всем вместе, чем потом считать такие «трофеи». Ты отдаешь себе отчет, что после восьми лет мира наша армия совершенно не готова к новой войне?.

— Очень надеюсь, что ты никому больше не сказал то, что сейчас говоришь мне! — рассмеялся Бламон.

— Бламон, — продолжил Грег, — помнишь, сколько нас осталось при взятии Праги вместе с полком Дофэне? Нас вообще не осталось! А весной прибыли полки Лангедок и Аркур, потому что даже вольные драгунские роты не смогли набрать пополнения. Все равно при осаде пришлось жрать лошадей. Были бы

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

полегче на подъем — ушли бы! Здесь ведь тоже голод, вот и валит к нам окрестное мужичье… Но кого вы опять набрали? Вечером видел, как из кустов бузины возле полковой ямы вылез настоящий увалень! Просто медведь! На уланскую медвежью шапку он бы подошел, но конника из него никогда не получится. Его же и «норманн» к себе не подпустит! И опять вы начали со строевой подготовки!

— Но так же принято, Грег! — повысил голос Бламон. — Волонтеров во Фландрии, Ганау и Бретани мы начали набирать по примеру полка Дофине…

— Маршал Саксонский уже потребовал, чтобы конница могла произвести атаку на две тысячи шагов самым быстрым ходом с сохранением сомкнутости, — сумрачно заметил Грег. — А каша из кавалерии и пехоты — это тупик, Бламон. На стрелковую подготовку у нас нет времени. Не хуже тебя понимаю важность стрельбы для фланкеров и патрулей. Можно оставить короткие пистолеты… Однако в девяносто случаях из ста эскадрон, полагающийся только на огонь, будет всегда опрокинут эскадроном, атакующим его карьером без единого выстрела. Я в этом уверен, Бламон, потому главное сейчас — подготовка в манеже.

— Я сделал тебе манеж. Это было несложно,— с нескрываемым сомнением ответил Бламон. — Но мужики… Как делать ставку с ними исключительно на холодное оружие? Никогда не поверю, будто мужичье выдержит строй под обстрелом. Это очень рискованно, Грег. Скажи, а что делать кавалеристу, под которым убило коня?

— Угу, добивать врага в пешем строю, — саркастически закончил фразу Бламона Грег. — У Александра Македонского ни винтовок, ни карабинов не было. Зато было то же самое мужичье. Ерунда это все. Ты помнишь, как против нас выходила австрийская конница? Драгуны занимали промежутки между центром, где выступала тяжелая конница кирасир, и легкими флангами из улан и гусар. Все армии увеличивают легкую конницу, Бламон! Ты просто не знаешь, что делают прусаки.

— Да они только парады устраивать могут, —рассмеялся Бламон. — Мы хотя бы ленточками конские гривы не перевиваем, а эти на парады выезжают все в лентах, как цыгане. Не спорю, германцы и прусаки имеют отлично дисциплинированную армию, маневрирующую с необыкновенной точностью!

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Австрийская конница, безусловно, на сегодня — лучшая, но многие говорят, что мы станем союзниками… А вот у германцев и прусаков конница, как и у нас, — тяжелая. Наши «норманны» — букашки в сравнении с жирными бесхвостыми «прусаками» в лентах и флердоранжах! Да и не найдешь среди фландрийцев или фламандцев таких мордоворотов, которых прусаки набирают в конницу на Севере! Это колоссы на слонах! И всех их начинают обучать стрельбе как пешком, так и с коня.

— Да-да, — задумчиво ответил Грег. — В результате получаем нечто тяжелое, совершенно неспособное к быстрым движениям, с кокетливым бантиком возле морды… Неповоротливая масса тяжелых всадников и лошадей… Ходим в атаку малой рысью, чтобы стрельба из пистолетов и карабинов была кучнее… Всех, кого мы с тобой убили, мы проткнули палашами или разрубили саблями. Ты хоть одного пристрелил в своей недолгой, но яркой жизни? Хотя бы в одной атаке? И я ни одного не пристрелил!

— Грег, ты бы хоть при этом посмотрел на себя! — откровенно расхохотался Бламон. — Сам — огромный, как прусский мордоворот, а решаешь почти не заниматься стрелковой подготовкой! Не задумывался, насколько ты — удобная мишень? Прикроешься холкой коня, а что потом будешь делать без стрелковой подготовки?

— Ладно, пойдем, я тебе кое-что покажу! — куда-то потянул лейтенанта Грег. — Бламон, ты должен продумать, как заставить всю эту деревенщину скакать без единого выстрела под огнем противника! Это не мое дело, а твое! Берейтора я из Парижа выписал, новых коней завезли… Учти, Бламон, война началась на долгие годы! Хочешь выжить — послушай меня. Эта война изменит лицо мира, не только Франции.

— Что ты говоришь, Грег! Немедленно прекрати! — не на шутку испугался Бламон.

— Бламон, мы с тобой конину жрали, поэтому тебе я говорю то, что думаю, — ответил ему Грег. — Ты видел новый Ордонанс? Там драгунам ничего не светит, кроме предписаний, какому полку носить пуговицы посеребренные, а кому — витые оловянные. Если было бы можно, то прописали бы марку белил, пудры для париков и количество мушек для офицеров.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Офицеры отошли от палатки, а Флик до сигнала подъема лежал с закрытыми глазами, обуреваемый странными чувствами. Он понял, что видит все, о чем говорит этот Грег. Их лейтенант не видит, а ему и глаза открывать не надо.

Когда Грег говорил о германской кавалерии, Флик вдруг ясно увидел перед собою какие-то холмы, поросшие редколесьем, по которой быстрым аллюром в полном порядке и сомкнутости неслись драгуны в голубых мундирах с разноцветными воротниками, на всем скаку совершая сложные перестроения и эволюции… И за вихрем несущейся конницы Флик чувствовал неторопливый разворот тех самых кожистых крыльев, что, тяжело зачерпывая воду, пытались погубить их с матушкой в далекую страшную ночь. Быстро застегивая мундир, он решил, что жилы надорвет, но будет выполнять все указания этого Грега. Пускай тому никто не верит! А Флик понял, — только Грег знает, как можно устоять перед тем, что несут с собой эти крылья.

С прибытием капитана рота Флика закончила стрелковую подготовку и перешла в манеж. Вначале их обучал вахмистр, затем большинство рекрутов перешли под начало прибывшего берейтора. Корнет и лейтенант занимались с опытными драгунами на окружавших лагерь зеленых холмах. Причем некоторых драгун, после ревизии, устроенной капитаном, вернули в манеж заниматься вместе с новобранцами. И занятия тут же превратились бы в обычный армейский кошмар, если бы за ними внимательно не наблюдал сам капитан Грегори де Оберньи. Грубоватой, беззлобной шуткой он легко снял недовольство униженных драгун, пояснив, что вернули их по его приказу, чтобы эти отчаянные не сломали себе шею в маневрах. Грег заставил приободрившихся драгун не только вновь пройти полный курс в манеже, но и активно участвовать в обучении новичков. Капитан пользовался даже не уважением, а какой-то особой любовью подчиненных, которая редко, но все-таки возникала в армии, если офицер стремился сформировать боеспособное подразделение, а не подчинить себе волю других, не брезгуя средствами. Иногда Грег лично помогал берейтору, демонстрируя драгунам наиболее сложные фигуры. Флик видел, что большинство людей вокруг, не задумываясь, рискнут жизнью ради Грега, поскольку чувствовали, что тот старается сохранить их жизни в будущем.

Одиночное обучение в манеже сразу выявило несколько человек, которых Грег немедленно вернул под начало вахмистра, в команду «кентавров», как их окрестил смешливый лейтенант Бламон. Они строили препятствия, маскировали их пересаживаемыми с холмов кустами бузины. С особой

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

тщательностью Грег приказал подготовить канавы для имитации пересеченной местности. В грязных мундирах, расхристанные, усталые и несчастные «кентавры» проходили с лопатами наперевес мимо гарцующих драгун. Среди них был и Гермин, не оставлявший попыток свести счеты с Фликом.

Постепенно многие «кентавры», перейдя к уходу за лошадьми, почувствовали себя в своей стихии. Они стали основой команды вахмистра, регулируя запасы фуража, чистоту конюшен и коновязей. Только не Гермин. Теперь он, во что бы то ни стало, желал одного — уничтожить Флика. Эта навязчивая идея захватила его целиком. Поэтому когда он увидел, что Флик в одиночестве пытается на своей караковой кобылке отработать препятствие возле силосной ямы, которую заставил его выкопать вахмистр, он, не задумываясь, выскочил из канавы с лопатой на длинном черенке. Скрываясь за кустами, ограждавшими препятствие, он успел добежать к каменной насыпи раньше всадника, перешедшего с большой рыси в аллюр. Что-что, а орудовать лопатой вахмистр научил Гермина хлыстом и постоянной руганью, которую тот слышал и во сне. В удар по ненавистной мордашке с выцветшими кудряшками бывший плотник вложил всю накипевшую обиду на жизнь. Флика спасло только чутье кобылки, успевшей шарахнуться в сторону. Лезвие прошло плашмя, но всадник, не ожидавший удара, выпустил поводья и, нелепо выкинув вперед руки, свалился с лошади прямо на булыжники преграды. Гермин, не выпуская лопату, кинулся добивать застонавшего под откосом Флика. Лошадка, сделав круг, вдруг повернула прямо на Гермина, с отчаянным ржанием пытаясь грудью отогнать взбесившегося «кентавра» от Флика, валявшегося в беспамятстве с залитым кровью лицом. Ей ответили ржанием не только кони, доставленные по приказу Грега, но и «норманны». К преграде тут же повернули два разъезда, отрабатывавшие «en muraille» — рысь в сомкнутом строю. Гермин, увидев несущихся к нему всадников, не раздумывая, треснул лошади, переступавшей с ржанием над Фликом, по обметанной пеной морде. И лошадь, встав на дыбы, всей массой ударила копытом плотника, рухнув грудью на лезвие лопаты, инстинктивно выставленной Гермином пикой.

Подъехавшие всадники увидели Гермина с размозженным черепом, с усилием дышавшую кобылку с рубленой раной на груди и покалеченного Флика в

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

разорванном, залитом кровью мундире. Сквозь пелену, застлавшую сознание, Флик все же слышал, что берейтор предложил немедленно добить лошадь, убившую человека. Он хотел крикнуть, что это неправда, что лошадь его спасала, а ударила Гермина только потому, что тот ее бил лопатой! Флик тщетно старался шевельнуть губами, сил не было даже разлепить вспухшие губы и шевельнуть прикушенным до крови языком. Но он сразу успокоился, когда услышал голос Грега.

— Вроде бы рана неглубокая, пускай живет! Позовите вахмистра, он промоет и зашьет рану! Какого «человека» она убила? Человек будет бить лопатой товарища? Человек будет нападать из-за кустов на своих? — заорал Грег, повернувшись от лошади к берейтору и двум драгунам, с интересом присматривавшимся к огромным черным ботинам плотника. — Уберите эту падаль отсюда и немедленно прекратите эту гадость! Никому из вас не нужны его ботины, слышите? Позовите священника и похороните. Что у нас с драгуном? Вроде бы жив… Надо помочь парню… Подождите…

Флик почувствовал, что теплые пальцы Грега осторожно ощупывают его голову, шею… Потом руки капитана поправили подвернутую лодыжку, с силой дернув за ступню. Боль была настолько неожиданной и сильной, что Флик, выгнувшись, хрипло застонал, выплюнув, наконец, сгустки крови изо рта. Но нога сразу перестала болеть. А капитан дотошно проверял его сустав за суставом… Когда он начал проверять ребра, Флик опять застонал, и тут руки капитана замерли на большой металлической бляхе, вывалившейся из порванной рубашки. Флик хотел взять бляху и объяснить, что это — единственная память о матушке, но капитан быстро сунул бляху в рубашку, прикрыл ее остатками рубашки и жюстокора, тщательно застегнув оставшиеся пуговицы. Резко поднявшись, он приказал отнести Флика в его палатку.

Почти успокоившиеся лошади фыркнули и заволновались, когда со стороны маркитанских повозок послышался истошный женский вопль: «На кого же меня, сиротинку, оставили! Ах, убейте и меня вместе с братиком!» Новости по лагерю разносились молнией, поэтому Флика понесли в капитанскую палатку под громкий плач раскрасневшейся от бега Хильды. От нее пахло костром, луковым супом, тушеной капустой и сыром, поэтому Флик сквозь саднящую боль во всем теле почувствовал сильный голод.

— Боже мой, сколько орущего бабья возле маленького драгуна, Грег! — смеясь, сказал подъехавший лейтенант Бламон. — «Кентавру» здорово повезло, что он не попался этой обозной сестрице. Она бы так милосердно его не прикончила. А сколько шума подняла его кобылка! Лошади у коновязи до

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

сих пор не могут успокоиться. Ты молодец, что не дал берейтору ее пристрелить. Что, решил из своей палатки устроить для этого дамского угодника лазарет? Там же сейчас эта девка поселится!

Грег только неопределенно хмыкнул в ответ и, махнув Бламону рукой, вскочил на коня и помчался широким галопом к холмам, где эскадроны маневрировали сомкнутым строем.

Вернувшись в палатку к вечеру, он обнаружил на своем топчане перебинтованного Флика, которого осторожно поили бульоном, пахнущим травами, девушка в чистеньком чепце и праздничном переднике. Грег почувствовал нечто вроде зависти, но к нему тотчас подошел старый Винсент, служивший еще его отцу, и сказал, что лекарь был, просил не беспокоить мальчика, а его сестра принесла на ужин доброму господину капитану запеченного кролика с капустой и сырными шариками в сухарных крошках. Все вполне съедобно. Заодно девушка перестирала все рубашки и прибралась в палатке. На ночь она уйдет, поскольку какая-то не такая, но с утра опять явится.

— Винсент, ты очень сердишься? — смущенно спросил капитан.

— Вовсе нет, господин, — ответил слуга, сдерживая смех. — Сестра мальчишки принесла вам перину, отобрав ее у своей хозяйки. Поэтому я могу уступить вам свой топчан, поскольку без вас не решился ставить здесь дополнительный. Иначе это сплоченное семейство выгонит нас на улицу. Сестрица пообещала увить всю кобылку лентами из белой тафты, назвать ее Розочкой и молиться, чтобы Господь взял ее в свои небесные конюшни…

— Мы бы тоже, Винсент, не отказались пожить на небесах хотя бы в конюшнях, правда?

— Прошу прощения, господин капитан, но вряд ли нас допустят после ваших кутежей даже в конюшни. Разве что за топчан этому отроку нам найдут местечко в собачьей конуре? — съязвил слуга под смешок капитана.

Едва Хильда, кланяясь попеременно Винсенту и капитану, ушла, Грег тихо спросил Флика:

— Мальчик, ты говорить можешь?

Флик утвердительно кивнул. Капитан пододвинул к его топчану табурет, взял свечу у слуги и приказал ему посторожить у входа, чтобы их никто не потревожил.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Скажи, тебе сестра дала эту бляху? Кто-то у нее оставил эту вещь на сохранение? Ты не помнишь его имени? — шепотом поинтересовался капитан.

Почему-то Флик сразу решил, что господину капитану можно доверять. Он сообщил, что у него еще имеется старинная ладанка с ржавым гвоздем и мотком ниток с узелками. Все это ему давным-давно ему повесила на шею матушка в память о ее дяде Гансе Вейде. Она сказала, что дядя Вейде погиб странной смертью от рук тех, кого не поминают на ночь.

Грег долго сидел молча в глубокой задумчивости. Потом он сказал, что таких блях почти совсем не осталось, поэтому идет война, которая поменяет лицо мира. Он расстегнул мундир и показал в точности такую же бляху у себя на груди. Пристально посмотрев на Флика, он спросил больше себя, нежели подростка с синяком на половину лица и перевязанной головой, — кем же он может быть в будущем тригоне? Флик мало что понял, но страстно хотел быть чем-то полезным господину капитану. Поэтому застенчиво признался, что вообще-то он может разжигать огонь. Всегда. Даже без щепок.

— Значит, нашелся Факельщик, — ласково потрепал Флика по плечу Грег. — Спи здесь, я к лейтенанту де Куиньи пока перейду. Лекарь приказал тебя не тревожить. Ночной горшок под топчаном. Никуда не ходи! Это служба Винсента! Ты меня понял? Теперь и я понял, голубчик, почему за тебя горой все бабы в гарнизоне, включая кобыл. То, что ты зажигаешь, мальчик, называется Светом Любви, его надо беречь. Спи и ни о чем не тревожься…

Капитан вышел. У Флика очень болела голова, поэтому он, совершенно обессиленный разговором, в изнеможении закрыл глаза. Почти сразу же он увидел знакомые холмы и свинцово-голубую массу всадников на распаленных вороных жеребцах. Они неслись без единого интервала, одной сомкнутой линией прямо на лагерь… Еще не было слышно ни звука, но Флик видел, как на обнаженных клинках и палашах с медными эфесами отражается неяркое солнце, почти скрытое низкими облаками. Внезапно центр войска перестроился в два ряда, разворачивая быстрые фланги гусар, над которыми холодный северный ветер крыльями поднял цветные ментики. Мир наполнился конским топотом, скрежетом штыковых ножен, ржанием коней, криками людей и командами унтеров…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Я СВОЮ НАТАЛИЮ УЗНАЮ ПО ТАЛИИ

Всю ночь Ямщикову снились поросшие низким кустарником холмы, по которым надвигалась свинцово-голубая масса всадников на распаленных вороных лошадях. Они неслись в один-два интервала, общей сомкнутой линией прямо на Ямщикова… Внезапно центр войска перестроился в два ряда, разворачивая быстрые фланги гусар, над которыми холодный северный ветер крыльями поднимал цветные ментики…

Проснулся Григорий совершенно разбитым, нисколько не отдохнув, с твердой уверенностью, что эти двое где-то совсем близко. С сосущим под ложечкой чувством, которое всегда раньше возникало при настоящей, серьезной опасности, он глянул вниз, на то, что раньше было Фликом. Трепетное и нежное создание, обещавшее караулить их сон до утра, безмятежно дрыхло на нижней полке, разметавшись во сне. Неяркое солнце освещало девичий овал симпатичного личика, обрамленного светло-русыми волосенками с волнительными кудряшками.

С непонятным самому умилением Ямщиков пялился на ее слабенькие голые ручонки, стройную ножку, высунувшуюся из-под грязно-зеленого одеяла. Потом его очень сильно потянуло пристроиться рядом с девушкой на полку, просто посидеть. Одеяло поправить, помочь устроиться удобнее, проверить, не дует ли на нее из окна… Но главное Григорию отчего-то захотелось немедленно согреть небольшие, почти прозрачные пальчики с перламутровыми, как у младенца, ноготками. До того эти пальчики были крошечными, что они точно должны были все время подмерзать. Внимательно посмотрев на голую, узкую ступню девушки, Ямщиков понял, что и ножка у этой дурочки тоже замерзла. А она

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

спит себе, улыбается… Про себя он даже удивился, насколько трогательными и беззащитными выглядят спящие женщины. До тех пор, пока не проснуться и по чужим карманам шарить не полезут… Он уткнулся в подушку и засмеялся, вспомнив, как эта девушка плакала и кричала, что больше не будет. Будет! Конечно, будет! Еще как будет, тут и сомневаться нечего! Только он теперь деньги в карман спрячет… И притворится спящим… В деталях он представил, как эта девица полезет к нему в карман своими пальчиками, а он поймает маленькую ручонку и спросит ее особенным голосом: «Ну, что же, Мариша? Попросить *по-хорошему* не можешь? Ты попроси меня *по-хорошему*, Мариша!..»

Нескромные мечты Ямщикова, как притянутая за ручонку зардевшаяся Маришка начнет по-хорошему просить его отдать заначку, были прерваны звуком отъехавшей в сторону двери купе и настойчивым стуком в окно.

Притворившийся спящим Ямщиков услышал, как какой-то мужик долбился Финистом в их окно снаружи с протяжными воплями: «Натуся-а! Натуся-а! Телеграмму отбей, как приедешь! Я уж соскучился, Натуся-а! Нельзя же вот так, среди ночи в командировки срываться!»

Казалось, это никогда не закончится. Ямщикову захотелось открыть упакованное на зиму окошко и настучать блеющему козлу по кумполу. Настырный стук Натусиного дятла, казалось, проникал под основание черепушки и вызывал понятное раздражение. Наконец, поезд тронулся, этот чудак с полустанка успел еще пару раз треснуть им в окно на прощание, от чего Ямщиков окончательно настроился против новой попутчицы, спокойно усевшейся на нижнюю полку напротив Флика.

Решив перекурить факт появления нежданной соседки, Ямщиков протер глаза, глянул вниз и столкнулся с пристальным женским взглядом. Напротив Флика, нога на ногу сидела… она. Это была Наташка. Его Наташка. Наталия Семеновна. Кровь двинула Ямщикову в голову, он страшно разозлился на себя, что даже не глянул, кто же к ним садится. Надо же! Лежать и сопеть в

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

одну сопатку, пока эта сука им окно высаживала… Ни одного раза не подправить скулы хмыренышу, к которому от Ямщикова ушла Наташка.

Эх, Наташка! Что мне делать?.. И еще что-то про люстру в той песне было… Точно! «А луна глядит в окошко, словно люстра!» Как она могла! Как могла! Ведь он тогда только на три месяца в командировку в Чечню отъехал, а она тут же нашла этого идиота. «Телеграммку отбей!» Какой же это надо стать смирной овцой, чтобы не отбить этой сволочи печенку? Как? Вот она — старость не радость! Так и не заметишь, как окончательно станешь старым пердуном!

Ямщиков решительно спустился вниз, сел на полку, бесцеремонно отодвинув к стене дрыхнувшего Флика.

— Ну, здравствуй, Натали! — процедил он сквозь зубы глядевшей на него в упор Наташке. — Куда собралася? Не ожидала встретить старого друга? Ну-с, и какому это козлу ты телеграмму отбивать станешь?

— Здравствуй-здравствуй, Гриша! Да тебе-то, собственно, какое дело, куда я покатила? А телеграмму мужу дам, отчего же не дать? Он у меня замечательный! Любящий, ласковый, — женщина улыбнулась одними губами, по-прежнему не отрывая взгляда от Ямщикова. — Ты смотри, а я уж думала, что ты сгинул давным-давно… А он ничего еще, опять куда-то в командировку шарашится…

За спиной завозился Флик, прижатый к стенке задницей Ямщикова. Но Григорий с ненавистью цыкнул на него, и Флик сразу затих.

— И сколь долго мы будем пребывать в вашем приятном обществе? — ерничая, спросил Наталию Ямщиков.

— А разве это твое дело, Гришенька? — рассмеялась женщина и кокетливо добавила: — Или у тебя какие-то планы на вечер?

Флик все-таки вывернулся из-под него и теперь с любопытством рассматривал интересную худощавую женщину с крашенными хной волосами, в шубке из голубой норки. Наталия усмехнулась Ямщикову, как усмехаются женщины, сознающие свою силу и власть над слабой мужской натурой. Флик, то есть Марина, конечно, изо всех сил старалась запомнить,

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

как Наталия Семеновна ломает брови дугой и с улыбкой пристально смотрит в глаза Ямщикову. Хотя именно сейчас Марине было даже представить невозможно, что она сможет так же неотрывно посмотреть Ямщикову в глаза. И вот так резко встряхивать головой, чтобы рыжие волосы рассыпались по плечам, Марина тоже не умела. А ей зачем-то это очень надо было. Именно сейчас. И то, что у нее никогда не получится то, что сейчас на ее глазах завязывалось между Наталией и Ямщиковым, вызывало только одно желание — уткнуться в подушку и завыть.

Фыркнув, Григорий вышел с сигаретами из купе. В ближнем тамбуре возился с углем донельзя довольный, мурлыкавший что-то под нос, Петрович. Увидев Григория, он вместо приветствия встал с корточек и пропел, не выпуская из рук угольный совок:

На тот большак, на перекресток
Уже не надо мне на все парах спешить!
Жить без любви, конечно, просто,
Но только на хер вхолостую жить!

— Ты чего такой, Григорий? — радостно спросил Петрович, прекратив петь. — Гляди, какая погодка чудесная!

Проводник неопределенно махнул рукой в окно позади себя, где вовсю злобствовала серая вьюга с мелким колючим снегом.

— Ты видел, кто к нам сел? — резко перешел к сути Ямщиков. — Я с этой бабой жил три года еще до Чечни, Петрович! Муж у нее, видите ли, теперь шибко ласковый! Я говорил тебе, что все бабы — суки, а ты мне не верил! Вот пойди и посмотри на нее!

— То есть как это она к вам села? — с тревогой спросил проводник. — Я ведь ей сразу сказал в восьмом купе устраиваться. Серафима Ивановна давно просила женщину к ней подсадить, скучно ей, поговорить не с кем… Причем ведь я ее попросил в другие купе не соваться, мол, люди спят еще… Странно это, Гриша.

— Да что странного? — в запальчивости повысил голос Ямщиков. — Говорю же, сука! Тут же нашла какого-то козла! Сидит сейчас, улыбается…

— А твоя-то как на такое смотрит? — перебил Петрович.

— Кто это? — не въехал сходу Ямщиков. — А-а… эта. Не знаю, не задумывался, кто еще в такой дурацкой ситуации за меня переживает. Ей-то какое дело?

— Гриша, ты что? — всплеснул руками проводник. — Мне кажется, что у вас только что-то наклевываться начало, я даже присмотрелся к ней… Решил, что

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

она очень даже ничего… Зачем тебе какое-то старье в прошлом ворошить, Гриша?

— Да присматривайся ты, к кому хочешь, — сказал Григорий, потушив сигарету. — Мне, сам понимаешь, надо расставить кое-какие точки над «i».

— Ты ее любишь? — тихо спросил Петрович.

— Чо, совсем дурак? — в недоумении ответил вопросом Ямшиков.

— Тогда зачем ты это делаешь? — все так же тихо спросил проводник. — Знаешь, явись сейчас ко мне моя бывшая, я бы спокойно ее в восьмое купе отправил и ничего ломать в моей теперешней жизни не позволил. Хотя, спасибо ей большое, особо и ломать у меня нечего, но все равно бы не стал переживать эту лабуду заново. Было — и прошло!

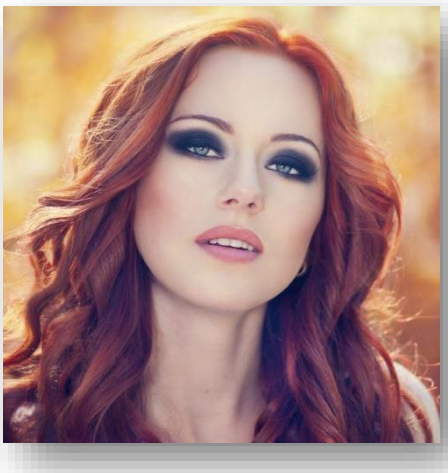
— Только села к нам в вагон не твоя бывшая, а моя! — окончательно решив для себя что-то, отрезал Ямщиков. — Это — судьба, Петрович, а от судьбы прятаться глупо. Давно сделал для себя вывод, что мужики делятся на цуциков, вроде тебя, и собственников, вроде меня. Объяснять разницу долго, да и ни к чему. Но только это — моя баба. Со всеми вытекающими.

Почти сразу за Ямщиковым, вернувшимся из тамбура, в купе влез Петрович, грязной тряпкой вытирая руки от угольной пыли. Он бесцеремонно уселся рядом с Наталией, вдумчиво проверил билет, а за постель попросил дать без сдачи, терпеливо ожидая, пока она найдет сорок четыре рубля мелочью в объемистом ридикюле.

— Здесь вам с двумя дамами шибко жирно будет, — сказал он, не глядя на вспыхнувшего Григория. — В восьмом купе бабушка едет, божий одуванчик… Ведь сразу сказал вам идти в восьмое купе. Предупредил, что люди спят. Потом вас вылавливай во всех купе… Шустрая вы дамочка, оказывается.

— Восьмое, так восьмое, — гордо сказала Наталия Семеновна, жестом останавливая Ямщикова, попытавшегося вставить за нее словечко.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Петрович вышел, и Наталия Семеновна, обиженно поджав полные губы, принялась медленно собирать уже разложенные вещи. Собственник Ямщиков, сидя на одной полке с мрачно глядевшей в окно Мариной, только попискивал, как цуцик:

— Наташ, да ты что? Что ты его слушаешь-то? Оставайся! Никто ведь не возражает!

Наталия с глубокими грудными вздохами еще более замедлила сборы. Она возилась бы до вечера, если бы неожиданно не вмешался Седой. Приподнявшись на локте, он тихо, но твердо сказал прямо в лицо стоявшей посреди купе Наталии Семеновне:

— А ну-ка, пошла отсюда, шалава наглая! Тюти-мути тут еще разводит! Ей проводник сказал в восьмое купе отправляться, так она сюда лезет! Здесь и без тебя дышать нечем!

Ямщиков и Марина с удивлением уставились на Седого, о котором решительно забыли в процессе мучительных душевных переживаний, вызванных появлением новой попутчицы.

— А зачем хамить? — попыталась быть гордой Наталия Семеновна.

— Ну ты уж вообще, Седой! Как-то нехорошо получается, — растерялся Григорий.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Ты, Ямщиков, немедленно заткнешься и попытаешься работать головой! А ты — пошла вон отсюда! — безапелляционно приказал Седой, подкрепив слова довольно грубыми жестами.

Наталия вышла, резко дернув дверь, Ямщиков посмотрел ей вслед каким-то скучным, собачьим взглядом.

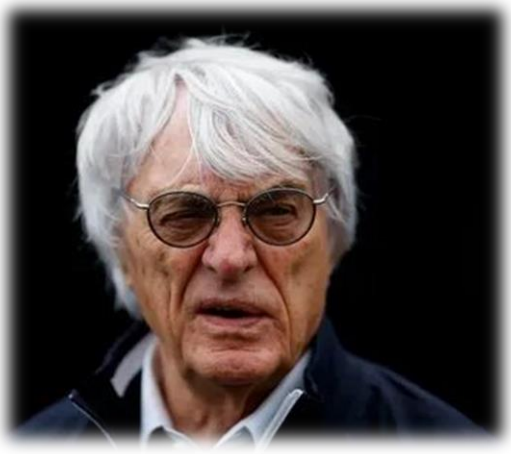
От происходящего вокруг Марине было не по себе. Хуже всего, что она снова начала жалеть, что теперь уже только женщина. Что-то не соглашалось внутри с этим взглядом Григория, из-за которого ей было до слез обидно чувствовать себя глупой и беспомощной.

Седой спустился с верхней полки, будто невзначай болезненно пнув Ямщикова в лодыжку. С шумом принюхиваясь своим костистым носом, он произнес странную вещь, от которой Марине стало еще больше не по себе:

— Это сама Ложь к нам пожаловала… Сладеньким пахнет! Тлением! И такой белесой пудрой, как на чумных мертвецах… И от тебя, Ямщиков, уже идет слабенький запашок… Похоже, наш Факельщик прав, я теперь даже их чую!

— Да что ты врешь, Седой? На публику работаешь? — зло сказал Григорий, которого уже вовсю понесло. — Так скажи прямо, будто и от Наташки так пахнет! А потом попытайся пояснить свое собственное заявление о том, как ты нюх потерял. Чего ты Флику честно не скажешь, что ни хера не чуешь с момента посадки? Решил из этой вот матрешки — Факельщика воспитывать? Развивать педагогически в бабе всякие иллюзии и фантазии? Только мне не надо больше шаньги мазать, лады? Для начала сам разберись, когда ты врешь, а мне без надобности.

— А вот тут ты здорово ошибаешься, дорогой! — саркастически заметил Седой. — Я отрицать не стану, что с нюхом у меня были большие проблемы… Отчего бы Флику заодно не сообщить, из-за чего у меня такие проблемы возникли. Чего замолчал? Расскажи, как под руководством двух полковников кровью крестился! Ты этой ночью дрых без задних ног. А между тем в нашем купе среди ночи что-то полыхнуло. Свет был какой-то… Что даже я видеть

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

немного начал. Неважно. В этот момент всю защиту купе пробило — посмотри на обрывки ниток! Факельщика я не виню! Уверен, что мы все вечером сделали правильно. Это было нечто странное… Будто источник света оказался прямо в купе. Здесь еще надо головой над таким фактом поработать, крепко поразмыслить. Марина свалилась без памяти, а я в этот момент почувствовал, как ко мне нюх возвращается. А это такое… Откуда тебе знать, что это такое?.. Сам себе удивляюсь, как такой кошмар пережил. Скорее всего, мне так нюх возвратили. Для работы, конечно. Уверен, другого способа, после твоих выходок в спецназе, не было. Значит, ценят наши общие усилия! А ты со всякой мухабелью лезешь, уже весь в какой-то дряни вывозился…

— Да полно мифы и легенды рассказывать, Седой! — с нескрываемым недоверием прервал его Ямщиков. — Да-да! Тут же выясняется, что ему как раз накануне застарелый гайморит подлечили с фейерверками, салютами, танцами живота и стриптизом. Заодно удалили без наркоза и чуму XXI века — геморрой, кариес и аденому простаты. Ну, и гад же ты, Седой! Вот как мне сейчас к Наташке подкатывать? И перед Фликом заложил… Чувствую, вам обоим не терпится испакостить мне последние деньки на свободе. Вы-то накануне посадки появились, ни жизни за вами, ни памяти… А какие сволочи оказались на проверку? Маринка решила деньги стянуть, чтобы я одну растворимую лапшу жрал перед смертью, а ты — чтобы я тут с вами окончательно сдвинулся… Отвечу тебе, дорогой, твоим же любимым девизом: «Не дождетесь!»

— Какую-то дрянь она здесь бросила, — не обращая на него внимая, пробормотал Седой, поводя своим ожившим румпелем. — И от тебя явно пахнет! Ты, Ямщиков, либо сидишь с нами, либо… не знаю, что я с тобой сделаю!

— А ни хера ты со мной не сделаешь! — ответил Ямщиков, хлопнув дверью.

* * *

…И к чему всю дорогу Седой долдонил им о дисциплине и субординации? Никакой дисциплины сразу не стало после заселения Наталии Семеновны в восьмое купе. Да и конспирация ихняя сразу стала ни к черту. Отмахиваясь от увещеваний Седого, Ямщиков целыми днями начал пропадать в восьмом купе. Несмотря на настойчивые намеки Григория, Серафима Ивановна явно не

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

желала оставлять его наедине с Наталией Семеновной, поясняя, что ей надо успеть довязать носки с длинной цветной резинкой. Так они и сидели сладкой парочкой рядом, прижимаясь друг к другу, слушая бесконечные рассказы Серафимы Ивановны о детях и внуках, разгадывании снов и грядущем Конце Света.

Проходя мимо предусмотрительно распахнутой Серафимой Ивановной дверью предпоследнего купе, Марина видела, как Ямщиков смотрел на Наталию Семеновну. Никого он уже вокруг себя не замечал, ничего не помнил. А Наталия Семеновна громко, на весь вагон заливисто хохотала. И почему-то Марине надо было обязательно пройти мимо, стараясь встретить этот взгляд Ямщикова, пусть и предназначавшийся уже совсем другой женщине…

В вагоне появился новый противный мужик. На вид он был очень даже ничего, но весь какой-то… озабоченный. Он, как и Марина, тоже неприкаянно бродил по коридору, стараясь заглянуть во все купе, не только в восьмое. И очень часто звонил кому-то по мобильному, без конца приставая к Петровичу с просьбой зарядить мобилу.

В купе к Серафиме Ивановне идти теперь было нельзя, а при новом пассажире Марина оказалась лишенной даже коротких прогулок в ближний тамбур. Она бы с удовольствием посмотрела, как загружает титан сочувственно вздыхающий Петрович. Теперь он разрешал ей глядеть на желтые языки пламени, специально раздвинув металлическую ширму перед топкой.

Новый пассажир выходил в тамбур сразу же, как только она устраивалась перед огнем в нарушении пожарной безопасности. И от его пристального взгляда Марина чувствовала себя мухой, по несчастью попавшуюся в вязкую, прочную паутину.

Анна шепотом сказала ей у туалета, будто Петрович всех видит насквозь, будто он увидел, что новый пассажир из ментовки, ну, или из других органов. Много их нынче развелось, а толку никакого. Петрович просил передать, что этот чекист точно их «пасет». Поэтому, если они чего везут недозволенного, пускай лучше сразу

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Петровичу отдадут, он в тайнике холодного склада спрячет. У него там уже нефтяники что-то прячут.

Анна вся светилась желанием помочь, тем особым душевным порывом переполненного счастьем человека, которому хотелось бы, чтобы вокруг нее были счастливы все без исключения. Глядя на нее, ставшую почти хорошенькой, Марина не смогла сдержать слез. Она сказала Аннушке, что новый пассажир их явно с кем-то перепутал. Стволов у нее для Петровича не было, но сил терпеть это все — тоже… В этот момент в восьмом купе громко рассмеялась Наталия Семеновна, и Марина закрыла лицо руками. Анна заботливо обняла ее за плечи так же, как невыносимо давно ее так же обнимал Ямщиков.

За плотно запертой дверью пятого купе Марина почти не чувствовала движения. Иногда она настолько теряла всякую уверенность в себе, что ей начало уже казаться, будто все это — чушь собачья. Просто она такая идиотка, что ничего не помнит из собственного прошлого. Ей становилось вдруг не по себе, что она едет куда-то в прицепном вагоне с двумя незнакомыми ей мужчинами. Конечно, только такое ничтожество, как она, могла дать себя увлечь ветреному Ямщикову… А он теперь на нее даже не смотрит. Только сидит и улыбается, глядя на хохочущую Наталию Семеновну.

Но так она думала только днем. Как только садилось солнце, она начинала видеть. Она видела шевеление странных крыльев в пятом купе, кольца сворачивающего кармические круги змея за спиной Петровича, видела огромную гору, покрытую снегом и лесом, где стояло большое конусообразное сооружение. Под завывание вьюги множество народа там камлали против них. И чем ближе они продвигались по направлению к горе, тем громче становились голоса странных людей, беспечно предавших свою природу…

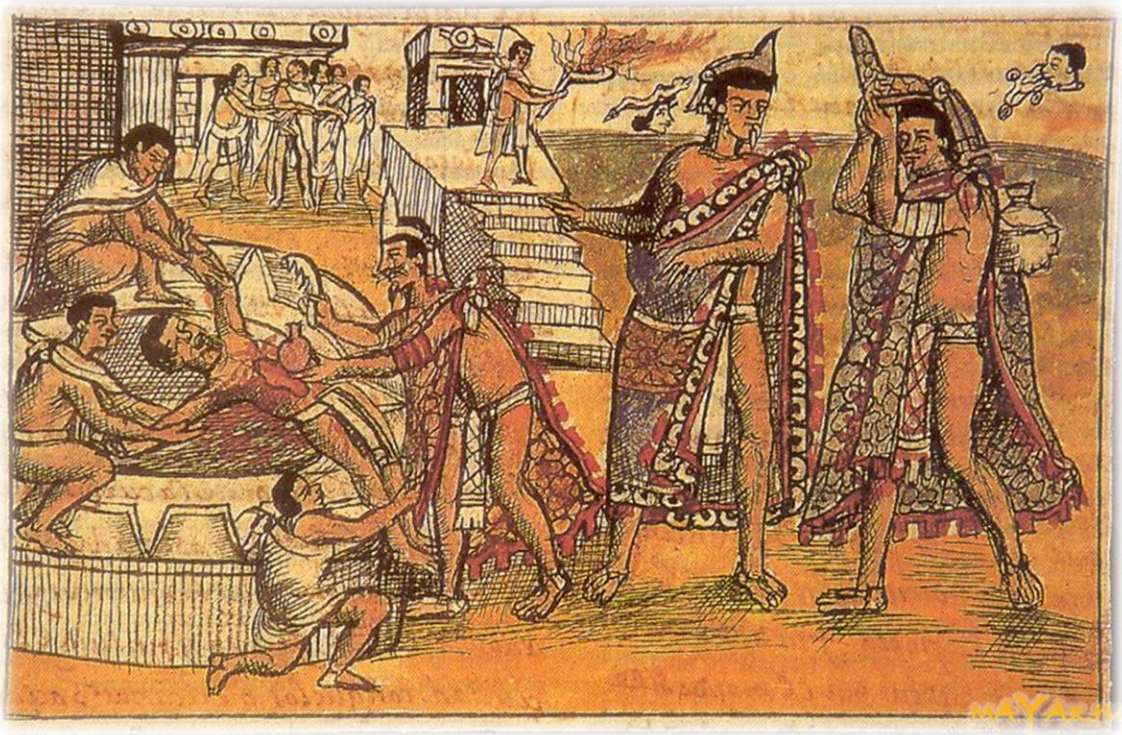
©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

В возвратившийся нюх Седого Марина поверила сразу, поскольку Седой извинился перед ней за то, что с самого начала не поверил ее сообщению о пятом купе, сославшись на паскудное влияние Ямщикова. Извинения были настолько не в характере Седого, что Марине в очередной раз стало очень страшно. Ямщиков оставил их совершенно без защиты, все больше пропитываясь сладковатым трупным запахом, от которого у Седого начался изнурительный сухой кашель.

— Это и есть то, чего я больше всего боялся, — сказал ей Седой, когда Ямщиков в очередной раз хлопнул дверью купе. — За ним пришла Ложь и заявила на него свои права. Не могу не отметить единственный положительный момент происходящего: Серафима больше не таскается по всему вагону. Удивительно, но свое дело она знает. Не переживай, Флик, это бессмысленно. В сложившейся ситуации мы с тобою полностью лишены маневра. Давай-ка, пока подобьем бабки. Итак, что эта бабка наплела тебе по поводу жертвоприношений и Ока Бога?.. Что нам пробарабанил источник «Серафима-1»?

Марина тихо сообщила всю тщательно отфильтрованную информацию, выданную ей Серафимой Ивановной до заселения в вагон Наталии Семеновны.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Жертвоприношение человека во все времена считалось высшим ритуальным актом, увенчивающим иерархию прочих жертв. Само ритуальное расчленение жертвы — символизировало акт Сотворения мира. В частности, источник Серафима-1 сослалась на какой-то мотив некого русского стиха из «Голубиной книги», где описывалось, как из тела первосущества (предположительно Бога или Адама) творится весь мир в следующей последовательности: из лица — солнце, от груди — месяц, а все сословия — из частей тела Адама и т.д. Таким образом, акт сотворения нового мира непременно увенчается человеческим жертвоприношением. Единичным или множественным.

Космогоническому акту близок по символике и строительный смысл жертвоприношения. В этом случае жертва необходима для успешного завершения строительства нового дома или вместилища, крепости и т. п. По дохристианской, традиционной картине мира считается, что человеческая жертва воплощает образ мирового древа, центра мира и космической оси: на жертве, добровольно принесенной у основания мирового древа, стоит весь мир. Именно поэтому повторное привнесение насильственной человеческой жертвы у Нижних Врат (как правило, Врата символизируют некий столб), — является попыткой опорочить, принизить жертву мировому древу, которая являлась добровольным актом подвижничества и монашеского подвига.

Человеческое жертвоприношение призвано обеспечить нормальный взаимообмен с миром сверхъестественного, существенно «обновить» и упрочить новое, формирующее по иным законам мироздание в целом.

Жертвоприношение называлось мольба, жертва, а так же — братчина. В этом случае особое значение приобретает само название приносящих жертву. Лучше всего, если они будут называться каким-нибудь «братством», а при самом жертвоприношении называть друг друга «сестрами» и «братьями».

— Или просто, — братишками, — с горечью заметил Седой совершенно некстати. — Что там известно про Око?

Про само Око источник Серафима-1 предпочла не распространяться, опасаясь сглаза. Источник лишь сослалась на заветы предков, беречь родную землю как зеницу Ока, подтверждая предположения других источников, что если ставится вопрос о самой зенице Ока, то Армагеддон можно считать проигранным. Далее источник употреблял исключительно более обтекаемое выражение — Глаз. В аксиологии источника

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Глаз наделяется высшей оценкой. По представлению источника, это — орган зрения, при помощи которого можно воздействовать на окружающий мир и людей, главным образом, отрицательно. В системе этих представлений Глаз не только соотносится с внутренним миром человека и считается вместилищем души. Источник искренне верил, что в момент смерти душа выходит из тела через глаза. Аномалии глаз (косоглазие, сросшиеся брови, слишком длинные веки, отсутствие ресниц, краснота, перевернутое отражение в зрачке и др.), подобно другим телесным недостаткам, трактовались им как знак принадлежности человека к демоническому миру.

Кроме того, источник сообщил, что имеет жесткое табу на вязание носок в пятницу, поскольку от этого действия глаза засоряются и колются предположительно святой Параскевой Пятницей. Всем, кто не соблюдает данный запрет, «матушка Прасковея» непременно засорит глаза куделью.

Открытые глаза покойника воспринимались источником как предвестие еще одной смерти. Поскольку именно через открытые глаза покойного несущие смерть «высматривают» нового покойника. В родных Ванюках источника Серафима-1 на Троицу ходили на кладбище всей деревней обметать могилы, полагая что «прочищают глаза у родителей», а по вечерам жгли на могилах свечи, чтобы покойникам «там было все видно».

— Не густо, но, за неимением других источников, и этот сойдет, — проворчал Седой замолчавшей Марине. — А ты заранее не вешай нос! Я все равно верю! Пусть Боец у нас нынче показал себя отъявленным мудаком, но что-то в этом раскладе должно возникнуть… Лазейка должна быть!

На третий день этого кошмара Ямщиков впервые даже не подготовил их купе к ночи. Седой с Мариной молча начертали пентаграммы и разложили гвозди. Ямщиков в это время, повернувшись к ним задницей, бесцеремонно рылся у нее в косметичке в поисках дезодоранта. В купе он ненадолго зашел уже чисто выбритым. Поменяв рубашку, он, ничего не сказав попутчикам, решительно направился в дальний тамбур.

Марина посмотрела в непроницаемые темные очки Седого и опустила глаза. Седой равнодушно приказал ей заканчивать подготовку без него, а сам отправился куда-то в конец вагона, видно, по надобности. Сил вынести еще что-то у нее уже не было. Обливаясь слезами, Марина упала на свою полку. Боже мой, какой же горькой оказалась ее никому не нужная любовь… И сердце ее разрывалось от беспричинной жалости к себе и еще какого-то сладостного, мучительно щемящего чувства…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

НА КОЙ ПРОКУРОРШАМ МУЖИКИ

Сердце Пирогова Льва Борисовича, того самого красавца, встречавшего утром прокуроршу у вахты, разрывалось от беспричинной жалости к себе и еще какого-то непонятного щемящего чувства, когда он осторожно вошел в темный конференц-зал ФПГ «Местнефть». Однако только он рукой нашарил рубильник, прикрытый небольшой панелью с крошечной индикаторной лампочкой, как из глубины зала раздался свистящий хриплый голос главы ФПГ господина Восьмичастного:

— Не включай свет! Сядь и не суетись!

Лев Борисович сел, щурясь в непривычной после ярко освещенного коридора темноте. Он пытался определить, где же сидит в раздумьях его шеф, как шепот Вильгельма Бенедиктовича раздался в непосредственной близости, прямо за его спиной:

— Как же ты меня подвел, Лева!

В голосе было нечто такое, от чего Лев Борисович не решился оглянуться на господина Восьмичастного, а только жалко поник головой. Естественно, сейчас прокурорша явится арестовывать генерального директора из-за безобразной сцены, разыгравшейся в приемной. Его доля вины есть, конечно, но все-таки можно было не доводить дело до…

Лев Борисович в недоумении пожал плечами. Никаких недочетов со старухой он не видел, бухгалтерия отрапортовала о готовности к проверке — какие могут быть недочеты? Он смонтировал отличный фильм, разослал по всем

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

каналам и рассчитывал, что в конференц-зал его пригласили для благодарности и дальнейших указаний, а не для разносов по поводу того, что в его обязанности входить не может. И вообще, если бы шеф меньше злил руководство области и федеральных представителей явными закидонами, то и таких непоняток не происходило бы.

— Это какими же «закидонами» я кого-то разозлил? — поинтересовался у него Восьмичастный. Лев Борисович уже привык, что некоторые вещи, касаемые исключительно его лично, Вильгельм Бенедиктович каким-то образом слышит из головы, поэтому давно привык в рабочее время размышлять о начальстве корректно. Но не в этом случае.

— Вильгельм Бенедиктович! Для какой цели, к примеру, надо было покупать зарубежный футбольный клуб? Виолетта вам готовила обзор прессы — никто про такое хорошо не скажет! Футбол начал объединять общество, рождать в нем пусть жалкий, но все-таки патриотизм. А патриотизм — это прерогатива государства. Зачем было лезть в государственные интересы? Любому топ-менеджеру понятно, что несколько тренеров с мировым именем обошлись бы гораздо дешевле, можно было создать несколько отечественных клубов, вроде этого!

«Что за черт?» — сказал себе Лев Борисович в качестве психологического мониторинга, но попытался продолжить речь связно и логично:

— Яхты эти, курорты, дворцы за рубежом… Я в принципе не возражаю… Трудное детство, то да сё… Черт! Но вывозя полмиллиарда долларов, вы показываете всем недоброжелателям, что деньги попросту отсосаны неприбыльными дочками. Мне эта прокурорша, знаете, что сказала по телефону? «Если твой шеф умеет честным путем заработать в России полмиллиарда, то он ни за что бы не удержался и сделал бы из них в России

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

же, судя по динамике роста его доходов, через год два-три миллиарда баксов. Раз вывозит — значит, он умеет только воровать».

— Долго объяснять, Лева, — прошептал почти в ухо шеф. — Тем более, что все равно тебе сейчас мною становиться придется. Сейчас на все твои насущные вопросы отвечу и твоей подружкой займусь.

Лев Борисович уже не успел удивиться такому безапелляционному заявлению, поскольку, еще высказывая нелицеприятные вещи, почувствовал странную пустоту и легкость в голове. Еще он почувствовал себя словно в ловушке, когда понял, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Никакой физической боли он не ощущал, но в нем вдруг забилась и неукротимо завыла от нечеловеческой боли та крошечная часть его высоко развитого интеллекта, которую он полагал чем-то вроде совести, и всегда умел заставить ее замолчать…

Из конференц-зала Лев Борисович вышел вместе с господином Восьмичастным. Вильгельм Бенедиктович чувствовал себя неважно, поэтому секьюрити бережно поддерживал его под руку. Вильгельм Бенедиктович ощупывал свое лицо с такой гримасой, будто у него невыносимо болели зубы. Лев Борисович, напротив, чувствовал себя неплохо, хотя черный бостоновый костюм от Кардена сидел на нем несколько мешковато.

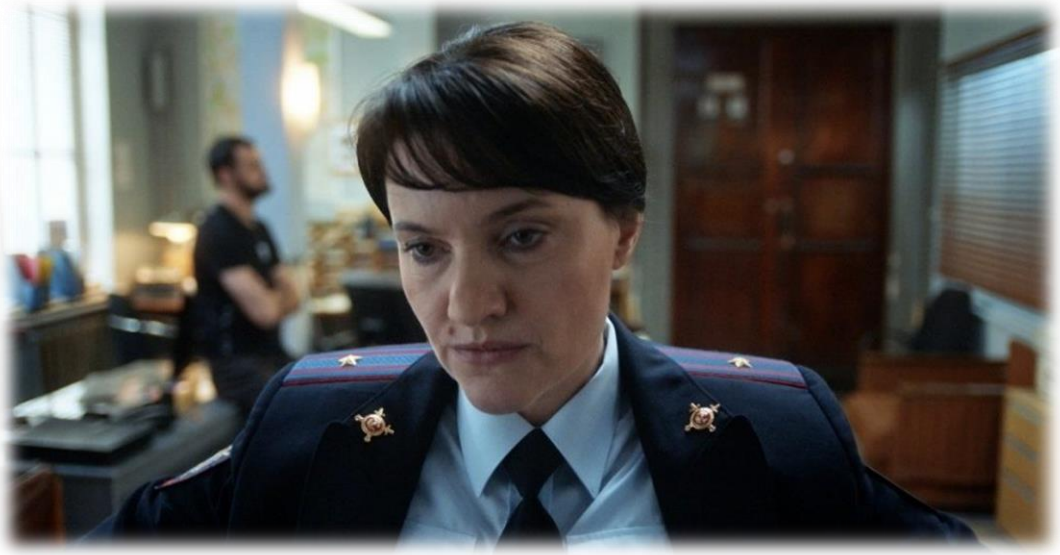
* * *

— Лен, так если ты говоришь, что они на тебя напали, тебе надо не домой ехать, а в прокуратуру, быстро протоколы заполнять и арестовывать всех к чертовой матери! Я, конечно, все подпишу, как свидетель, но их сразу брать надо было! Может, я чего не понимаю в ваших делах, но ведь завтра все они отопрутся! Еще и заяву на тебя накатают, что ты их за здоров живешь «черемухой» опрыскала, — сказал Лене Венька Сухов в газике, когда машина остановилась у ее подъезда.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— И они ничего об этом не скажут, и я про это ничего не скажу, — твердо ответила Елена, открывая дверцу машины. — Успокойся, я их обворовала.

— Кто бы сомневался, Ленок! — с облегчением заржал Венька.

Машина уже отъехала, а Лена все возилась с цифровой защелкой на двери подъезда. Вдруг прямо на нее из сугроба, наметенного возле кустов сирени, выпрыгнул страшный, лохматый человек небольших размеров.

— Совсем спятил, да? — ворчливо спросила его Лена. — Напьются, сволочи, потом прыгать начинают!

— Я сють зопу не отмолозил, пока тебя, девка, тут здал, — с укоризной ответил ей человек, отряхиваясь от снега. — Сё хоть того музика из масинешки с собой до утла не взяла?

— Веньку, что ли? — с преувеличенным негодованием спросила Лена. — Больно он мне нужен!

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— И-их, дула! — устало сказал мужчина, легко справляясь с замком на подъезде, — все бабы знают, для сего им музики, только плокулолси не знают… Щас он напьется у себя в обсезитии и плодлыхнет до утла, а нам бы щас он так сгодился, так бы сгодился… За мной иди, дула, тихонько… Ладно, если они в квалтиле здут, а то ведь и на лесенке слёпнуть могут…

Враз обострившиеся прокурорские чувства подсказали Лене, что старичок диковатой наружности нисколько ее не обманывает. В груди похолодело, а под желудком возникла такая же пустота, как в тот день, когда она в рамках режима усиления обшаривала подвалы домов в Желтовском районе вместе с СОБРовским взводом. В одном из домов они наткнулись на цыганский склад ворованного у государства и граждан, наркоты и оружия в тот самый момент, когда пять здоровенных субъектов и несколько ихних противных баб перетаскивали все в УАЗик, чтобы перевезти свое добро на новое место. После вынужденного веселья того вечера — благодарность в рапорте и премия в пятьсот шестьдесят рублей воспринимались прямым издевательством.

В подъезде было совершенно темно. Старик, начал осторожно подниматься наверх, нашаривая стенку с облупившейся масляной краской правой рукой. Левой рукой он прижал Лену к стене, легким похлопыванием по кителю разрешая сделать шаг за своей спиной, точно так же, как Венька Сухов, когда они шли с ним в квартиру на улице Маршала Василенко брать стрелка из берданки, спятившего от безработицы и недоедания.

Перед ее квартирой старик остановился и, наклонившись к самому лицу Лены, обдав ее запахом лука и парного молока, одними губами прошептал:

— Девка, а двель-то у тебя отклыта! Они, однако, в квалтиле сидят! Сто делать будем? Мозит, свалим к едлене-фене?.. Ладно, ты здесь сиди тихо, в угол к баталее плизмись! Сам сисяс лазбелусь! Ты молси и не дысы дазе!

Вынув из-за пазухи какой-то предмет, металлическим блеском сверкнувший в мутном свете луны, и повесив его поверх оленьей куртки, старик осторожно снял заплечный мешок. Неслышными движениями он достал из него какое-то блюдо и короткую палку. Сунув Лене мешок на сохранение, он прошептал:

— Делзи клепко!

Потом вдруг выпрямился во весь рост и на весь подъезд завопил:

— И-я оё-хохо! И-я оё-хохо!

Это самое «хохо» он подвывал на три октавы ниже, сопровождая каждый слог гулким ударом палки в блюдо.

«Мать чесная! — подумала Лена. — Это же у него бубен!» На минуту Лена с ужасом представила, что уже завтра на НТВ будут рассказывать, как она, естественно, пьяная в дупель, в мятом кителе, приперлась домой с северным шаманом и цинично устроила дикие камлания в подъезде для поддержания

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

своего дешевого авторитета. Вцепившись в мешок, прокурорша прижалась к стояку центрального отопления и зажмурилась…

Из-за двери ее квартиры донеслось странное пощелкивание и шипение. Потом дверь скрипнула и кто-то выполз на голос шамана. Лена твердо решила ни в коем случае не открывать глаза, потому что по слуху поняла, что этот выползень запросто забрался на потолок непосредственно над шаманом, выпрыгнувшим на нее из сугроба. Только теперь, после всего этого гадкого дня до Лены дошли, наконец, слова покойной мамочки: «Лена! Я ведь тебя не для прокуратуры гребаной рожала, корячилась, до ушей вся порвалась! Что ты за дура-то, Лена?»

А этот кто-то омерзительно шипел под потолком и царапался. На плечи и за шиворот кителя Лены сыпался с потолка мел, но она твердо знала, что ей надо лишь внимательно сейчас прислушиваться к пению лохматого гражданина и гудению бубна, от которого под ее ногами вибрировала сама железобетонная плита лестничной междуэтажной площадки…

Лена упорно не открывала глаза, пытаясь прикрыться мешком, даже когда чьи-то цепкие руки потащили ее по лестничному маршу в квартиру. Она открыла глаза только тогда, когда кто-то ее участливо спросил:

— Ты головой-то не сизнулась, девка?..

* * *

Ни за что бы не удалось Лене одной уничтожить эту проклятую ручку. Не зря все-таки так рекламировали эти «паркеры», поскольку ручку не брал огонь, а от оставшейся святой воды она только покрывалась какими-то кровавыми разводами. Бить по ней молотком среди ночи Лена настрого запретила Василию Еремеевичу из-за соседей. Наконец, Василий Еремеевич, героически спасший Лену от неминуемой смерти, потребовал, чтобы она прочла ему то самое письмо, из-за которого стащила ручку у господина Восьмичастного. Выделив для себя фразу Будяковой о том, что Лене ни в коем случае ничего нельзя писать этой ручкой, шаман долго думал, раскачиваясь из стороны в

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

сторону на корточках. Потом он твердо заявил, что духи разрешили ему написать несколько ласковых слов этой самой ручкой с приветом владельцам хитрого устройства от их северной сторонки.

Он громко запел свою незатейливую песню, нещадно ударяя в бубен, совершенно не считаясь с тем, что шел уже двенадцатый час ночи. Василий Еремеевич прыгал на кривых ногах вокруг зловещей ручки, и Лене вовсе не блазнилось, что ручка вертится сама собой, каждый раз поворачиваясь к поющему чукче золоченым острием. Потом удары по бубну слились в тот же странный гул, от которого под ногами у Лены, в такт этому гулу начал раскачиваться пол, перед глазами все закружилось и поплыло. Однако острым прокурорским глазом она заметила, как гражданин Идельгетов схватил ручку и быстро написал ею в воздухе несколько странных знаков. Знаки белым дымком, пошедшим из ручки, на минуту зависли в воздухе, а затем тихо осели вниз. Василий Еремеевич тоже опустился на пол, в изнеможении застонал и провалился в беспамятство. Из его рук упала ручка, блеснув никелированным боком, и прокурорское чутье вновь подсказало Лене, что это уже была самая обычная ручка ценою в 240 баксов, продававшаяся в единичных экземплярах в магазине для богатых на улице Карла Маркса. Лена подумала, что, когда все утихнет, она этой ручкой будет с шиком заполнять протоколы допросов, пускай все подследственные обзавидуются. Будто в ответ на ее мысли завозившийся на полу старый чукча высказал вполне трезвую мысль:

— Хелня все это, Ленка! Сяс писалка ведь не кловью, а селнилами писать станет. А селнила к ней, знаес, сколька стоят? Всей твоей плокулолской залплаты не хватит! Иди к пеське, сяй глется ставь!

Через час они сидели вдвоем на крошечной кухне Лены. Лена была уже не в кителе, а во вполне гражданском сатиновом халате. Она с удовольствием смотрела на чисто вымытого Василия Еремеевича, укутанного в ее махровый банный халат. Над газовой плитой были развешаны портянки, огромная тельняшка, кальсоны и стеганые ватные штаны. От них поднимался такой же белесый парок, как давеча из щегольского паркера, потому что для увеличения скорости просушки Лена включила небольшой газ на двух комфорках. Унты были засунуты между стеной и едва теплой батареей. Застиранный местами пиджак чукчи сушился на спинке стула.

Сам спаситель, не торопясь, намазывал толстый слой масла на круг вареной колбасы и улыбался беззубым ртом, радуясь щедрому куску. Лена решила завтра же отвести его к подруге-стоматологу, чтобы он смог есть и более

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

грубую пищу. Потом она с ужасом глядела, как это же масло Василий Еремеевич, тяжело вздохнув, полной ложкой бухнул в стакан с чаем.

— Совсем ты, Ленка, салавой зивес! — назидательно проговорил он, тщательно размешивая масло столовой ложкой в чае. — Дазе зила никакого нет, стобы в сяй насыпать! Как зена у Веньки с толгасом снюхалась, когда он в Сесьне осивался, так слазу зе надо было птисей-сяйкой на музика кидаться! Сему вас в сколке усили? Не глупая влоде баба… Тебе ведь для сястья футбольные команды не нузны, плавда?

Лена согласно кивала головой. С умиленным, размягченным сердцем она подумала: «Действительно, какого черта?»

— Ой! Лусе его сёдни не поминай! — испуганно вскинулся на нее Василий Еремеевич, давясь колбасой с маслом. — Лусе о холосем думай! Сего ты здёс, понять не могу, Ленка! Планетянина здёс? Так у нас тут не Амелика, планетяне не летают. У нас тут кайло из-за угла, сколее, прилелеть мозет. Смотли, как все у тебя холосо: песька — есть, вода есть, на плолубь безать не надо! Тляпки на окнах дазе есть! Подстилка на полу есть! И пол делевянный! Сколько тебе тут детей мозно с Венькой наделать — подумать стласно, Ленка!

Почти до утра Лена, подперев осовевшую физиономию рукой, слушала пояснения преступных склонностей так называемых «олигархов» к нефтяным промыслам на основе древних чукотских преданий. Оказывается, их земля когда-то столкнулась с черной звездой. На самом деле, это было тело очень сильного демона, которого целую вечность не могли победить все боги, объединенные в могучее войско. Они решили пожертвовать землей с населявшими ее людьми, другого выхода у этих богов уже не было. Иначе было много хуже. Для всех. Но земля оказалась намного крепче, чем предполагали ее боги и покровители. Черная звезда, ударившись о землю, разбилась на несколько частей, убив мятежного демона, не причинив видимого вреда самой земле. А надо заметить, что земля, с мифологической точки зрения, представляла собой вполне живую и боеспособную единицу. Титаническим трудом их планета замела следы преступления мощными поверхностными наслоениями. И лишь сердце демона ей глубоко спрятать не удалось. То там, то здесь оно норовит пробиться на поверхность, чему всячески способствуют двое предателей, которые раньше прислуживали светлым богам звездного небосклона, но когда-то очень давно перешли на сторону взбунтовавшегося мятежника…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Однако наиболее предательской частью, пятой колонной всему этому черному делу — способствует восьмая часть души каждого человека, где с тех пор скрывается зло, принесенное с собой черной звездой. Поэтому ничего хорошего и не принесло людям освоение «нефтяных богатств». Природу загадили, реки погубили, двигаться и радоваться жизни стали меньше, пить огненной воды — гораздо больше… И все, в ком порок победил семь добрых чувств, так и норовят окончательно утопить в «черном золоте» свою совесть.

Лена слушала эту муть, но при этом почему-то с острой, профессиональной памятью, не раз выручавшей ее в ходе следственных мероприятий, вспоминала школьные пояснения, в которых нефть никак не могли отнести по происхождению к какой-либо группе природных веществ. Нефть стояла особняком даже в породах органогенного происхождения. То, что происхождение — органогенное, определить большого труда не составляло, вот только следов проживания подобной органики на земле никто так и не смог обнаружить. И абсолютно ясно она припомнила слова учителя биологии Степана Кирилловича: «До сих пор не установлены те архаические микроорганизмы, разложение которых и позволило сформироваться залежам нефти на нашей планете».

— Ага, Ленка, до сих пор! — подхватывал ее мысль чукча и развивал ее с большой долей мистики: — До сих пол, бля, не найдено такого олганизма, котолый бы, помелев, убивал все зивое воклуг. Мы с тобой, когда сдохнем, молоской и ягелем станем, а нефть, сколько под землей не лезит, она нефтью остается. И зил в ней не нас, планетянский! Как, бля, в тундле лазольется, так не то сто олганизмы, всех селвей в земле убивает! Вот, бля, следи какого богатства зивём!

Заснули они уже под утро. Василий Еремеевич наотрез отказался ложиться на диван. Позаимствовав у Лены старую кроличью шубку покойной мамы, он улегся в коридоре, свернувшись калачиком у двери.

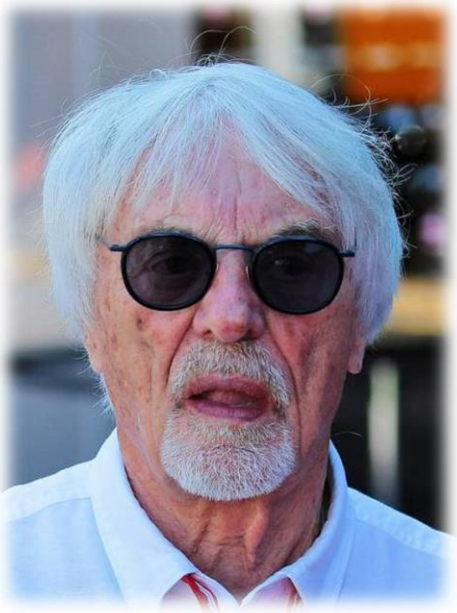
И до самого утра Лене снилась странная черная река, норовившая вырваться из берегов и затопить все живое, и будто сам жесткий матрац подрагивал под ней в такт гудению шаманского бубна…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Был боец — и нет бойца

Накануне, до самого утра Седому снилась странная черная река, норовившая вырваться из берегов и затопить все живое…

Весь день он чувствовал непреходящую сосущую тревогу. В сущности, никакого гарнизона под его началом уже не было. Боец явно ударился в разнузданные похождения с самой Ложью, а Факельщик все больше мрачнел и замыкался в себе. Хотя какой уж там Факельщик из уткнувшейся в подушку женщины, едва сдерживающей рыдания? Никакой…

Во второй половине дня, прислушавшись к себе, он понял, что разговор об *этом* между Наталией Семеновной и Ямщиковым уже состоялся, но время еще есть. Почти в одиннадцать вечера, преодолевая внутреннюю неловкость и полностью отдавая отчет человеческой, суетной частью натуры, что лезет явно не в свое дело, Седой решительно вышел из купе и направился в хвост вагона к восьмому купе. Он приоткрыл дверь и спокойно встал в проходе, намереваясь никуда не выпускать Наталию Семеновну, с которой никаких дел иметь Ямщикову было никак нельзя.

Старухи в купе не было, на ее полке только лежали спицы с длинными пушистыми носками. Седой понял, что соседка Наталии вышла в туалет. Наталия Семеновна лихорадочно собиралась на свидание с Ямщиковым. Резко пахло дорогими духами и лосьонами. Но сквозь это настойчивое амбре пробивался знакомый сладкий запашок. Женщина так торопилась, что даже не обратила внимание на присутствие Седого.

— Вы куда-то собрались, Наталия Семеновна? — спросил он ее тихо, шагнув в купе и задвигая за собой дверь.

— А это не вашего ума дело, товарищ! Сидите в своем драгоценном первом купе и нюхайте свежий воздух! Я к вам не лезу! — резко ответила женщина, оборачиваясь к нему.

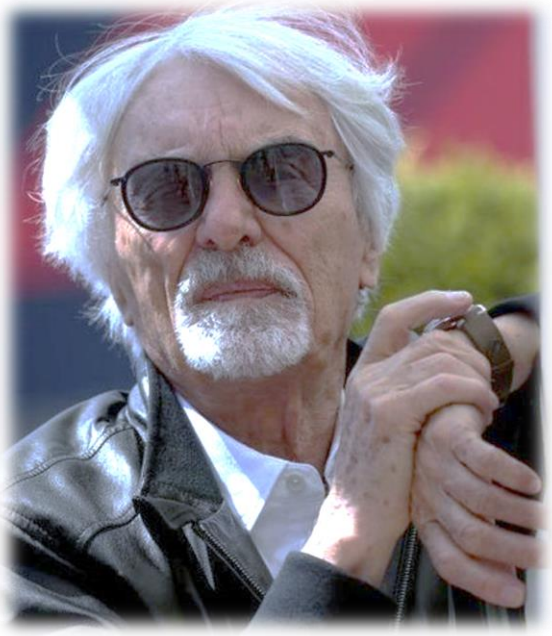
©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Значит так. К Ямщикову ты не пойдешь, если живой остаться хочешь. Нельзя ему сейчас с тобою, — так же тихо прошипел ей Седой.

— Что вы такое говорите! Как вам не стыдно, в самом деле! — вспыхнула Наталия Семеновна.

— Про стыд ты оставь, бедным подашь! К нам за просто так в купе никто не садился, тут только сопоставить кто и зачем… Значит, после замужества ты ни разу столкнуться с Ямщиковым не удосужилась. А в самое ненужное время вдруг всплываешь, в обратную жизнь тянешь…

— Какую-то ахинею вы несете, товарищ! В тамбур выйти подышать нельзя! — почти игриво, но с некоторой настороженностью в голосе произнесла Наталия.

— Я тебя сейчас… Нет, иди! Иди, как *хозяева твои* задумали… Мне плевать. Только, если ты действительно от них, то ты должна знать и *кто я*! И про то, что я *могу*, ты тоже должна знать! Обещаю, удовольствия получишь в том тамбуре сейчас на все сто!

Седой стоял в проеме купе, не двигаясь, так и не снимая темных очков. Женщина вдруг поникла лицом и заплакала.

— А если вы знаете *моих хозяев*, вы должны понимать, что я ничего не могу, ничего! — сквозь рыдания произнесла Наталия Семеновна. — Вы хоть подумали, каково мне всем этим заниматься? Я говорила Вильгельму Бенедиктовичу, что не могу! Но даже не представляла, насколько это все тяжело морально… Ведь эта сука старая меня поедом ест! Со свету сживает! Вот какое дело ей, с кем я романы кручу? Как Гриша уходит, она до утра меня истязает! И деться некуда! «Как ты можешь сироту горькую обижать? Ведь сразу видно, что ты — *такая*, а Мариша — не *такая*! Мариша — детдомовская, а ты ее единственной опоры в жизни лишаешь! А знаешь, *какая* ты?» — довольно похоже передразнила Серафиму Ивановну Наталия.

— Кстати, что вы со старухой сделали? — вдруг испугался Седой нескрываемой ненависти, прозвучавшей в голосе Наталии Семеновны.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Геннадий Спирин

— Ничего особенного. Живой эта старая перхоть останется. Слабительного ей дала, чтобы так же в дверях не встала, — ответила Наталия. — Я эту поездку со слабоумной старушней до конца жизни как страшный сон буду вспоминать… То начинает орать, что я ночью ее пиво украла… А то возьмет вдруг и завоет, как на деревенских похоронах: «Ах, ты сиротинка моя горькая! Да каково твоей мамочке с небес глядеть, как над тобою *всякие* измываются!» Она ведь и называла меня по матерному… Мерзавка!

— Но вы в этом раскладе не зря выбраны ложью и обманом! Блядью! Чему вы удивляетесь? Старушка просто констатирует факт. Совсем не обязательно ей было по такому поводу диарею устраивать. Короче, дорогая Наталия Семеновна…Обещаю ничего с вами не предпринимать, если вы немедля соберете вещички и свалите на ближайшей остановке, — жестко, но вполне вежливо возразил ей Седой.

Утирая катившиеся по щекам слезы, женщина сухо сказала с какой-то обреченностью:

— Поздно… Все уже поздно. Вы даже не знаете, что вас ждет! С меня потребовали сесть к вам, увлечь Ямщикова и… неважно. Главное было увлечь его от той вашей странной девушки в купе. Ничего никогда не позволила бы себе с Гришей, зная, чем мой отказ может обернуться для меня… Когда он уехал в свою очередную командировку, он даже не предупредил меня, вряд ли у него было ко мне что-то серьезное. Потом была обычная жизнь, потом — разная ерунда… безработица, долги, болезнь детей… А потом мне вдруг повезло! Я прошла огромный конкурс на должность бухгалтера финансово-промышленной группы… Так что все уже поздно, господин, не знаю, как вас называть. Но главное, мне Вильгельм Бенедиктович сказал, что как-то проконтролирует меня именно этим тамбуром. Гриша *должен* побывать ночью в тамбуре, *они* это проверят. Если я сейчас с ним в тамбур не пойду, они

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

убьют моих детей… Да и Гриша расстроится… — добавила она совершенно некстати.

— Раз Ямщиков должен быть в тамбуре, пускай будет! Но и с вами ему быть нельзя, при этом расстраивать его тоже нельзя, и хозяева ваши ничего не должны заподозрить дурного! — с горьким смешком произнес Седой. — Но у лжи в любом раскладе всегда есть возможность обмануть *всех*. Мой вам совет — обманите *всех*. У меня здесь другая роль, я такого не могу. А вам *позволено*.

— Так что мне делать-то? — растерянно спросила женщина, вытирая слезы.

— А я откуда знаю? — ответил Седой. — Я вам и так сказал куда больше, чем это *позволено* мне.

— Да как вы не понимаете, моей воли вообще в этом нет! Я как будто не живу вовсе! Когда же это закончится, не могу я уже больше! — Неужели вы не видите?.. — заплакала женщина.

— Не вижу, — зло оборвал ее Седой. И, резким движением срывая узкие черные очки, добавил: — У меня вообще глаз нету!

Вагон качнуло на повороте, от головы состава немедленно раздался пронзительный гудок, заглушивший отчаянный визг Наталии Семеновны…

Войдя в купе, Седой отрывисто бросил Флику, рыдавшему на смятой постели:

— Выйди из купе! Мне надо побыть одному!

Марина, всхлипывая, поднялась к выходу. Седой закрыл за ней двери и принюхался. В купе проводника приподнял голову с тугих пятнистых колец этот странный змей. Седой привык полагаться на его слух. Вопреки своим угрозам, отдававших мелким шантажом, змей, вроде бы, не положил с прибором на их рассыпавшийся на глазах тригон, время от времени оказывая Седому мелкие услуги.

Внезапно напряжение пятнистых колец спало, змей довольно завозился, засопел и прошипел странные слова, что-то вроде: «Писец ручке! Молодец Еремееич!»

Седой залез на свою полку и принял обычную позу: лицом вверх, сложив

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

руки на груди. Змей тут же захихикал у него в голове: «Ну, блин, ты и устраиваешься… как в гробу!» Седой отмахнулся от него и с горечью подумал, что на этот раз проиграл вчистую. Под ноль он с этой Наталией Семеновной сыграл… И как тут выиграть, если некоторым трава не расти, невтерпежь, как надо в тамбур пойти, чтобы козел Гришенька не расстроился! Тут же в голове раздалась странная песенка: «Я свою Наталию узнаю по талии — где поширше талия, там моя Наталия!»

Песенка, исполняемая шепелявым, свистящим шепотом, так его рассмешила, что он решил плюнуть и больше не циклиться на этой Наталии. Да чо там с этой Наталии будет? Просто сейчас придут к нему и глотку перережут, или Флика в коридоре кокнут. И все дела! Чо расстраиваться-то? Нет, им, главное, начхать, что из-за их минутной радости мир рухнет, а ему больше всех надо! «Правильно, — согласился с ним змей непосредственно в его голове. — Ничего от этой Наталии не убудет. И плевать на них всех!»

Седой понял, что уже окончательно спятил, поэтому решил спать и больше ни с кем внутри своей головы не общаться. Других забот, блин, полон рот. Разговор с Наталией Семеновной, как он и ожидал, вымотал его нервную систему до крайности. В конце концов, он имеет право просто спать и видеть сны, как Гамлет или еще там кто… Лучше вообще без снов, если можно. Полежать в тишине и покое, пока не явятся его взбесившиеся попутчики. Как на кладбище… В гробу и белых тапочках… «Лежи, — тут же согласился с ним кто-то, — я покараулю, чтобы никто не приполз. Но учти, я еще ничего для себя не решил. Вернее почти решил, но это не твое дело». — «А ну и хрен с тобой!» — подумал Седой, засыпая. «Тебе того же!» — прозвучал в его голове вежливый ответ.

Ямщиков притащился через час в приподнятом настроении духа, взлетел птицей к себе на полку и тут же захрапел, даже не подумав отдать Седому дежурство, которое задолжал накануне. Марина зашла в купе почти сразу за ним. Она, не глядя на Седого, молча легла на свою полку, носом к стене, закрывшись одеялом с головой, и тоже притихла. Наплакалась, видно, дура с такими же дурами в ближнем тамбуре. Нашла из-за кого реветь. Седой понял, что никто из соратников не поможет ему подготовиться к ночи. Молча, он стал закрывать их жилище сам.

Потом сидел один на нижней полке напротив безмятежно раскинувшегося Флика, чувствуя себя полным идиотом. Яркий электрический свет падал на личико спящего Факельщика, и, хотя Седой все равно не видел его лица, но никак не мог обмануться. Он знал, что вспухшее от неутешных слез личико расплывается в довольной улыбке. Тяжело вздыхая, Седой размышлял о поверхностной и, в то же время, непостижимой женской природе. Все им с гуся вода… А вот что теперь делать с Бойцом, поддавшемуся лжи и обману?.. Теперь все кончено. Седой ожидал услышать рядом знакомое шипение, но

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

никто не прошипел никакой гадости. Принюхавшись, он понял, что змея вообще нет рядом. Слабый запах остался, а самого нет. Правильно, кому они на хрен нужны со своими заморочками?

То ли потому что в купе зажигательно храпел Ямщиков, то ли из-за того, что поезд неожиданно прибавил ход, но Седого начало сильно тянуть ко сну.

Напротив так сладко посапывал Флик, что уже от одного взгляда на него начиналась неудержимая зевота. Седой подумал, что ничего не случится, если он просто полежит на подушке внизу. Все, что могло случиться, уже случилось. Да и вряд ли он заснет… Разве что на минутку прикорнет… Засыпая, Седой хотел только одного, не видеть ни одной бабы во сне. Лучше вообще никого не видеть, конечно… Ведь смотрят же некоторые счастливчики сны про лошадок, к примеру…

Но во сне к нему тотчас явилось все их ненавистное вагонное бабье. Куда-то тащилась баба из девятого купе с двумя мелкими пацанами… За рукав хватала Наталия Семеновна и требовала немедленно войти в ее сложное положение… Перекинув связанные сумки через плечо, усиленно искала Петровича остроносая девка из третьего купе… На ходу она кричала Седому, чтобы он не терял времени понапрасну и срочно спрятал свой ствол у проводника в холодном складе, пока его не замели на хер…

Однако окончательно добила его Серафима Ивановна из восьмого купе. Вначале он увидел ее, скоренько довязывающей свои бесконечные носки с протяжным пением: «Ах, да на каких же идиотов, сволочей окаянных оставили сиротинку горькую! И пожалеть-то ее некому несчастную-у!» При этом она укоризненно глядела поверх очков на Седого, будто бы именно его подозревала в сволочизме против сироток. И лишь когда она, наконец, довязала свою пару, появились и долгожданные лошадки. Сразу много стало лошадок во сне у Седого. Две лошадки были запряжены в повозку, управлявшейся каким-то высоким седым стариком. А на повозке… на повозке, испытывая шаткую нервную систему Седого, сидела все та же противная Серафима Ивановна. Сложив руки рупором, она невыносимо громко заорала Седому прямо в ухо: «Я тебя повсюду найду! Я тебя и на том свете встречу!..»

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

В сомкнутом строю

Ван Оостен Айзек

— Я тебя повсюду найду! Я тебя и на том свете встречу! — кричала Флику из повозки Хильда.

— Гони! — заорал Грег.

Винсент тряхнул поводьями, и повозка покатилась на запад.

Долгие проводы — долгие печали. Но проводить, как следует, названную сестричку Флику не довелось. Перед тем как оставить крепость Мюнстер, Грег решил немедленно отправить Винсента и сестру Флика в свое поместье в составе большого поезда из маркитантских повозок и открытых фуражных телег, запряженных «норманнами», сверх меры нагруженных армейским имуществом полков Мэтр-де-кан Женераль и Фибрэ. На всех дорогах «шалили» многочисленные дезертиры, поэтому Грег собрал в охранение поезду около трех десятков раненых и увечных драгун, вооруженных карабинами.

Хильда, узнав, что отправляется в поместье самого капитана, всплеснула руками и с визгом закружилась возле мрачного Флика. Но как только она поняла, что Флик останется в полку, ее глаза немедленно наполнились горючими слезами. Хильда почти не имела в запасе времени на сборы в кричащем, перетрясающем какие-то перины, тряпки, котелки, зовущем детей женском лагере. Флик тоскливо глядел на плачущую девушку в чепчике. Потом он достал из-за пазухи шитый бисером дамский кошель, подобранный им у дороги на Оснабрюк. Страшно подумать, что там произошло. На обочине

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

валялись раздавленные ободья колес, обрубки деревянной обшивки возка, женский чепчик, пеленки и детская распашонка. Неподалеку в кустах Флик нашел небольшой пустой кошелек, очевидно, выброшенный грабителями. До войны он никогда бы не взял чужую вещь, пускай и лежавшую в грязи у дороги, но, побывав в нескольких атаках, лишь аккуратно почистил бисерную вышивку и подумал только о том, как обрадуется милой вещице Хильда. Конечно, он хотел бы подарить сумочку в совершенно иных обстоятельствах. Но на войне не солдат выбирал обстоятельства, а они выбирали солдата.

Прижимая кошелек к груди, Хильда прошептала: «Я всегда буду тебя ждать! Всегда!» Прикоснувшись на минуту к нему щекой, она повернулась и быстро побежала в сторону женского лагеря, уже не сдерживаясь и рыдая во весь голос. Флик, пошатываясь, пошел помогать в погрузке повозок. Возле одной из них он увидел Винсента и Грега, поманившего его рукой.

— Итак, первым делом узнаешь через конюшего герцога де Брольи, у кого может быть третья бляха, — быстро давал указания Грег. — Постарайтесь добраться живыми сами, это очень важно сейчас. Проследи, чтобы хорошо устроили в Льеже раненого Бламона. Уходите немедленно, мы задержим конницу не более чем на трое суток. Больше форы вы не получите. При малейшей опасности бросайте груженые телеги, выпрягайте лошадей и спасайтесь только с людьми. Привал сделаете не раньше, чем через восемь часов малой рысью. Ты все понял?

Старик грустно кивал головой, а потом не выдержал и обнял капитана, явно устыдившись своего порыва и слез.

— Не переживай за нас Винсент! И не бойся направлять к нам каждого, кто спросит о нас, как бы он не выглядел, — сказал Грег. — Возможно, кого-то вы можете встретить уже в дороге… Но ни в какие разговоры никогда не вступайте с теми, кто будет спрашивать о нас *вдвоем*. Эти точно будут выходить к ночи… Ты запомнил, Винсент? Постарайтесь от них сбежать. Главное — не глядеть им в глаза! Поцелуй за меня матушку, пристрой сестру Флика… и иди! Уходи, Винсент!

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Anton Hoffmann

Несколько часов Флик таскал, упаковывал и грузил на телеги и повозки кожаные солдатские ранцы с бирками, связки карабинов, обмундирование, полковые котлы… Рядом были разложены костры, и огонь с жадностью лизал амбарные книги полкового архива… Из походного лазарета понесли раненых. На костылях, опорках и под руки вышли ходячие. Флик, увидавший, как слабые люди в застиранных бинтах стараются одной рукой проверить драгоны, пристраивая рядом с собой на телегах саблю и карабин, страшно испугался за Хильду. Но тут его позвали на помощь, и он постарался отогнать от себя мрачные мысли, искренне надеясь, что Грег все сделает так, чтобы она осталась жива. А когда полковой поезд уехал, в душе возникла невыносимая пустота, усиливаемая носившимся в воздухе обрывкам обгоревших бумаг, еще тлеющими кострами, валявшимися повсюду тряпками и бинтами. Буквально мгновение назад закладывало уши от стона раненых, хриплых команд, ржания коней, скрипа колес, женского и детского плача… Но когда это все внезапно стихло, оставалось только умереть…

Избавившись от обозов, Грег оставил каждому лишь конское снаряжение, включавшее седло с получепраком, мундштук с трензелем и чемодан для фуража. Конным драгунам он разрешил везти верхами только сапоги, свернутый плащ, немного сена и коновязный кол. Повозки, оставленные им

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

для пехоты и раненых, из полковой клади везли косы для заготовки фуража и походные котелки. Палатки полк бросил еще при отступлении из Гетингена.

Эскадроны соседних полков, испытав страшные, изматывающие бои с германской конницей, пытались в экстренном порядке перенять тактику Грега, но время для отработки маневрирования сомкнутым строем, которым мчалась теперь на них германская конница, было упущено. В беспорядочном отступлении войска оставили Ганновер и Гессен. Пеших драгун в полках Караман, Ла Ферроне и д'Апшон почти не осталось.

С началом военных действий драгунские полки были сняты из оцепления от Дюнкерка до Гавра в ожидании возможного десанта англичан. В изматывающем марше от побережья, пропахшего гниющей рыбой, вглубь германских государств они узнали, что были переданы маршалом Бель-Илем под командование маршала д'Эстрэ. С ним они участвовали во взятии Хастенбека и Дрездена. Со сменой командующего для драгун ничего не изменилось, никакой тактической связи между полками так и не возникло, кроме обмена ротами, трофеями и, конечно, противоречивыми слухами.

Philips Wouwerman

Запах гниющей с головы рыбы преследовал гибнущие войска всю долгую войну… Немыслимые рокировки высшего командного состава устраивались милыми придворными дамами в зависимости от покроя камзола кавалера,

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

величины его парика, под горячий шепот в менуэте. Благоухающие духами назначения на руководство войсками последовательно вручались графу де Клэрмону, маршалу де Субизу, маркизу де Контаду… и снова маршалу де Субизу.

Поражения последовали сразу же за первыми победами. Через несколько месяцев после памятной победы под Росбахом войска вынуждены были оставить Ганновер и Гессен. В ходе двухдневной осады была сдана крепость Мюнстер. Драгуны отступали в беспорядке, с огромными людскими потерями. Полк Короля, давая возможность сгруппироваться и собрать силы девяти истекающим кровью полкам, участвовавшим в германском походе, пошел на отчаянный штурм Гоарсхаузена. Королевский драгунский полк совместно с полком Тианж прикрыли отступающие части с флангов под Клостеркампом и Хорном.

Войска, предоставленные самим себе, судорожно пытались перестроиться и собраться перед английским десантом, теснимые по всем направлениям конницей Фридриха.

Приехавший в ставку после очередного назначения маршал де Субиз обнаружил нескрываемую ненависть ко всему высшему руководству и повсеместное несоблюдение Ордонанса, объясненное им в донесении ко Двору «типическим армейским разложением». Большого труда не составило выяснить источник этого разложения, поскольку имя капитана Грегори де Оберньи, как и его тактические находки, были у всех на устах.

Вызванный для допроса в ставку маршала Грег явился с планшетами, доказывавшими преимущество атаки «en muraille», рысью в сомкнутом строю, над атакой «en fourrageurs», карьером в разомкнутом строю. Он решил подробно растолковать маршалу, насколько порочно навязывать армии обыкновенное построение в три шеренги. Но, войдя в кабинет маршала, Грег почувствовал всю неуместность подготовленных им планшетов.

Отчего-то днем на высоких стрельчатых окнах были опущены темные жалюзи, кабинет освещался двумя десятками свечей с колеблющимся пламенем, отражавшимся в витых бронзовых подсвечниках, будто уже наступила вечная

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

ночь и дня больше не будет. После яркого ветреного дня глаза Грега с трудом привыкли к мягкому полумраку ставки маршала. Рассмотреть схемы, вычерченные тонким пером, при таком освещении на расстоянии восьми шагов, определяемых для доклада маршалу Ордонансом, не представлялось возможным. Между зашторенными оконными проемами неподвижно стояли караульные драгуны в форме всех восемнадцати полков. В полутьме фигуры в алых и синих жюстокорах, державшие на весу карабины с примкнутыми штыками, с белыми от пудры неподвижными лицами и яркими свекольными румянами — казались неживыми.

Карл Рёхлинг

Маршал принял его в полном молчании. Не разворачивая планшеты, Грег четко начал доклад о необходимости увеличения подвижности конницы. Он предложил всей кавалерии, естественно, под руководством маршала, немедленно перейти к двухшереножному строю, поскольку для этого не требуется длительного обучения лошадей. Он старался не смотреть на мертвенно-белое от рисовой пудры лицо маршала с яркими карминовыми губами и бархатными мушками, прикрывавшими красную сыпь на левой щеке. В ставке удушливо пахло смесью пачулей, свечного нагара, пота и касторового масла, на котором замешивались помады и чернь для бровей. В раскрашенном лице де Субиза, при всей отталкивающей неуместности этой искусственной красоты, было что-то завораживающее и притягательное. Маршал, развалившись в удобном кресле, постукивал по столу золотым карандашиком рукой, одетой в белую лайковую перчатку, сбивая Грега с взятого в карьер ритма. Капитан несколько раз останавливался, вглядываясь в непроницаемую маску вежливо улыбавшегося де Субиза, окончательно теряя уверенность, что говорит именно те вещи, которые, как он надеялся всю ночь, рисуя планшеты, донельзя обрадуют маршала.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Почти без звука вошел лакей и подал герцогу крошечную чашку на подносе. Прихлебывая, де Субиз улыбался, глядя на капитана поверх расписной чашечки, медленным изящным жестом подносимой им к тщательно выписанным губам. Внезапно Грегу показалось, будто и лакей и все караульные улыбаются в точности так же, как улыбается маршал, приподняв губу над мелкими желтыми зубами. Не дожидаясь начала продвижения сзади, он повернулся вполоборота в выходу, резко закончив доклад предложением, которое считал наиболее важным. По всему фронту необходимо немедленно перейти к тактическим атакам во фланге, для чего требуется увеличить легкую конницу не менее чем в десять раз. Маршал, услышав, что Грег с тяжелой кавалерии уже мысленно перешел к командованию уланами и в десять раз увеличивает численность гусар, обаятельно сморщился в вежливом сухом смешке. Выкладывая так и не поднявшемуся с кресла маршалу все планшеты на край длинного дубового стола, Грег добавил, что коннице надо хотя бы постараться удерживать менее десяти дистанций, поскольку германцы, удерживая не более пяти дистанций, вклиниваются в чужую кавалерию, как горячий нож в масло. Он тут же отошел от планшетов на три шага назад, не давая перестроиться караулу и закрыть ему выход.

Маршал молчал, отчего-то перестав улыбаться. Грег тоже молчал, ожидая его решения. Де Субиз смотрел на Грега, стоявшего вполоборота в обманчивом полумраке у самого выхода. Демарш капитана не остался им незамеченным. Взвешивая опасность для себя мертвого или живого де Оберньи, маршал в сложных расчетах, словно в карточном пасьянсе, привычно перетасовал всех полковников и капитанов, с которыми уже успел познакомиться, свои шансы при дворе и степень влияния очаровательных покровительниц. Наконец, он с улыбкой встал и с улыбкой сообщил капитану, уже положившему руку на эфес, что полк Мэтр-де-кан Женераль переводится на казенный счет, а капитан Грегори де Оберньи отправляется в отставку. Грегу удалось раздвинуть губы в вежливой улыбке и с легким поклоном непринужденно покинуть кабинет маршала.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Провожать Грега в сомкнутом строю вышел весь полк, к проводам подоспели конные драгуны полка Тианж, Эгмон и Лангедокского. Флик, сидевший верхом на своей Розочке, легкомысленно гарцевавшей рядом с каурым жеребцом Грега, долго оглядывался на оставшийся позади торжественный строй полков с реющими над ними драконами.

В двух переходах от лагеря Грег и Флик увидели несущуюся с холмов прямо на них маркитантскую повозку. Сидевший на козлах возница был абсолютно черным. Сжимая поводья, он что-то отчаянно кричал покрытым пеной лошадям, а сзади неумолимо сокращали расстояние два абсолютно одинаковых всадника в форме прусских улан на свежих вороных жеребцах. За спинами всадников крыльями реяли ментики лимонного цвета, а на самую переносицу были надвинуты высокие медвежьи шапки. Грег и Флик, выхватив сабли, почти без дистанции дали аллюр в сторону повозки. Явно заметив их, перестроились и уланы. Бляха на груди Флика внезапно потяжелела.

— Главное, удержись в седле, мальчик, — крикнул ему на скаку Грег. — И не смотри им в глаза! Не смотри в глаза!

Флик постарался отвести глаза от двух фигур, которые неслись со стороны спрятавшегося в низких облаках солнца. Прижавшись к холке Розочки, он увидел, как черный возница, остановив повозку, споро выпрягает одну из лошадей, перерезав поводья и пытаясь вскочить на нее без седла. Он подумал, что странный человек попытается уйти верхами от преследователей, полностью переключившихся на них. Но возница, нелепо подпрыгивая на неоседланной лошади, рискуя свалиться с нее в любую минуту, уже подъезжал к ним, из последних сил пытаясь опередить улан. Он что-то кричал сорванным голосом, но ветер относил в сторону его крик, поэтому слова его они различили, когда от улан их отделяло не более восьми корпусов.

— Бляхи вынимайте! Бляхи! — хрипло орал черный человек, ерзая на крупе лошади. У него самого поверх овчинного жилета болталась знакомая металлическая бляха.

Флик тут же полез за бляхой левой рукой, чтобы не сбить направления Розочке. Он увидел, как Грег сделал то же самое. На двух корпусах до улан с искаженными атакой лицами, из-за сгорбившихся спин с развевающимися ментиками внезапно выглянуло солнце. Оно резануло по глазам так, что всадники инстинктивно выпрямились и зажмурились. Флик понял, что черный человек рядом с ним тоже прикрыл глаза суконным рукавом. Вслепую они мчались буквально несколько мгновений — с воплями, обнаженными саблями, успев все же сделать на широком галопе не менее двух-трех корпусов. Однако когда они открыли глаза, никого рядом с ними не было. Ни впереди, ни сзади. Их окружало безмолвие зеленых холмов, поросших дубравами. Светило солнце и вокруг ничего, кроме них, не напоминало о войне. Совершенно непонятно, на кого они только что неслись с обнаженными

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

саблями, в пену загоняя лошадей. Неподалеку стояла брошенная повозка с тяжело дышавшей лошадью возле упавшего на землю дышла. Никаких всадников нигде не было, будто они им привиделись.

Cavalry engagement at Rossbach, 5 November 1757, (1936). 'Reiterkampf Bei Rossbach, 5 November 1757'. At the Battle of Rossbach (in Germany), the Prussian cavalry routed the French and Imperial armies. From «Bilder Deutscher Geschichte», (Pictures of German History), No.12, cigarette card album. [Cigaretten-Bilderdienst, Altona-Bahrenfeld, Hamburg, Germany, 1936]

— Солнце… в бляхах отразилось… тоже… *им* по глазам… повезло, — задыхаясь, проговорил спешившийся кулем на землю черный человек.

Перекинувшись несколькими словами с черным человеком, Грег попросил Флика разжечь костер, а сам отошел за повозку с ее хозяином. Почти сразу он вышел из-за повозки с серым лицом. Черный человек за повозкой для чего-то снял с головы большой черный шарф, которым он был обмотан до середины груди, и в сумерках его голова светилась яркой свежей сединой. Грег на ходу бросил вполголоса Седому: «Флику не говори!» и почти бегом направился от них куда-то в сторону холмов. Флик хотел побежать за ним, но Седой перехватил его смуглой до черноты рукой за рукав и сказал:

— Ему надо побыть одному, мальчик… *Они* сегодня уже не придут! Пусть капитан побудет один!

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Ночью у жарко пылавшего костра Флик дремал на барашковой жилетке возницы, а сам возница хрипло, со странным акцентом спорил с капитаном. Флика раздражало, что Седой говорит с господином капитаном без должного уважения, но предпочитал держать свое мнение при себе.

— Как разумный человек, ты должен согласиться, что Франция уже проиграла свой Армагеддон, — сказал Седой таким тоном, будто Армагеддон Франция проиграла именно ему. — За ней все сдадутся, вот увидишь… С Россией пока ничего не ясно… Тут такое дело, что к кому Россия перекинется, тот и в прикупе.

— А что такое Россия? — набравшись храбрости, спросил Флик.

— Совершенно дикая страна… Большая-пребольшая, — неопределенно ответил капитан. — На самом краю земли. Там все время зима и живут одни медведи.

Флик задумался о заснеженной стране с медведями, пытаясь сообразить, как же такая страна сможет им помочь, если все сдадутся?

— Здесь будет сплошной пожар, — почти с удовлетворением сказал Седой. — Можешь мне поверить! Уж я-то в таких вещах ни разу не ошибался! А Соединенное Королевство станет править морями!

— Эти подонки и пираты? — возмутился Грег. — Что ты такое говоришь?

— Что будет, то и говорю, — сумрачно ответил Седой. — Если сейчас постараться хотя бы неразлучников увести за собой… Риск, конечно, есть. А что ты можешь предложить? Я тебе рассказал, что видел. Прибавь к этому то, что видел ты. Ну, и что предложишь нам ты? То-то и оно, что другого выхода нет. Не хуже тебя знаю, что ни разу привратники не побеждали, оставив твердь земную. Но я поразмыслил тут на досуге… Понимаешь, по контуру наших блях вьется змей. Ведь для чего-то он вьется, правда?

— Это символ всего сущего, которое обязано поддерживать усилия Привратников, — заученно сказал Грег. — Так мне отец говорил.

— Думаю, никто нам в такой ситуации ничем не обязан, — задумчиво произнес Седой. — Но почему мы не должны надеяться? Все-таки мы несем в себе Веру, Надежду и Свет Любви. Сам видел, как от нас сегодня эти двое сиганули… Хотя мне сейчас кажется, что это был обман зрения, мираж…

— Признаться, мне тоже, — сказал Грег. — Вот только если бы эта галлюцинация не развеялась, плохо бы нам пришлось.

— Да, до встречи с вами это было слишком реально, если учесть то, что я тебе раньше сказал, — печально заметил Седой. — Давай ложиться, завтра двинем с восходом.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Якоб Сторк

…В закрытом на период военных действий порте Лейдена качался на волнах лишь один небольшой корабль, вроде флибот. Грязная посудина с потрепанными обвисшими парусами и облезлым килем, будто в насмешку названная «Арго». Седой сказал тогда, что другого выхода у них нет. А Грег сказал, что кораблик неказистый, а команда — вообще какое-то рванье, поэтому вряд ли сары польстятся на такое судно. И еще он сказал, что надо плыть скорее, чтобы успеть получить ритуальное напутствие уже на земле Соединенного Королевства.

Флик, как всегда, промолчал. Да и кто бы его слушал? Ему очень хотелось пива. А на флиботе было пиво, он *видел*. Он никак не мог забыть глаза Розочки и ее отчаянное ржание… Почему-то уговоры Грега, что они обязательно вернутся за Розочкой, не помогали. Он знал, что от пива голова потяжелеет, и он сможет не думать о том, будто Розочка смотрела на него, уже зная, что видит в последний раз. Но главное, ему надо было постараться не думать о том, что же такое Седой сказал Грегу за повозкой. Это было очень важно. Это было самым важным для Флика — не думать. Лучше было думать о том, как высушить одежду и ботины. И еще надо было постараться поспать. Не притвориться, сдерживая слезы, а по-настоящему выспаться. Поэтому Флик промолчал, хотя уходить с земли ему хотелось меньше всего.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Но Грег, сторговавшись с мрачным лодочником, уже махал им призывно рукой, они прыгнули в утлую лодочку, качавшуюся на веселой волне, перехлестывавшей через борт, и поплыли навстречу своей судьбе…

А потом, среди ночи, когда сары за волосы волокли их наружу, цепляясь когтями за дубовую обшивку потолка, Грег кричал: «Мы все равно придем! Слышите? Придем!» Флик слышал его крик, погружаясь в холодную соленую воду вслед за Седым… Когда волны сомкнулись над ними, Грег еще с воплями брыкался связанным на палубе. Поэтому выкинуть его за борт сары смогли, лишь расправив крылья во всю их гнетущую мощь. Жалкая человеческая плоть слетела с них хрупкой луковой чешуей. Но крылья были не готовы к большому полету, они тут же устало обвисли, требуя тепла и покоя.

И пока в предрассветной тьме продолжалась драка на палубе, один из морячков, стоявший ночную вахту, заклинил руль. Привязав себя к штурвалу, он зажал крест в невыбитых линьком зубах. Никто из привратников уже не узнал и не смог бы увидеть, как судно, повинуясь заклиненному его телом правилу, неприметно меняло курс, направляясь к рифам у выдававшейся в море скалистой гряды, почти неразличимой в тумане. Возле него, спрятав компас за нагрудным крестом, встал старик лоцман с двумя короткими ножами в руках. Продержаться долго старик не мог, а потому он только проклинал все на свете и сам свет, но, главное, щенка капитана, который взял на борт желтоглазых, и, конечно, себя, забывшего надежду. Он-то знал больше капитана. Старшина гильдии лоцманов запретил всякому, носящему крест, проводить корабли с двумя неразлучными через каменную гряду. Но ему так нужны были эти деньги…

Деньги… деньги… Будь они прокляты! Будь проклята война!.. Война, в которой даже Бог не на их стороне. Никто не поможет, когда из магистрата придут выкидывать из дома отца твоего отца оставшийся скарб и ревущих в отчаянии баб. Тогда пусть хоть кто-нибудь поможет им сейчас! Ведь должен же кто-то помочь, если хвостатые твари, расправив страшные крылья, уже прикончили этих троих, которым изменили и меч, и свет, и чутье…

Сары с трудом обернулись к толпе заспанных моряков, продиравших глаза, пока они расправлялись с привратниками. Но никого возле борта они уже не обнаружили. Команда дружно ставила все имевшиеся паруса, пытаясь уловить ветер. Никто не обращал на них внимания. Неловко подпрыгивая на странных лапах с желтоватыми копытцами, сары пытались скинуть в море грязных, жалких людей, с остервенением царапавшихся на мачты. Крылья не помогали, мешали, цепляясь за снасти небольшими коготками, а кожа еще не успела загрубеть, причиняя нестерпимую боль. И дикий, режущий слух, гортанный крик саров только подгонял людей, сноровисто ставивших паруса.

Никто из них не верил в спасение, не бывает таким спасения. Пусть. Не надо им никакого спасения, обойдутся они и без спасения. И люди с остервенением

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

лезли сейчас все выше на мачты, сунув нательные кресты за щеку, зная, что за ними по пятам кошкой скребется слабая надежда. Цепкая надежда. Откуда она берется? Глупая надежда на *чудо*.

Для каждого у моря есть своя волна. Как ни цепляешься за обломок мачты, она накатит рано или поздно, с немыслимой свинцовой тяжестью выбивая скользкое дерево из твоих рук… Так пусть же руки с содранной до крови кожей успокоятся в ее холодном лоне, и душа, не знавшая и проблеска надежды, навеки затихнет в ее глубинах, если есть *надежда* унести с собою войну! Ведь кто-то же должен сейчас помочь им, если эти посланные Привратники так и не смогли воспользоваться своим чудом. Ведь было же у них на каждого *чудо*! Не могли же они его унести с собою!

Метавшиеся на палубе сары слышали в каждом судорожном выдохе морского отродья, тянувшего в последнем усилии пеньковые бечевки: *«Чуда проклятым! Чуда!..»*

Хаккерт Якоб

Словно услышав все проклятья обезумевшей команды, в вислые паруса вдруг ударил свежий, веселый ветер. Он разметал остатки предутреннего тумана и наполнил штопаные полотнища такой силой, что двое матросов, не удержавшись на скользких отсыревших за ночь вантах, тут же рухнули за борт. На поверхности серого моря барашковой шапкой показалась волна, сметливо вдарившая в борт судна. Сары покатились по палубе, ломая хрупкие кости на розоватых, уродливых крыльях. И когда перед ними стеной выросла небольшая острая скала, рассекая судно по правому борту, то вся отчаявшаяся команда и будто сам рванувшийся к каменной могиле корабль выдохнули с облегчением: *«Чудо!..»*

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Чудо

Мать и дочь сидели на пустовавшей нижней полке напротив нее, сцепив руки, будто боялись потеряться. От чая они отказались, от постели тоже. Петрович только фыркнул на них и, подняв голову к лежавшему на верхней полке Ямщикову, просительно сказал:

— Гриша, пускай они у вас посидят, а? У них билетов нет, им только ночь пересидеть. Просились очень. У них денег, видишь, от Москвы только до Свердловской дороги хватило. Посадил вот на свою голову!

Ага! На свою! Подсадил к ним зайцев и спокойно отправился спать. А эти двое так и сидели, прижавшись друг к другу, глядя в одну точку. Марина совала им какую-то еду, но они отказывались, а мать поясняла:

— Леночка после химии, ее вообще сейчас все время тошнит. А я просто не могу, мне почему-то совсем не хочется. Спасибо! А вы кушайте, не стесняйтесь!

Да чо тут стесняться, если все равно кусок в горло не лезет? Ну, Петрович, ну, гад ползучий! В глазах щипало, и Ямщиков, как и Седой, не торопился спускаться вниз, оставляя Флика наедине с женщинами.

…Все началось у них с обычной бородавочки. Вскочила вдруг бородавка ни с того, ни с сего. Они пошли на консультацию в онкоцентр у них в городе, а там даже разговаривать с ними не стали. Взяли и удалили тут же. Отправили тут же домой. Перевязку толком не сделали. А через три месяца начался кошмар. Саркома.

Мать с отчаянием вздыхала, гладя восковые пальчики дочери. И Марина видела другим зрением место черной стрелы сара над правым ухом девочки. Стрелы, которую ни в коем случае было обламывать нельзя. Господи, что же это за коновалы работают нынче в детских онкологических центрах? Ведь даже в их драгунском полку коновал мог раньше безошибочно разглядеть черную метку в ляжке захромавшей лошади… Они считают, что знают о мире все, не видя даже сотой доли вокруг себя… Слепые… Сеют в слепоте своей зло, не ведая, что творят.

Лысая девочка изредка глядела на мать, взгляд которой полностью затуманился. Она тихо рассказывала Марине, как в Москве, куда они все-таки

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

выпросили, Христа ради, в своем центре направление, у них то появлялась надежда, то гасла опять. После первого сеанса химиотерапии они сходили в фотоателье, чтобы успеть сфотографировать Леночку с роскошными светлыми кудрями, которые сразу же стали покрываться мертвенным блеском. Карточку решили вклеить и в паспорт. Леночка должна еще успеть получить его весной. У них там такие дружные были ребята! Господи, как же они любили друг друга! Как они поддерживали друг друга перед… перед смертью…

Денег на гостиницу не было, а с вокзала выгоняли. Это понятно, все милиционеры почему-то по ее лицу думали, что она террористка, пакеты проверяли, апельсины даже проверяли. А ехать к двоюродной сестре в Коломну было неловко.

У той своих заморочек с мужем хватало. Но один раз очень захотелось спать, поэтому она поехала к сестре, а на следующий день к обходу заведующей не успела. И заведующая отделением сама *все* Леночке сказала, без нее. Понятно, им надо было место Леночкино освобождать. Понятно, мест нынче не хватает. А ту, новую девочку, может быть, еще и спасут. Только не надо было бы Леночке в лицо такое говорить. Она сама бы что-то придумала… Что-нибудь…

От Елоховской церкви открыли у них в центре молельню. Они тоже туда ходили с Леночкой. Да лучше бы не заходили! Молодые родители привели туда трехлетнюю девочку. Лысую, конечно. Батюшка спрашивает: «Как тебя зовут, девочка?» А младенчик серьезно так отвечает: «Елизавета!» За что же детям-то такое? Леночка говорит: «Мама! Я-то хоть еще пожила!» Это она-то пожила! Это же прямо война какая-то! Только денег воевать совсем нет. Вот и

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

квартиру пришлось заложить. В августе надо деньги отдавать, но с работы пришлось уволиться, так что…

— Мама! Где же ты жить будешь? — с болью в голосе спросила ее дочь.

— А зачем мне где-то *жить*? — шепотом, сквозь прорвавшиеся слезы, вскинулась на нее мать. — Зачем мне без тебя *жить*? Тебе фрукты нужны! А ты не ешь ничего! Кушай, раз тебе тетя яблоко подает! Ради меня кушай!

Марина достала два больших апельсина и дала женщине, та негнущимися пальцами стала чистить тугую кожуру, подсовывая освобожденные дольки давившейся яблоком и слезами дочери.

Первой догадалась о том, что он задумал, Марина. Она сразу поняла, что с Седым что-то не так. Решив спуститься с верхней полки, он, как только глянул вниз, на лысую макушку с торчащими ушами, резко отшатнулся назад, к самой стенке. Потом, вроде бы успокоившись, принял свою обычную покойницкую позу, сложив руки на груди, внимательно прислушиваясь к разговору женщин.

Ничем особенным Привратники от людей не отличались. Но, раз уж им предстояло противостоять сарам, обладавшими возможностями, далеко выходившими за пределы человеческих, каждому из них, от щедрот Господних, все же выделялось одно *чудо*. Да в принципе ничего особенного. Чудо как чудо. Говорят же: «Чудом остался жив!» Вот примерно такое чудо, о котором сразу же забываешь, как только понимаешь, что будешь жить дальше, и было у каждого из них в запасе на самый худой случай. Но, согласитесь, этовсе-таки лучше, чем совсем ничего.

А теперь Седой, глаз которого Марина так и не могла рассмотреть из-за очков, что-то явно делал с собою, такое… Остановить его не было ни сил, ни желания. Она и так с трудом боролась с закипавшими слезами.

Купе наполнялось никому, кроме нее, не видными фиолетовыми искорками. Они сыпали с полки Седого прямо на мать,

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

которая нежно обняла задремавшую дочку в сбившемся на бок платочке с развеселым детским узором. Марина подумала, что если бы у нее были дети, она бы тоже выбрала для их одежды такой узор с мишками и зайчиками на пушистых розовых облаках. Странные мысли приходили ей в последнее время. Странные.

Седой полностью ушел в себя, а его руки мелко подрагивали, выдавая сильное напряжение. И, будто повинуясь его усилиям, поезд начал притормаживать, хотя приближение населенного пункта, разъезда или полустанка визуально за стеклом не обнаруживалось.

— Вам пора, — сказал Седой пассажиркам, через силу разлепив пересохшие губы.

— Куда? — растерянно спросила мать, прижимая к себе дочь.

— Туда! — кивнул Седой за окно вагона.

Женщина в окно не смотрела. Она напряженно глядела только на свое отражение в черных очках Седого. В ней билась какая-то мысль, которую она с отчаянием выдохнула: «Вместе?»

— Да, — спокойно подтвердил Седой.

Женщина впервые посмотрела в окно остановившегося состава. За окном буйствовало тропическое лето. Ветер теребил длинные пальмовые ветви, и даже сквозь задраенные рамы купе наполнилось ароматом каких-то ярких цветов, что огромными кустами росли среди причудливых щеток кактусов. Мимо самого стекла, радостно чирикая, пролетели друг за другом две яркие птички, а буквально в десяти шагах шелестело белой галькой неправдоподобно бирюзовое море…

У лысой девочки заблестели глаза и порозовели щеки. Она немедленно потянула мать к выходу. А та застыла, в растерянности глядя за окно, и все не решалась выйти.

— Вам пора, — мягко повторил Седой.

— Это *чудо*? — шепотом спросила женщина.

— *Чудо*, — подтвердил Седой.

В дверях женщина обернулась, обвела всех благодарным взглядом, перекрестилась с неловким поклоном и смахнула слезы с заплаканного лица.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Через силу улыбнувшись, она кинулась за девочкой, уже спрыгнувшей на хрустнувшую гальку откоса.

Флик и Ямщиков лежали на своих полках, опустив глаза. Они поняли, что на свою долю Седой *чуда* не оставил.

От слез в глазах все расплывалось, глядеть было трудно, но Марина могла поклясться, что одна крошечная слезинка с лица женщины не скатилась вниз. Странной сверкающей каплей она зависла в воздухе и вдруг рассыпалась на множество крошечных точек, которые медленно угасли, так и не долетев, согласно всем законам физики, до давно нечищеного пола. Лицо Седого заострилось, на нем явственно проступила восковая смертельная бледность. Ямщиков завозился на полке, и Марина подумала, что это хорошо, просто здорово, что он, в отличие от нее, ничего не видит. Вряд ли он бы обрадовался, хотя бы на секунду увидев конец их пути так ясно, как только что увидела она. Сама Марина уже мысленно приняла такой оборот дела с летящим под откос вагоном… Пускай весь мир катится под откос, она его удерживать больше не станет. Все силы ушли, лишь стоял ровный гул в голове, которая еще не могла принять, что Седой только что предал их всех ради одной *чужой* слезинки…

Только мать и дочь отошли от поезда по каменистой почве, покрытой золотистым песком, поезд тут же, с неохотой тронулся. Марина видела, как девчонка скинула шубу на песок. На бегу расстегивая кофту, она кинулась к морю. Мать шла, подбирая за нею вещи, она оглянулась, чтобы еще раз помахать им рукой, но окно купе уже заволакивала пелена вьюги. Снаружи на нем болталась ветка лианы, успевшая переползти за время стоянки с пальмы на вагон, цепляясь за обшивку свежими побегами.

Они не смотрели друг на друга, они так и глядели молча в окно на проплывавшие мимо, заметенные снегом деревни. Только перед глазами еще стояла необыкновенно счастливая, улыбающаяся женщина в расстегнутой дубленке с детской шубкой в руках…

Постепенно дорога брала свое под мерный перестук колес, однообразие заметенных снежных равнин и перелесков… А покачивание вагона убаюкивало разыгравшиеся чувства. Вагон затихал, и все его посмирневшие пассажиры обречено устраивались на своих полках, возвращаясь к своим снам.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Кирюшин выбор

Время бурных следственных мероприятий прошло, дорога неумолимо брала свое под мерный перестук колес, однообразие заметенных снежных равнин и перелесков… Покачивание вагона убаюкивало разыгравшийся азарт погони. Веселовский теперь целыми днями валялся на смятой постели. Все тянулось в раздражающем однообразии день за днем. Сам собою вставал вопрос: туда ли он сел? Вагон поздно просыпался, шумел, стучал дверьми, выходил покурить и требовал немедленно открыть туалет. А чуть темнело, все вокруг Веселовского затихало, и все его посмирневшие пассажиры ранними курицами устраивались на своих полках, возвращаясь к своим снам. Бездеятельность вначале радовала капитана, потом начала тяготить. Никого ему на помощь Капустин не прислал. Да и вагон передвигался так, будто специально стремился запутать следы. Днем Веселовский ругал себя последними словами и думал, что полковник Федосеев прав, и никакой такой хрени действительно не бывает. Но как только садилось солнце, на него накатывали волны сонной одури и приходили странные, почти осязаемые сны.

На вторую ночь он вдруг увидел во сне, как его боевой соратник майор Капустин мирно жрет ватрушки со своим земляком майором Потапенко, повесившим свой китель 64-го размера прямо на откинутый плазменный монитор его, капитана Веселовского, ноутбука. Чувствуется, что, сплавив младшего по званию в командировку, эти пендюки особо не парились, на глазах расцветая в его отсутствие.

Ни про какие синяки-царапки Капустин, подливая чаек и угощая ватрушками Потапенко, не печалился, дикими ночными ужасами дружка не потчевал. Сидят себе, чаек хлебают и домашней выпечкой подъедаются…

И до того эта картина жизненного равновесия сослужившев расстроила капитана Веселовского, что он даже поначалу не заметил, что Потапенко…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

чем-то его даже не раздражает, как всегда, а тревожит. Вызывает чувство опаски. Хотя чего там может быть опасного в пендюке Потапенко? Но будто бы присутствует в нем нечто…. другое, будто просматривается какое-то явное несоответствие.

И этот несоответствующий пендюк вдруг кладет и перед Капустиным бумагу и говорит странным замогильным голосом: «Подпиш-ши-и!..» А капитан Веселовский как бы глядит из-за плеча Капустина на бумагу и медленно опупевает от ее содержимого вместе с Капустиным. В бумажке написано, будто бы он, то есть майор Капустин, не может больше терзаться маниакальной навязчивой идеей — немедленно убить главного энергетика России. Сам-то он понимает, что это нехорошо, но общая обстановка, сложившаяся в их учреждении, постоянно навевает и подталкивает его к совершению тяжкого дорожно-транспортного происшествия с применением автоматического оружия типа АК-103. Можно сказать, у него нет больше сил — противостоять внешнему давлению профессиональной среды и преступной склонности собственной личности. Поэтому он просит не судить его строго, благодарит за все и выражает надежду на скорую встречу со всеми в ином, лучшем мире.

Капустин поднимает недоумевающую преступную личность на Потапенко и, вместе с капитаном Веселовским, внезапно понимает, что силенок-то,

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

чтобы противостоять такому давлению профессиональной среды — у него явно недостаточно. До Капустина начинает доходить, отчего это службиста Потапенко, вечно застегнутого на все пуговички, вдруг сегодня собственный китель стал стеснять. Перед ним, вместо обычной хари Потапенко, — какая-то невыносимо страшная морда с желтыми глазами без зрачков.

Капустин хватается за кобуру с криком: «Признавайся, куда Женю Потапенко девал? Если сожрал, то никогда не прощу, сука! Слышишь, никогда!» А кобура-то не расстегивается! И ноги не слушаются, потому что внезапно распахивается дверь, а там… второй такой же, только движется боком, потому что ноги у него обе… левые. И Веселовский понимает, что в таком сне у Капустина совершенно нет никаких шансов… На бумаге вдруг сама собою появляется подпись Капустина красными чернилами… рядом капает еще несколько удивительно ярких алых капель… с кителя майора, которому в горло вонзились четыре длинных лезвия, выросшие прямо из руки одного из сборщиков подписей… потом само собою открывается окно и ватное, безвольное тело начальника особого отдела без звука переваливается через широкий подоконник…

В этот момент Веселовский проснулся весь в поту. Он вначале так обрадовался, что это был сон, а потом огляделся, и ему стало еще тошнее, чем в том ужасном сне про чаепитие Капустина.

Вокруг него росли странные деревья, увешанные связками экзотических фруктов. Летали бабочки, птички какие-то… Хорошо там было, если честно. Было просто здорово вплоть до того момента, как он увидел, что между кустиков такого замечательного места ползет уже знакомая гадина в сопровождении белобрысой гражданки из первого купе.

У Васильева прямо все внутри опустилось. Вот, блин, такой сон испортил! А эти двое его, вроде, не замечают. Ну, ясно дело, во сне же все происходит. Девка идет, значит, яблоко трескает, а в руке еще авоську таких же яблок несет. И, что характерно, голая абсолютно. И, главное, нет таких яблок вокруг! Веселовский наметанным взглядом все вокруг прикинул — точно нет! Разная фиолетовая, оранжевая тропическая пакость зреет, а нормальных красных

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

яблок, как у этой девицы в авоське, — нет! И еще такая мысль у него сразу зародилась: «Они что, в магазин за ними сползали, что ли? Голые?»

А эта змеюка ползет за бабой и нежно нашептывает: «Кушай яблочки! Куш-ш-шай! Тебе сейчас надо, тебе надо многое увидеть наперед!»

Веселовский, пропустив безмятежно жующую Марину Викторовну, тихонько окликнул змея: «Эй, Кирилл! Поди-ка сюда! Чо не заходишь-то?»

— А, служивый! — явно обрадовался новому человеку змей. — Тоже спишь-шь?

— Сплю, конечно, — неуверенно сказал капитан. — Помнишь, ты говорил, что определяться будешь, за кого стоять? У меня сейчас такой хреновый сон был, что я тоже, кажется, определился…

— Вот и ладненько, вот и хорошо! — равнодушно прошипел Кирюша, с умилением глядя на голую женскую спину, покачивавшуюся меж разлапистой растительности.
— А ты, Кирилл, определился? — с надеждой спросил Веселовский.
— Определился! — восторженно подтвердил змей, закатив маленькие противные глазки. — Я, служивый, до кончика хвоста — за нее! Это же надо такое искуш-шение для меня выдумать! Как нарочно! А еще говорят — «змей-искуситель»!

Змеюка смущенно захихикала, девушка тут же оглянулась и томно позвала: «Кира!», продолжая медленно, сонно двигаться куда-то в направлении зарослей. Змей закрутил головой и ринулся узким сильным телом вслед за нею, уже не обращая никакого внимания на Веселовского.

Окончательно Веселовский проснулся серым, блеклым утром с противным вкусом во рту от съеденного во сне какого-то приторно-сладкого фрукта. Внутри этого фрукта, с мохнатой шкуркой, было много мелких черных косточек, маковыми зернышками застрявшими в зубах. Капитан их просто заколебался выковыривать зубной щеткой в туалете. Потом он, сев на давно не мытый стульчак прямо в брюках, долго смотрел на свою зубную щетку, а потом — на свое отражение в грязном зеркале, и почти сразу ему захотелось застрелиться.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Выйдя из туалета, он увидел их всех троих. Они продвигались к противоположному тамбуру, видно, решив посетить вагон-ресторан. Внезапно он все понял! Никаких сомнений у Веселовского больше не осталось. Это был тот самый просветляющий момент истины.

Он долго сидел в купе, бессмысленно глядя на проплывавшие за окном пейзажи. Потом лег, положив подушку сверху голову. И в его бедной, несчастной голове тут же прозвучало сонное шипение: «Слышь, служивый! Забыл сказать, на всякий случай. Помнишь, ты какую-то чушь говорил, будто всегда только приказы и закон исполнял, помнишь?.. Во! Запомни наставление от неизвестного тебе гражданина Иакова: *«кто вникнет в закон совершенный, закон свободы, и пребудет в нем, тот, будучи не слушателем забывчивым, но исполнителем дела, блажен будет в своем действии»*. Вот тебе и выбор, служивый! Действуй! И еще… Если хоть пальцем девочку тронешь-шш… Просто подумаешь-шш какую-нибудь гадость ей сделать, служивый!.. Ты меня понимаешь-шш?»

* * *

Ночью, в разгар дежурства, ей опять стало плохо. Как-то не по себе. Очевидно из-за этой ресторанной еды. Нет, Марина была благодарна, конечно, Седому, проявившему принципиальность. Он заявил, что раз Ямщиков всю дорогу жлобски попрекал их растворимой лапшой, то больше они и его дурацкую ветчину жрать не станут. Теперь они будут обедать исключительно в ресторане. На его личные средства, чтобы его никто не смел попрекать тем, как он свое чудо отдал. Отдал, между прочим, свое, а не чье-нибудь. Не ворованное, короче. Просто он не выносит, когда лица

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

женского пола имеют лысую голову. Это у него глубоко личное, никого не касается. И поскольку любому козлу теперь понятно, что после отдачи всяких там чудес чудесатых, в будущем ему ничего не светит, потому и сберегать средства совершенно он считает глупым и недальновидным. Сам он собирается встретить неизбежное с вывернутыми карманами, чистенькими до самого шовчика. И пошли все нах!

Первое время Марине очень нравилось ходить в ресторан. Тем более что Ямщиков, покуражившийся в последнее время довольно, вроде бы даже старался загладить свою вину. Наталию Семеновну никто из них старался не вспоминать, Ямщиков звал сыграть Марину в карты, по перрону погулять, пытался шутить… И она чувствовала, что уже совсем его простила, но как только Ямщиков выходил в коридор, Седой переубеждал ее в том, что прощать его еще рано, что такую вину, как у Ямщикова, люди кровью искупают, а ей вообще-то хорошо бы научиться быть гордой и независимой.

Марина решила посоветоваться с Анной и Серафимой Ивановной. С растущим раздражением она понимала, что если сейчас послушается Седого, то так и помрет гордой и независимой…

А потом она, совершенно некстати, чем-то отравилась в этом ресторане. Как только Марина попыталась подумать, что же такого отравляющего она могла там съесть, ей становилось совсем плохо.

В окно светила равнодушным, призрачным светом луна. Холодным светом. Марина совершенно ясно увидела, что этот свет им здесь совсем не нужен, но сил опустить тугую дерматиновую занавеску не было. Седой и Ямщиков спали. Седой даже во сне не снимал своих темных очков. Все-таки дурак он. И Ямщиков тоже дурак. Но сил думать о том, какие они все дураки, тоже почему-то не было.

И тут снова так прихватило живот так, что Марина, не разбирая дороги, потащилась в туалет. Все внутренности подкатывали к разным местам и стремились выйти наружу, чтобы жить самостоятельно, без нее. Будь они прокляты, эти рестораны на колесах… В глазах было уже совсем темно, поэтому она даже не почувствовала холода туалетной комнаты с треснувшим зеркалом, всей вони и грязи этого места. У нее хватило сил только запереть дверь. Сквозь нараставший металлический звон в ушах Марина почувствовала, что сползает по пластику стены прямо на пол, застеленный

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

мокрой грязной тряпкой. Сознание потускнело, и она провалилась в беспамятство…

* * *

Капитан Веселовский видел в приоткрытую дверь купе, как женщина из интересующего его тайного сообщества отправилась в туалет. По ее покачиванию от стены к стене, он понял, что она хорошо выпила с вечера. Как затесался в это общество капитан Ямщиков Г.П., которого он раньше узнал по разосланной до его отъезда ориентировке, он не знал. Но приблизительно догадывался, чем могло в нем заниматься белокурое глупое создание с тоскливыми, голодными глазами.

Про Ямщикова он отослал несколько SMS-сообщений майору Капустину. Но этот старый пендюк не реагировал, хотя перед отъездом Веселовский лично научил его читать письма на мобильнике. Если не считать несоответствия служебному положению старого пендюка Капустина, в целом ситуация складывалась как нельзя удачнее. Да слепой бы не заметил, что из них всех троих эта дамочка — никчемная, пустышка.

Капитан вспомнил рассказ своего сокурсника Лени Слепцова из отдела, разрабатывавшего некую девицу, имевшую отношение к террористам, устраивавшим взрывы в Москве. С какой завистью он тогда слушал довольного собою Леньку, со смехом описывавшего, как молоденькая влюбчивая дура поверила в его искреннее чувство и желание немедленно жениться. Под необременительные ласки и случайные рукопожатия — она выложила драгоценные сведения о базах боевиков, выразившиеся в звездочках на погонах бывшего однокашника.

Он сразу вспомнил, как и девица из первого купе тоже смущалась и отводила глаза, когда он прижимал ее к стенке, проходя мимо нее в тамбур по узкому коридорчику. Конечно, такого рода разработку, какую он тут же решил устроить этой гражданке, вряд ли бы одобрили два старых пендюка, любители чая и ватрушек. Но… отчего

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

же ему раньше это в голову не пришло? Зря он, что ли, в этом прицепном вагоне холостует?

Представив, как они после поржут над его рассказом с Ленькой Слепцовым на глазах всех старых пендюков, он быстро снял брюки, футболку, молниеносно протерся твердым дезодорантом и бесшумно, крадучись, стал пробираться к первому купе, чтобы, до прихода незадачливой участницы тайных обществ Привратников, устроиться на ее полке…

Пятое купе не спало. Явственно слышался шелест высвобожденных на ночь кожистых крыльев, резким тревожным звуком проносилось по вагону пощелкивание чьих-то когтей… В купе стоял влажный, спертый воздух, но кожа все равно подсыхала и покрывалась тонкими светлыми чешуйками, причиняя неимоверный зуд. Между собой сары переговаривались едва различимым сиплым свистом. Они оба почувствовали, что защита с первого купе снята, что там есть лазейка. Думали они почти одинаково, поэтому сразу же, одновременно подумали о белокуром Факельщике. С начала веков сары знали, что Факельщика надо убирать первым. Не сговариваясь, они неуклюже спланировали с верхних полок, цепляясь крыльями, скинули остатки одежды на пол, вынув, наконец, спрятанные хвосты, расправили и размяли друг другу затекшие плечи и, бесшумно отодвинув дверь купе, цепляясь за дюралевые рейки, поползли по стенам к первому купе.

Там было тихо. Дверь оказалась приоткрытой, лунная дорожка лежала как раз сверху четвертой пентаграммы, третья и вторая были уже повреждены чьим-то вторжением. Мысль пришла вновь одновременно к обоим. Сегодня дежурит ненормальный Факельщик, которого зачем-то сделали на этот раз женщиной. В рассеянности, она сама повредила вторую пентаграмму, а третью уже после очевидно пробил вездесущий Петрович. Так оно, скорее всего, и было.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Осторожно ступая по лунному свету, один из саров подошел к нижней полке Факельщика. Тот лежал, закрывшись одеялом с головой, прижимаясь к стенке так, что с первого взгляда можно было бы подумать, будто узкая полка пуста.

Дохнув на Факельщика сонной лунной пылью, набранной предварительно в рот, сар аккуратно обмотал его в одеяло и бережно, как младенца, взял в мощные когтистые лапы. Как только голова или ноги Факельщика показались снаружи, их тут же подхватил второй сар, висевший вниз головой на потолке. Стремительно перебирая лапами, они понесли его к тамбуру, за дверью которого безумным голосом завывала вьюга…

Капитану Веселовскому снилась весна. Весной на ближайшее болото прилетят журавли. Много журавлей. Они будут ходить на длинных лапах и рассказывать ему, лежащему под откосом, о жарких странах, где они провели без него эту зиму. Они знают так много сказок! Про прекрасных принцесс, про халифов, превратившихся в цапель, про фею, ставшую совой… А потом у них родятся маленькие птенчики, и один из пушистых серовато-желтых комочков будет с удивление глядеть на обглоданные останки на гальке откоса, будто стараясь припомнить что-то очень важное…

Последнее, что почувствовал капитан Веселовский, еще будучи человеком, хруст переламывающихся шейных позвонков, треск разрываемых сухожилий и суставов, а потом его сразу окутали холод и тьма…

* * *

Марина с трудом дошла до своего купе. Холодная вода из-под крана немного уняла тошнотворную дрожь желудка. В голове черной дырой зияла пустота. Она в изнеможении упала на свою полку, даже не удивившись, что на постели отсутствует одеяло. Последней ее мыслью было, что и завтра наступит такой же гадкий день, потому что все пригожие дни остались далеко на западе…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Из истории Отечества

Солнце садилось за дальнюю сопку, предвещая будущий ветреный, холодный день. Впрочем, все пригожие дни остались далеко на западе, на воле. Возле костра копошились несколько дистрофиков-доходяг безразлично глядевших на горизонт выцветшими глазами. Бригадир только сплюнул в их сторону. Он привычно шугнул двух юрких блатных, филонивших на тачках. Вместе грунта эти суки больше снег перевозили туда-сюда, радостно изображая на ряхах победу социалистического труда. Бригадир явно высматривал кого-то в куче жавшихся друг к другу фраеров из первого барака.

— Макаров! Вали сюда, гнида! — сквозь зубы крикнул он жилистому, с ввалившимися скулами зэку.

— Я по фене не ботаю, — глядя в сторону, сказал ему Макаров.

— Я к тебе, как человеку, — пояснил бригадир.

— Говори, — коротко отрезал Макаров.

— Отойдем. Помнишь, к нам два проверяющих приезжали в августе? И сразу нас с молибденовых рудников на эту ветку кинули? Ты не кивай, зараза, кумполом, как мерин! Стой и слушай! Гляди в сторону, как глядел! Меня это дело тоже беспокоит, понял? Ты думаешь, одни ваши фраера сны про эту гору видят? У меня тоже когда-то мать была!

— Верится с трудом, извините, — попытался дерзить Макаров как фраер.

— Слушай, я же понимаю, что эта ветка сейчас для победы нужна гораздо меньше, чем молибден… У меня два пальца там оторвало, вот, видишь? Но я знал, что это для победы… Думал, может амнистию нам дадут.

— Вам, может, и дадут, а мне… — с отчаянием выговорил Макаров, глядя на запад.

— На вот, чибас, после охраны наши урки подбирают… Не криви рыло, не мусоленных нет, вашим мужикам давно посылок не было.

— Наши почти все с запада… Не знаю даже, что там и как…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Понятно. И хохлы из военнопленных ни чо хорошего не рассказывали. Не дергайся, все на соплях держимся. Виду не подавай! Ветка эта, Макаров, здорово меня беспокоит. Не по-хорошему ее ведут. Ничего тут хорошего нет. Узкоглазые на нарах вчера оленину дохлую в лагерь подвозили, плюются на нас…

— Видел.

— Сны тоже видишь?

— Вижу.

— Сообрази до вечера, как сделать такое… Ну… Понимаешь?

— Договаривай. Я не сука, но договаривай до конца, Рваный!

— Э-эх! Одна надежда, что не сука. Мы умрем? Скоро умрем, Макаров?

— Скоро. И судя по жирным чибасам, наша охрана в себе тоже не уверена. Когда ты видел такие чибасы в старой зоне? А тут глянь, две затяжки — и в снег! Нас сторожат проштрафившиеся. Я давно их приметил. Собак почти фаскают. Они почти зэки, их послали сюда с нами вместо зоны. Кого-то упустили на прежнем месте, наверно. Знаешь же нынешний закон: охрана упустила, всю смену вместо не пойманных зэков садят — чужой срок досиживать…

— То-то они за каждым беглым, как за зверьем, по тайге охотятся. Значит, положат всех, — с тоской протянул бригадир, глядя на багровую полоску горизонта, где далеко на Западе садилось неласковое зимнее солнце.

— Всех положат, — эхом повторил Макаров. — Здесь случайных — никого нет. Наших фраеров из барака всех после майской бузы набирали.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— А у нас в 326-м лагере несколько блатных тоже весной сдернуть хотели, кабанчика решили из мужиков себе подготовить. Козлы. После допросов — самосуд им устроил. Терпеть не могу, когда кто-то решает людей жрать. За моей спиной. Теперь сами мы все кабанчики. Макаров, ты можешь сделать так, чтобы часть звеньев с виду были как новенькие, а при подходе состава утопли, а? Ведь мать-то у тебя крещеная была? — с надеждой спросил Рваный.

— Нет, не крещеная. Я еврей, — безразличным тоном сказал Макаров. — Два года назад во сне проведывать приходила, сказала, что всех во рву… Всех… Так что посылок моих тебе больше не шмонать, Рваный!

— Ты отвернись, Макаров, сопи в сторону! Утрись, давай! На еще чибас! Да не давись соплей! Моих всех при мне в двадцать восьмом шлепнули. У нашего же амбара! Нечего мне с тобою делить! И если пропадать, то не за этих горбатых проверяющих, которые на крови ряхи отъели!

— Наши мужики вторую неделю шляпки у костылей стачивают, — тихо, но с нажимом сказал Макаров.

— Хорошее дело! Гляди-ка, и мы вторую неделю, заметь, к вашим не цепляемся и сами костыли сшибаем. Сознательные, бля, — радостно подхватил бригадир. — Как-то надо объединять усилия, морда жидовская?

— Надо, Рваный! А за морду жидовскую ответишь! — беззлобно ответил Макаров, впервые улыбнувшись за весь разговор шутке бригадира.

— По понятиям, Макаров! Ты же инженером на воле был! Не какой-нибудь мужик! Звенья нужные, когда укажешь? — неприметно толкнул его в бок Рваный.

— Грунты проверить надо. Скажи шестеркам, чтобы на откосах по жмене безо льда в котелки прятали после обеда. Из свежей выработки пускай берут, сразу после кайла. На откосы только ваших блатных поссать выпускают.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Ладно, сейчас пригнись, бить буду! — шепнул бригадир и, неожиданно вдарив промеж глаз так и не успевшего пригнуться Макарова, тут же заорал, косясь на направлявшегося к ним охранника: — Я тебя в последний раз предупреждаю, сука! Филонить у меня никто здесь не будет! Урою, гнида! Кровью блевать — будешь! А филонить — хер тебе с ушами! Шевелись, враги народа, сучьи дети! Шпалы брать с синими номерами! Пелагра недоношенная!

* * *

Что-то неуловимо менялось вокруг. Стрелок ВОХРа старшина Поройков, прошедший не одну зону, несколько пересылок, распределителей и крупных лагерей, чувствовал это кожей лица. Ему казалось, что он никак не может поймать, уловить странный ритм, целиком наполнивший теперь каждый вдох и выдох вокруг. Непорядок. Во-первых, ритм должен был задаваться им, Поройковым, а во-вторых, все непонятное на его службе обычно заканчивалось пером в бок. Поэтому он напряженно присматривался к жизненным изменениям вверенного охранению контингента.

Охрана теперь весь день растерянно топталась у шалаша на косогоре, глядя сверху, как голодные зэки, просмоленные всеми ветрами неволи, дружно вгрызались в мерзлую землю. На тачки теперь почему-то вставали пожилые дистрофики, едва переставлявшие ноги в середине колонны. Они же таскали теперь сучья к общему костру, грелись, сколько хотели. И никто из блатных, сноровисто махавших кайлом на откосе, почему-то не смел раскрывать на них хаяльник.

Драки на ночевках тоже прекратились. И за движением неровной колонны людей в ватных бушлатах, с виду подчинявшейся сонным охранникам, чувствовалась своя жесткая организация. Пусть. Так было всегда. Но не было чего-то важного, непреложного атрибута зоны — вражды статей. Впервые после перехода на новое место отряды не разбивались на вояк, психов, баптистов и прочих, будто кто-то перетасовал их как карты, выложив в рядок

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

лишь по весу. В отряды теперь становились молча, плечо к плечу, синие от наколок блатные и цинготные, терпеливые мужики.

По лагерю перестали шататься потерявшие рассудок от голода опущенные, потому что вместо двух наглых урок в пищеблоке неожиданно оказались два оставшихся в живых священника из Белоруссии. Но больше всего Поройкова потрясло, когда он увидел, как несколько мужиков-дистрофиков, сидя у стенда социалистического соревнования, с упоением слизывали с пальцев коричневый клейстер. В лагерь доставили всего шесть посылок с ржаным хлебом, который после размораживания в кипятке приобретал вид коричневого студня. Все посылки предназначались уважаемым на зоне блатным с самыми кровавыми сроками, но почему-то никто из них хлеба из собственных посылок по морде не размазывал.

Во всем чувствовался жесткий порядок, как и положено в режимном учреждении. Проблема заключалась для Поройкова не в порядке, а в том, что этот порядок исходил вовсе не от руководства их подразделением, а, значит, представлял опасность как для всего лагеря, так и для него, Поройкова, лично.

Опытный старшина чувствовал, что зэки сплотились возле матерого вожатого по старому лагерю. Причем все. Блатные, фраера, мужики. У них явно появилась цель. А весь опыт подсказывал старшине, что цель зэка может быть направлена лишь исключительно во вред охране. Прикидывал он так и этак. Концы не сходились. Сдернуть собрались? Куда? И как? Отсюда не сдернуть. Подойти, разве, да спросить самого Рваного? Вот смеху-то будет!

Хуже всего, что Поройкову снились эти изнуряющие, бесконечные сны. Нет, раньше тоже всякое снилось. Особенно про Ленку. Ну, как он приезжает домой в Подтелково, а она, падла, с безруким Михасем живет. И он еще, главное, думает до утра, что же с этим Михасем делать, бить-то его как? Инвалида гребаного. И мать, главное, до утра воет, и Ленка… Прямо в голове.

Но сейчас ни Ленка, ни Михась вообще не снились. Почему-то снились только два странных проверяющих, за которыми он до утра ходил конвоем. Причем,

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

когда он в конце августа действительно сопровождал их по всей длине будущей ветки, ничего странного ему тогда в них не виделось. А теперь в каждом сне он вдруг примечал в них то какие-то шевелящиеся горбы на спине, то стремительную походку боком, то вдруг даже начинал понимать это пощелкивание, которым они между собою переговаривались. Один все беспокоился, чтобы ветка пересекала весь циферблат. Так и щелкал клестом второму: «Циферблат! Циферблат!» А второму почему-то от всего циферблата только восемь частей надо было, но подзузукивал он второму как-то не на русский манер: «Восем част! Восем част!» Точно! Так немцы поволжские в 257-м лагере на Вишере цемент для раствора отмеряли: «Одна част, два част».

Каждую ночь Поройков теперь мучился мыслью, почему кроме него никто не видит, что проверяющие — немецкие шпионы. Во сне он каждый раз пытался писать донос самому главному начальнику, генералу НКВД, запоздало сожалея, что бросил школу после пятого класса. Хотя кто бы тогда мать кормил с пятью оглоедами на руках? А утром Поройков понимал, что вся эта хрень, что теперь настойчиво ему снится — следствие того порядка, который кто-то наводит в лагере без его участия. И ведь даже овчарки — умные, проверенные суки, только смотрели на Поройкова какими-то тоскливыми глазами и даже не рычали на подконвойных.

У него хватало опыта и жизненного ума выявить рано поседевшего фраера с пятью пунктами по 58 статье, которого на удивление часто лупцевал бригадир Рваный. Зря он это делал, зря. Слишком спешил, с-сука. С наблюдательного пункта Поройков собачьим нюхом чувствовал, что сам бригадир, после каждой зуботычины, бежал выполнять какие-то тайные распоряжения этого стриженого фраерка.

Почва уходила у Поройкова из-под ног. То же чутье ему подсказывало совершенно недопустимую для его душевного равновесия мысль, что вовсе не сдернуть с кичмана собирается эта серо-черная рвань, что все их усилия направлены на рост производительности труда и досрочную сдачу объекта социалистического строительства. И от этих мыслей хотелось задрать голову к рано темнеющему небу и по-волчьи завыть на прозрачный рожок луны.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

В объятиях тьмы

От противоречивых мыслей, которые посещали его теперь, Ямщикову хотелось по-волчьи завыть на прозрачный рожок луны, болтавшийся за окном над его верхней полкой. Он знал что, в отличие от Седого, Маринка бы давно стала с ним разговаривать. Шкурой чувствовал, что это Седой тихонько ей указания дает. Подумаешь, он, видите ли, не поверил, что у того нюхалка заработала! Сами вначале одно говорят, потом сразу — другое. А он ему, как лох, каждый раз верить должен! Ямщиков подумал, что надо бы сказать Седому веско: «Я, Седой, в Бога верить обязан! А тебе я ни хера не должен!» Но почти сразу вспомнил, сколько он задолжал хитрому Седому за халявную жратву в ресторане, и вполголоса матюкнулся.

Из ближнего тамбура явственно потянуло паленым. Продолжая материться, Ямщиков соскочил с верхней полки. Дверь в купе была вообще раскрыта. Маришка спала, скинув куда-то свое одеяло и поджав под себя красивые женские ноги. Ямщиков даже заскрипел зубами, понимая, что всю оставшуюся дорогу этот Седой будет старательно гундеть Марине, какой он, Ямщиков, кобель. Хоть бы сам как мужик подумал, что не мог он иначе с Наташкой. Не мог и все! Он стянул свое одеяло с полки и накинул его на полуголую Марину, с особой заботой укутывая голые ноги. С полки Седого тут же раздалось покашливание. Еще раз матюкнувшись, Григорий взял сигареты и вышел в тамбур.

В тамбуре Ямщиков застал Петровича, который, воровато поглядывая на дверь, ведущую в вагоны основного состава, засовывал в топку вместо угля какие-то шмотки. Он даже не расслышал, как в тамбур вошел Ямщиков, поэтому вздрогнул от неожиданности, когда тот спросил за его спиной: «Ты что же это делаешь, вожатый?»

— Гриша, — со слезами вскинулся к нему Петрович, — только не продавай! Не знаю я, что с Кирюшей делать! Понимаешь, бригадиры сказали, чтобы я больше по буфетам с ним не бродил. МПС не позорил. А крыс никто для него

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

не ловит. Да у меня и бабки на хомяков кончились! К пиву он тут пристрастился в последнее время… Все время себе пива требует.

— Стоп-стоп, дорогой! Погоди! — сорвал все накопившееся раздражение на беззащитном Петровиче Ямщиков. — Это какой такой Кирюша здесь пиво трескает с хомяками? Слушай, Петрович, ты не съехал с остатнего умишка? В глаза глядеть!

— Так это… я думал, что ты знал, — заюлил Петрович. — Сколько раз пили вместе. Кирюша ведь тоже присутствовал… Ты ведь ничего не спросил… Я тоже лишний раз людям в душу не лезу.

— Так ты… Мне это, значит, не привиделось? Это та самая тварь, которая у меня в башке роется? — возмутился Ямщиков.

— Ну, чего уж он там у тебя мог нарыть, — решительно встал на защиту Кирилла Петрович. — Про твой залет в тамбуре и так все знают. Про Чечню, про два или три суда, и как тебя Наташка бросила — все давно в курсах. Про то, что я удавчика везу — тоже все знают. Он мне как родной, понимаешь? А то, что по головам роется, так ведь сам посуди! С кем ему здесь общаться?

— Петрович… Тебе хорошо, ты давно сдвинулся, — грустно ответил Ямщиков. — А мне вот сейчас так с вами всеми хреново…

— Я, видите ли, сдвинулся, а он еще нет! А кто тебя предупреждал, чтобы ты не гадил туда, откуда сейчас напиться тянет? Я хоть и сдвинутый, но всех насквозь вижу! А ты мне заявил, что я — цуцик, а ты, дескать, — собственник. Вот сейчас сиди вместе со всеми цуциками и не квакай! — сказал Петрович, с натугой пытаясь оторвать рукав от мужского пиджака из рыхлого кашемира. — Не стой идиотом, Григорий, помоги лучше! У меня, может, тоже вчера тяжелая сцена была… Не рвется, главное, ни хрена, сволочь! С Аннушкой мы всю ночь прощались. Пообещала дождаться меня… Хотя с вами она меня, скорее всего, хрен дождется, если честно. Вот Кирюша без присмотра и уполз

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

опять… Ведь просил я его не ползать, просил! А он матерится только. Материться выучился, зараза… И до чего отчаянный! Я так боюсь за него! На прошлой неделе немтыря сожрал… Ну, помнишь, немтырь в вагон заходил? Карточки всем разнес неприличные, а обратно за деньгами не пришел, помнишь? Ваш очкарик еще заставил тебя все карточки выкинуть, а ты их за огнетушитель спрятал, помнишь? Нечего на меня так смотреть, не брал я твои карточки! Господи! Не о карточках речь… Понимаешь, я потом в тамбуре ботинок нашел. Точно от немтыря! Он в туалете загадил все, и отпечаток протектора — точь в точь! Зараза! Мыть-то мне, блин. Я и подумал тогда еще, что хорошо бы его Кирюша сожрал! Все-таки три дня потом не кормить… Только на пиво тратиться… Господи!

Ямщиков глядел, как Петрович сквозь свой непрерывный скулеж пытается засунуть в топку фасонистую дубленую куртку. Куртка не лезла в узкое жерло, выплевывавшее сизый дым, от которого нестерпимо щипало глаза. Ямщиков машинально наступил на рукав куртки и с силой потянул за цигейковый воротник.

— А кого он сейчас-то у тебя съел? — растеряно спросил он.

— Пассажира из шестого купе! Нигде нету! Чуешь? Ой, мать-перемать! В туалет, видать, среди ночи поперся в одних трусах! А Кирюше по фигу! Лежит сейчас довольный, от всего отпирается… А я так понимаю, что как он увидел его, уже очищенного, в одних трусах, даже без майки, так и не сдержал себя… Гриш! Не выдавай, Христа ради! Тут понимаешь дело-то какое… Этот пассажир не простой был. Я их по глазам вижу! Он — чекист был! Точно! Искать станут еще… Ой, бля! Я бы тихонько шмотки выкинул или старухам за полцены спустил, а теперь, один хрен, жечь надо! Ботинок подай!

— Только ты, Петрович, дверь наружу открой, а то ведь все в вагон тянет.

— Спасибо, Гриша! Не выдавай! Ладно?

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Да мне-то до лампады. Твои проблемы. Смотри, чтобы эта гадина самого тебя не слопала, — зевая, сказал Ямщиков.

— А кто ему, заразе, пиво таскать будет? — резонно заметил Петрович, засовывая в топку стильный мужской джемпер.

* * *

Проводив Анну, Петрович погрузился в хандру и меланхолию, потом начал выпивать. От лица всех пассажиров его ходила увещевать Серафима Ивановна, но Петрович ей заявил, что все последующее, что его ждет в этом вагоне, он желает пережить под хорошей анестезией.

Новые пассажиры в вагон не садились. Хотя студенты неоднократно пробовали прорваться на халяву… Вышедшие на волю зэки тоже несколько раз возле вагона крутились. Вроде после амнистии. Но как только потенциальные попутчики видели в проеме двери пьяного Петровича с Кирюшей на шее и желтым флажком в руках, так сразу передумывали садиться в вагон. Обычно все почему-то руками отмашку давали. «Идите вы в жопу!» — так это надо было понимать. И вагон весело катился по поющим рельсам дальше. Прямиком, непосредственно туда. Без точного расписания. Будто намеренно передвигаясь исключительно по ночам.

Днем вагон стоял где-нибудь на неизвестных станциях третьего сорта, на самых дальних путях. Никто к нему хомячков не нес. Да в таких дырах безымянных и хомячков-то, наверно, отродясь не было.

До станционного буфета Петровичу приходилось нести Кирюшу на себе. За ним подтягивались и пассажиры. В вагон-ресторан теперь можно было попасть только поздно вечером или рано утром. Обычный ассортимент выносной торговли всем осточертел под завязку. А с Петровичем им было спокойнее, они полагали, что уж без него-то вагон точно не уйдет. По крайней мере, не должен уйти, пока он желтый флажок не покажет.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Никто уже проводнику за Кирюшу не пенял, хотя покопаться в головах этот змееныш успел у каждого. Все понимали, что Петрович переживает тяжелую душевную травму, поэтому старались лишний раз его вообще претензиями не тревожить.

Даже приятно было внимание со стороны населения. Во всех проходящих составах сразу народ к окнам прилипал, когда они гуськом тянулись по путям за Петровичем, и вездесущие привокзальные ребятишки кричали им вслед: «Циркачи едут, циркачи!»

Петровича прилипчивые пассажиры раздражали. Впрочем, в состоянии обострения нервов его раздражалибуквально все. Он ругался вполголоса, пассажиры отставали немного, а потом намертво прилипали к нему опять. Так и тащились следом.

И почему-то никто билет перекомпостировать не стремился. Почему-то смирились все со своею судьбой. Серафима Ивановна, вновь оставшаяся одна, уверяла небольшое общество, собиравшееся в тамбуре у туалета, что, хотя она, конечно, совсем не такая, но чувствует, что в этом вагоне ответит за все грехи свои тяжкие. И после столь знаменательного железнодорожного путешествия она может совершенно бестрепетно предстать к престолу Господнему. А там она непременно встретится с покойными родителями, мужем, свояком, кумом, совхозным зоотехником, трактористом МТС, с которым она познакомилась на курсах в 56-м году, Васькой Шутовым, который у них два лета подряд коров гонял на выпас, и со многими другими.

И такая же решимость была написана и на лицах других пассажиров, шагавших с пустыми пакетами за Петровичем. Только буфетчицам они сразу откровенно не нравились, когда Петрович выпускал к ним Кирюшу в склад попастись. Поначалу. Визжали почему-то сразу. А когда Кирюша был голодный, он ни о чем думать не мог, кроме еды. Но, закусив в подсобках крысятиной, он всегда что-то хорошее телепатировал в головы буфетчиц. Те сразу трубку телефонную бросали и кончали орать про милицию. Мог Кирилл к себе женщин чем-то расположить. В Хайрузовке на Красноярской железке

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

буфетчица даже поинтересовалась у Петровича, сколько он хочет за змейку? Но после какой-то Кирюшиной мысли покраснела, захихикала и отказалась от делового предложения.

* * *

Пятое купе молчало, будто там уже и не было никого. Но, втягивая в себя воздух, Седой чувствовал сладковатый, пряный запах, сочившийся сквозь запертую дверь купе из коридора. Он понимал, что без Бойца, как бы все осознавшего и почти проникшегося, им долго не продержаться. Прикидывая разные варианты и рокировки, Седой понимал и то, что сары начнут с Факельщика. Поэтому решил махнуть рукой на явные кобелиные демарши Ямщикова в отношении Марины, понимая, что только так она окажется под постоянным присмотром.

Правда, странности в поведении Факельщика начинали донимать уже и Седого. Ставить ее на дежурство было бессмысленно, она беспробудно дрыхла до утра. Уже и без глаз было видно, что в этой нынешней Марине все меньше оставалось от Флика. Целыми днями она моталась по соседним купе с какими бесконечными бабскими разговорами. Посмотрев что за пентаграммы она начала рисовать как-то вечером, Ямщиков, матерясь, отнял у нее гвозди и мелки. Ночью она могла спокойно отправиться в туалет, протопав прямо по всем знакам, раскрыв дверь на всю ивановскую. На днях огорошила Седого дикими расспросами, почему люди бывают такими маленькими? Их ведь так легко убить, когда они ходить не могут и разговаривать! Будто их трудно убить, когда у них языки развяжутся. Спросила бы у Ямщикова, он бы ей много чего рассказал на этот счет.

Пребывая в постоянной тревоге за шизевшего на глазах Факельщика,

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Седой уже сам посылал Ямщикова за нею, если ему казалось, что она слишком долго отсутствует.

Один раз даже Ямщиков ее не узнал, когда она тихо сидела на мусорном ящике в тамбуре у туалета с маленьким пацаненком на руках. Рядом с нею вертелся мальчуган постарше с обветренным простудой ртом.

— Мне мамка десять рублей еще с собою дала, все бутылки сдала из подъезда, чтобы я был не хуже других, — рассказывал он Марине, слушавшей его серьезно и сосредоточенно. — А училка нас в антракте к ларьку не выпустила, и я так и не смог купить себе клоунский нос на резинке. Мне этот нос во как был нужен! Я бы фиолетовый себе купил. А она сказала: «Сиди, Манохин, смирно, а то нервы у меня на тебя сейчас кончатся!» И когда циркачи ходили по рядам с обезьянками в юбочках — тоже погладить не дала. А я совсем близко был! Вы, тетенька, знаете, что у обезьянок жопка красненькая? Сам видел! Я в цирке целых два раза был. Один раз — совсем маленьким, когда еще папка в тюрьму не уехал…

Из туалета вышла женщина с мокрыми штанишками в руках и подхватила ребенка. Марина нехотя рассталась с чужим диатезным сокровищем и понуро отправилась следом за Ямщиковым. А у Григория в период этой сцены вновь разыгрались противоречивые чувства. Короче, ему ни с того, ни с сего стукнуло в башку, что хорошо бы сейчас ехать так же с Маришкой, с детьми… К матери, к примеру. Думать только о том, чтобы штанишки состирнуть, горшок вытрясти. Вот бы мамка обрадовалась!

Тут Ямщиков мысленно приказал себе остановиться. Поняв, что тоже сходит с ума, он отправил Марину к Седому, а сам выскочил в ближний тамбур воздухом подышать. Действительно, как тут не шизнуться? Ведь нет у него никакой мамки и не было! И как можно такое думать о боевом товарище? При этом в полном спокойствии и отрешенности положить с прибором на цели и

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

задачи грядущего Армагеддона… Трясущимися руками он пытался поджечь сигарету, а эта сволочь назло ему не хотела поджигаться…

— Гриш, ты с фильтра поджигаешь! — заметил покачивающийся Петрович, вышедший в тамбур следом.

— Петрович, сейчас почувствовал, как люди с ума сходят! — еще в потрясенном состоянии нервов сказал Ямщиков, выбрасывая сигарету. — Мне как-то надо сохраниться, ведь все шизеют на глазах!

— Меня, что ли, имеешь в виду? — с нескрываемым безразличием спросил проводник. — Да я решил в завязку уйти. Хотя… Сейчас только вспоминал мечты разные, иллюзии, с которыми на железку пришел. Тоже подумал, я тогда был чокнутым, или наоборот — потом?..

— А что такое? — заинтересовался Григорий.

— Ну, знаешь ведь, раньше правило такое было, что если баба в поезде родит, то ребенка потом вся железка бесплатно катает. Наши нынешние крохоборы такое урезали, конечно, иначе хитрое бабье нарочно рожать сюда бы полезло. Но раньше такое правило было, не вру. И представляешь, вспомнил мечты молодости, чтобы именно у меня в вагоне кто-нибудь родил! Представляешь, каким идиотом был? В тонкостях представлял, как я героически роды принимаю, как мамаша благодарно рыдает при расставании… Даже самого слеза прошибала… Ну, ты понимаешь, что это строго между нами…

— Да чего уж непонятного? — с грустным смехом ответил Ямщиков. — Ты перед собою видишь такого же урода. Сейчас мечтал, что как бы те два пацаненка из последнего купе — мои собственные, а я, дескать, с женой к матери еду…

— Гриша, это так бабы на нас влияние оказывают! Не поддавайся, Григорий! — не на шутку испугался Петрович. — Иначе всем писец будет! Я пил только потому, что мне вдруг захотелось жить обычной такой жизнью, в которую нас бабы затягивают… Может, они по-своему правы, конечно. Но по скудости умишка эти дуры не в состоянии понять, что у мужчин, вообще-то, свои задачи имеются. И на этих задачах, может, мир держится!

Петрович хотел прибавить еще что-то важное, но только грустно махнул рукой. В целом его Ямщиков понял. Они стояли в объединяющем мужском молчании. Обоим стало значительно легче, хотя они понимали, что болтаются где-то на самой грани. Действительно, весело будет, если они спятят одновременно…

Тускло светили лампочки тамбура. А за окнами вагонных дверей стояла непроглядная темень, хоть глаз выколи. И кто его знает, что скрывала она от них в своих цепких объятиях?..

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Камлание

Потрескивая, догорали смолистые факелы возле Шатра Божественного Послания. А дальше, за высокими лиственницами скрывалась непроглядная темень, хоть глаз выколи. И кто его знает, что скрывала в своих цепких объятиях?..

Разбудили как всегда, затемно, в четыре утра. Наскоро натянув на зимнюю одежду белые балахоны, все послушно построились в большой круг, в центре которого главный богослов, бывший редактор районной малотиражки Вадик Жаров, а ныне кодификатор учения, редактирующий тексты самого Живого Бога, принялся ругать братьев и сестер, все более распаляясь.

Несколько женщин возроптали и отказались накануне обливаться холодной водой и заниматься босохождением, хотя именно такое послушание наложил на них Вадим. Взъелся на этих баб Вадим, конечно, лишнего. Но ополчился он на них вовсе не как на баб, половых различий в послушании среди братства не допускалось. Более того, в Городе Живого Бога царил полный, абсолютный запрет на половую жизнь, дополняемый запретом на любые, даже случайные прикосновения, причем не только к людям, но и к домашним животным. Две старицы, прихватившие из Подтелково с собой собачек, до одури ходили теперь по улицам Лунных Цветов и Ласковых Снов на южном склоне сопки, очищаясь от бесовских прикосновений.

Недовольство Жарова вызвали женщины, прибывшие из одного поселка с Лихачки и дружно державшиеся вместе. А во всех, кто вместе держится, всегда заводится бес противоречия. Как Вадик с ними не боролся, женщины тихонько научили других баб надевать на бдения и литургию под белый балахон толстые свитера, куртки-ветровки и штаны с начесом. От обливаний на морозе на улице Поющих Гор и хождения босиком по улице Хрустальных Врат бабы категорически отказывались, хотя Вадим объяснял им, как людям, что заболевания, заработанные в таком святом месте, с резким повышением

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

температуры трактуются учением как прохождение «огненного крещения», ведущего к омолаживанию и сожжению «внутренней скверны».

Но главное, все эти бабы постоянно приставали с вопросами к Сергею Кропоткину, бывшему ракетчику, полковнику в отставке, который ведал на Священной горе хозяйственными и финансовыми делами братства. Интересовали этих бабенок, конечно, не вопросы омоложивания и изгнания внутренней скверны, а когда им будут нормальные дома вместо чумов ставить и замуж за братьев разрешат выходить. Все они продали квартиры, хозяйство, вложив деньги в братство, и, мучимые скаредностью и корыстью, настойчиво вызнавали теперь у Кропоткина, куда же их денежки девали? Объяснения об огромной просветительской работе братства, теток не устраивали. Они считали, что раз они сдали в братство денег гораздо больше, чем другие, то пускай бы им хоть яйца покупали, не все же одну морковь и картошку мороженную жрать, как кроликам. Сергей смиренно им напоминал о запрете Ока Бога на мясо, рыбу, яйца, лук, чеснок, шоколад и все прочее, тогда бабы начинали выть и проситься домой. Хуже всего, просили деньги назад вернуть. А ведь знали, что не только домой, а с улицы на улицу было запрещено переходить братьям и сестрам без личного благословения Ока Живого Бога, передаваемого Вадиком Жаровым. Короче, искушали эти гадины Кропоткина довольно долго и даже склоняли к скверне сожительства. На литургиях откровенно зевали, а на ночных бдениях просто дрыхли, сбившись в кружок.

Вадим каждый день проводил им отдельные наставления: «Старайтесь, сестры, поститься во всем и всегда: мало спать, вести ночные молебны, бдения. Повсюду уже царят сатанинские энергии и превращение людей в биороботов! Только проповедь веры, чтение религиозной литературы, пение псалмов, моления, обсуждения божественных посланий в кругу братьев и сестер спасут вас от государственного кодирования! Земля уже начала переход в новый временной виток, скоро она выйдет из сферы материального мира окончательно, перейдёт в Мир Огненный, невидимый. Наступит Великое Преображение человечества. Под Новым Небом на Новой Земле останется

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

лишь «золотой остаток» из праведников, признавших Око Живого Бога. Остальные, грешники, будут претерпевать муки ада!»

С муками ада для оставшихся в Лихачке грешников и собственным спасением бабы были полностью согласны, но ждать Великого Преображения без бани, еды и мужиков — наотрез отказывались. Считали, что спать четыре часа — очень мало, что они от таких молитв и визгов на глазах дуреют. Главной среди них была Валентина Липкина, рослая видная баба, работавшая до вступления в братство заведующей детским садиком.

После длительных утренних молебнов Вадик отпустил всех до вечерней литургии, строго-настрого наказав братьям и сестрам не общаться с отщепенками и не перенимать их гнусных, искусительных помыслов.

Спускаясь к женскому бараку узкой дорожкой, расчищенной от снега, Валька Липкина, подхватив под руки своих подружек, со смешком сказала довольно громко, чтобы слышали остальные сестры, едва переставлявшие ноги от зимней бескормицы, будто бы она запросто может договориться с Колькой, чтобы он им яйца к вечерней баланде выдавал. Уж ей-то Колька никак не откажет. Почти никто из задумавшихся о прибавке к рациону сестер, посланных следить за тремя упорствующими в ереси, не услыхал, как Валентина шепотом прибавила подругам, что им надо плюнуть на деньги и успеть до вечерней литургии свалить в Подтелково, мол, сердце у нее что-то не на месте.

Сестры, плетущиеся немного позади трех подружек, увидели, как те, остановившись, стали о чем-то тихонько сговариваться. Однако узнать, что еще придумала Валька Липкина, никто из них так и не успел. Одна из сестер, сразу поняв, в чем дело, побежала донести Вадику Жарову в молельный чум. Валька, разглядев, что ее план раскрыт до осуществления, потянула подруг за руки. Вначале они лишь прибавили шагу, но, увидев, как, расталкивая сестер, из молельного чума к ним бегут крепкие братья в белоснежных балахонах, тоже побежали от лагеря к лесу, утопая по пояс в снегу…

Изумленные сестры увидели, как из-за женского барака им наперез выскочили братья, пропустившие утренний молебен. Рассудив, что яиц теперь к баланде от Вальки им теперь не дождаться, они с криком вцепились в волосья Вальке и ее подругам, которых пинками гнали перед собою браться, устроившие

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

засаду на отступниц. С криками и плачем сестры потащили упиравшуюся Вальку и ее зло отбивавших чужие тычки подруг обратно в молельный чум. Там троицы из последних сил сопротивлялась, не желая в ожидании решения Кольки, стоять привязанными к столбу в самом центре. Однако общими усилиями их ожесточенное сопротивление было сломлено, и три несостоявшиеся беглянки остались стоять привязанными к столбу до позднего вечера под дырой вверху, откуда с белесого неба им сыпал и сыпал на головы мелкий колючий снежок.

Постепенно клочок неба наверху потемнел. А когда он стал совершенно черным, в чум стали набиваться после трудовых послушаний братья и сестры.

Изголодавшиеся за день, жмущиеся от холода друг к другу женщины были уверены, что все это задумано для того, чтобы сломить их, превратить в таких же безмолвных, покорных послушниц, тенями проскальзывавших в своих заснеженных балахонах с улицы, где, похоже, начиналась настоящая пурга. В принципе, ни Валентина, ни две ее подруги вовсе не отказывались жить в любви и дружбе на природе, вечерами сидеть в главном чуме у костра и думать о Боге. Но ведь при этом в костре картошку можно было бы печь, а молиться можно было бы вообще под гитару.

Женщины с нетерпением ждали прихода Кольки. Валентина шепотом заверяла товарок, что уж она-то сумеет выпросить им у Кольки послабление. А ночью они отсюда непременно свалят, лишь бы только улеглась вьюга, Лишь бы им самим не заболеть после всех этих кошмаров. Самое страшное, если заставят при всех обливаться на морозе.

Возле привязанных к столбу женщин молча рассаживались в круг все сестры, некоторых они хорошо знали еще по прежней жизни. За ними встали братья со смурными, ничего не выражавшими лицами. И все-таки каждая из отступниц надеялась, что, как только придет сам Колька, так он поставит на место явно зарвавшегося Вадика и объяснит при всех, что никаких таких делов на их счет Вадику не приказывал. Ведь не нищетрепками они в секту пришли, как некоторые! Сам-то Колька морковь и картошку не жрал, у него рацион был иной, специальный. Валентина знала, что каждый день ему приносили теплую дичь. Око теперь жрал только парное, сырое мясо. В сущности, все три женщины довольно давно, больше трех недель не видели самого Николая, поэтому впились в него взглядом, когда он вошел в чум в сопровождении Вадика Жарова и Сергея Кропоткина. Братья и сестры, расположившиеся вокруг них, напротив, еще ниже опустили головы.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Одутловатое лицо Кольки поражало в свете факелов неестественной бледностью. Без того мелкие черты его лица будто еще более разгладились, тонкой скорлупой растянулись так, что небольшой нос превратился в едва заметный бугорок с вывернутыми дырочками ноздрей. Колька тяжело, с присвистом дышал, кутаясь в накинутое сверху балахона одеяло. Наказанные женщины все пытались поймать его взгляд, с жалкими улыбками стараясь обратить на себя внимание Живого Бога.

Но глаза у Кольки и раньше-то были узкими. Теперь бородавка на его переносице покраснела и неестественно набухла. Она будто привстала теперь над всей его бывшей личностью, а кожица над нею стала тонкой, восковой. Казалось, будто под этой глянцевой багровой кожицей что-то шевелится. И с затаенным восторгом братья и сестры ждали, что же будет, когда она однажды прорвется…

Сквозь слезы, которыми обливались у столба привязанные женщины, лицо Кольки казалось — огромным белым яйцом с багровой шишкой посредине. Этот Колька вряд ли мог им чем-нибудь помочь. С его появлением в чуме что-то неуловимо изменилось. Будто у всех, кто сидел и стоял рядом, исчезли знакомые прежде имена. Будто эти люди никогда не жили когда-то рядом, не были бухгалтерами, ракетчиками, шахтерами, учителями музыки… Будто и у самих рыдавших отступниц не было никакой жизни прежде, а чтобы жить другой, надо было знать какую-то тайну, которую никто так и не открыл. Женщины почувствовали, как холод, терзавший их целый день через влажные свитера, сонным туманом просачивается в душу.

Из-за бородавки Николай мог видеть теперь только прямо перед собой, неловко поворачиваясь всем корпусом. Слишком маленькими для его теперешнего тела цепкими пальцами с давно нестриженными, грязными ногтями он с видимым усилием удерживал на груди огромное ворсистое одеяло. От его взгляда сердца начинали неистово биться в такт барабанам и бубнам, в которые застучали все братья и сестры, затянув нудную песню, как только он вошел в чум. Привязанные к столбу женщины почувствовали, как от такой песни у них помутилось в голове, стены чума начали раскачиваться, то удаляясь, от приближаясь вплотную, а лица камлавших вдруг начали

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

расплываться в сплошное серое пятно. Последним усилием воли женщины пытались удержаться от цепкого безразличия, накатывавшего на них от односложного мотива и лихорадочного ритма песнопений.

Свозь белесый туман, заславший глаза, они различили, что тот, кто еще утром был Вадиком Жаровым, выступил из общего круга вперед и знакомым птичьим голоском обратился к братьям и сестрам, сказав, что будто бы земля давно от них ждала жертвы, что без этой жертвы Хозяина им не пробудить. Барабаны и бубны застучали быстрее, в их сухую дробь исподволь примешались какие-то странные звуки, будто внутри, прямо под их ногами начинает медленно колотиться чье-то страшное, исполинское сердце… Обессиленные женщины с ужасом глядели на Кольку, с невнятным мычанием топавшего в исступлении ногами, все плотнее сжимавшего на себе одеяло. Он будто старался достучаться до какого-то Хозяина, с каждым шагом продвигаясь все ближе и ближе к отступницам, безвольно повисшим на веревках. Глядя, как переваливается, вздрагивая от топота, что-то скрытое под одеялом, женщины разом завизжали, пытаясь хотя бы криком из последних сил упросить всех братьев и сестер, все быстрее бивших в бубны и барабаны, чтобы это что-то к ним ни за что не подошло.

За пару шатких тяжелых шагов до женщин, бившихся в истерике с закатившимися белками глаз, ставшие давно не по размеру ручки Кольки будто против силы раздвинулись, голова откинулась назад и с жадным вздохом к женщинам потянулось щупальцами то, что пытался Колька скрыть одеялом. Оставшаяся от прежнего Кольки голова будто пыталась что-то сказать беспомощно разинутым ртом, забитым сизой слизью. Но щупальца, которыми было обвито все его тело под одеялом, тащили его вплотную к оравшим в ужасе жертвам…

Как им и приказали, камлавшие люди опустили лица и закрыли глаза, чтобы глубже уйти в литургический транс. Внезапно коленей одной из женщин быстро коснулось что-то. Приоткрыв зажмуренные глаза, она столкнулась с пустым мертвым взглядом оторванной от тела головы Валентины Липкиной. Удивительно, но глаза Валентины остались целы, хотя нижней части лица практически не было. В накатывающей дурноте женщина закрыла глаза, продолжая бить в бубен. Но и с закрытыми глазами сквозь слишком тонкие веки она видела, как на голову Валентины оттащила в сторону чья-то страшная лапа. Женщина пыталась вернуть себе прежнее чувство восторга и смирения перед грядущим явлением Хозяина, гордость причастности к Тайнам

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Мироздания… Но за темнотой плотно сомкнутых век перед ней маячило то, что осталось от лица Вальки-скандалистки.

Позади, перекрикивая хор камлавших, Вадик Жаров выкрикнул, что так будет с каждым сомневающимся и что можно теперь открывать глаза.

Кольки в чуме уже не было, к выходу наружу от столба тянулся кровавый след. Никаких отступниц тоже не было, только на веревках остались кровавые отметки балахонов и неизменных свитеров. Впрочем, яркими отметинами крови были испачканы балахоны почти у всех камлавших.

Вадик Жаров сказал, что всем сейчас надо возрадоваться, потому что жертва их принята. Очевидно, многие смогли подсмотреть, как именно принималась жертва, поэтому стояли, со страхом рассматривая основание столба, пропитанное черной кровью.

Не видя явной радости среди братьев и сестер, камлавших о чуде избавления от ереси, Вадик прошелся перед людьми, пристально вглядываясь им в лица. Потом он встал у столба и, еще раз окинув тех, кто пытался отвернуть от него лицо, тяжелым взглядом, сказал, что останки корыстолюбивых дьяволиц, пожелавших осквернить их помыслы, надо тщательно втоптать в землю. Будто и не было их никогда. А потом всем братьям и сестрам надо любовно поздравить друг друга и радоваться победе над искушением.

К каждой сестре тут же с готовностью кинулся брат с любовным поздравлением. Люди катались по черной земле, залитой кровью… Вадик Жаров, взглянув на Сергея Кропоткина, прилипшего к какой-то сестре с поздравлением, с безразличием пожав плечами, вышел из чума.

…Даже после любовного братского поздравления страх почему-то все равно остался где-то далеко в глубине. Только говорить об этом было нельзя. Ведь ее давно уже не должно было быть. Око обещал, что всех избавит от нее, потому что толку в ней никогда не было никакого. Она умела только болеть. Душа… Болела и мешала жить легко и радостно. В преддверии новых, радостных перемен в самых темных закоулках сознания вставал дикий, ни с чем не сообразующийся вопрос: «А в ком еще жива душа?»

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

В ком еще жива душа

Возле прицепного вагона Петрович героически сдерживал толпу из трех человек. Вообще понять его было можно. Только этих чудиков еще и не хватало для полного счастья в прицепном вагоне. Странный мужик в длинном обшарпанном полушубке и фатоватом кожаном кепи, выглядывал из-за очкастого рыжего еврея в черном драповом пальто. На голове еврея красовалась вальяжная велюровая шляпа. Непосредственно на Петровича настойчиво наседал татарин в добротном китайском пуховике. Татарин был, пожалуй, за старшего, поскольку вел себя гораздо развязнее остальных.

— Билет когда брал, мне ничего про места девка в окошке не квакала! — орал татарин на Петровича, замахиваясь на него свободной от поклажи рукой.

— Я тебе сейчас сам по одному месту квакну, — шипел на него Петрович. — Нету для вас в вагоне места! Валите отсюда!

— Па-азвольте! — высокомерно протянул еврей.

— Я сейчас с тобою такое себе позволю, морда жидовская! — сверкнув желтыми глазами, повернулся к нему Петрович. Неестественно длинным пальцем он выразительно чикнул себе по серому морщинистому горлу, выставлявшемуся из воротника заношенной рубашки. Еврей отступил и беспомощно посмотрел на прятавшегося за ним товарища.

— Значица, так! Раз ты слов не понимашь, бить буду! — угрожающе произнес татарин.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Марсель, не надо горячиться! — проблеял мужчина в полушубке.

— Заткнись, — ответил ему Марсель, даже не обернувшись, и заорал еще громче: — У нас, голубчик, говорят: «Мулла всегда знает больше простого татарина!» Потому как только Аллах сведущ о всякой вещи! А ты даже не татарин! Что ты можешь про места знать такое секретное, задница? Раз говорю, там наше место, значица, заткнись! Щас морду твою бить стану! Нам, татарам, все равно, лишь бы крови было побольше! У-уйди с дороги!

Слова Марсель под конец тирады стал выговаривать с плотно сжатыми зубами, нехорошо надвигаясь на проводника. Петрович неестественно дернулся корпусом в ответ на оскорбительное поведение пассажира и вдруг издал горлом тонкий, пронзительный звук. На перрон тут же спустился второй Петрович, нацелился на Марселя и принялся пихать его в сторону от вагона. Не говоря ни слова, а главное, даже не предупредив Марка Израилевича и Порфирия Дормидонтовича, татарин бросил свою котомку в снег и вцепился второму Петровичу в горло. Второй Петрович, не ожидавший молниеносного нападения, замахал руками, как крыльями, и за его спиной начал расти и набухать силой горб. Первый Петрович бросился своему сменщику на выручку, раздирая когтями на татарине пуховик.

— Лезьте, заднисы! В вагон лезьте, дуры! Алла сказала, что они в этом вагоне сидят! — захлебываясь кровью, сквозь зубы заорал татарин представителям дружественных конфессий и старым приятелям в одном лице.

— Так как же… Марсельчик! — растерянно пролепетал дьячок. — Втроем ведь надо… Сам знаешь…

Мулла ответил им забористым матом, из которого Марк Израилевич и Порфирий Дормидонтович заключили, что втроем, конечно, сподручнее, но и двое ради такого случая вполне сойдут. Преодолев какое-то внутреннее оцепенение и возникшую неловкость, Марк Израилевич толкнул Порфирия Дормидонтовича к вагону, и, семеня за дрогнувшим всем телом составом, они вдвоем полезли в тамбур, с тревогой оглядываясь на остервенело пинавшегося и царапавшегося татарского муллу, бывшего профорга горного факультета Марселя Шарифуллина.

Поезд начал медленно двигаться. Неожиданно из здания вокзала к нему выскочил еще более странный мужик с двумя большими алюминиевыми

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

флягами наперевес. Из-под почти детского пальто с цигейковым воротником у него торчала грязная розовая юбка. Пробегая мимо дерущихся, он успел хорошо приложить первого Петровича бидоном, от чего тот сразу перестал представлять какую-либо опасность для муллы. Закинув на бегу бидоны в тамбур, мужик, путаясь в юбке, сноровисто уцепился за поручень и забрался вслед за бывшими сокурсниками в вагон. Поезд набирал ход.

Второй Петрович с сожалением оставил бесчувственного татарина на залитом кровью перроне, подхватил своего товарища и мощными, звериными скачками стал догонять прицепной вагон…

* * *

Возвращаясь из очередного похода в ресторан, они столкнулись с наголо бритым человеком в расстегнутом пальто, надетом поверх розового сатинового сарафана, с трудом тащившим две огромных молочных фляги из коридора прямо к ним в купе.

— Бидоны подбери, урод, — сказал Ямщиков. — Совсем уже забурели! Свободных мест полно, так они нарочно к нам таращатся.

— Ну, если к вам, — сказал бритый, поворачиваясь к Ямщикову и слегка распахивая пальтецо, — тогда заткнись и более не возникай, товарищ! Прорываться к вам… тоже радость небольшая.

Ямщиков, увидев прикрепленную к подкладке пальто знакомую бляху, действительно предпочел больше не возникать. Он только заглянул в купе и тихо присвистнул. Там уже сидел дьячок в видавшей виды рясе и рыжий еврей в солидном двубортном костюме. Они тихонько заворчали, когда вплотную к их ногам бритый притиснул свои фляги.

— Заходите, заходите! — радушно пригласил их бритый. — Все в норме!

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Они уже ничему не удивлялись, поэтому Марина присела на свою полку рядом с евреем, который тут же насыпал ей горсть цветных печенюшек с цветным сахаром и кокосовой стружкой. Ямщиков с Седым, видно, были уже сыты всем по горло, поэтому молча сняли обувь и полезли на свои места.

— Слушай, Фира! А нам надо с ними знакомиться или как? — тихонько спросил Марк Израилевич, пытаясь завязать какие-то узелки на мотке пестрых ниток, вставляя в них гвозди.

— Так… не знаю, — сказал дьячок, застенчиво взглянув на жующую Марину.

— Этот узелок у вас неправильно вывязан, — вдруг ткнул пальцем в ритуальную цепь из узелков и гвоздей кришнаит.

— А ты бы вообще молчал! — сказал ему Марк Израилевич с раздражением. — Фира! Я уже не могу! Это Марсель отлично делал, а я совершенно не в курсе. И этот лезет еще чего-то! У нас проблемы религиозного характера, а у вас, гражданин, вообще религии нет, вы — язычник! Без яиц они пончики жрут! Колобок на сметане мешен! С бидонами еще в чужое купе лезет!

— И в самом деле, помолчали бы, товарищ! Русский мужик, а на кого похож-то стал? Безобразие! Сметану таскают бидонами! — осуждающе сказал дьячок соплеменнику, взглядом обращаясь за поддержкой забиравшимся на верхние полки Ямщикову и Седому.

— Среди евреев тоже такие развелись, Фира, представь себе! — поддакнул ему Марк. — В меньшей степени, но встречаются. А это уже, согласитесь, явное подтверждение, что мы живем в эру Машиаха, что близится суд! Близится! Всем достанется! Когда такое еще было-то? Ведь без стыда в юбках по вагонам шастают!

— Встречаются и евреи среди наших братьев. Только они хитрые, сами за сметаной не ездят. А я уже второй раз за зиму в Малаховку мотаюсь. Нам из-за этих вот, — мотнул головой на дьячка кришнаит, — старухи сметану не продают. Сахар и муку запасти можно, курагу и чернослив мы с лета заготовили…

— И про анашу не забудь! — едко вставил дьячок.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Ты меня с упертыми буддистами в один флакон не сливай, папаша! — веско сказал кришнаит. — А то я тебе такую харе рама покажу!

— И кама сутру еще покажи! — тут же подцепился рыжий Марк.

— Девушки бы постеснялись, — сказал им кришнаит, снимая с подкладки пальто бляху и вешая ее на грудь. Насмешливо глядя на оторопевших Фиру и Марка, он веско добавил: — За вас на вокзале мулла героически дрался, а вы тут развели… Меня братья для подстраховки послали. Ну, и за сметаной. По пути.

Некоторое время все сидели в замешательстве, молча. Но уж кто-кто, а Марк Израилевич долго молчать не мог. В продолжение спора, очевидно начатого еще до их прихода, раввин безапелляционно заявил дьячку, что первый Армагеддон нового времени, в котором привратники принимали когда-то участие драгунами, вовсе не был никаким Армагеддоном. И вообще, Армагеддон — это не извечная война со злом, а борьба духовной культуры Израиля против плотской культуры Запада. А все, кто станет по такому бесспорному поводу возражать — антисемиты.

— Уважаемый Марк! — прервал его излияния дьячок. — Поскольку отношение евреев к деньгам широко известно, я понимаю, почему вы игнорируете первый Армагеддон, после которого деньги окончательно, по низким промыслам диаволов, стали управлять миром. Но я послан всеми христианскими конфессиями, чтобы поддержать Бойца и Факельщика, которые уже принимали участие в том Армагеддоне!

— А я должен поддержать Нюхача, который принимал участие еще в нашем первом Армагеддоне! — торжественно возразил ему Марк Израилевич, показывая обеими руками на Седого. — Он, если хочешь знать, вообще во всех Армагеддонах участвовал!

— Дело принимает весьма подозрительный оборот, — саркастически заметил дьячок. — Мне всегда была подозрительна дотошная старушка мисс Марпл у Агаты Кристи. Куда только не приедет, в какой дом случаем не заглянет — там убийство или грабеж. Естественно, пройдошливая бабушка тут же рассказывает полиции, как все было на самом деле. Титаническими усилиями выходит сухой из воды. Будь английские полицейские поумнее, они бы немедленно повесили старуху, и убийства сразу бы закончились!

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Ну, ты даешь, Фира! Это уже шовинизм какой-то, — сказал еврей с нескрываемым возмущением. — Надо же так все превратно понимать… Просто такая уж сложилась тогда в обществе криминальная обстановка… При Агате Кристи. А мисс Марпл все время везло. Публика любит литературные произведения с элементами везения и хэппи эндом. А вообще, прекрати базар немедленно и дай мне гвозди!

— Опять двадцать пять! Ты ведь знал, куда идем, а свои гвозди не взял? Не верю! — с патетикой Станиславского ответил ему Фира. — Теперь на мои гвоздики заришься! Лапы убери, говорю! Когда Христа распять решили, так у них сразу гвоздики нашлись! На вот! Последнее выгребай!

— Слушайте, клоуны монотеистические! Вы давайте скорее! Время-то истекает! Скоро остановка, до заката солнца мы должны покинуть вагон! Вот выйдем отсюда живыми, так и ссорьтесь там сколько влезет! — оборвал их кришнаит.

Раввин и дьячок сразу смешались и резко примолкли. Ритуальную цепь закончили без споров, а после разместили ее с помощью кришнаита.

— Это символизирует поддержку всего сущего, — шепотом пояснил дьячок их действия жующей Марине. — Старинный ритуал, его элементы вошли во многие обряды.

Марк Израилевич сочным баритоном начал произносить полуденную молитву Минха, делая особый упор на словах «Шма Йисраэль: адонай — элохим, адонай — эхад!», пристально глядя на Седого. Дьячок, истово крестясь, тут же принялся молиться пресвятой Богородице-заступнице, всовывая в руки Марины какой-то образок. Только кришнаит закрыл глаза и полностью ушел в себя. На его лице было написана такая отрешенность, что, казалось, душа его витает далеко от этого места. Но как только раввин и дьячок закончили молиться, он со вздохом сказал:

— Славно молиться вместе! Прямо чувствуешь какую-то особую вибрацию… Впрочем, неважно. Надеюсь, коллеги, на счет второго Армагеддона у вас разногласий не случится?

— Так ведь евреи считают, что он проигран! — возразил дьячок.

— Может быть и так, раз дело дошло до такой войны… — задумчиво сказал кришнаит. — У нас секта солнцепоклонников есть в соседнем райцентре, так они утверждают, что в ту войну уже имелись шесть признаков личного присутствия Демона Зла на земле: лишение свободной воли, крещение кровью и еще там чего-то… Концлагеря эти всякие…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Я считаю, что если человек не хотел бы участвовать в таком откровенном зле, то он бы не участвовал! В таком случае Бог бы простил ему даже самоубийство! — непривычно тихо сказал Марк Израилевич.

— Да, первый признак личностного присутствия зла — когда самоубийство не считается грехом, — заметил кришнаит.

— У каждого времени свой Армагеддон, у каждого народа — свой! — вдруг смиренно сказал дьячок, неожиданно обняв опечаленного друга с размягченным молитвой сердцем. — А второй Армагеддон пускай всем народам послужит уроком! Россия залила вселенский пожар реками своей крови, проиграв к тому времени свой собственный Армагеддон… Из-под гнета диаволов, сквозь муки, привнесла спокойствие в сердца праведных… Да будет всем воинам и невинным земля пухом и царствие небесное!

Марк Израилевич только согласно покачал головой, благодарно похлопав дьячка по видавшей виды рясе. Он обвел взглядом троих привратников, привстав с места, чтобы взглянуть на Ямщикова. На его лице отразились внутренняя борьба и сомнение, но, мотнув рыжей головой, он стал доставать из дерматинового чемодана какие-то свитки.

— Вот это, гражданин, непременно держите за пазухой до самого конца, — строго сказал он насупившемуся Ямщикову.

Неожиданно в купе всунулась голова Петровича. На его плечах, уже ни от кого не таясь, сидел разжиревший Кирюша. Порфирий Дормидонтович перекрестился, а Марк Израилевич пристально посмотрел на Кирюшу.

— Чай будете? — независимо спросил общество нетрезвым голосом Петрович.

— Гляди! Вообще третий! Со змеюкой! И еще не битый! — радостно сказал ему кришнаит.

— Ты у меня сейчас на ходу вылетишь, вместе с бидонами! — оборвал его Петрович. — Гриша! Я на вас чай принесу, а эти маразматики пускай сами из титана в ладошах лакают!

Но чай он все-таки принес на всех. Марк Израилевич, прочитав все свитки на непонятном языке по порядку, со дна чемодана достал какую-то помятую домашнюю стряпню. Ни Седого, ни, тем более Ямщикова, он не угощал, настойчиво подсовывая все одной Марине. Дьячка он тоже полностью

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

игнорировал на этот раз, но тот сам нахально отломил из рук Марины кусочек большого печенья. С восхищением зацокав языком, спросил:

— Софья Мироновна пекли?

В купе темнело, стоял удушливый жар от набившихся в него людей. Но почему-то никто не догадался отодвинуть дверь.

— «Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях» — тихо прошептал дьячок. Потом, обращаясь к Марку, сказал: — Давай, друже, за муллу, за Марсельчика словечко вставь, авось поможет! Для тех, в ком еще жива душа!

— «И отправили Мы по следам их Ису, сына Мариам, с подтверждением истинности того, что ниспослано до него в Торе, и даровали Мы ему Евангелие, в котором — Руководство и Свет, и с подтверждением истинности того, что ниспослано до него в Торе, и руководством и увещанием для богобоязненных. И пусть судят обладатели Евангелия по тому, что низвел в нем Аллах…», — торжественным речитативом начал читать наизусть стихи Корана раввин. — Я это должен читать, да?

— Читай! Разве это плохое чтение в сумерках душевных? — неожиданно с издевательским смешком ответил ему с верхней полки Седой. — «Аллах — друг тех, которые уверовали: Он выводит их из мрака к свету».

Сумерки сгущались, трое непрошеных гостей принялись закладывать в полки купе какие-то небольшие свертки с ладанками, бормоча при этом свои молитвы.

— «И предал я сердце мое тому, чтобы исследовать и испытать мудростью все, что делается под небом: это тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нем», — тихонько бурчал себе под нос дьячок, раскладывая на газетке оставшиеся гвозди. Эту вязанку Ямщиков, по их просьбе, спрятал в глубине верхнего багажного отделения. Марк заверил присутствующих, что с этой вязанкой до самого Армагеддона вагон непременно доедет без крушений и других мелких неприятностей.

Поднявшийся со своего места кришнаит, глядя в упор на матерившегося про себя Ямщикова, произнес странно изменившимся голосом:

— «За тьмою видя высший свет, видя высший блеск, Мы достигли солнца, бога среди богов, света наивысшего!» Вы, товарищ, имейте в виду, что для достижения света наивысшего надо хотя бы меньше матькаться! Усекли?

— Ну, давайте прощаться, — добавил он, почему-то обращаясь теперь к одной Марине. — Что, к примеру, вы можете сказать нашим гостеприимным хозяевам? — спросил он дьячка.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Я скажу, что капля милосердия точит камень. И то, что они считают гибелью, обернется спасением! — назидательно сказал дьячок Марине.

— Опа-опа-опаньки! Совсем вы не в ту степь понеслись! Харе Рама! Про каплю-слезу им знать ни к чему! — весело перебил дьячка кришнаит, жуя позаимствованный у Марка Израилевича кренделек. — Да то, что им уготовано, и то, сквозь что они проходят, вашими верованиями, по сути языческими, вообще не предусмотрено!

— Ближе к сути, пожалуйста! — строго сказал ему Марк.

— Тогда продолжу высказывания христианина. Сквозь тьму и обман пройдете вы этот кармический круг. Узел будет разрублен новой реинкарнацией. Хорошее число — три! Я думаю, что оно достаточное! А если будет недостаточным, то еще можно столько нареинкарнировать, что никому мало не покажется! Правда? — спросил он Марину, свойски хлопнув ее по плечу.

— Спасибо и на этом. Вы, извините, до Харе Рама кем работали? — вежливо поинтересовался Марк.

— Зоотехником, — растерянно сказал кришнаит. — Я и сейчас двух коров держу, но они сейчас ни молока, ни сметаны не дают, я их к мерзкому не принуждаю. Вера не позволяет.

— Понятно, — сочувственно произнес Марк, многозначительно посмотрев на дьячка.

— Понятно, что последнее слово решил за собою оставить! — захихикал дьячок, ласково потрепав рыжего по плечу.

— Нет, только совет. Важный. Надо принять разлуку, и наш зоотехник вам пообещал, что она не вечная. И надо помнить, что Факельщик всегда прав, Нюхач все за версту чует. А Боец продержится до света истинного. Как-то вы справитесь? — сказал им Марк, озабоченно глядя Марине в глаза.

Все трое минуту посидели молча, а потом стали собираться к выходу. Первым, гремя бидонами, отправился восвояси расхристаный кришнаит в своем убогом пальтишке с оборванными пуговицами. За ним, крестясь и низко кланяясь, вышел дьячок. Последним, тяжело вздохнув, надел шляпу и вышел из купе Марк Израилевич.

Поезд притормозил на какое-то мгновение, а потом рванул с места, все дальше убегая от солнца, медленно катившегося за горизонт.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Носки

Поезд притормозил на какое-то мгновение, а потом рванул с места. Тут же в дверь вновь кто-то деликатно постучал. На пороге стояла одетая в пальто Серафима Ивановна, возле которой прыгал Ларискин пацан тоже в пальто и шапке.

— Мы с Ларисой сейчас выходим… Флик, — тихо сказала Серафима Ивановна. — Пойдем в тамбур, проводишь меня. Там и на наш Байкал посмотришь.

Марина без слов поднялась, накинула свою дубленку и пошла в тамбур за Серафимой Ивановной, шлепком отославшей к матери любопытного паренька. Появление старушки застало ее врасплох, поэтому она никак не могла припомнить, как обратилась к ней Серафима Ивановна? Вроде бы ей показалось, что старуха назвала ее Фликом…

— Мы последние выходим в Нижнеангарске. Лариса дальше к мужику своему на побывку едет, он возле нас в тюрьме сидит. Нынче ведь крупных воров до небес возвеличивают… Ну да Бог им всем судья, — грустно и обыденно сказала Серафима Ивановна. — А я к дочке средней еду, ей рожать через две недели, помочь надо. Впрочем, я тебе говорила…

Серафима Ивановна смотрела на нее с улыбкой, потом взяла за руку и прижала ладошку к своей щеке. Марина молчала, напряженно вглядываясь в лицо старухи, изо всех сил стараясь вспомнить, где же она видела эти голубые, не потускневшие и в старости глаза?

— Я вас обоих сразу узнала, — наконец, сказала Серафима Ивановна. — Когда вы в тамбуре с господином капитаном дрались…

Сны, которые изводили Марину всю эту длинную дорогу, вдруг начали приобретать реальные очертания, встав перед нею в виде сгорбленной морщинистой старушки с неунывающими голубыми глазами. На минуту она представила ее девушкой, гораздо моложе ее самой, нынешней… в чепце, съезжающем на нос.

— Хильда! — выдохнула Марина, прижав руки к груди.

— Ой, не пугай меня так! А то я зареву, а мне выходить скоро, — сказала старуха, зашмыгав носом. — Давно уж не Хильда, да и ты ведь уже не Флик…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Но ведь память зачем-то осталась… Только встретив вас, поняла, почему мне так надо было всю жизнь всем вокруг дарить носки…

Старушка сморщилась, плечи мелко затряслись и сквозь слезы она начала произносить речитативом давно обдуманные слова, которые причиняли сейчас обоим почти нестерпимую боль.

— Маменька у меня из сиротского дома была, вязать не умела. А я, как только себя понимать стала, сразу решила учиться вязать носки. К бабушке, свекровке маменькиной, за пять километров одна ходила учиться… Потом нас от совхоза в Москву послали. Там нас женщина в Кремле принимала, Валентина Терешкова… В Космос ее запускали… Ой, Флик, нынче ведь все на бабах держится, все на бабах! Куда нас только не запускают! Так я и ей тоже носки подарила… Думаю, пригодится ведь… На лыжах ходить. Теперь-то понимаю, как мне надо было всю жизнь тебе носки подарить! Вижу уже плохо, на ходу много не наковыряешься… А смотри-ка, какие получились! Пожалуй, лучшие… Значит, везучий ты человек!

Серафима Ивановна вынула из-за пазухи пушистые носки с длинными голенищами и сунула в руки Марине.

— Я у тебя ножку давно приметила, они тебе как раз будут! — утирая слезы, прошептала Серафима Ивановна. — Если бы ты знал, какое счастье было тогда тебя встретить! А те носки… Теплые, от маменьки… Мне же никто никогда ничего не дарил… Я ведь и у тетки на водосбросах в хлеву жила… А там, знаешь, какие блохи кусучие? Никогда не живи в хлеву, слышишь? Никогда!

Марина плакала, прижимая полосатые носки к груди, уже поняв, что же сказал тогда Седой Грегу за повозкой. С усилием она сказала срывающимся голосом:

— Бедная моя! Несчастная!

— Что ты? Что ты, мальчик мой золотой! — протестующе всплеснула руками Хильда и даже рассмеялась сквозь слезы. — Я ж была самой счастливой на свете! Ты даже не представляешь! Флик, я буду молиться, чтобы ты хотя бы вполовину был так же счастлив, как я тогда… Винсент сказал, что капитан распорядился поселить меня в отдельном домике, в саду. Ты это можешь понять? Целую неделю далекий дом в саду был только моим… Для меня ведь тогда все время не было места. Ты не знаешь, как это жить, когда для тебя ни у кого нет места! Мне вот дочка говорит, чтобы я у нее навсегда оставалась. Но у меня нынче тоже дом в саду, а места там очень много… Я нынче хорошую

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

жизнь прожила, и дети у меня хорошие. Но, Флик, такого счастья уж не было! Да и после него, по правде сказать, ничего больше не надо… Не бывает ничего больше после такого счастья. Мне даже дышать тогда было трудно…

Марина начала икать, давясь слезами, ничего уже не видя перед собой. Серафима Ивановна обняла ее за плечи, постучала по спине, отчего икота сразу прекратилась и, ласково гладя по пушистым волосам, шептала знакомым голосом из ее самых страшных снов:

— Не переживай, тебе сейчас все это не нужно. Нас быстро убили, не переживай… Винсент заставил всех женщин одеться драгунами и взять карабины. Обмундирования было очень много, карабинов тоже… Со стороны мы казались большим отрядом, поэтому дезертиры нас не трогали. Мы бы дошли. Но потом к нам приехал черный человек на повозке. Он спрашивал о вас. Мы едва успели ему поменять лошадей и объяснить, как вас найти… По пятам за ним гнались уланы… Он быстро поехал, очень быстро… Но двое поехали сразу за ним. А все другие остались убивать нас. Всех быстро зарубили… Я только видела, как повозка остановилась на вершине холма — и сразу стало темно…

Поезд начал сбавлять ход, тихонько притормаживая в пригороде, Серафима Ивановна трижды крепко поцеловала Марину в щеки, перекрестила, сунула какую-то бумажку в карман и скороговоркой произнесла:

— Тут адрес и телефоны, вдруг в живых останетесь? Запомни, капитан очень хороший! Просто на каждого мужика накатывает время от времени. Сам знаешь, тоже ведь мужиком был, так что не дуйся на него долго, помирись. Сейчас, Флик дорогой, пойдут разъезды… Холодная, Кичера, 423-й километр… Вот думала всю дорогу, куда же вы едете?.. Точно не скажу, но чувствую сердцем что-то нехорошее за станцией Ангоя… Может, в Новом Угояне? Но, самый мой золотой человечек, до разъезда на 855-м километре ваш вагон не дойдет. Так что, удержись в седле, Флик!

В тамбур вышла Лариса с младшим на руках, за ней впрыгнул на одной ножке старший. Потом Петрович вытащил вещи. Серафима Ивановна обняла и в точности, как Марину, поцеловала Петровича, приговаривая:

— Прощай, Алексей Петрович! Извини, коли что не так было. Наших постарайся поберечь, ты же вожатый все-таки. Анюте твоей тотчас позвоню, как до места доберусь. Ты же должен понять, у нее там ребенок и мать-старуха. Думаю, она тоже там слезьми обливается…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Оглянувшись на грустную Ларису, старуха сказала:

— Ну и поревем мы сейчас, Лариска, да? Вот повоем-то!

— Ты чего это, Серафима Ивановна, по живым-то выть собираешься? — осудила ее Лариса. — Надеяться надо!

— Да я надеюсь, — грустно сказала старуха. — Ждать буду. А жаль на сердце такая, что просто душа разрывается! Очень хочется выпить и повыть… Где-то даже Алексея Петровича понимаю. Не одобряю, Алеша, но понимаю. Не надо старухам столько времени для мыслей давать. Слишком много я тут с вами думала от безделья. Поэтому решила, что самое время наклюкаться в зюзку и завыть…

— А еще лучше наклюкаться с рыбкой, омуль у вас здесь восхитительный, да с картошечкой его, заразу, с лучком, — мечтательно сказал Петрович.

— Да! С беляшами, с холодцом! — со смехом поддержала его Лариса. — С дымарем, с пельменями! А потом попытаться повыть, если захочется. Если получится!

— Вот же молодые скалозубы! — беззлобно проворчала старуха, не сдержав ухмылку. — Ладно! Приеду и тесто поставлю. Это у нас такое гадание в Сибири… Поднимется тесто — и вам повезет. Ну, прощайте все! Не поминайте лихом!

Открыв двери из холодного тамбура, покрытого белой изморосью, и заглянув в опустевший вагон, Петрович даже остановился в нерешительности. Повернувшись к Марине, он сказал:

— Что-то жутко здесь стало, Марина Викторовна! Я сейчас этот туалет открою, вы никто в конец вагона не ходите!

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Петрович, ты тоже с Кириллом лучше к нам переезжай, — тихо сказала Марина, все еще прижимая к себе носки.

— Ладно. Но все-таки, мне кажется, сутки мы еще прокантуемся. Утрамбовывать нас через сутки будут. У меня все внутри сжимается…

— Это душа. Душа все чувствует, ее не обманешь.

— Я сейчас топить буду, приходи на огонь смотреть, — расщедрился Петрович.

— Спасибо! — признательно кивнула Марина.

Пока Марина и Петрович провожали последних обычных пассажиров, Ямщиков и Седой по очереди внимательно изучали старую карту с большой красной звездой. Пока смотрел один, другой лежал в задумчивости и как бы должен был мысленно переварить увиденное. Хотя оба толком не понимали, для чего вообще Факельщика снабдили этой бумажкой. Хуже всего, что в голову лезли разные мысли, далекие от целей и задач стремительно приближающего Армагеддона.

— Слушай, Седой, ты прости, может, я тебя от работы мозгом оторвал, — неожиданно сказал Ямщиков, повернувшись к Седому, пытавшемуся тайком обнюхать карту своим румпелем. — Ты никаких стихов не знаешь? Можешь стихи на память почитать?

— Чего тебе надо? Зачем? — с раздражением спросил Седой. Из воспитательных соображений он и после напутствия вел себя с Ямщиковым еще весьма сдержанно.

— Да так… Потянуло что-то, — неопределенно хмыкнув, ответил Григорий.

— «Я помню чудное мгновенье», — нехотя продекламировал Седой первое, что пришло в голову.

— Не, такое я читал! Почти каждый день читаю, осточертело! — отмахнулся Ямщиков и громко продекламировал:

Я помню чудное мгновенье,
Стоял в дверях я, как бурбон,
А вы плевали мне на мненье,
И нагло вперлися в вагон…

— Это что такое? — недоуменно спросил Седой.

— Да так, неважно. А настоящих стихов ты, случаем, не помнишь?

Седой задумался, а потом тихо, почти для себя, прочел:

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Мы прошли разряды насекомых с наливными рюмочками глаз.
Он сказал: природа вся в разломах, зренья нет — ты зришь последний раз.

— Это стихи? — с сомнением спросил Ямщиков.

— Стихи, конечно, стихи! — заверил его Седой. — Как задницу прижмет по-настоящему, так сам заскулишь про прекрасные мгновения, собственным нюхом почуешь, где стихи, а где что-то другое… Душа попросит. Давай-ка, приканчивай разговорчики в строю и начинай башкой работать!

Далее, конечно, его понесло к бесконечным рассуждениям о необходимости именно теперь включиться в настоящую работу, но Ямщиков почти не прислушивался к привычному занудству Седого.

Ямщиков в который раз удивился своей патологической живучести. Вроде бы следовало примириться, что предприятие их обречено. С того самого момента, когда он увидел, кто у них вместо Факельщика. Да хотя бы, когда Нюхач признался, что ничего не чует… Просто принять житейскую истину, что им, как и всему вокруг, суждено умереть. Казалось бы, какая разница? Ведь и появились они не бессмертными. Но нечто упрямое и цепкое прямо у него внутри требовало как можно больше настоящих стихов про то, как «зренья нет»… Оно желало слушать, слушать… и не соглашаться с процитированными соратником красивыми словами, туго сплетенными в рифму с каким-то тревожным ритмом. Надо же! Будто с них списано! Седой горячо что-то доказывал рядом, а Ямщиков понимал, что согласиться со стихами было бы красивым трагическим финалом всего их дурацкого путешествия. И по уму именно такой финал следовало бы принять. Но все-таки и сам Седой заявлял, что вся работа его мозга должна быть направлена в иное, более плодотворное русло. Это, когда он просил его к Наташке в тамбур не ходить…

Из путаных, многоярусных размышлений с огромным количеством сложноподчиненных предложений, его Сусаниным вывел репродуктор, резко заоравший прямо в ухо:

На Тихорецкую состав отправится,
Вагончик тронется, перрон останется…

Песенка была вроде бы ничего, и Ямщиков сделал радио погромче. Седой умолк и, явно обидевшись, повернулся к нему спиной. На словах «Начнет расспрашивать купе курящее про мое прошлое и настоящее» песня резко

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

оборвалась. Женский голос с негодованием произнес: «Вот так Барбара Брыльска сообщает нам в фильме «Ирония судьбы, или с легким паром» о негативном поведении некоторых граждан в поездах дальнего следования. Напоминаем всем пассажирам о недопустимости курения в купе и крайней опасности подобных антиобщественных поступков!»

«Хоть бы ты заткнулась, сука!» — подумал Ямщиков, решив немедленно обкурить стихи, свои мысли по поводу и гадкую передачу «Радио МПС» в тамбуре. Но не успел он открыть дверь, как из динамика полились трагические звуки… Печальный, беспомощный мужской голос, которому расстроенным эхом вторили женские полувсхлипы, произнес: «Нечеловеческая сила в одной давильне всех калеча, нечеловеческая сила земное сбросила с земли!..»

Инстинктивно втянув голову в плечи, Ямщиков шагнул из купе. Голоса обиженно и разочарованно с явственно различимой слезой сказали ему в спину: «И никого не защитила вдали обещанная встреча! И никого не защитила рука, зовущая вдали!» В этот момент Ямщикову почему-то представились тоненькие нынешние пальчики Флика, и как он этими пальчиками размазывает сопли по щекам, конечно, из-за него, поскольку ему, Ямщикову, уже пришел долгожданный писец.

Всхлипнув, он задержался в дверях, но тут же чертыхнулся, поскольку противная баба влезла прямо ему в душу с объяснениями услышанного: «Вот такую жизненную историю рассказал нам артист Андрей Мягков. Никого не защитит вдали обещанная встреча от крушения поездов по причине вывернутых с железнодорожных путей гаек, срезанных костылей и снятых плафонов светофоров!..»

Передача оборвалась на полуслове, и голос Седого, заткнувшего говорильник, вернул Ямщикова к жизни:

— Какого черта, Грег? Ты можешь понять, наконец, что и без тебя тошно?.. Душа-то у тебя есть, ё-моё? Вали куда шел!

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Разговорчики в строю

— Скажи, Макаров, но ведь душа-то у нас есть, правда? И Бог где-то должен быть, а?

— А… Ты про это… Что, Рваный, тоже не нравится, что душа и Бог — суть поповские фетиши?

— Не нравится, Макаров. Особенно в данный исторический момент.

— У нас на заводе, перед тем как меня посадили, собрание проводили профсоюзное. Коммуниста одного хвалили за производительность труда. Привожу дословно: «Анищенко душой болеет за порученное ему дело!» Или еще вот, захожу в партком. Там секретарь нашей ячейки в трубку телефонную кому-то кричит: «Да не дави ты на меня, ради Бога!» Можно сказать, что мир — простой, как задница, с одной дыркой посередке, но при этом каждая тварь прекрасно осознает, что есть у нее душа! Есть!

— Значит, есть. Мне, понимаешь, сейчас надо знать точно. Мне как-то проникнуться надо, чтобы всю кодлу в руках зажать.

— Ваших блатных через конвейер не пропускали?

— Да нет… вроде. Зубы выбьют — и ладно.

— А у нашей 58-й статьи это самым страшным считалось. Когда не бьют, кормят даже, но спать не дают. Вообще. Только чуть закемаришь, вежливо пробуждают. Вежливо. И следователи конвейером меняются. Свеженькие. Ты вот скажи, Рваный, если бы у наших врагов народа только тело было, то на кой ему спать? Ведь и так сидишь — ни хрена не делаешь. Спать-то тогда зачем? А то-то и оно, что во сне душа отдыхает и где-то, видно, чем-то питается. Вот какой части тела это надо! Поэтому мучительнее было, когда пытку не тела, но вот этой самой души устраивали. При этом и следователи, и подследственные были уверены, что никакой души не бывает.

— Ты смотри, что суки делали! Слушай, а ты…

— Чего?

— Ты никаких стихов на память не знаешь, Макаров? Почитай шепотом, а? Для души… Наклонись, будто наряд обсуждаем… Устал я очень, вымотался душой, Макаров…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Ладно. Слушай, — задумчиво прошептал Макаров, почему-то потирая глаза.

Мы прошли разряды насекомых с наливными рюмочками глаз.
Он сказал: природа вся в разломах, зренья нет — ты зришь последний раз.
Он сказал: довольно полнозвучья — ты напрасно Моцарта любил,
Наступает глухота паучья, здесь провал сильнее наших сил.
И от нас природа отступила — так, как будто мы ей не нужны,
И продольный мозг она вложила, словно шпагу, в темные ножны.
И подъемный мост она забыла, опоздала опустить для тех,
У кого зеленая могила, красное дыханье, гибкий смех…

— «И от нас природа отступила — так, как будто мы ей не нужны…» — эхом повторил Рваный. — Есенин? Нет? Но, тоже хорошо сложил… Спасибо тебе, Макаров! От всей души!

— За что, Рваный?

— Да так, в принципе не за хер. Пригнись, сейчас бить буду… Работать, суки драные! Вкалывать будете, гниды, до полной победы социализма и разгрома фашистской Германии! Давай, бывай, Макаров! Я тебя в следующий раз изнахратю, п…к!

* * *

И в одно паскудное утро, когда колонна, как всегда организованно, построилась почти без участия конвоя, зажав в средние ряды явно повеселевших пелагриков, Поройков, глядя на своего молодого лейтенанта с такими же тоскливыми, как у овчарок, глазами, решил наводить свой порядок во вверенном ему подразделении собственными силами.

В качестве суки он наметил себе молоденького чахоточного блатного, которого Рваный снял с кайла и поставил вместе с дистрофиками на заготовку смоляных факелов. Вид у парнишки был хорошо притертый зоной. Поройков мог бы побожиться, что и на свет-то он появился за колючкой, если бы не знал точно, что никакого Бога нет.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Убедившись, что Рваный выскочил на другую сторону откоса, где пара здоровых воронежских налетчиков понедельниками вколачивала костыли, Поройков решил колоть блатаря немедленно. К факельщику он подошел неожиданно сзади, молча сбил с ног и стал методично крушить прикладом верткому, как угорь, фраерочку ребра и зубы. Он отрезал ему путь, не давая откатиться в сторону от костра. На удивление, парень не выл, но, катаясь по стремительно розовевшему снегу, старался спасти даже не голову и живот, а только кисти рук. Поройков еще не вошел в настоящий раж, как произошли странные вещи, саму возможность которых он никогда не допускал даже во сне. Сзади на нем с мычанием бессильно повис немой доходяга, на лбу которого давно была нарисована местная прописка, а в левую ногу, разрывая валенок, вцепилась Пальма. Его Пальма. Мир стал опрокидываться в голове у Поройкова, в бессилии передернувшего затвор.

— Поройков! Прекратить! — орал, размахивая руками, бегущий к ним лейтенант.

Да что же это? Они все с ума посходили? Блатной сумел-таки встать на ноги перед лейтенантом и, отплевываясь кровью в сторону, пытался даже лыбиться разбитым ртом. Он посмотрел Поройкову в глаза, и до старшины вдруг только теперь явственно докатился тревоживший его смысл восторженного ритма, которым дышало все вокруг него.

«Мы умрем!» — звонко стучали с откоса понедельники.

«Мы умрем!» — визгом отвечали им пилы из ближнего леса.

«Мы умрем!» — шептали, потрескивая смолой, факелы.

«Умрем! Умрем! Умрем!» — непрерывной очередью выводили топоры.

Поройков посмотрел в глаза лейтенанта, в которых ответом на все его размышления стояла та же спокойная мысль, вскинул винтовку на спину и, с

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

ненавистью цыкнув на поджавшую хвост Пальму, пошел с обходом вдоль желтевшего свежей галькой откоса.

* * *

Через две недели, вновь не найдя ни в накладной, ни в нарах характерных небольших ящиков с желтыми наклейками Камской пуговичной фабрики имени Клары Цеткин, в которых конвой получал новый боезапас, Поройков даже не удивился собственному спокойствию. Внутри его головы просто сильнее застучал тот ритм, с которым он дольше всех не мог смириться. Похоже, что и зэки, разгружавшие нары были обескуражены не меньше конвоя.

Проверяющих теперь ждали каждый день. И все-таки дрезина появилась неожиданно. Ихняя, лагерная дрезина.

Поройков только успел подать команду Пальме и побежал, к подготовленной три дня назад огневой точке. Узкоколейка шла из самого лагеря, а ветер в тот день как раз был северо-западный. Поэтому на ветке никто не услышал ни звука. Лишь после подхода дрезины со стороны лагеря потянуло гарью, и что-то полыхнуло несколько раз. Видно, взорвались бочки с дизелем. Вот почему с-суки автоматы не дали!

Кто-то из блатарей, пробегая, успел тюкнуть по шпале, болтавшейся на веревке возле шалаша охраны. Ладно, если два лесных отряда все-таки услышали этот тягучий звук.

Царапаясь по откосу вверх, отчаянно старались спастись проходчики. Ни хрена. Поройков, деловито осматриваясь из гнезда, понимал, что до вершины откоса доползти не успеет никто. Понимали это и несколько доходяг, по-звериному, без слез вывших, бессильно прислонившись к крутому, почти отвесному склону. Возле них металась растерянная охрана. После двух выходов на охоту, жрать-то что-то надо, почти ни у кого даже патронов не было. А последние коробки они еще неделю назад проиграли в карты Поройкову, на организованных им с этой целью посиделках. Овчарки не лаяли, не выли. Они просто сидели и грустно разглядывали людей слезившимися от ветра глазами.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Не обращая ни на кого внимания, навстречу дрезине шел их лейтенант с серым, застывшим лицом. На три шага позади него, как и положено зэкам, за ним продвигались бригадир Рваный и тот стриженый враг народа номер В-986. Шестым чувством охранника Поройков тут же понял, что в правом рукаве у Рваного, скорее всего, отпилок. Что держал враг народа, Поройков так и не понял, но от души пожелал, чтобы зэки дошли под прикрытием лейтенанта до дрезины.

Дрезина сбавляла ход. Собственно, никто никуда не торопился. Начинало темнеть, и Поройков подумал, что до темноты с ними управятся. Очевидно, такого же мнения был и чахоточный факельщик, который начал торопливо поджигать все заготовленные факелы и втыкать их в железные треноги, будто испугавшись, что уже не успеет выполнить свою работу до темноты.

Дрезина остановилась возле лейтенанта. Два совершенно одинаковых полковника смотрели поверх голов. Предусмотрительный Поройков проследил за их взглядом и понял, что ни хрена он в своей жизни предусмотреть не мог. Сверху откоса послышались очереди, и тяжелыми серо-зелеными, плодами оттуда посыпались, неловко раскидывая в полете безвольные руки, две лесные бригады вместе с взводом лагерной охраны. Они катились со странными, успокоенными лицами по обледеневшей гальке откоса возле самого гнезда Поройкова. И он видел, как постепенно замирала жизнь на лицах доходяг внизу, как успокаивались, остервенело царапавшиеся вверх блатные.

Срываясь за мертвецами, живые лежали у подножия сопки, не шевелясь. Поэтому на лицах проверяющих появилась озабоченность. Одного их взгляда на сопровождавший конвой было достаточно, чтобы с дрезины по направлению к осыпавшимся телам начали спускаться автоматчики. До заката было еще далеко, но яркие алые полосы на жестком крупянистом снегу, масляно блестевшие на скупом солнце, казались бликами раннего заката.

Вначале Поройков даже не понял, что же вдруг произошло. Единственное, что он почувствовал сознанием, почти полностью отстранившимся от странных и безмолвных картин, было нестерпимое желание стрелять. Но за мгновение до того, как он начал прицельный огонь по автоматчикам, он увидел, как их сбившиеся в стаю овчарки по команде чахоточного факельщика встали на

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

пути автоматчиков, как вдруг странным светом вспыхнули за его спиной факелы, преграждая любому путь к сопке…

И еще за несколько мгновений до того, как Поройкова прошила автоматная очередь сверху откоса, боковым зрением он увидел драку бригадира Рваного и его зоновского дружка В-986 с двумя проверяющими на дрезине. Причем глаза врагу народа тот проверяющий, что стоял слева, вырвал почти сразу — одним отточенным движением длинных заостренных когтей. А бригадир Рваный, пытаясь прикрыть товарища, ловко шпынял проверяющих, ставших почему-то горбатыми, отпиленным посередке куском лома с заточкой на конце. И вроде как под прикрытием Рваного тот зэк, с залитым кровью лицом, опустился на колени и пополз на карачках к дрезине мимо валявшегося на насыпи лейтенанта, доклад которого навсегда прервал второй проверяющий, быстро чикнув когтями по шее.

Что там этот зэк делал на ощупь — Поройкову почему-то надо было непременно узнать, пока медленно меркло сознание. Он успел еще услышать взрыв со стороны дрезины, и только тогда догадался, что тол захватил с собой Рваный, который работал в старом лагере взрывником на диабазе. Потом сразу вдруг стало темно, но испугаться Поройков не успел, потому что рядом с ним, радостно виляя всем телом, уже бежала умница Пальма…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Удержись в седле!

Внезапно свет дрогнул и погас, сразу стало совершенно темно. Правда, испугаться Ямщиков не успел, потому что рядом с ним тепло и радостно плясало пламя топки. Через две-три минуты свет зажегся, но обмануться он не мог: прямо над ним, по крыше, кто-то осторожно продвигался от сцепки к середине вагона. Кинув сигарету в топку, он быстро пошел обсудить ситуацию к Седому.

— Седой, сколько можно ждать? — с ходу в карьер начал Григорий. — Давай ворвемся к ним! И ночи ждать нечего! Сейчас свет мигнул, я подумал, что электровоз не тянет, но надо мною четко кто-то процарапался наверху! Может, прикончим их, а? Пока есть силы, а? Хули мы с ними по стране мотаемся, терпим эту погань возле себя? Ведь мы теперь знаем, что это точно они! Кроме нас, Петровича с его опарышем и этих — в вагоне никого! Чего ждем-то?

— Не забывай, что прикончить их нельзя, Грег. Они бессмертны. Кстати, в отличие от нас. И мы посланы сюда не за этим. Мы только идем по их следу, — обречено ответил Седой. — Как только они попытаются открыть Врата, мы постараемся их закрыть. Непосредственно собой. Вот и все.

— Так ведь они нас точно того! Мы же теперь практически безоружны! Ты — чудо свое отдал! Флик окончательно стал бабой и… сам знаешь, какой с бабы в нашем деле прок, — сдавленным шепотом сказал Ямщиков.

— На Флика не наезжай! Если нам каюк будет, то ты — не меньше всех виноват! Да-да! Думаешь, твое крещение кровью или этот турпоход в тамбур для нас даром прокатит? «Наташенька, оставайтесь в нашем купе! Никто ведь не возражает! Вот здесь мы пентаграммы рисуем, тут у нас бляхи валяются, там — святая вода, а над головой мы каббалистическую нить с гвоздями из гроба Господня развесили… Так, на всякий случай с собой захватили. Мало ли чего в дороге приключиться может!»

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Ты меня и на том свете будешь попрекать, да? Ну и мелочное же ты существо, Седой! Сейчас-то что делать, если мы сидим здесь, как в мышеловке, а они явно сцепку проверяют и по крыше ползают! — повысил голос Григорий.

— Вот сиди и помалкивай! — зло ответил Седой. — Наша задача — дойти до Врат живыми. Понимаешь?

— Понимаю, — понуро пробурчал Ямщиков.

Седому стало немедленно жаль своего нестойкого в моральном отношении и слабого умом товарища, на котором длительное пребывание в замкнутом пространстве сказалось разлагающим образом. По поводу соседей в пятом купе он и сам испытывал не меньшую тревогу. Когда вагон последней покинула женщина с двумя орущими, бегающими по проходу, заглядывающими во все двери чумазыми ребятишками, он радовался ровно две минуты. От силы три. Странно, но он чувствовал, что постоянные шалости засидевшихся в вагоне детей сковывали и их противников. Как только стало тихо, вместо долгожданного спокойствия Седой почуял не только носом, но каждой клеточкой своего «мелочного существа» настоящую опасность. Пускай он — «мелочное существо», но все-таки до крупного геройства в тамбурах пока не докатился. Хотя до Тюмени они в таком малиннике катились, что докатиться до разнообразных блядских вариантов возможности предоставлялись на каждом шагу, было бы желание. При этом Седой понимал, что Ямщиков вовсе не такая уж сволочь. Исходя из своих максималистских запросов, он только искренне хочет спасти их всех, меньше всего думая о себе самом. Ну, в конце концов, драться-то ему.

— Мне, Ямщиков, на днях удав Петровича снился, будто я с ним разговаривал. Ты только не смотри на меня так. Мне там мысль у него одна понравилась. Он считает, что если миру суждено погибнуть, то никакие привратники его не удержат, —

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

смущаясь, сказал Седой надувшемуся Ямщикову. — Мы лишь должны пытаться оказаться там, где они эти врата открывать будут. В таких делах решающими оказываются даже не секунды, а какая-нибудь самая незначительная, ничтожная хрень. Напролом здесь идти, наверно, глупо… Хотя я сам в растерянности! Вдруг ты прав, и идти напролом — это и есть изюминка наших действий? Но что-то непохоже… Ты вспомни, мы всегда за счет какой-то хрени выгребали… Так что сиди и жди свою хреновину, а дальше — сориентируемся по обстановке.

— Вот, блин! — в сердцах заметил Ямщиков. — Я этого гадского змея, который живет у Петровича, вообще на дух не воспринимаю. Представляешь, недавно он у меня в башке до утра хихикал над какой-то пакостью. Все шипел, что сюрприз меня ждет большой-пребольшой. Когда такой червяк говорящий про сюрпризы шипит, то, сам понимаешь, мало что хорошего ожидается… А что мужику вообще от этой гниды перепадает в смысле сюрпризов, мы знаем из сказочки про райские яблочки… Тоже, мля, такой сюрприз был!

— Какие там еще сюрпризы! Мы-то с тобой отлично знаем, что задницу нам надерут, вот и весь сюрприз будет. Наша задача — выиграть пару секунд, да, может, разжалобить кого, чтобы помогли малость… Помнишь, как мы морячков чем-то разжалобили, когда нас рыбам на прокорм отправили? И другие случаи тоже были, — вдохновенно повысил голос Седой. — Надо оптимистически ко всему относиться! Надо надеяться, Ямщиков! Надо верить! И по тамбурам с поездными шалавами не таскаться! Нечего рыло отворачивать! Тем более что мы, не смотря на все препоны, в кои-то веки напутствие прошли! Согласен, хреновое было напутствие, но оно было! И кришнаит что-то по поводу слезинки бормотал… Значит, надежда есть!

— Слушай ты этих кришнаитов! У кого нам слезу-то здесь вышибать? — цинично присвистнул Григорий. — Разве что у Флика… Я ведь надеялся, Седой, что отпустят нас на этот раз. И Флику даже пообещали, когда обратно сюда посылали.

— Да кто ему такое обещал? Думаешь, это от них зависит? — неожиданно рассмеялся Седой.

— А от кого это, блин, зависит? Я, Седой, почему-то очень это знать хочу! Для начала бы я тому, от кого это зависит, глотку бы вырвал, а потом бы серьезно поговорил!

— Разговорчики в строю! Неужели ты до сих пор не понял от кого это зависит? Дурак! От тебя это зависит! Понял? От тебя! Все бы глотки он рвал! Хрен рваный!

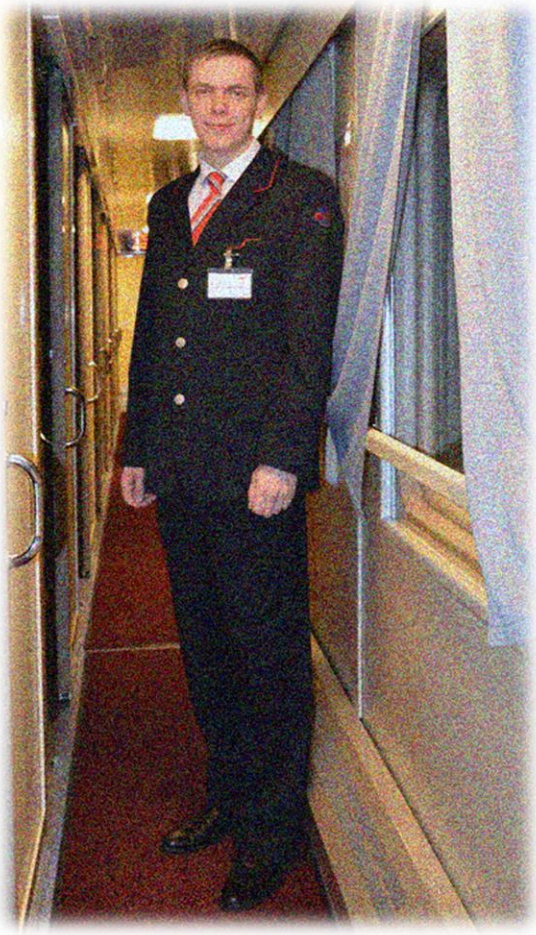
Дверь отъехала в сторону и в купе, прямо по ногам Ямщикова, с трудом втащились Марина, нежно обмотанная Кирюшей, и Петрович с сумками и дополнительными одеялами.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Я сказала Алеше, чтобы он с нами последнюю ночь спал, — извиняющимся тоном сказала Марина, бережно снимая с себя Кирюшу и устраивая его на полке Ямщикова. — В вагоне страшно становится, тени какие-то… Алеша ближний туалет для нас открыл.

— Нет, а этого червяка обязательно надо на мое место?.. — возмутился Григорий, глядя как Кирилл по-хозяйски зарывается к нему под одеяло.

— Не переживай, Григорий, — весело сказал Петрович, выкладывая на столик колбасу, рыбу, сыр, какие-то пакетики и коробочки. Под стол он запихнул ногами большую клетчатую сумку, в которой явно что-то звенело и булькало. — Пускай Кирилл у тебя на полке отдохнет. Если к нам ваш очкастый друг не спустится, то он ему наверху компанию составит… Сам видишь сколько нам надо сожрать и выпить. Что же это врагам мира во всем мире оставлять, что ли?

— Да, в принципе, хрен с ним, с Кириллом, — согласился Григорий, пододвигаясь к столу. — Пускай греется. А про какого Алешу ты тут поясняла, Мариш? У нас еще какой-то Алексей в вагоне остался, что ли?

— Алексей — это я, — радушно пояснил Петрович. — Предлагаю выпить за знакомство!

— Ну, извини, друг, — смутился Ямщиков, открывая бутылки о край столика. — Слезай, Седой! Ресторана седни не будет!

Удивительно, но особых приглашений Седому не потребовалось. Однако и накануне полного и окончательного кердыка он продемонстрировал верность принципам, спустившись к ломившемуся столику с картой в руках.

— Что это такое у вас? — тут же заинтересовался Петрович. — Клады на свою задницу собираете, товарищ? Вы, господа, пиво свое пейте, а я, пока электричество не вырубили, вашу карту посмотрю. Не возражаете? Я ведь как бы тоже лицо заинтересованное…

— Нет-нет! Я пива не хочу, на меня не открывайте! — перебивая его, возбужденно заверещала Марина, нарезая колбасу. — Алексей для меня

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

спрайт и пепси оставил. Извините, но я уже все про Армагеддон Алексею рассказала. Раз он все равно с нами до конца едет, имеет право знать… Кстати, Серафима Ивановна сказала, что до разъезда на 855-м километре мы точно не доедем.

— Правильно, она уже все Алеше рассказала! А Серафима ей ответила! — передразнил Марину Ямщиков и уже на полном серьезе поинтересовался у проводника: — Как ты думаешь, Алексей, где нас отцепят и под откос спустят?

— Очень может быть, что Серафима права, — задумчиво пробормотал Петрович внимательно прислушивающимся собутыльникам. — У вас ведь как раз это хорошо по карте видно… Но с откоса спустить можно только по боковой ветке на Лихачку… Удобнее всего. Утром как раз в этом месте окажемся. Здесь много боковых веток, часть из них давно заброшена. Их еще зэки построили. У меня сосед по дому в аккурат из здешних мест. И как-то по пьяни мне рассказывал, что в детстве они с отцом на дрезине в тайгу за ягодами и на охоту ездили по таким веткам. Я тогда хорошо запомнил, что он мне сказал насчет этой ветки, они старались никогда туда не ходить!.. То ли там лешие какие-то, то ли еще какая-то дрянь… Но люди оттуда, как правило, не возвращались. Места здесь глухие. Может, медведь-шатун там жил? Какой-нибудь «Злой дух Ямбуя». Что-то в этом роде. Хотя здесь чего только не водится, если честно.

— Где ты говоришь, Леха? — уточнил по карте Ямщиков.

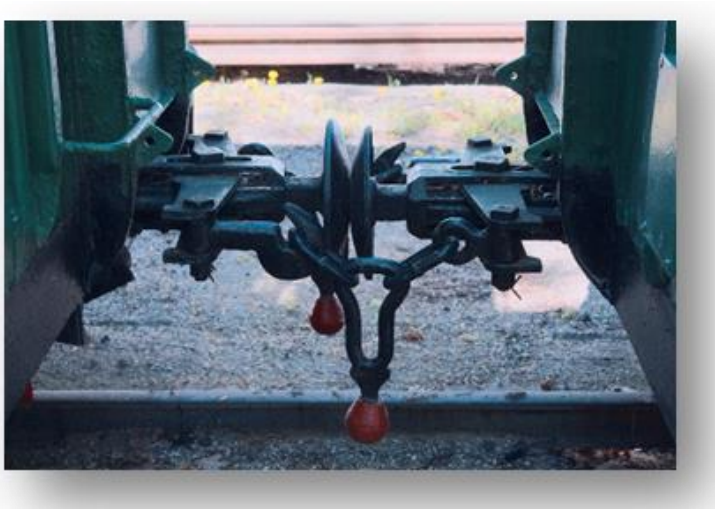
— Да вот же! Видишь? И на вашей карте маршрут как раз до этой ветки пунктиром прочерчен, а дальше — обрывается!

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Склонившиеся над картой Седой и Ямщиков переглянулись. Эту линию они заметили впервые. Не было смысла вглядываться в пройденный маршрут, поэтому оба как-то упустили из вида, что все загогулины их сложных пересцепок отмечаются на карте сплошной линией. По основной железнодорожной ветке прицепному вагону оставалось катиться всего-ничего, а далее, между ответвлявшимися тонкими линиями, шел пунктир, обрывавшийся возле спланированного участка с конической возвышенностью в центре. Седой, чуть не носом уткнувшийся в карту, даже отодвинулся из-за резкого запаха, шибанувшего в ноздри.

— А мы с тобой, Седой, пытались без пива этот ребус решить, — озабочено пошутил Ямщиков. — Видишь, как славно под пиво пошло?

Обернувшись к проводнику, он озабоченно спросил:

— Алеша, а как вагон на ходу отцепить? Такое вообще возможно, хотя бы в теории?

— В теории возможно все, Григорий! — бодро ответил Петрович, вскрывая очередную бутылку. — Если бы у меня был хвост, как у обезьяны, чтобы им за поручни цепляться… Крылья бы тоже не помешали… Но главное в этом деле — башкой вниз висеть, как мышке летучей, а ручонками свое подлое дело делать… Тогда и проблем никаких. Ой, прошу прощения, Мариш! Не хотел! — извинился проводник за вспенившееся на колени попутчице пиво.

— Это, Алексей Петрович, как раз наш случай, — мрачно заявил Седой, прихлебывая пиво. — Думаю, Марина вам не сказала, что мы имеем дело непосредственно с гигантскими мышками вниз головой, которым, как оказывается, нет проблем отцепить вагон. Ладно, господа хорошие, пока окончательно не спились, надо купе закрывать. Рекомендую всем посетить открытый на случай Армагеддона сортир. Дальше — санитарная зона перед восьмой частью… Давайте! Организовано, гуськом…

— Любишь же ты покомандовать, Седой, — из чувства противоречия вставил шпильку Ямщиков, отдавая себе отчет в том, что Седой по большому счету прав. Как и раньше он всегда оказывался по большому счету правым во всех незначительных, с точки зрения Ямщикова, вещах.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Марина взяла полотенце, зубную пасту и щетку. Потом положила их на место. А потом, будто окончательно решив для себя что-то очень важное, опять взяла в руки. Ямщиков, широко расставив ноги для устойчивости, встал посреди коридора, охраняя проход. Первым в туалет отправился Седой, за ним вышел деликатный Петрович. Марина осталась в купе одна. Замедленными движениями она подняла нижнюю полку и взяла с собой давно подготовленный яркий пакет. В тяжелой задумчивости она вышла вслед за всеми из купе, не замечая свесившуюся с верхней полки плоскую голову Кирюши, внимательно наблюдавшего за происходящим…

Серафима Ивановна напомнила ей одну важную вещь, которую она стала забывать в женских делах и заботах. Правда, еще перед памятным походом в магазин на колесах она твердо решила встретить конец во всеоружии. Мало ли что там может разорваться из одежды? Или вообще с корнем оторваться… Всякое ведь бывает. Поэтому она решила непременно надеть на Армагеддон… уж не халатик с тапочками. Качественно она решила одеться, согласно изменившемуся Ордонансу. Как одевались девушки в журнале, который от нефтяников из шестого купе остался. Или от того мужика, что за всеми шпионил. Но главное, Марина решила, во чтобы то ни стало, удержаться в седле назло Ямщикову, давно списавшему ее со счетов. Только представив, как ошалеют соратники, когда она распахнет этот халат и выйдет к вратам в шелковой блузке с кружевами, в бусах с бирюзой и брошкой в виде стеклянной стрекозки, она сразу почувствовала себя значительно лучше. Естественно, для удобства она оденется по-походному, в джинсовые капри и бархатный жилетик. А на бедрах у нее будет металлический пояс с висюльками… Скромно и практично.

Бочком проходя мимо мужчин в коридоре в освободившийся туалет с огромным пакетом в руках, она даже пожалела, что Армагеддона придется ждать еще целую ночь.

Собравшиеся после туалета в купе мужчины особо не обратили внимания на кутавшуюся в халат Марину. Закрыв купе с особой тщательностью, договорились до утра дежурить парами. Вернее, предложил дежурить парами,

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

как всегда, Седой, а остальные согласились по причине отсутствия инициативы или неумения ее проявить. По той же причине Седой за всех вслух решил, что бодрствовать вначале останется он сам вместе с Мариной.

Явно недовольный таким раскладом Ямщиков с невнятным ворчанием про инвалидов умственного труда лег на полку Седого, а Петрович безропотно устроился внизу на полке Марины.

В глубине души Ямщиков вновь понимал, что Седой прав, отсылая его выспаться перед схваткой. Неизвестно, доведется ли им самим поспать. Наверно, было очень важно для всех, чтобы успел отдохнуть именно он. Раз Седой так сказал, значит резон в этом есть. Умеет он, зараза, выбрать самое важное именно для всех так, что и не пикнешь лишний раз. Да кому еще может важно, как Маринка посмотрела на него? Будто хотела что-то сказать, важное только для нее, а, может, и для него… В любом случае, ему было важно успеть выслушать ее до этого самого. Мог бы ведь Седой их оставить вместе подежурить. Напоследок хотя бы…

Сам бы тоже мог вполне подежурить с Петровичем, катившемся с ними за компанию к общему кердыку под горою… Ямщиков укрылся одеялом с головой и вдруг вспомнил, как у них в части сводный хор старослужащих исполнял на День Советской Армии какую-то песню про такого же Петровича по имени Алеша, стоявшего под горой в Болгарии русским солдатом… Цветов он не дарит девчатам, они ему дарят цветы.

Ямщиков выглянул из-под одеяла сверху на плешь проводника, покорно вдавленную в рыхлую подушку, и тяжело вздохнул. Мало ли сколько непоняток накопилось перед горою у этого Алеши, как и у того? Причем,

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

возможно, очень важных. Но кому на хрен важно, что было важным для какого-нибудь Алеши? И кого волнует, чего было для них когда-то важным? А город подумает, как в песне про огромное небо, будто где-то в тайге «ученья идут». Да забудут, блядь, и даже не вспомнят, что были где-то такие, по железной дороге катались… Правильно! Сейчас они с Лехой все свои важности подальше засунут, и будет им писец вместе со всем, что накануне было только для них важнее всего. Как говорится, пускай мы погибнем, но город спасем…

Окончательно засыпая, Ямщиков вновь, до острой боли под левой лопаткой пожалел, что так и не успел сказать Марине нечто особенно важное со своей частной точки зрения, которая больше неинтересна абсолютно никому. Причем не факт, что это окажется столь же важным для Марины, срезанным стеблем привалившейся к Седому, как только он поднялся наверх.

Привычный спать ровно столько, сколько он мог себе позволить, проводник проснулся ровно через три часа. Напротив, обмотавшись одеялами, мирно посапывали Марина и Седой. В вагоне стало уже довольно холодно. Стараясь не разбудить закемаривших стражей, Петрович принялся осторожно распихивать Ямщикова, тут же забормотавшего спросонок: «Ну, вы, блин, даете! Ну, ни хрена себе!»

…Седой перестал героически бороться с дремой, как только почувствовал, что проводник начал просыпаться. Натянув на себя кусочек одеяла, которым накрыл прижавшуюся к нему, почти сразу уснувшую Марину, он все дальше проваливался в сон, терпко пахнувший умирающей хвоей и дымом костра. Сознание тут же услужливо дорисовало для него огромный, конусообразный чум, наполненный людьми, нараспев повторяющими странные слова заклинания…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Слезинка

Огромный, конусообразный чум, стоящий в центре будущего города Живого Бога был наполнен людьми, нараспев повторяющими странные слова заклинания, которые они твердили ночами последний месяц. В центре, двумя смыкающимися неровными окружностями были разложены костры. Сизый полупрозрачный дым от поленьев поднимался по ободранным стволам, терпко пахнувших умирающей хвоей, к кусочку насыщенной небесной сини, видневшейся из чума до захода солнца. Изредка с ветром в чум залетали легкие, колючие снежинки. Они тут же таяли, холодной росой оседая на лицах.

Женщины в белых балахонах подползали на коленях ближе к кострищам и затягивали заунывный речитатив, будто старались убедить кого-то там, внизу, что миг пробуждения настал. Выхватывая остывающий пепел кострищ, они посыпали им волосы, натирали щеки. Их высокие визгливые голоса сливались в непрерывный зов, разносившийся далеко в округе. Он проникал в стволы деревьев, которые на морозе вторили ему нестройным гудением. Но еще дальше, в самую их сердцевину проникал ритм бубнов.

В них изо всей силы, в забытьи били мужчины, сидевшие вокруг женщин у самых расшитых пологов. Толпа камлала. Они знали, что, как только придет Хозяин, как только он вернется, все будет у них хорошо. У них, у единственных, ведь они давно все поняли и успели раньше других. А вот тем,

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

другим, которые когда-то в оставленной внизу жизни делали им плохо, сразу станет так плохо, что тогда они узнают, как плохо было им.

На середину кострищ медленно выходил Око Живого Бога. Он давно уже отказался от прежнего имени, да и никому из сидевших вокруг костра братьев и сестер не пришло бы в голову назвать его прежним именем. Та жизнь закончилась. Впрочем, пока еще нет. Но последние минуты этой жизни истекали. Сама жизнь заканчивалась. Они это чувствовали. Они отходили от этой жизни к какому-то иному существованию. Око Бога обещал, что у них вырастут крылья, что они будут неимоверно счастливы. И они чувствовали, что он прав, ведь по ночам, когда они пели свои молитвы, у них нестерпимо чесались лопатки, будто сквозь спину действительно пробивались странные кожистые крылья.

— А-а-а… — истерично завыли женщины, не чувствуя подступающего холода, неотрывно глядя слезящимися глазами на расплывающееся пятно затухающего пепелища посреди чума. Они раскачивались под рокот бубнов в своих белых хламидах, и чувствовали, что Хозяин уже близко.

Над раскрытым зевом огромного чума собирались свинцовые тучи. Дым уже не удерживал снег, который каплями шипел на остывающих углях.

— Нет! — заорал вдруг Око Живого Бога. И все братья и сестры разом поняли, что ему внезапно резко расхотелось становиться этим самым Оком, что он сам вспомнил, некоторые светлые моменты в бывшей невозвратимой уже жизни Кольки-якута. Но было поздно. Надувшийся на его лбу чирей лопнул, отчего глаза бывшего Кольки утратили всякий смысл и застыли, а из сукровицы на лбу вдруг вылез странный шевелящийся отросток и, качаясь на тонкой ножке, леденящим взглядом внимательно посмотрел на каждого, и каждому, камлавшему о нем, заглянув в душу. От одного мимолетного взгляда в каждом тонкой папиросной бумажкой вспыхивала и тут же гасла навеки его душа.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

* * *

— Гриш, не ори ты так! Тише! Люди спят, — увещевал Петрович матерящегося Ямщикова.

— Петрович, я сейчас такую хрень во сне видел, так реально… Вот как тебя! — ответил приходящий в себя Ямщиков, с усилием растирая глаза и подавляя зевоту. — Снилось, будто по вагону ползет твой гаденыш Кирилл, а рядом… Маришка наша… Голая в натуре! Ну, в принципе она, конечно, ничего так себе, относительно. Но голая. Такой сон дурацкий… Не поймешь даже — к чему это? Если бы хоть какой-то смысл в эту обнаженку был вложен. Политический хотя бы. А то ведь в вагоне довольно зябко, ощущаешь? Я хотел сказать им, чтобы этот Чингачгук отстал от Маришки, она ведь простыть может, а он, главное, говорит мне: «Кыш-шш!» И я ответить ничего не могу! Представляешь?

— И что? — заинтересованно спросил Петрович.

— А ничего, — махнул рукой Ямщиков, спускаясь с полки. — До того, как ты меня трясти начал, всю дорогу ползал за ними, молча… Ну, смотри! Конечно, она спит! Она до сих пор с твоим Кирюшей во сне. Дурдом. Ты меня разбудил как раз на том месте, когда Кирилл ей объяснял, что надо везде песок сыпать. На всякий пожарный случай. Филиал Кащенко на колесах…

— Мне от нефтяников из шестого купе мужской журнальчик остался, с картинками в таком же ракурсе, — совершенно некстати вспомнил Петрович. — Художник рисовал. Голые девицы вперемешку с гадами разными и динозаврами. Вокруг природа фантастическая изображена, а производства — никакого.

— Хочешь сказать, что женщине в таком месте одеться не во что? — догадался Ямщиков. — Типа только с гадами

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

и остается дружить? В целом подобный художественный прием я считаю оправданным. В особенности, для мужских журналов. С дурацкими советами лично я к художникам не полезу. Но ведь в этих фантазиях тепло и даже жарко, наверно, а? И это, Петрович, природа! А не прицепной вагон ЖД России!..

Внезапно вагон резко тряхнуло. С противным скрежетом и визгом, слегка накренившись, он остановился. Свет над полками тут же погас. Замерший на минуту вагон вначале медленно, а затем все быстрее покатился куда-то в противоположную сторону…

Петрович хотел выбежать в коридор, но Ямщиков тут же схватил его за рукав.

— Тихо, Леха, сиди тихо! — приказал он проводнику, порывавшемуся спасти вверенную ему государственную собственность. — Мы здесь в относительной безопасности, они ждут прямо за дверью.

— Кто? — с нескрываемым страхом спросил Петрович, действительно услышав чье-то щелканье, шипение и поскребывание в обшивку двери.

— Мышки летучие, — ответил Ямщиков, бесцеремонно расталкивая Марину и Седого. — Необыкновенно огромных размеров. Сам увидишь.

Пока Марина и Седой приходили в себя, Ямщиков поднял дерматиновый полог над окном, за которым еще не прояснило. Вагон скатывался по каким-то незнакомым диким местам с огромными кучами валежника и непроходимой тайгой сразу за высокой насыпью. Вокруг было удивительно тихо. Исподволь, постепенно накатывала смиряющее всякое движение апатия. Хотелось укрыться одеялом и спать, спать, уснуть навсегда… В воздухе заискрились тончайшие золотинки сонной пыли, которую толчет с Начала Всех Времен на Луне бессмертный Синий Кролик в ступе бессмертия… Время останавливалось, только за окном одна картинка медленно сменяла другую. И

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

даже в кромешной тьме Ямщиков разглядел, что с неба жирной сажей валил черный снег…

Вдруг вагон вновь резко дернулся и остановился. К замерзающим людям, почти подчинившимся сонным чарам, звуки вернулись визгом тормозов и режущими слух гортанными криками саров за прогибающейся перегодкой.
— Грег, высаживай окно! — слабым голосом скомандовал Седой. — В коридор нам не прорваться… Вынимаем бляхи! Они нашли щель, вдувают нам сонную пыльцу…

— Гриша, окно ты так просто не пробьешь, — из последних сил сказал Петрович, заставив себя подняться и шаря обеими руками по полке, куда Марина с вечера уложила Кирюшу. — Вынь у меня ключ из кармана, у меня чего-то руки плохо слушаются…

Ямщиков, стараясь не дышать, достал из кармана проводника металлический штырь с полым углублением с одного конца. Плохо соображая, он все-таки нашел на раме две скважины с металлическими пипками внутри. Легко отвернув их странным обрубком, он тупо уставился на окно, пытаясь сообразить, почему же оно все-таки не открылось после его титанических усилий. В ушах застучала кровь, и вновь проваливаясь в черный, как снег за окном, сон, Ямщиков всей тяжестью повис на поручне вверху окна…

Законы физики все еще действовали в восьмой части, поэтому окно начало медленно отъезжать вниз. Люди в купе с кашлем хватали свежий, обжигавший холодом воздух.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

В дверь купе кто-то с силой вгрызался снаружи. Хотя до конца раму дотянуть так и не удалось, Ямщиков принялся по очереди подсаживать все еще беспомощных спутников в узкий оконный проем, потому что дверь вдруг начала надуваться пузырем в разных местах, ежась тонкими морщинками лишь там, где были с вечера начертаны защитные пентаграммы. Первым по откосу покатился Седой, за ним из окна вылетела Марина в развевающейся дубленке и каких-то дурацких коротких штанах.

Дверь теперь держали только пентаграммы и красные шерстяные нити, сквозь которые уже просвечивали очертания тварей, пытающихся прорваться в купе. А Ямщиков все никак не мог оттащить от верхней полки Петровича.

— Кирюши нигде нет! — стонал Петрович, растопыривая руки. — Без Кирюши не пойду!

Однако увидев, что за мышки лезут к ним через натянутые струною нити, он сам выскочил в окно. Ямщиков, повиснув руками на плоскости окна уже с другой стороны вагона, даже зажмурился, когда дверь все-таки лопнула большим ядовитым пузырем, растекаясь по пластиковым стенкам купе…

— Что это вагон-то вдруг встал? — через силу спросил запыхавшийся Ямщиков, подбегая к стоявшей поодаль троице. И шутки ради добавил: — Кто-то ночью песку, что ли, в буксы сыпанул?

— Ага! Мы с Кирюшей, — каким-то безразличным тоном сказала Марина. — Кира сказал, что надо на всякий пожарный случай… Говорил, что в пожарных случаях — песок первым делом помогает… Смотри!

Тут Ямщиков, наконец, повернул голову от вагона, где в зияющем проеме окна с минуту на минуту могли появиться сары, и обомлел. Вагон почти вплотную

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

подъехал к сопке с проплешинами выгоревшего леса на вершине. Белевшая в утреннем сумраке сопка медленно покрывалась шалью черного снега. А с самой вершины, будто пробудившийся вулкан, в небо бил поток холодного алого пламени.

— Им сейчас туда только долететь осталось, — с отчаянием сказал Ямщиков. — А мы снизу будем подпрыгивать, как цуцики… Нам бы там надо быть! Вот же непруха… Не везет, так не везет… Может, хоть пики удастся добросить?

— Врата открыты, — сказал Седой, вынимая из-за пазухи литой трезубец, сноровисто привинчивая к нему довольно длинный черенок. — Все-таки, думаю, они не откажут себе в удовольствии нас прикончить… Чем они рискуют? Да ничем! Так что сейчас начнется… Флик, не стой дурочкой! Поджигай все, что может гореть! Вы бы схоронились пока куда-нибудь, Алексей Петрович!

Петрович не ответил ему и даже не удивился, как это очкарик всю дорогу хранил на себе такое внушительное холодное оружие. Все его внимание было приковано к происходящему на крыше прицепного вагона. Не обращая внимания на предостережение Седого, он заторможено, нелепо выкидывая руки, побежал вовсе не прятаться. Огибая вспыхивающий и тут же гаснущий валежник, продолжавший тлеть ленивым полумертвым огнем, он бежал прямиком к вагону, с трудом переставляя в разряженном воздухе ноги. На бегу Петрович надрывно кричал двум крылатым гадюкам на крыше:

— Кирюша! Мальчик мой! Не трогайте моего удавчика, ироды!

Ямщиков отвернулся от сопки и обомлел, глянув, куда поскакал их проводник. Прицепной вагон на глазах проседал на осыпающейся насыпи, а по его крыше два сара, неловко подпрыгивая на странных лапах с желтоватыми копытцами,

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

пытались скинуть на черный снег бившего их мощным хвостом Кирилла. Одного из них змею удалось ухватить за копыто.

Свернувшись в плотное кольцо, он, непрерывно орудуя пятнистым хвостом, надежно удерживал отчаянно вырывавшегося из его тисков сара. И резкий, пронзительный крик неразлучника, пытающегося взлететь, будил засыпавшую вечным сном непроходимую тайгу.

Второй сар вдруг расправил крылья, балансируя на самом краю крыши накренившегося вагона. Желтые глаза его блестели. Втягивая воздух рваными ноздрями с бахромой шевелящихся волосков, он внимательно посмотрел на вершину сопки. Время истекало, и скоро все эти странные фигурки, смешно подпрыгивающие внизу, тщетно пытавшиеся разжечь пламя, уснут навеки, включая неизвестно откуда взявшегося Хранителя…

Неразлучник, чью ногу, резко мотая всем телом, выворачивал Хранитель, пронзительно вскрикнул, и сразу за его воплем раздался подозрительный хруст. Крылья попавшего в Кирюшин капкан сара безнадежно повисли, и каждый удар змеиного хвоста причинял ему нестерпимую боль, все глубже загоняя небольшие коготки на краях крыльев в еще не успевшую загрубеть кожу.

Свободный сар легко взмыл в неподвижный воздух. Вокруг него стаей взметались черные снежинки, висевшие в воздухе, словно заснув на лету. Сделав несколько кругов над непрерывно визжащим от боли неразлучным, сар внезапно спикировал вниз, вытянув вперед две узловатые, покрытые рыжей шерстью лапы с необыкновенно острыми длинными когтями. Ударив ими рядом с неразлучником, сиплые крики которого слились в сиплый вой, сар и сам взвыл от боли и разочарования, поскольку ему тут же прилетело по сморщенной, заросшей клочковатой шерстью сопатке вертким пятнистым хвостом.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Несколько раз сар поднимался, переваливаясь на копытцах, отходя для взлета на край вагона, подальше от молотящего хвостом удава. От визга пикировавшего неразлучника, пытающегося освободить собрата из железной хватки Кирюши, закладывало уши. Внезапно второй сар, воспользовавшись тем, что Кирюша на мгновение освободил голову из колец, отслеживая пикирующего противника, всем телом упал на него, выкинув вперед уродливые когтистые лапы… Хвост удава резко взвился и тут же бессильно упал, неловко свесившись с крыши вагона…

— Кирюшенька! Мальчик мой! — с мукой в голосе застонал внизу Петрович. Он чувствовал, что, подобно всему тому, что его окружало в этом ужасном месте, в нем самом медленно замирает жизнь. Но безысходное горе от одного вида безжизненно повисшего хвоста безрассудного проказника Кирюши, ползком просочившегося в душу Петровича со своей нелегкой судьбой, не имело границ. Проводник принялся в отчаянии стучать кулаками по обшивке вагона в такт угасающему ритму своего сердца. С крыши к самому его лицу неожиданно свесилась страшная ушастая голова с небольшими ветвистыми рожками и двумя рядами острых кривых зубов, с которых стекала ядовитая слюна… Мельком глянув в переполненные ненавистью глаза неразлучника, Петрович потрясенно прошептал: «Товарищ Циферблатов!..» и провалился в гулкую пустоту.

Столб пламени над сопкой начал темнеть, приобретая нездоровый багровый оттенок, в котором уже просматривались синюшные, трупные всполохи. Привратники, изнемогая, растаскивали кучу валежника возле насыпи, намереваясь создать на пути саров огненный фронт. Но огонь не разгорался: едва вспыхнув, он тут же гас в странном безжизненном воздухе, сколько Марина не старалась, до волдырей обжигая пальцы. Ямщиков удивился про себя тому, какими же тяжелыми оказались на проверку черные снежинки. Но вслух прошептал только то, что больше всего его тревожило:

— Они вообще бой не примут… Мы им больше не нужны… Мы им раньше были нужны… В качестве придурков с бляхами… В качестве гарантии, что доедут нормально, без крушений… Мы были их пропуском в восьмую часть…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Он бы зарыдал от бессилия, но впервые его бессилие было настоящим, поэтому даже слез не было.

— Нет, сейчас они пойдут к нам! — упрямо сказала Марина, показывая рукою на сара, помогающего взлететь раненому неразлучнику, и уверенно добавила: — Им надо принести Последнюю Жертву… Пока в нас жива душа!..

* * *

Вагон въехал в подготовленный циферблат, но почему-то вдруг остановился. Но разве это уже имело значение, если Факельщик так и не разжег свой огонь? Все жертвы будут приняты и оценены. Все получит свою цену.

— А-а-а… — еще громче, еще нестерпимее завыли женщины. И каждая из них знала, что уже никогда не сможет остановиться, потому что, разрывая былые балахоны, на их спинах прорастали огромными мясистыми червями, покрытые свежими сгустками крови, отростки, с любопытством вглядывавшиеся в мир, который беззащитным замер на самой кромке восьмой части.

И то, что когда-то очень давно было Колькой, подошло к самому разверстому зеву дымохода чума и подняло голову со страшным кровавым отростком к небу, словно пытаясь кому-то пристально вглядеться в глаза. На плечи, укрытые белым балахоном с подсыхающими пятнами крови, стекавшей по мертвому лицу, с неба, медленно кружась, посыпались черные, антрацитовые снежинки… Существо с воем подняло лапы вверх, будто стараясь дотянуться крючковатыми, серыми пальцами до светлеющих небес…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

* * *

Сары неспешно планировали над головами ощетинившихся сучьями и трезубцами привратников. Желтыми пылающими глазницами сары внимательно присматривались к жалким людишкам, не желавшим сдаваться. Они все еще пытались сопротивляться, хотя мир вокруг них засыпал, склоняясь к черной земле засыхающими сучьями, осыпаясь желтой хвоей на семена, корни и травы, которым никогда уже не суждено проснуться под черным снегом…

Сиплым визгом и клекотом сары переговаривались в полете, решая наверняка, кого же из троих выбрать им для Последней Жертвы. Круги над привратниками сжимались, сары разделились, пикируя и вновь взмывая ввысь, приглядываясь к терявшим силы, едва шевелившимся мужчинам с одинаковыми трезубцами, пытавшимся защитить нелепую женщину в расстегнутой дубленке и яркой шелковой блузке. Только у мужчин неразлучники приметили страшные металлические бляхи с изображением Хранителя и символов Веры. У женщины ничего нельзя было разглядеть в сером клочковатом тумане среди разноцветных бус и многослойных кружевных рюшей. Третей бляхи не было, и сары, уже ничего не опасаясь, почти не сговариваясь, ринулись на абсолютно седого привратника в узких черных очках…

Оторвать его от земли оказалось вовсе не просто, потому что женщина, визжа и царапаясь, била по крыльям сучьями, а другой привратник ловко орудовал трезубцем. Однако оглушить очкарика удалось сразу, одним ударом хвоста. Взмывая с жертвой вверх, схвативший его сар почувствовал, что безжизненно обмякшее тело привратника тяжелеет с каждым взмахом крыльев. Цепляясь коготками и оглушительно визжа, неразлучники попытались нести его вдвоем, но что-то, не сообразующееся ни с какой логикой, тянуло их к черной земле…

— Флик, — в отчаянии крикнул Ямщиков, — если не ты подожжешь все здесь немедленно на хер, я тебя сам сейчас придушу! Я тебя… Прямо сейчас… Флик…

Ямщиков обернулся к Флику и осекся на полуслове, потрясенный увиденным. Флик стоял с закрытыми глазами и поднятыми вверх слабыми ручонками. Он будто еще и улыбался в забытьи, а от лица, от бляхи, скрытой пышными рюшами, шло, разгораясь, нестерпимое свечение, будто сам Флик превратился в пылающий факел…

И сары тут же выпустили безвольное тело из когтей, поскольку окровавленная бляха на груди привратника жарким отблеском ответила женщине, взметнувшей руки над головой и пылавшей обжигающе страстным, испепеляющим Светом Любви…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Ямщиков следил за полетом Седого, уже не надеясь, что им повезет даже после того, как Флик поджег себя самого. И не повезло. Он только скрипнул зубами от бессильной ярости, когда, ломая ветки деревьев, Седой свалился прямо на огромную кучу валежника с торчащими пиками обломанных сучьев. С места его падения не послышалось даже стона. Все было поздно. Свет, лившийся от Флика, погас, и мир медленно погрузился во тьму, освещаемый теперь только столбом странного свечения на вершине сопки, больше похожему на густой багровый дым…

Расставив ноги и сжав покрепче трезубец, Ямщиков повернулся к Флику спиной, вернее, подставил спину едва державшемуся на ногах Факельщику. Чтобы как-то встряхнуть товарища, Ямщиков, отслеживая спускающихся к ним саров, бодро сказал, слегка обернувшись назад:

— Ну, что, Флик? Похоже, хана нам пришла? Полный и окончательный кердык, да?

В ответ Флик только шмыгнул носом и тихо прошептал:

— Гришенька, прощай!

Все еще прикрывая страшными лапами глаза, сары с визгом спикировали на Ямщикова, к спине которого прислонился обессиленный Факельщик. Первую атаку они все-таки отбили, но один из саров успел зацепить Флика хвостом за шею. Вроде бы и рванул-то слегка, протащив за собой пару метров, но Флик, задыхаясь и кашляя, упал на колени.

— Не поднимайся, Флик, стой на месте! — просипел Ямщиков, подбежавший к нему. — Береги силы, я попробую один…

Он крутился всем корпусом, высматривая крылатых тварей, пикировавших на него с двух сторон. Сары то спускались к нему, то вновь взмывали в темное небо, явно стараясь сбить его с толку, вымотать силы, забавляясь его беспомощностью. Понимая, что сейчас многое зависит от того, насколько быстро при атаке он, вдарив трезубцем первую хвостатую тварь, успеет увернуться от второй, Ямщиков утаптывал площадку возле Флика, которому шепотом приказал закрыть голову руками. А между тем в его собственной голове проносились какие-то нелепые мысли. Совершенно некстати вспомнилась песня про

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

огромное небо, как ее пела какая-то баба, подняв руки так же, как Флик, над головой… Поэтому, стараясь не глядеть на разбухающее багровое облако над вершиной сопки, Ямщиков вслух негромко сказал сжавшемуся в комок Флику:

— Ну, сейчас будет нам с тобой, брателло, огромное небо одно на двоих!

И тут же ему досталось, как плетью, чьим-то хвостом по морде. Все его расчеты полетели к чертям собачьим. Он с рычанием прыгал на неосторожно подставленное крыло, тыкал трезубцем в чье-то чешуйчатое брюхо, получал удар копытом по затылку, вертушкой отбивал прямую атаку, наугад делал выпад трезубцем назад, и ему оглушительно кто-то визжал прямо в ухо… Немного легче стало, когда он почувствовал, что Флик пытается помочь, неловко тычась своей острогой в узловатые мохнатые лапы. Почти сразу Ямщиков понял, что вовсе не сражаться с ним насмерть вернулись сары, кинув Седого. Ни разу они не ударили Флика копытом, а зацепив хвостом, тут же отпустили, не переломав шейные позвонки… Меняя по ходу тактику, он понял, что позволил себя выманить слишком далеко от Флика. Он начал прорываться к первоначальной позиции, пытаясь прикрыть беспомощного товарища, но шею его арканом обвил мощный рыжий хвост сара так, что из рук выпал трезубец, а сам он едва устоял на ногах. Мотая всем корпусом и обхватив удавку руками, Ямщиков пытался столкнуть неразлучников, не дать возможность взлететь второму, уже вырвавшему острогу из ручонок Флика… Пелена застилала глаза, ноги уже едва касались земли, а Ямщиков еще пытался вырваться с хрипами: «Флик! Держись!» Но тот, пропустив довольно легкий щелчок хвоста, уже распростерся недвижный на черной земле перед саром, бережно подхватившим его за плечи когтистыми лапами…

Ямщиков сделал отчаянную попытку вырваться, но чьи-то необыкновенно острые когти уже, медленно приблизившись к самому подбородку, скользнули вниз, готовясь с силой вонзиться в горло. Сквозь кровавый туман, застилавший глаза, он увидел, как сар, расправив мощные розоватые крылья, пытается приподнять с земли Флика, неловко уронившего голову на грудь… В этот момент полузадушенный Ямщиков резко дернулся от когтей у самой глотки, сумев с силой ударить по больной ноге державшего его хвостом и лапами сара. От его

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

визга у Ямщикова наступила временная глухота. И в мире, где больше не было ни одного звука, он все-таки сумел рассчитать последний рывок, успев ухватить Флика за ноги.

Вряд ли это что-то могло изменить в общем раскладе, поскольку даже Ямщиков не мог с уверенностью поручиться, что Флик еще жив. Дубленки на нем уже не было, как не было и сапог. Выше колен у Флика задрались какие-то короткие нелепые штаны, поэтому до самих штанин никак было не дотянуться. Но на еще теплых ступнях, за которые все-таки исхитрился ухватиться Ямщиков, были надеты прочные шерстяные носки с длинными ворсистыми голенищами. Волочась по земле вслед за бесчувственным Факельщиком, Ямщиков бессильно матерился на самого себя, что не догадался проследить за остальной экипировкой приятеля. И пока сар сомкнул крылья за горбатой спиной, не успев их расправить для рывка в черное небо, Ямщиков изо всех сил царапался по длинным полосатым носкам, заканчивавшимся где-то выше острых коленок Флика, соображая, за что же ему держать товарища потом, когда носки закончатся. Пушистые и прочные, они будто липли к рукам, помогая удерживать маленькие замерзавшие лодыжки. Вдруг Флик тихо застонал, пошевелив безвольно раскинутыми руками. Этот стон неожиданно придал сил ползущему с неодолимым упорством по носкам Ямщикову.

— Держись, Флик! Держись, дорогой! Только держись! — больше для себя, нежели для резко замолчавшего Флика, пробормотал себе под нос Ямщиков, хотя наряду со сложной стратегической задачей удержания Флика на земле, ему одновременно приходилось совершать сложные тактические маневры задницей и отпиниваться от какой-то кусучей падлы, пытавшейся, в свою очередь, ухватить его за ноги. Благо, на ногах у него были все-таки тяжелые ботинки с привинченными свинцовыми накладками, а не носки с начесом.

Сар, с натужным сопением тащивший Факельщика из его рук, вдруг завис над ними, мощными взмахами крыльев взбивая плотное облако черного снега. Ямщиков понял, что через мгновение сар рванет ввысь, и ему не удержать товарища даже с такими замечательными носками, где-то все же добытые перед самым боем никчемным во всех других отношениях Фликом. Он попытался сгруппироваться и

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

подмять под себя тщедушное тельце приятеля, но, как только он на мгновение замер и прекратил пинаться, в загривок ему с визгом вцепился второй сар… Чувствуя, как горло через мгновение проколет серый загнувшийся коготь, Ямщиков решил назло всем вцепиться в носки так, чтобы маленькие пушистые ступни Факельщика не выскользнули из его мертвых ладоней и после Армагеддона…

Неожиданно Флик свалился мешком рядом, а самого Ямщикова вдруг перестали лупцевать хвостом по затылку и драть когтями джинсы на заднице. Когтистая лапа возле самого лица тоже торопливо подобралась и исчезла из обзора прижмурившегося в ожидании неминуемого конца Ямщикова. Странно, но будто повинуясь неслышному призыву, сары, бросив двух полумертвых Привратников, стремительно рванули к вершине сопки…

* * *

Существо, бывшее еще недавно районным ветеринаром Николаем Шандыгеевым, выло в середине чума среди мертвых людей, сквозь которых под его жуткую песню пробивала себе дорогу нездешняя поросль. Время останавливало свой ход, а с неба все сыпал и сыпал черный снег… Внезапно среди небольших, по-прежнему красивых даже в своем трауре снежинок блеснула всеми сокровищами мира чья-то крошечная, совершенно чужая здесь слезинка. Ничтожная слезинка, каких было так много, бесконечно много в этом гибнущем мире… Она падала медленно-медленно, нестерпимо сверкая в отблесках неизвестно откуда пробивавшегося огня. И то, что когда-то было Колькой, попыталось неуклюже отползти в сторону. Но слезинка все же скатилась на безобразный отросток, прожигая его насквозь…

И языки пламени, что, казалось, навеки уснули в красневших углях, вдруг вспыхнули жаркой, пылающей страстью, сметая на пути все, что мгновение назад еще тянуло в горящем чуме свою бесконечную песню…

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Сюрприз

Еще минуту назад горела в них жаркая, пылающая страсть, сметая на пути все… Они стояли у опрокинутого вагона молчаливые, полностью опустошенные. Марина дрожавшими на ветру, непослушными руками пыталась застегнуть дубленку, а Ямщиков тупо разглядывал сломанные сучья вековых елей возле бурелома из валежника и поваленной сосны.

— Никого! Ни очков, ни бляхи… Вообще ничего! — в растерянности сказал он, обернувшись к Марине. — Я же сам видел, как он сюда кульком свалился! И ветки на деревьях как раз здесь поломаны, видишь? Еще подумал про себя, что на этот раз крупно не повезло нашему боевому товарищу… И нет, главное, ни хрена! Просто мистика какая-то!

Покачивая головой в полном недоумении, Ямщиков подошел вплотную к вагону, увидев, что Марина с тревогой тычет красной вспухшей ладошкой в просевшие под вагоном звенья.

— Да уж… Чистая работа, Флик, — наконец заговорил он, почесав в затылке. — Кто-то без нас тут постарался. Причем, заметь, на самой границе циферблата. Еще бы чуть-чуть…

— Вдруг на нас свалят? — со страхом спросила Марина.

— А как докажут-то? Этим костылям полвека — не меньше! Самим как-то сваливать надо отсюда. Засасывает вагон-то! Ё-моё, а это что за явление народам?..

Прямо на них, покачиваясь, с округлившимися пустыми глазами шел Петрович, держа в руках что-то длинное, с легким шелестом колыхавшееся на ветру.

— Ты чего, Леха? Куда направился-то? — окликнул его Ямщиков.

— Его нет, Гриша! Понимаешь, это только шкура, а самого нет! — печально и торжественно сказал Петрович.

— Стало быть, та же петрушка, что и у нас, — почти успокоившись, сказал Ямщиков. — У нас тоже Седой исчез. Даже шкурки не оставил.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Мне бы хоть изредка, его голос услышать, нежный шепот! — зарыдал окончательно сдвинувшийся от пережитого проводник. — Это он нарочно мне свою шкуру оставил… В укор! Я ведь как-то однажды представил, что хорошо бы его… того… Когда еще совсем его не знал так близко… По чистому недоразумению подумал, что неплохо бы его на ремешки пустить… Вот он мне от себя ремешок и оставил… Мол, подавись, крохобор проклятый! Как же мне жить-то теперь? Повеситься, что ли?

— Ой, опять крутит! — некстати брякнула Марина, побледнев.

— Чего у тебя опять крутит, — раздраженно сказал ей Ямщиков, отвернувшись от сумасшедшего проводника. — Все-то у тебя крутит! Скоро спасатели приедут на дрезине, а тут сразу кручение начинается! Башку бы тебе открутить! Что бы тебе хоть в кои-то веки факелы вовремя не разжечь, а? Ну, что же ты за человек, ё-моё? Ведь чуток не накрылись без факелов! Будь у нас факелы вовремя, мы бы того бы!.. Мы бы все бы! Не так просто бы!.. Так бы и дал в ухо!

— Я, конечно, все понимаю, но очень не до этого, — растирая виски, простонала Марина. — У меня, Ямщиков, это… Ребенок у меня, наверно, будет… Вроде я где-то читала, или слышала что-то в этом роде? Не помню уже…

Едва услышав последние слова Марины, Петрович, даже не вглядываясь в резко изменившееся лицо Ямщикова, решительно ретировался к вагону, соображая, как бы успеть выкинуть оттуда одеяла и вещи. Дело принимало сугубо личный оборот, и в такого рода пассажирские разборки проводник привык тактично не вмешиваться.

— Ну ты и сука, Флик! Я чо, один буду тут показания давать, объяснять, как это мы в живых остались, кто песок в буксы насыпал, кто трезубцы кидал и весь валежник возле насыпи спалил… А он блевать пойдет! Ребеночка ожидать! Чо ты прикидываешься-то? Я с тобой сейчас, знаешь, что сделаю! Нет, как ты успел-то, а? Ведь все время на глазах был!

— Не знаю я… Не скажу тебе, короче, определенно… Пожалуйста, только отстань.

— Флик… Так ты что… Даже от кого не знаешь? Ну, уж нет! Вот в непорочное зачатие я с кем угодно поверю, только не с тобой! Говори сейчас же, от кого ты сука… того? — прошипел Ямщиков, и вдруг, неожиданно для себя с

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

нескрываемым отчаянием сдавленно выдохнул: — Ты с кем снюхалась, блядища?

Марина, растирая слезы по грязному, покрытому копотью лицу, шаг за шагом отступала от разъяренного Ямщикова, со страхом глядя в его побелевшее лицо.

— Гриша, Гришенька! Не надо… Не кричи на меня… Я в коридорчике стояла, плакала. А тут мне Наталья Семеновна сказала, что ты меня в тамбуре ждешь, просил, мол, передать, что по важному делу… Я и пошла… побежала. А там темно было… Ну, я как вошла, так меня сразу на руки подхватил кто-то и понес… Не виноватая я, Гришенька! Мне ведь никто таких слов не говорил, на руках тоже не носили… чо-то… Не кричи на меня… Правильно говорят про вас, мужиков: «Как на бабу идут — города отдают, а взявши, им погоста жалко!» Пойду я, Гриша, утоплюсь лучше… или с Петровичем повешусь, — безутешно рыдая, проговорила Марина, знакомым движением поправив шаль на груди. После бурного объяснения она на глазах сникла и будто выцвела. Опустив голову, Марина неверным шагом пошла куда-то вдоль накренившегося вагона…

До Ямщикова начал доходить смысл только что сказанного Мариной. А он-то еще, в глубине души, удивился тому, что Наташка заявилась тогда хоть бы хны к нему в тамбур… Согласилась, главное, тут же, будто ждала. Ну, Наталия, ну, гнида! Точно! А он-то еще думал, откуда у такой знакомой Наташки, в которой ему нравилось все, кроме костистой, по-мужски поджарой фигуры, такие… ну, все такое, короче, подходящее. И ни разу Наташка не выдохнула ему так в лицо, с горячей страстью: «Гришенька-а!» Блин, а он-то подумал, что ему показалось, что… ну, не может же такого быть… с Наташкой. А ведь эту доверчивую дурочку, похоже, действительно того… никто до него на руках не носил…

— Постой! Постой, дура! Стоять, говорю! Маринка! Стой! — отчаянно заорал, Ямщиков, догоняя, замедлившую шаг, с надеждой обернувшуюся к нему Маринку. У нее были знакомые глаза. Какой же он дурак! Только сейчас он вдруг понял, что они напоминали ему вовсе не какого-то полузабытого Флика, а глаза его, Ямщикова, матери… Точно! У него же мать была! И, хватая Маринку в охапку, прижимая ее к себе, он со стыдом вдруг вспомнил про мать, жившую где-то в Ачинске, после которой остался дом на окраине, где он, после ее смерти, так ни разу и не был. Эх, мама дорогая…

— Ну чо ты, чо? — задыхаясь от бега, уговаривал он плачущую Маринку, уткнувшуюся к нему в свитер на груди. — Эх, мама дорогая! Не плачь, пойдем, Мариша, озябла, небось…

Он по-хозяйски полез ей под полушубок, чтобы проверить температуру ее тела, Маринка испуганно охнув, стала оказывать слабое сопротивление, и на

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Ямщикова вдруг от ее этого трепыхания накатило что-то такое, такое, от чего он решительно повалил Маринку в мягкий пушистый снег на котором проплешинами чернели хлопья сажи…

* * *

Над сопкой Чертова Голова вторую неделю клубился густой серый туман. Поэтому к месту предполагаемой аварии можно было добраться только на дрезине. Пока на узловой станции, особо никуда не торопясь, соображали, куда бы мог отвалить прицепной вагон, пока уговаривали добровольных спасателей, пока искали дрезину, прошли сутки. Все знали, что если после предполагаемого крушения и остался кто-то в живых, то за эти сутки ему как раз пришел каюк на крепком морозе. И поскольку ни пассажирами, ни проводником никто особо не интересовался, с дальнейшими поисками вообще решили не шибко спешить, отложив это неблагодарное занятие до весны.

Однако как раз к началу вторых суток на узловой станции появился некий майор Потапенко. С матом и расчехленным макаром он потребовал срочно подготовить подвижной состав до места крушения прицепного вагона. Хотя с виду майор был типичным пендюком, отчего-то никто не усомнился, что он может запросто влепить пулю всем желающим обождать до весны.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Добравшись до Еловой пади по ветке, построенной когда-то зэками многочисленных лагерей Сиблага, у опрокинутого вагона замерзшие спасатели во главе с майором Потапенко обнаружили уютный костерок, зимник, покрытый одеялами и снегом, внутри которого пыхтел сизым дымком выломанный с мясом вагонный титан. Возле костра сидел здоровенный мужик в стильной косухе. Сплюнув в сторону щербатым ртом, он беззлобно сказал спасателям:

— Хрены-то не отморозили на своей таратайке? Чо так долго-то? Чаю, давайте, выпейте с дороги! Тише только, у меня жена беременная уснула только что… Могли бы и раньше приехать, все-таки не май месяц, гниды!

Первым с дрезины спрыгнул Петр Волошкин, примкнувший к спасателям перед самым отходом дрезины со станции. Петр почти на ходу соскочил с поезда, совершавшего выгодный чартер Шанхай—Варшава. На перроне он хватал каждого проходящего за рукав, пытаясь узнать хоть какие-то сведения о крушении прицепного вагона, сопровождаемого его соседом по дому Петровичем, пока не наткнулся на ствол майора Потапенко. Пендюк с пистолетом решил прихватить Петю с собой, чтобы дорогой выяснить, откуда в роскошном составе Шанхай-Варшава стало известно об откате прицепного вагона от пьяного рейса до Владивостока, о чем ни словом не обмолвились отечественные средства массовой информации. Волошкин шепотом, чтобы, не дай бог, никто из железнодорожных зубоскалов не услышал, сообщил майору Потапенко, будто на разъезде 855 километр к нему явилась сама Алла. От дальнейших пояснений он категорически уклонился, выдавив из себя, что эта Алла приказала подстраховать одного пендюка и, в случае необходимости, самому выбить дрезину, чтобы, не ожидая весны, немедленно спасти «замечательного мальчика Алешу Плоткина»… Он даже не сразу сообразил, кого это она имеет в виду. Поскольку ему отчего-то никогда не приходило в голову, что у Петровича есть фамилия.

— А проводник вагона где? — спросил Волошкин мужика. — Проводник жив?

— Живой, он хворост собирает с той стороны насыпи, — безмятежно улыбаясь, ответил потерпевший. — Мы здесь… немного того… израсходовали мы здесь уже хворост. Весь.

Действительно, через пути перелез Петрович с вязанкой хвороста на горбу. Увидев дрезину, он тоже разулыбался, поправляя странный кожаный шарфик на шее. Обнявшему его Петру он тихо сказал:

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

— Спасибо, Петя, что приехал за мной! Честно говоря, уже не надеялся, что когда-нибудь вас всех увижу!

В это время с дрезины, жопой вперед, наконец, с трудом слез майор Потапенко. Поманив к себе пистолетом потерпевшего, он задушевно спросил побледневшего Ямщикова:

— Опять допустимую самооборону нарушаешь, капитан? Ну, рассказывай, где это ты еще и беременную жену подцепил.

Мужа и жену Ямщиковых доставили на ближайшую станцию уже под утро. На Ямщикову заботливый муж навялил почти все одеяла, которые удалось извлечь из завалившегося в воронку осевшего грунта вагона. Всю дорогу этот мурлот громко спрашивал жену угрожающим тоном, укоризненно глядя на запоздавших спасателей: «Ты там как, Мариш? Не замерзла?» Настолько заколебал всех этими вопросами, что до станции неслись на пределе скоростей, лишь бы спасенный мужик не полез отношения выяснять. Но жена его вроде оказалась женщиной скромной, на рожон не лезла, права не качала. Она только сопела под одеялами, норовя ухватить своего занозистого мужа то за рукав, то за полу кожаной куртки тонкими цепкими пальчиками.

Майор Потапенко всю дорогу наоборот молчал, задумчиво глядя на проносившийся мимо зимний пейзаж. Перед самой станцией он повернулся к спасеным и прокричал против ветра: «Все равно, Гриша, придется тебе опять под суд идти. Раз выжил, деваться некуда! Но ты не переживай! У меня в Военной прокуратуре земляк служит, все дела через него идут. А в Конституционном Суде у меня вообще свояк вахтером работает… Так что не переживай, прорвемся!»

Волошкин сел с Петровичем немного поодаль ото всех. Петрович сказал приятелю и собутыльнику, что у него в этом рейсе произошла самая главная в жизни встреча, поэтому он, наверно, скоро переедет из Калининграда. Или Анна переедет к нему. Пока они еще не решили. В любом случае перед отъездом-приездом они еще соберутся за солидной выпивкой и обильной закуской тесной мужской компанией… И он такого расскажет Волошкину, что мало тому не покажется. Он ему непременно расскажет всю правду о лицах, которые у них на железке цены на билеты завинчивают, а им проездные и

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

командировочные срезают. Пускай Волошкин ему не верит, но он эти лица собственными глазами видел!

* * *

От перрона отходил состав «Пекин—Москва», единственный приличный состав, проходивший через эту богом забытую дыру. В окнах вагонов уже зажглись уютные лампочки в желтых абажурах, и на вокзальную суету с любопытством пялились жизнерадостные узкоглазые лица. Только в одном купе пассажиры предпочитали не высовываться из окна, два их силуэта угадывались за полузадернутыми занавесками с эмблемой состава.

В купе на мягких диванах сидели двое. Господин Циферблатов, прослушавший курс менеджмента по кадрам в рамках реконструкции системы управления МПС где-то на Дальнем Востоке, и некий американский гражданин, по фамилии Эйтпартмэн, ехавший из Пекина на перекладных. С ним был заключен контракт на управление нашумевшей в прессе финансово-промышленной группой «Местнефть».

Листая газеты с описанием противостояния руководства «Местнефти» и прокуратуры области, он внимательно посмотрел на фото, где бывшего генерального

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

директора с изумленным, испуганным лицом сажала в «воронок» бравая прокурорша в сопровождении какого-то противного СОБРовца. Елена Вячеславовна ради такого случая, видно, сделала прическу и погладила китель, поэтому на фото выглядела даже ничего. Господин Эйтпартмэн читал длинный список обвинений, выдвинутых прокуратурой, и вытирал лысину большим клетчатым платком. Удивительно, но, очевидно, еще до ареста господин Восьмичастный написал заявление об освобождении его с поста генерального директора. И, поскольку господин Эйтпартмэн до этого около недели изучал потребительский рынок Китайской Народной Республики, можно было предположить, что и с ним был заключен контракт задолго до описываемых событий.

Господин Циферблатов при изучении менеджмента серьезно повредил ногу. Однако возвращаться к руководящей работе надо было немедленно, поэтому он так и отправился в обратный путь в гипсе. Огромный гипсовый обрубок, занимавший половину прохода, составлял определенные неудобства для американского гражданина, но поменять купе тот не пожелал, пояснив двум любезным проводникам, что делает это не только из политкорректности в отношении лиц с ограниченными физическими возможностями, но и из любви к России вообще.

Оба пассажира резко вздрогнули, когда с перрона раздался пронзительный женский крик: «Гриша-а! Гришенька-а!» Слегка отодвинув край занавески, они внимательно следили за молодой женщиной, оравшей на весь перрон. С торца здания вокзала бегом к ней протрусил огромный бугай в кожаной косухе с двумя объемистыми пакетами. Женщина тут же расцвела лицом, а мужик вынул из пакета большое красное яблоко, вытер его о засаленный рукав и принялся усиленно совать женщине в руки. Потом мужик принялся проверять билеты, которые достал вместе с многочисленными справками из-за пазухи, и начал крутить во все стороны головой в поисках каких-то путей, указанных в билетах. Женщина, хрумкая яблоко, при этом что-то сквозь смех рассказывала ему. Глупость какую-то, конечно. А тот, главное, ничего, слушал ее с повышенным вниманием, по-хозяйски натягивая ей капюшон и требуя немедленно надеть варежки.

©Книжная лавка http://ogurcova-portal.com/

Господин Восьмичастный в раздражении задернул занавески. На вокзале объявили, что пассажирский поезд на Ачинск отходит с третьего пути. И господин Циферблатов только хмыкнул.

Они сидели молча. О чем говорить? И так все было ясно. За окном старый обшарпанный вокзал медленно отплывал на восток. Будто знакомый фильм кто-то перематывал назад. Вначале медленно, а потом все быстрее, быстрее, быстрее…

Надо было снова собирать силы. И в который раз вновь придут эти трое, что только сейчас радостно воссоединились у них на глазах. Они опять только своим появлением разрушат все, созданное с таким трудом… Что же поделать с этой любовью, которая, опираясь на веру, всегда беременна надеждой? Чем же вытравить ее?

Господин Эйтпартмэн сидел в глубокой задумчивости. Хуже всего, что он вновь не чувствовал крыльев. Сколько же они будут расти? И когда брился сегодня утром, собственные глаза ему показались странными. Точно. Голубыми. Ничего пока не сделать, надо ждать. Ждать, ждать…

Из тяжких размышлений его вывел голос чесавшего гипс попутчика. Господин Циферблатов, улыбаясь чему-то, произнес вдруг высоким чистым голосом:

— Знаете, а у меня под Армавиром живет мать!

Твою мать…

Ижевск, 2001-2006 гг.